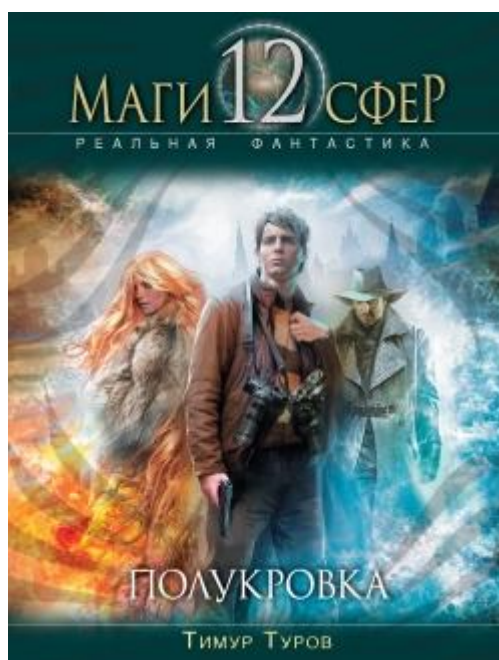

Тимур Туров Полукровка

Маги 12 сфер – 3

<http://litres.ru>

«Тимур туров. Полукровка»: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-42300-2

Аннотация

Володя Карелин, обычный московский студент, жизнь которого делится между университетом, домом, фотоделом и любимой девушкой, в один не самый прекрасный день обнаруживает за собой слежку.

Та Москва, к которой он привык, внезапно оказывается фикцией, обманом, а ее место занимает другой город, непредсказуемый и опасный, полный могущественных существ, ведущих игры, в которых Володя – всего лишь одна из фигур, и при этом – неожиданно важная.

Ему предстоит прикоснуться к тайнам нашего времени и далекого прошлого, многое потерять, кое-что приобрести и не раз выбираться из ситуаций, которые кажутся безвыходными...

Роман основан на реальных событиях.

Тимур Туров Полукровка

Роман основан на реальных событиях.

Имена героев и отдельные детали изменены. Любые совпадения имен и названий случайны.

Глава 1

Кафе было ничем не примечательно. Просто кофейня, одна из кофеен одной из многих

сетей подобных заведений огромного города. Разве что название в точности такое же, как у картины Жана Этьена Лиотара.

Зал для курящих был полупустым. Может, оттого, что завсегдатаи кофейни пеклись о своем здоровье, может, потому, что находился он на втором этаже, за залом для некурящих и в двух лестничных маршах от входа.

Молодой человек в спортивном пиджаке возник в дверях зала для курящих, оглядывая столики беглым взглядом. К нему немедленно подбежала официантка:

– Здравствуйте. Вы будете один?

– Меня человек ждет, – бесцветно ответил он и направился вглубь зала.

Тот, кто его ждал, сидел в дальнем углу у окна. Одет он был в костюм классического покроя, неброский, но дорогой. Изящное лицо с утонченными чертами, черные густые волосы, но серебристые виски. Образ дополнял галстук стоимостью восемь сотен баксов и запонки из платины с черным меланитом. Странное сочетание.

На самом деле обладатель спортивного пиджака в разговоре с официанткой покровил душой. Солидный мужчина в дорогом костюме человеком не был.

Он занял столик на двоих, сидел на диване спиной к стене таким образом, что весь зал, и вход, и лестница, и пейзаж за окном были у него как на ладони. Молодому человеку в спортивном пиджаке осталось место напротив, на стуле, спиной к залу.

Он подошел, потянул стул за спинку. Тот скрипнул. Стул оказался тяжелее, чем показалось на первый взгляд. Ножки проехали по кафелю. Обладатель классического костюма оторвался от пейзажа за окном.

Молодой человек сел.

– Двойной капучино, – все тем же бесцветным тоном сделал он заказ подошедшему официанту.

– Десерт?

– Что-нибудь легкое, где много фруктов.

Официант черкнул в блокноте и испарился. Молодой человек пристально посмотрел на мужчину. Тот ответил прямым взглядом, от которого захотелось бы спрятаться даже Святому Духу.

Но молодой человек глаз не отвел. Впрочем, был он не так уж и молод, этот человек в спортивном пиджаке. Скорее относился к тем людям, что, дойдя до какого-то возраста, перестают меняться внешне. И если по первому впечатлению к нему подходило определение «молодой человек», то при ближайшем рассмотрении оно становилось неуместным. А возраст хозяина спортивного пиджака невозможно было определить даже с погрешностью в пять лет. Скорее уж к представителю такой породы людей подходило определение «молодцеватый».

Снова появился официант. На стол с легким стуком опустилась чашка кофе и рюмка коньяка. Между ними возникли тарелочка с куском торта, украшенного фруктами, и блюдце с тонко нарезанным лимоном.

– Что за страсть к заведениям общепита? – подал голос обладатель классического костюма. Мягкий глубокий баритон.

Молодцеватый пожал плечами:

– Удобно. Здесь никого нет. Кроме того, эта сеть кафешек принадлежит человеку. Обычному человеку. Так что у этих стен нет скрытых ушей. Нейтральная полоса. И капучино мне у них нравится.

Обладатель классического костюма недовольно фыркнул и снова отвернулся к окну. За стеклом с легкой тонировкой шумела улица. По другую сторону дороги возвышалось странное архитектурное сооружение с вывеской «Ереван плаза», дальше высился еще более оригинальный образец современной архитектуры, внутри которого затаились вездесущие налоговики. Чуть в стороне от этого безобразия торчала часовня, будто предлагая хозяевам «Ереван плазы» и налоговикам дружно топтать замаливать грехи. Но мужчина с серебряными висками и платиновыми запонками смотрел на все это так, словно видел там что-то совсем

иное.

– Дрянное место, – выдавил он наконец.

Молодцеватый в спортивном пиджаке передернул плечами:

– Ты пришел, чтобы критиковать мой вкус, Даргри?

Тот, кого называли Даргри, поморщился и поправил безупречный узел галстука. Это не укрылось от его собеседника.

– Не нервничай, здесь никому нет до тебя дела. Нейтральная полоса.

– Я не верю в нейтральные территории так близко от источника, Стефано.

Даргри поежился, хотя в помещении было жарко. В тонких холеных пальцах возникла коричневая, как мулатка, сигарилла. Щелкнула зажигалка, заплясал нервно огонек, затлел шоколадный кончик сигариллы. Мужчина затянулся и пригубил коньяк.

Обладатель спортивного пиджака между тем налегал на торт с фруктами. Родители дали ему имя Степан, и итальянское произнесение ему категорически не нравилось. Однако вбить это в голову Даргри не получалось. Тот хоть и был коренным москвичом, выпячивал итальянские нотки при любой возможности. И делал это с тем же рвением, с каким Степан беспокоился о своей русскости.

– Ты знаешь что-нибудь о кровосмешении? – поинтересовался Даргри.

– Что-то знаю, – кивнул Степан и отхлебнул кофе.

– Огородники-любители покупают в магазине перец. Крупный, красивый. Они съедают его, берут семечки и сажают на огороде. Потом это прорастает, и результат вызывает удивление. Где та красота? Где тот невероятный размер и совершенство формы? Сажали семя от большого и красивого, выросло мелкое и убогое.

Даргри глубоко затянулся и выпустил немаленькое облако дыма. Его собеседник прикончил остатки торта и со вкусом тянул кофе из чашки.

– Все одноплеменное постепенно вырождается. Но если влить свежей крови, со стороны... пусть даже оба родителя не самые лучшие представители своего вида, результат их связи может быть весьма и весьма интересен. Никто не знает, насколько ярко и буйно прорастет это потомство, но то, что оно будет неординарно...

– Ты решил рассказать мне про старика Менделя? – ядовито поинтересовался Степан.

– Нет, – окрылся Даргри, но тут же сбавил обороты. – Тебе не надоело корчить из себя идиота?

– Хочешь серьезно? – голос Степана снова потускнел. – Тогда говори со мной серьезно. Я не кокер-спаниель, я чуть-чуть умнее.

Даргри помялся, потом решительно придавил в пепельнице остаток сигариллы, допил коньяк и подался вперед.

– Хорошо. Мне нужна твоя помощь. Но это давний проект. Потому тебе придется придержать свою желчь и послушать молча.

Степан слегка кивнул, и Даргри заговорил.

О чем беседовали эти два странных господина в углу кафе «Шоколадница», не слышал никто. Разговор длился не больше получаса. Потом двое попросили счет и вышли, не дожидаясь сдачи.

Мужчина в дорогом костюме сел в черный, наглухо тонированный «Лексус», взял разгон, свернул на третье кольцо и через минуту растворился в бесконечном потоке машин.

Обладатель спортивного пиджака купил пачку «Холодка» в табачном ларьке, сунул освежающую белую таблетку в рот и, прыгая через три ступеньки, скрылся в подземном переходе. Через полминуты он возник на другой стороне улицы, чтобы затеряться среди москвичей, идущих к станции метро «Тульская».

Если во всем этом и было что-то необычное, то никто этого не заметил.

* * *

Ночью опять завывала сирена. Мерзко, на одной ноте. Словно кругом война и совсем

рядом бомбежка. Володя спал плохо. Снилось всякая ерунда, а на грани сна и яви выло и выло. Потому, когда в семь утра заверещал будильник, встал сразу, но с больной головой.

Умылся и оделся на автопилоте. Пока чистил зубы и брился, в зеркале копировала каждое движение симпатичная, хоть и невыспавшаяся физиономия. Карие глаза, выющиеся каштановые волосы, которым завидовали девчонки в университете, правильные черты лица. Стройная крепкая фигура, широкие плечи – несколько лет занятий спортом не прошли даром.

Поход в ванную комнату бодрости не прибавил. Утро вообще всегда было сонным и проходило «на автомате». Володя вставал в полудреме, одевался, собирался. Иногда выныривал из дремотного состояния за завтраком, когда папе или маме приходило в голову пообщаться с ним.

На кухне стоял пряный дух. Мама жарила яичницу с помидорами и луком. Помимо привычных ингредиентов она добавляла туда хитрую смесь приправ, отчего студенческое блюдо приобретало пикантный вкус.

Папа читал какую-то распечатку, усиленно размешивая в чашке сахар, который, наверное, давно растворился. Сколько Володя помнил, отец всегда садился за стол с пачкой исписанной или оттарабаненной на машинке бумаги. Позже эти пачки сменились принтерными распечатками. Только суть не менялась. Папа всегда сидел с карандашом над своей ли, чужой ли статьей, диссертацией, курсовой, дипломной или еще какой работой. Причем эта околоисторическая околонаучная писанина имела весьма взрывоопасный характер, она намертво разрушала связь папы с внешним миром.

– Доброе утро, – улыбнулась мама от плиты.

Папа не пошевелился, если не считать руки, скребущей ложечкой по доньшку чашки.

– Доброе. – Володя сел к столу и принялся уминать заботливо подставленную яичницу. Сегодня завтрак проходил в тишине. Папа был занят, Володя пребывал в состоянии полудремы, а мама, видимо, решила не беспокоить обоих.

И вдруг отец оставил в покое ложку, бросил распечатку на стол и вбуравился пальцами в виски.

– Черт знает что такое! – проворчал он. – Одни кретины придумывают сложные темы, другие берут их в разработку для курсовой. А всплески маразма читает потом Игорь Анатольевич.

– Не сердись, Игорь Анатольевич, – подмигнул папе Володя. – Лучше кофе выпей, а то остынет.

Папа поглядел на него так, будто только теперь заметил присутствие сына на кухне. Осушил чашку и снова уткнулся в чужую курсовую.

* * *

Сборы были недолгими. Хотя по утрам Володе смертельно хотелось спать, дом он покидал всегда быстро. Десять минут на завтрак, три на то, чтобы побросать вещи, обуться и, накинув куртку, выскочить на лестницу.

В лифте воняло дешевым парфюмом. Видно, тут только что побывал кто-то из соседей мужского пола, надушившийся до невозможности. Морщась от убийственного запаха, Володя спустился на первый этаж и выскочил на улицу.

Возле подъезда Петрович возился со своим драндулетом. Сколько Володя себя помнил, Петрович всегда с ним возился среди кучи машин, раньше только отечественных, а потом и иномарок. Они ездили, разбивались, гнили, менялись на новые. Только у Петровича была все та же «копейка», которая навсегда, казалось, встала на прикол у подъезда. И старик вечно холил и лелеял свою «ласточку».

«Копейка» выглядела гладкой, свежей, чистой и ухоженной в любую погоду. В осеннюю слякоть она сверкала. Зимой с нее всегда был сметен снег, даже если он валил всю ночь и окрестные авто превращались в сугробы.

Место, где она стояла, словно застыло во времени и не менялось с последних дней советской империи. Петрович даже сигнализацию на нее поставил. Странную, самобытную и абсолютно ненужную, потому как среди «Шкод», «Хендаев», «Шевроле», «Пежо», «Фордов» и более серьезных иномарок угонять «копейку» решился бы только маразматик.

– Здравствуйте, – сказал от подъезда Володя.

– Привет-привет, – не вылезая из-под капота, отозвался Петрович.

– Это ваш агрегат всю ночь завывал?

Володя подошел ближе. Петрович вынырнул на свет божий и протянул руку. В другой он держал промасленную тряпицу. Володя ответил на рукопожатие, поражаясь чистоте ладони. Когда только старик успел ее обтереть?

– Моя ласточка, – кивнул Петрович. – Она чуткая, если какой паразит сунется, сразу реагирует.

– Анекдот знаете? – улыбнулся Володя. – Это не потому сигнализация сработала, что в машину бутылкой кинули, а в машину бутылкой кинули потому, что сигнализация сработала.

Петрович вежливо гыгыкнул, хотя было видно, что шутка ему не понравилась.

– Вы бы настроили ее, что ли, – посоветовал Володя, чувствуя, что зря подшутил над стариком, явно тронул за больное. – А то и в самом деле кто-нибудь чем-нибудь кинет.

Петрович рассеянно улыбнулся и развел руками. Над капотом старой, простенькой, вылизанной до блеска советской машинки, стоявшей среди грязных иномарок, этот жест был особенно красноречив. Словно старик замер в растерянности над руинами светлого коммунистического дворца среди грязи хищно скалящегося капитализма.

Готовый кадр.

– Замри, – попросил Володя, теряя субординацию, скинул на асфальт с плеча сумку и расчехлил фотоаппарат.

Аппарат тихонько зажужжал. Палец тронул переключатель, запуская режим репортажной съемки. Кадр Володя поймал по наитию. Нажал на кнопку. Фотоаппарат принялся отщелкивать кадр за кадром.

Володя перехватил машинку, меняя ракурс. Взгляд упал на видеоискатель. Припаркованная у подъезда «копейка». Петрович. Дальше через дорогу двор: детская площадка, окруженная газоном, и невысокие, чуть выше колена, металлические оградки, чтобы отрезать путь желающим поставить на газон свое авто. У одной из них стоял мужчина лет пятидесяти, крошил хлебный мякиш, подкармливая грязных бесхозных голубей, и беззастенчиво портил своим присутствием кадр.

– Сместитесь, пожалуйста, – не совсем внятно попросил Володя.

Но мужик понял и не споря отошел в сторону. Парень снова повернулся к Петровичу. Старик побледнел и странно косился на мужика с мякишем. Кадр был испорчен.

– Вы чего? – испугался за Петровича Володя.

Тот мотнул головой.

– Ничего, – улыбнулся вымученно. – Возраст.

Он промокнул выступившую на лбу испарину заляпанной маслом тряпочкой и поспешно, как показалось Володе, уткнулся в мотор.

Володя поглядел на птичьего кормильца, но того рядом уже не было. Ушел.

* * *

В университете все шло своим чередом. Сонные студенты дремали на нудной лекции. Выспавшиеся хохмили на задних столах. Смешками и шуточками привлекали к себе внимание уставшего от жизни препода. Тот гневно супил брови, ярился и обещал показать хохмачам на экзамене кузькину мать.

Такая ситуация устраивала всех. Лектор давал выход эмоциям, выплескивая весь негатив, скопившийся от недовольных жены и начальства, сына-оболтуса, мизерной

зарплаты и опостылевших студентов. Основная масса могла спокойно подремывать, не боясь, что ее настигнет кара в виде мифической кузькиной матери. А хохмачам в общем и целом было побоку.

Володя, пока добирался от «Крылатского» до «Выхино», успел покемарить. Из метро выходил на автопилоте и окончательно проснулся только к третьей паре. Перерыв между второй и третьей парами был большим, и он решил выпить чаю.

Университетская столовая напоминала Петровича и его «копейку», она словно застыла во времени. Володя бросил рюкзак на стул у столика в углу и пошел к стойке. Меню было скучным и скудным. Он взял стакан жасминового чая из пакетика и пару пирожков с капустой, благо капустой отравиться труднее, чем неведомым зверем, попавшим в начинку пирожка с мясом.

Когда вернулся к столику, там уже ждали. На стуле, соседствующем с тем, что был оккупирован Володиным рюкзаком, развалился Андрюха Потапкин. На столе перед ним стояла початая бутылка «Клинского».

– Пиво будешь? – бодро спросил Потапкин, кивая на бутылку.

Володя покачал головой:

– Еще две пары.

– Похрен, – беспечно отмахнулся Андрюха.

Володя отхлебнул чаю. Кипяток огнем опалил язык. Володя отставил стакан и со злостью вцепился зубами в пирог с капустой. Потапкин, казалось, ничего и не заметил. Опрокинул бутылку и захрустел сухариками.

– И все-то тебе похрен, – пробурчал Володя, уплетая пирог. – Ты сегодня уже один раз досмеялся до неприятностей.

– Зануда, – усмехнулся Андрюха. – Ну, пообещал мне политолог кузькину мать. Хрущев доморощенный. Ну и что? Чего он мне сделает? Максимум – на экзамене завалит.

– Вылететь не боишься? – поинтересовался Володя, запивая слегка остывшим чаем остатки второго пирога.

– Не-а, – Потапкин одним долгим глотком осушил ополовиненную бутылку, лихо грохнул тарой по столу.

Смешной он. И парень хороший, но балбес. Ведет себя черт-те как. Преподавателей постоянно провоцирует, нарывается на неприятности. Лекции вечно пропускает мимо ушей. Сидит за задним столом и ржет по поводу и без. Но не дурак. При всем при том экзамены как-то сдает. И голова у него работает.

– Слушай, – заинтересовался вдруг Володя. – А зачем тебе универ? Тебе ж вся эта учеба не нужна.

– «Корку» хочу, – пояснил Андрюха. – И в армию не хочу. А сам ты чего тут забыл?

– Учусь, – пожал плечами Володя.

– Вовка, хорош заливать, весь поток знает, что у тебя на уме один твой фотоаппарат. Экономика тебе до лампочки.

– Ну-у, – протянул Володя и поднялся из-за стола. – Пошли, три минуты до звонка.

– Ты не нукай, ты на вопрос ответь, – прицепился Потапкин. – Мог бы перевестись, раз тебя так фоткать прет, и учиться на фотографа.

– У нас в стране на фотографа не учат.

– Учат, – отрезал Андрей.

– Ну, поступил уже, – пробормотал Володя. – Надо доучиться. Не бросать же. И маме обещал.

Потапкин заржал. Володя потупился.

– Маме обещал, – передразнил Андрюха. – Тютя.

– Да иди ты, – разозлился Володя и, оставив за спиной хохмача, поспешно зашагал к аудитории.

К дверям подошел, когда зазвенел звонок, на минуту раньше преподавателя. Уселся в угол, уткнулся в тетрадь и сидел надутый, как мышь на крупу.

Злость утихла так же быстро, как и вспыхнула. Сердиться было глупо. На правду не обижаются. А Володя и сам прекрасно знал то, о чем шушукался весь поток. На экономический он поступил не по зову сердца и даже не по расчету, как Андрюха. Просто после школы плохо представлял, куда дальше двигаться по жизни. Воспользовавшаяся этим мать подкинула идею с экономическим вузом. Дескать, менеджер ты или маркетолог – не важно, а все близко к торговле. И раз страна живет продажами и перепродажами всего подряд, значит, любая экономическая профессия полезна.

Папа с мамой согласился. Володя тоже спорить не стал. Просто пошел и сдал экзамены. Поступил он с первого раза и бесплатно, несмотря на приличный конкурс. Учился спокойно, уверенно. Но радости этот процесс не вызывал.

Перестали приносить радость и занятия в школе карате, на которые угрожал семь лет. Детский восторг от махания руками-ногами давно угас. В спорте Володя себя не видел, а заниматься по инерции еще и карате надоело. Этой инерции хватало в жизни и без секции. Интересы не хватало. Азарта. Страсти.

Страсть загорелась в нем неожиданно.

Это было на втором курсе. Из очередной заграникомандировки приехал дядька, которого он видел раз в несколько лет, и привез в подарок фотоаппарат. «Никонскую» зеркалку. И началось.

Фотография захватила Володю неожиданно, но окончательно и бесповоротно. Он щелкал все подряд. Самостоятельно постигал тайны цвета, света и тени, построения кадра. Прошло некоторое время, прежде чем из сделанных кадров он начал вычленять такие, за которые не было стыдно. А фотография тем временем стала занимать все большую и большую часть его жизни.

Еще в детстве, вместе с дедом разглядывая листочки и букашек, он научился восторгаться красотой в самых простых ее проявлениях. Но если раньше молча радовался этому наедине с собой, то теперь, с фотоаппаратом, мог донести свое видение красоты в обыденности до всех. И это завораживало.

Мама с папой к этой страсти относились сдержанно. Успехам сына, конечно, радовались, но эйфории его не понимали. Мама прагматично считала, что фотограф – это не профессия, папа молча с ней соглашался. А Володя продолжал учиться, чтобы не нагнетать конфликт, хотя экономистом себя не видел. Скучные менеджеры, зажатые в рамки установленного дресс-кода, вызывали уныние. Каждое утро они затягивали удавку галстука на шее, натягивали улыбку, накидывали лямку и существовали с девяти до восемнадцати с перерывом на обед, ненавидя это существование, но смиряясь с ним из-за пачки сомнительных благ.

Володя загонять себя в рамки не хотел. Все это, называемое за глаза «офисным планктоном», было ему глубоко отвратительно. Но при этом с фактом учебы, которая неминуемо должна была закончиться превращением в такой планктон, смирился и не спорил. Может, оттого, что боялся, а может, потому, что расстраивать никого не хотел. Так или иначе, видение его жизненного пути у него и у его родителей было разным. И то соглашение, которое молчаливо возникло между ними по этому поводу, было скорее затишьем перед бурей.

А в том, что буря на подходе, Володя не сомневался. Она уже рокотала маминым недовольством по поводу того, что он устроился на работу. И не по специальности, а в одну из мастерских «Кодак». Родители считали это глупостью. Мама ворчала, что он еще пожалеет потом об упущенном времени. Но давить открыто не рискнула, а только аккуратно каждодневно капала на мозги: мол, вместо фотомастерской можно найти место поприличнее, и к концу учебы в университете иметь не только «корку», но и некоторый опыт работы по специальности.

Он вздохнул, возвращаясь мыслями в аудиторию. Что-то гундосила лекторша, сухоощавая тетка с желчным взглядом. Интересно, они все так жизнью не удовлетворены, что ли? Откуда эта злость на все и всех во взгляде? Бывают же отдельные преподаватели,

которые светятся изнутри. Вот его папа, например. С другой стороны, папа помешан на своей работе, а тетке, что читает лекцию, скучно. Как там ее?

Володя вдруг четко осознал, что не помнит имени преподавательницы. Об стол что-то ударилось, выводя из раздумий. Володя вздрогнул и уставился на прилетевший невесть откуда колпачок от ручки. Взгляд с колпачка метнулся в сторону. Там, пригнувшись к столу, сидел Потапкин и пиялился на друга с заговорщицким видом.

– Ты чего после пары делаешь? – зашептал он так громко, что запросто мог бы разбудить этим шепотом десятков покойников.

– С Ольгой встречаюсь, – одними губами отозвался Володя.

– Айда с нами в парк.

– Молодые люди, – вклинилась лекторша. – Вот вы, на «камчатке». На следующем занятии у вас семинар. И вас двоих я запомнила.

* * *

С Ольгой Володя познакомился на дне рождения у кого-то из общих знакомых. Увидел и влюбился с первого взгляда. В ней не было амбициозности, расчетливости и стервозности московских девчонок. Ни капли гламура и понтов. Она была естественна и умела себя держать как-то особенно, с сочетанием скромности и достоинства.

У нее отсутствовала глянцева красота, но она была определенно красива, и в каждой черточке сквозила мягкость домашнего уюта. И улыбка была сказочной. И глаза лучились чистотой, хоть и возникали в них порой дьявольские искорки. С такой девушкой хотелось завести семью и нарожать детей. Впрочем, Володя этого тогда не понимал, скорее, чувствовал что-то интуитивно. Ольга, хоть выглядела по поведению старше большей части шепутной компании, оказалась на год младше.

Тогда она засобиралась домой рано. Узнав, что ее никто не провожает, Володя с радостью сбежал, не дожидаясь конца пьянки, и проводил до подъезда. Наедине тем для разговоров почему-то не нашлось, хотя проблем в общении с противоположным полом у него никогда не было. Но и того чувства, которое разгоралось при одном взгляде на эту девушку, он прежде ни к кому не испытывал.

На другой день Володя пригласил ее в кино. Тот фильм стал первым совместным впечатлением и первой общей темой. А от этой темы заплясали другие, и стало легко и хорошо. Откуда и как взялась эта легкость, они не понимали, да и не думали. Не нужно им было копаться в причинах и следствиях.

А потом сами собой завертели отношения, лишённые той легкомысленности, какой грешили все предыдущие Володиные интрижки. С тех пор прошло чуть больше полутора лет.

На работу его ждали сегодня к пяти часам, и между последней третьей парой и этими пятью часами была масса времени. Это время они с Олей договорились провести вместе. А вот где, не решили, потому Володя легко принял приглашение Потапкина. Ольге всегда нравились его однокурсники. Особенно молчаливый, вечно уткнувшийся в себя, но не пропускающий ни одной пьянки Гоша и разудалый Андрюха со своими шуточками.

Потапкин хохмил всегда, причем опасно, балансируя на грани приличий. Позволял себе легкую похабщину, при этом никогда не скатывался в откровенную пошлость. Как ему удавалось удерживаться в рамках, которые отделяют джентльменов и примкнувших к ним не совсем джентльменов от скотов и хамов? Загадка. Володя считал, что в этом плане у Потапкина врожденный талант.

Ольгу Андрюха развлекал так, как Володя не позволил бы себе никогда. При этом на девушку друга Потапкин не посягал даже в мыслях, для него это было табу. Что тоже вызывало уважение и благодарность.

Парк располагался неподалеку от университета, в Кузьминках. Всего несколько остановок на автобусе – и вот вам, пожалуйста, клочок природы в окружении цивилизации. Впрочем, природы не покоренной, но взнузданной, с тропинками, урнами и лавочками. Одну

из этих лавочек и оккупировала шумная компания с пивом, смехом и потапкинскими шуточками.

Ольга хохотала, Андрюха был в ударе. Мрачный Гоша устроился с краешка и с обреченностью фаталиста грыз сухарики. Володя присел с ним рядом. Пива ему не хотелось, в парк он пришел не за укупоренным в бутылку хмелем, скорее за кусочком скоротечной золотой осени.

Он расчехлил фотоаппарат, сделал несколько снимков.

Потапкин с бутылкой и перекошенной рожей, что-то рассказывающий в лицах. Володя искренне завидовал его непринужденной и удивительно яркой мимике.

Ольга. Глаза блестят от пива, что добавляет ей дерзости и делает еще более красивой.

Мизантроп Гоша. Ложка мрачности в бочке веселья.

Вся компания целиком. Восемь человек, собравшихся в одном месте.

Володя уже давно заметил, что периодически воспринимает окружающее картинками. Мир вдруг теряет целостность и превращается в раскадровку. Когда произошла эта перемена? Он не смог бы ответить точно. Но это видение кадрами стало чем-то самым собой разумеющимся, закрепилось, превратившись в неотъемлемую его часть.

Фотоаппарат щелкнул еще пару раз. Володя по инерции поулыбался, соскользнул с лавочки и побрел в сторону от шумной компании.

Ему хотелось остаться наедине с лесом. И пускай в парке это было невозможно, хотя бы иллюзию этого он получить мог.

Золотая осень. Бабье лето. Как ни назови. Это что-то сродни улыбке умирающего старика. В этом есть нечто ласковое, лучшее от этого живого мира, и нечто бесконечно ледяное от того, которого никто не видел. Прозрачный прохладный воздух. Черные стволы, осыпанные золотом листьев тропинки. Удивительно желтые листья – остатки былой роскоши. И сладкий запах прелости. Приятный и отталкивающий одновременно. Образ собрался в голове, отдался где-то внутри ощущением грусти и вечности.

Володя отошел в сторону от тропинки и снова защелкал фотоаппаратом. Настроение было, природа была. Оставалось только сложить то и другое вместе и запечатлеть в фотографии. Целостность мира снова развалилась на кадры. Но парадокс заключался в том, что в каждом из них крылась теперь эта целостность.

Он самозабвенно отщелкивал пейзажи, не обращая внимания на то, что в кадр попадали люди. Потом вдруг ловил что-то под ногами и переходил на макросъемку. И снова возвращался к пейзажу.

Сзади прошлестели шаги. Что-то легонько легло на плечо. Володя обернулся. Ольга стояла перед ним в светлой короткой куртке, легком, прозрачном, как воздух, шарфике и с охапкой кленовых листьев в руках.

– Ты чего меня бросил? – она наигранно надула губки.

Бесподобно красивая, как сама осень. Володя подхватил камеру и быстро поднес палец к губам.

– Ты удивительная.

Щелкнул фотоаппарат. Ольга рассмеялась, и он поспешил сохранить ее смех.

– Я тебя люблю, – она притянула его к себе и чмокнула в нос.

Назад они возвращались вместе, держась за руки. Неторопливо, загребая ногами листья. Володя чувствовал, как внутри разливается ощущение покоя.

– А вы знаете, как раньше наш универ назывался? – донесся издалека голос Потапкина.

– ГАУ. Государственная академия управления. Потом в университет переименовали, получилось ГУУ, – похвалился познаниями Валька Саушкин.

– А вот и ни фига! – взвился Андрюха. – Сперва его переименовали в Государственный университет менеджмента. Даже остановка автобусная называлась «ГУМ». Но из-за ассоциации с универмагом снова переименовали.

Слушатели засмеялись. Валька насупился:

– Свистишь.

- Гадом буду, – пообещал Потапкин.
- Конечно, будешь, – весело поддел Володя.

* * *

Фотомастерская, в которой он работал, располагалась рядом с метро «Новокузнецкая». Не ближний свет, что от «Крылатского», что от «Выхино». С другой стороны, для того, кто тратит на дорогу от дома до университета полтора часа в одну сторону, не такой большой крюк.

Володя утешал себя тем, что в метро можно почитать. Где еще выкроить полтора часа на чтение? За книгой дорога пролетала быстро.

Сегодня на работу вошел, уткнувшись в «Карту Птолемея» Герца Франка. От книги смог отвлечься уже внутри, чуть не сбив напарника.

– А под ноги смотреть? – усмехнулся тот.

Володя извинился, поздоровался и включился в трудовые будни. Книжка легла на стол, рюкзак был пристроен на полу. Напарник бросил взгляд на обложку:

– Хорошо хоть не Донцова.

– Обижаешь, – отозвался Володя. – Профессиональная литература... почти.

– Сойдет за самообразование, – отмахнулся напарник. – Ты опоздал.

Володя покосился на часы:

– На пять минут.

– Скажи спасибо, что Саныча не было, – подытожил напарник.

Володя кивнул. Владлен Александрович как начальник был милостив и всегда открыт для конструктивного диалога. Но кое в чем имел жесткую советскую закалку. Так что опоздание на работу у него приравнивалось к одному из смертных грехов. И в паршивом настроении Саныч мог запросто отправить опозданца писать заявление «по собственному». Володин предшественник так с работой и попрощался.

Взгляды начальства Володя в общем и целом разделял, пока они не касались его самого. Тогда в голову закрадывались подленькие мыслишки о придирках начальника, отговорки и оправдания. Однако ему доставало ума, чтобы держать свое мнение при себе. Или недоставало смелости, чтобы выплеснуть все это на голову начальника.

Работа захватила Володю, вышибая все посторонние мысли, и он прокрутился до позднего вечера, принимая заказы, отправляя на печать картинки из чужих жизней и возвращая готовые фотоснимки.

Занятие, которое кому-то могло показаться рутиной, занимало его ничуть не меньше, чем страсть к фотографии. Собственно, работа в «Кодаке» и была ее частью. И он учился. На плохих непрофессиональных снимках – тому, чего делать никогда не стоит. На редких серьезных работах – всему остальному.

Впрочем, были и иные причины. Например, меркантильные. Володя время от времени задерживался на работе и распечатывал свои снимки. Как говорил один сатирик: «Что охраняешь, то имеешь».

Владлен Саныч так и не появился. Напарник ушел в семь. Мастерская закрывалась в девять, но сегодня он надолго задержался. Сперва раздавал заказы припозднившимся клиентам, потом занялся своими снимками.

Фотографий накопилось много. Сегодняшние из парка, и еще множество разрозненных кадров. Так, по мелочи. Плюс к этому снимки с фотовыставки, на которой он был с Ольгой еще неделю тому назад. Выставка проходила в Музее современного искусства у Патриарших и чувства вызвала двоякие. С одной стороны, там была представлена масса достойных и интересных работ, с другой, среди них пестрели и откровенно дрянные, но имена авторов и эпатаж делали их чуть ли не центральной темой всей выставки. Это удручало.

Пачка отпечатанных фотографий получилась довольно внушительной. Володя поглядел на часы. Половина одиннадцатого. Надо бы ехать домой, мама будет волноваться.

Но соблазн перебрать получившиеся кадры прямо сейчас был настолько велик, что он не смог удержаться. Вот только маму нужно предупредить.

Володя взял трубку радиотелефона и принялся нажимать на кнопки.

– Алло, – глухо отозвалась трубка.

– Мам, это я, – Володя извернулся, прижимая трубку ухом к плечу, и принялся перебирать фотографии.

– Где ты до сих пор? – со смесью заботы и усталости поинтересовалась мама.

– На работе.

– Вовка, твоя работа закончилась полтора часа назад. Тебе завтра в университет с утра.

О чем ты думаешь?

– Ма, я выхожу уже почти... Задержался немного. Были дела. Я...

– Езжай домой. Там поговорим, – голос матери стал металлическим.

– Мам...

Володя хотел объяснить, но трубка заплакала короткими гудками.

– Черт! – трубка чуть не выскользнула.

Володя попытался перехватить ее. В результате вместо телефона на пол пестрым водопадом полетели глянцевые картинки.

– Черт! – с досадой повторил он, поставил трубку на базу и, присев на корточки, принялся собирать фотографии.

Настроение было испорчено. Внутри закипало желание раз и навсегда расставить точки над «и», которое он вечно сдерживал, понимая, что тогда придется переругаться с родителями.

Снимки перемешались, и восстанавливать последовательность было делом не пяти минут. Придется разгребать дома. И смотреть, что получилось, тоже придется не здесь. Иначе он застрянет еще минут на тридцать-сорок, а это уже верный повод для скандала.

Стараясь делать это по возможности аккуратно, он собирал фрагменты последней недели своей жизни и других жизней, соприкасающихся с его. Внутри сидела обида. Хотелось спорить, но спорить было не с кем. А по дороге до дома все это перегорит, и он снова будет играть в политкорректность.

Рука дрогнула. Что-то на лежащих рядом снимках показалось странным. Он замер, пытаясь понять, что привлекло внимание. На одном, сделанном сегодня утром в Крылатском, стоял возле своей «ласточки» Петрович. На соседнем, сделанном сегодня днем в Кузьминском парке, улыбалась Ольга. Ничего общего в этих фотографиях не было. И все же – было.

За спиной Петровича в кадр попал невысокий мужчина. Совершенно неприметный, без единой яркой черты. Володя вспомнил, что утром этот мужик кормил голубей, вклинившись в кадр и испортив его, а потом вдруг пропал так же незаметно, как и появился. И этот же мужик прогуливался по Кузьминскому парку за спиной у смеющейся Ольги.

Володя застыл, вглядываясь в снимки. Мужик не прятался, смотрел в камеру, словно наблюдал за фотографом. Немолодой, лет пятидесяти или даже за пятьдесят. С легкой проседью. Дополнял образ длиннополый плащ. Ошибки быть не могло – на двух фотоснимках было один и тот же человек.

Не заботясь больше об аккуратности, Володя сгреб фотографии и вместе с небрежной, ставшей похожей на расхристанный кочан капусты, пачкой снимков уселся в кресло.

Странное совпадение. Невозможное. На двух кадрах, сделанных в разное время в разных концах огромного города, был запечатлен один и тот же незнакомый человек. Если учесть население Москвы и добавить к нему гостей столицы, то вероятность такого совпадения была близка к нулю.

Отложив два снимка в сторону, Володя принялся перебирать оставшуюся пачку. Художественная ценность материала его сейчас занимала не слишком. К середине стопки он начал убеждать себя, что совпадение все же случайно. Странного мужика не было более ни на одной фотографии, сделанной в парке. И на утренних снимках он оказался лишь

единожды.

Но иллюзия длилась недолго. Еще через десяток снимков Володю пробил холодный пот. Эта фотография была сделана на выставке в Московском музее современного искусства. На первом плане был известный фотограф, раздающий автографы, а чуть позади стоял, как ни в чем не бывало, тот же дядя. Здесь он попал в кадр в профиль и одет был несколько иначе, но оказался вполне узнаваем. Настолько, что сомнений, если они еще и были, не осталось совсем.

Володя судорожно сглотнул и принялся вновь перебирать снимки. Один и тот же мужик обнаружился в общей сложности на четырех фотографиях, сделанных в разное время в разных местах. В такие совпадения мог бы поверить только наивный до идиотизма человек. Володя себя таким не считал.

Значит, не совпадение. Но кому и зачем понадобилось за ним следить? То, что следят за ним, также не вызывало сомнений. Люди менялись от снимка к снимку, но во всех местах, где он запечатлел этого дядьку, постоянно встречались только двое: неизвестный мужчина в кадре и он, Володя, который держал фотоаппарат.

В голове закрутились события последних месяцев. Он пытался припомнить, чем и где мог привлечь к себе чужое и столь пристальное внимание, но тщетно. Ничего предосудительного он не делал. Ничего выдающегося тоже. Тогда что все это значит?

Ответа не было, зато резко затрещал телефон. Володя подпрыгнул, чертыхнулся и схватил трубку. И только потом сообразил, что мастерская уже давно закрыта, а по личным вопросам сюда никто никогда не звонил. Саныч не разрешал разглашать служебный номер, считая, что на то он и служебный, чтобы по нему решали только рабочие вопросы.

– Алло, – буркнул он в трубку.

– Это «Кодак»? – голос был истеричный, но знакомый, что успокоило всколыхнувшиеся было нервы.

Этажом выше располагалась квартира, жительницу которой раздражал шум кондиционера в мастерской. И если тот работал хоть минуту после девяти вечера, можно было смело ждать звонка и истерики с угрозами. Нервная жительница верхней квартиры то обещала дойти до Лужкова, то грозилась написать заявление в прокуратуру, то пророчила мордобитие хамам из «Кодака», вот только сын из армии вернется. Угрозы чередовались в зависимости от настроения, а настроение у нее оставалось поганим всегда, разве что оттенки менялись.

– Нет, – быстро ответил Володя. – Это опорный пункт номер шестьдесят девять. Старший лейтенант Еропкин.

Трубка озадаченно замолчала. Володя быстро сказал «до свидания» и отключился. Сунул фотографии в конверт, запихнул его в рюкзак. Туда же бросил «Карту Птолемея». Через минуту телефон зазвонил снова, но он не стал подходить. Выключил кондиционер, погасил свет и вышел.

На улице было темно и прохладно. Сентябрь – не июнь. Володя огляделся и пошел к метро. Змеились трамвайные рельсы, за деревьями в сквере галдели любители пить пиво на лавочке.

Зачесалась спина, словно кто-то сверлил ее взглядом. Ощущение было невыносимым, и он невольно оглянулся. Сзади метнулась тень – кто-то свернул во двор, торопясь домой?

Володя зашагал быстрее. У метро вечная суматоха, там проще потеряться, даже если за ним и вправду кто-то следит. Сейчас эта мысль не казалась такой бредовой, как в первый момент.

Он еще прибавил ходу, пролетел через стеклянные двери, на ходу доставая метрошную карточку. Турникет пискнул, повинаясь электронному сигналу, и вспыхнул зеленый свет. Володя метнулся на эскалатор и запрыгал вниз через три ступеньки. Подмывало оглянуться, но с выбранным темпом на эскалаторе это было небезопасно.

Лестница кончилась, он отпрыгнул от нее, как от батута. Метнулся сквозь прущую навстречу толпу с какими-то тематическими футбольными шарфиками. Вломился в уже

закрывающиеся двери вагона, и только когда за спиной хлопнули резиновыми накладками металлические створки, обернулся и посмотрел на платформу. Если там и был кто-то, желающий за ним проследить, то разглядеть его Володя не успел.

Поезд набрал скорость и нырнул в тоннель. Володя выдохнул и полез в рюкзак за книжкой рижского кинодокументалиста Франка.

* * *

Книжка увлекла настолько, что, не отрываясь от нее, он преодолел два перехода и почти доехал до дома. Герц Франк рассказывал на страницах «Карты Птолемея» о своем сокровенном мире и делал это настолько ярко, что вырваться из него в реальность было невозможно.

Звуки и ощущения вторглись в этот иллюзорный мир как-то разом. Механическое: «Осторожно, двери закрываются, следующая станция «Молодежная»», хриплый нетрезвый голос мужика, что сидел напротив и последними словами поносил жену, пытавшуюся его урезонить, и ощущение, что на него кто-то смотрит.

Стараясь не привлекать к себе внимания, Володя медленно повернул голову и оглядел вагон. Никого, кто мог бы показаться хоть смутно знакомым, он не обнаружил. Пассажиров немного, время позднее. И никому нет до него дела. Но ощущение не оставляло.

Володя снова повел взглядом по лицам. Целующаяся парочка. Основательно целующаяся. Еще немного и можно будет снимать порноролик. Подремывающий парень, вида интеллигентного, но явно переборщивший с выпивкой. Четверо гогочущих недочеловеков в шарфах. Футбол, что ли, сегодня какой-то, что их столько по метро шастает? Девушка, листающая Пауло Коэльо. Модная девочка, модный автор. Два грязных мужика в синих промасленных костюмах ремонтников. Пьяный громогласный дядька, почти переставший гнобить успокаивавшую его жену...

И каждый занят своим делом. Откуда тогда ощущение, что на него кто-то смотрит? Володя повернул голову в другую сторону, туда, где погромыхивали стыком вагоны и через два стекла можно было разглядеть, что происходит в соседнем, и вздрогнул, как от пощечины.

Там, отделенный от него двумя вагонными стенками и стыком, сидел человек. Мужчина лет пятидесяти. Тот самый, которого он видел утром и позже на четырех фотоснимках. Сейчас на нем снова были длиннополый плащ и черная фетровая шляпа, скрывавшая волосы и срезавшая лоб, затеняя часть лица. Но Володя готов был поклясться, что это он.

Мужчина сидел со спокойным видом уверенного в себе человека и смотрел через два стекла на Володю.

От этого взгляда кровь прилила к голове, а сердце забилось чаще. Ведь этот, который за ним следит, даже не прячется! Какого черта?

Пальцы сами переложили закладку. Володя поспешно, не теряя из вида мужчину, сунул книжку в рюкзак. Главное – не упустить негодяя. Он так загорелся этой идеей, что даже не подумал о том, что, собственно, станет делать, когда столкнется с неудавшимся шпионом нос к носу.

Поезд сбавил ход. За окошком вспыхнул свет и замельтешила платформа.

– Станция «Молодежная», – с ненужным пафосом прогундосил динамик.

Поезд замер и распахнул двери. Володя, до последнего момента сохранявший непринужденный вид, подхватился и выскочил из вагона. Кусок платформы от крайних дверей одного вагона до крайних дверей соседнего преодолел в несколько скачков.

– Осторожно, двери закрываются...

Володя ворвался в вагон и устался на сиденье в углу. Но там уже было пусто.

– Следующая станция «Крылатское». Поезд следует до станции «Крылатское».

Хлопнули двери. Володя стрельнул беглым взглядом по вагону. Мужика не

обнаружилось. Глянул в окно, на медленно отплывающую платформу, но и там было пусто. Не может быть.

Он еще раз, уже внимательно, оглядел вагон и его редких пассажиров, но того мужчину не обнаружил. Глянул через двойное стекло в соседний вагон, из которого только что прибежал, – никого.

На одеревеневших вдруг ногах, покачиваясь, пошел по вагону. Дошел до дальнего конца, но там окно, через которое можно было заглянуть в следующий вагон, оказалось покрашено мутно-бежевой краской. На ровном слое с легкими потеками кто-то процарапал короткое неприличное слово, но и через царапины разглядеть что-то было невозможно.

Поезд снова стал замедлять ход.

– Станция «Крылатское», – кажется, раньше времени ожил голос в динамике. – Конечная. Поезд дальше не пойдет, просьба освободить вагоны.

Редкие припозднившиеся люди потянулись на платформу. Володя вышел, огляделся. Чуть в стороне возникла фигура в плаще и черной фетровой шляпе. Он видел ее со спины, но сомнений быть не могло.

Володя бросился следом за удаляющимся плащом. Расстояние было приличным, и он нагнал его только на эскалаторе.

– Стой, сволочь! – рывкнул Володя и схватил мужика в плаще за плечо.

Плащ развернулся. На Володю глянуло молодое скуластое лицо с дикими злыми глазами и пирсингованной губой, из которой торчало серебристое колечко, словно его обладатель был не представителем хомо сапиенс, а рыбешкой. Безмозглой, но достаточно шустрой, чтобы соскочить с крючка.

Володя отпрянул.

– Че? – набычился парень в шляпе и с дырявой губой.

– П-простите, – промямлил Володя, теряя весь пыл. – Обознался.

На улице он огляделся на ходу, но никого не увидел. Поспешно зашагал в сторону дома. Между лопатками свербело, словно там устроилась лазерная точка целеуказателя. Снова оглянулся, и опять никого не обнаружил. И от этого отсутствия врага, которого можно схватить, встряхнуть и потребовать объяснений, стало страшно.

Володя ускорил шаг, а через сотню метров побежал. И бежал, не останавливаясь, пока за спиной не захлопнулась массивная дверь подъезда с кодовым замком. Поговорка «мой дом – моя крепость» обрела сейчас для него второй смысл. Он выдохнул, стараясь стряхнуть с себя панический страх перед неизвестностью, и вошел в лифт.

В квартире встретила сердитая мама.

– Ты где был до сих пор? – голос ее прозвучал предвестником скандала.

В другой раз Володя решил бы, что настало время разложить все по полочкам. Даже полтора часа назад он был к этому готов, но за эти полтора часа произошло слишком многое.

– Было навалом работы, – поспешно сказал он, скидывая ботинки.

– Какая работа? – начала заводиться мама. – У тебя учеба.

– Вот именно, – устало кивнул Володя. – И мне еще конспект писать. Посмотри на часы.

Мама опешила от набора собственных фраз, которые должен был услышать от нее сын, а не она от него. Воспользовавшись ее оторопью, Володя прошмыгнул в свою комнату и закрыл дверь.

Конспект писать ему было не нужно. Нужно было разобрать фотографии, но и это сейчас казалось бессмысленным. А вот что в самом деле имело смысл, так это ответ на вопрос: «Что происходит?». Но ответа не было. И понимания не было. Были страх, растерянность, злость и снова страх.

Верхний свет включать он не стал. Щелкнул кнопкой торшера, стоящего в дальнем от окна углу комнаты, и не торопясь, стараясь не создавать шума, словно это имело какое-то значение, подошел к окну. Отодвинул край занавески, распахнул раму и боязливо выглянул наружу. В лицо пахло влажной свежестью сентябрьской ночи.

Вопреки ожиданиям, на улице никого не было. Двор пустовал. Даже поздние собачники и завсегдатаи лавочки на детской площадке, ставшей местным центром распития алкогольных напитков, куда-то запропали. Лишь у подъезда под козырьком стоял человек. Сам он не попадал в поле зрения, но виднелась его тень, струйки дыма из-под козырька и рука с сигаретой.

Володя припомнил. Когда он входил в подъезд, под козырьком никого не было. Теперь там кто-то стоял, причем стоял так, чтобы оставаться незамеченным. С другой стороны, это ведь мог быть кто угодно.

Володя плотно закрыл окно, вынырнул из-за занавески и плюхнулся на кровать. Ему было страшно.

Глава 2

...Комнату, большую и светлую, пронизывали солнечные лучи. Солнце шаршило в окно, высвечивало самые дальние уголки помещения, делало тайное явным. Под его лучами становились видны и царапины на крышке старого секретера, и пятна на скатерти, что покрывала массивный стол, и дырка на ковре над старой продавленной кроватью. Солнце ставило под сомнение уют коммунальной комнаты и выворачивало наружу всю ее тщательно скрываемую обшарпанность.

За столом сидел мальчик лет восьми и рисовал что-то в альбоме сточенными карандашами. Картинка получалась странная. Существо на ней походило на лысого человека с крупными чертами лица, только вот голова у мужчины была каких-то странных очертаний.

На плечо мальчишке мягко легла рука, и мужчина сочным голосом поинтересовался:

– Рисуешь?

Мальчишка кивнул и повел плечом, стряхивая руку мужчины, словно требуя взрослого к себе отношения и доказывая свою самость.

– Что рисуешь? – как ни в чем не бывало поинтересовался взрослый.

Детская рука добавила к непропорциональной лысой голове два серых треугольника. Портрет обзавелся рогами.

– Это дейвона Хрущев, – поделился мальчик.

Только что ласковая и заботливая рука немедленно взвилась вверх и отвесила мальчишке подзатыльник. Малыш насупился и принялся тереть затылок. В глазах стояли едва сдерживаемые слезы обиды.

Мужчина, что стоял у него за спиной, опустился рядом на колени.

– Ник, пойми, ты не имеешь права такое рисовать, – стараясь говорить мягко, произнес он.

Мужчина попытался погладить мальчика, но тот отпихнул руку.

– А ты не имеешь права называть меня Ником. Меня из-за этого в школе дразнят буржуем.

– Ник, разве это имеет какое-то значение?

– У советского ребенка не может быть имя Ник, – заученно повторил мальчик чью-то фразу.

Мужчина вздохнул, взял мальчишку за плечи и посмотрел прямо в глаза.

– Николай, ты не советский ребенок. Ты выше этого. Выше детей, выше Союза, выше всех их наивных правил. Ты маг. И ты не имеешь права раскрывать эту тайну. Никому. А твои рисунки... Что подумают простые люди, если увидят товарища Хрущева с рогами? У меня будут неприятности.

– Но у него же есть рога, папа! – возмутился мальчик.

– Есть, – кивнул мужчина. – Только не все это видят.

Он мягко, но уверенно выдернул из альбома лист с картинкой и протянул мальчишке:

– Выбрось сам. Хорошо? И больше так не рисуй.

Мальчишка взял лист с первым лицом Страны Советов, изуродованным детской

фантазией. Во взгляде его была обреченность...

* * *

Володя проснулся за пять минут до того, как зазвонил будильник, несмотря на то, что поставил его на час раньше обычного. Вечером в голову отчего-то пришла мысль, что если сбежать из дома ранним утром, то его хотя бы на время потеряют.

Сейчас казавшаяся удачной вечерняя придумка выглядела наивно.

Он чувствовал себя невыспавшимся, но понимал, что не заснет. Да и возвращаться в идиотский сон про мальчика, рисующего помесь черта с генсеком, ему хотелось в десятки раз меньше, чем ходить весь день квелым.

Сон был не просто странным, он был до тошноты реалистичным, в нем помимо звуков и картинок присутствовало некое прямое знание – будто кто-то шептал прямо в мозг. А кроме того, Володя проснулся с четким осознанием, что мальчишку этого он видел не только во сне, но и в жизни. Только когда они столкнулись, тот выглядел лет на сорок старше. Володя был практически уверен – тот, кто вырос из этого юного художника, следил за ним последнюю неделю. А может, и дольше.

Откуда взялось это ощущение, Володя понять не мог, но был абсолютно уверен в том, что сон – реальность сорокалетней давности. И эта уверенность раздражала, потому что была ничем не подкреплена, не мотивирована.

Когда на кухне появилась мама, он уже запивал чаем бутерброд.

– Володя? – удивилась мать. – Чего так рано вскочил?

– Надо в универ пораньше. – Володя поспешил набить рот, только бы не объяснять ничего.

– Раньше первой пары?

Мама села рядом у стола и пристально посмотрела на сына.

– Слушай, ты мне не нравишься в последнее время. Что-то случилось?

Голос ее звучал нежно и заботливо, как в детстве. Володя забыл, когда она последний раз так с ним разговаривала. И от этого голоса внутри что-то предательски затряслось. Захотелось пожаловаться на странного мужика, показать фотографии, рассказать про замеченную слежку.

Володя мотнул головой, представив себе, как глупо будут выглядеть подобные байки. Мама погрузилась. Видимо, решила, что он ей не доверяет.

– Володя, – в голосе мамы появились просящие нотки.

Вошел отец.

– У меня все отлично, – сказал Володя, встал из-за стола и вышел.

Отец полоснул взглядом по спине сына. Когда повернулся к матери, та смотрела на мужа в упор.

– Может, с Ольгой проблемы?

Отец покачал головой:

– Я боюсь другого.

– Думаешь, он вернулся? – едва слышно спросила она мужа.

– Свари кофе.

Он сделал вид, что не услышал. Но она знала, что это не так.

* * *

До университета Володя добрался спокойно. Никакой слежки не было, и волнение начало проходить. Вчерашние вечерние метания захотелось считать чушью, а мальчика, рисующего рогатого Никиту Сергеевича, глупым сновидением.

Но не вышло. На третьей паре он сел у окна и со второго этажа узрел слонявшегося под окнами знакомого мужчину. Днем было значительно теплее, чем накануне вечером, видимо,

поэтому ни плаща, ни шляпы на мужике не было. Серенький костюмчик и идиотская розовая рубаха с расстегнутым воротом.

Впрочем, смена имиджа ничего не давала. Мужчина был узнаваем. К концу лекции Володя сгрыз ноготь чуть ли не до основания. На перемене поспешно спустился по лестнице и выскочил из здания. Под окнами никого не было. Тип в сером пиджаке заворачивал за угол.

Ни о чем уже не думая, Володя ринулся следом. И хотя громада ГУУ казалась простой по форме и стояла вроде бы на вполне открытом пространстве, мужчина умудрялся так выбирать маршрут, что все время куда-то сворачивал и пропадал из поля зрения.

Через несколько поворотов Володя следом за неизвестным выскочил к палаткам и автобусному тупику у метро «Выхино». Здесь в любое время суток былолюдно, и он понял, что окончательно потерял из виду обладателя серого костюма.

Володя огляделся. Будка с шаурмой, CD-DVD диски, «все по 10 рублей», лотки, магазинчики, палатки. Остановки, переход на другую сторону, снова остановки. Натужно скрипнул подползший «Икарус». Народ полез в единственную дверь, штурмуя невесть за чем вставленный в автобус турникет. «Икарус» пшикнул, будто выпуская пары, давая понять, что посадка не бесконечна. Люди заторопились. Кто-то с силой пихнул Володю в плечо и, не извиняясь, поскакал дальше, к автобусу, покуда тот не уехал.

Володя зло выругался и пошел обратно. Последнюю лекцию он пропустил мимо ушей. Преподаватель зудел бессмысленно и противно, как выющийся возле уха комар. Володя попытался сосредоточиться, но смысла в услышанных словах от этого не прибавилось. Хотел полистать под столом книгу, но строчки плясали, а мысли возвращались к тому мужику.

В конечном итоге Володя понял, что не желает о нем думать, но думать о чем-то кроме него просто не в состоянии.

С этими мыслями он досидел до конца последней пары. Спыхватился, собрался и побрел к выходу. Желание спрятаться, чтобы больше не попадаться мужчине на глаза, боролось с неменьшим желанием поймать негодяя и... Что дальше, Володя представлял себе плохо, но интуитивно чувствовал, что бояться в конечном итоге должен непонятный шпион.

Правда, по дороге от университета до метро Володя так и не увидел соглядата, но, кажется, его силуэт промелькнул и затерялся в толпе на «Новокузнецкой».

– Привет, Саныч тебя спрашивал, – кивнул напарник, когда Володя вошел в мастерскую.

Володя посмотрел на часы.

– Я на десять минут раньше.

Напарник пожал плечами.

Владлен Александрович всего лишь хотел поговорить, но о чем, Володя так и не узнал. Сперва начальство висело на телефоне, если это определение применимо к радиотрубке, затем поспешно удалилось со словами: «Завтра, все завтра».

Володе было уже наплевать. Работал он на автопилоте, мысли крутились далеко от родного «Кодака». Оттрубив четко по графику, он закончил рабочий день минута в минуту, поспешно отключил аппаратуру и вышел, заперевав мастерскую.

На улице снова было прохладно. Последние обманчиво теплые дни бабьего лета сменялись к ночи откровенно осенней холодрыгой. Володя поежился, ссутулился, огляделся. И вздрогнул.

Знакомый незнакомец стоял неподалеку, через дорогу. Сбоку от трамвайных путей, практически сливаясь с оградой сквера и темной стеной деревьев. Он снова был в плаще. Володя задохнулся от неожиданности, словно ему дали под дых.

Человек в плаще стоял спокойно, будто не было двухдневной слежки. На вид ему в самом деле было лет пятьдесят. Одет недорого, но с претензией. Волосы, казалось, поседели раньше времени, но не благородным серебром, а пепельными хлопьями. Зато морщин было немного, меньше, чем обычно бывает у людей его возраста. Ни усов, ни бороды. Гладко

выбранные скулы и подбородок. Тонкие, или даже утонченные черты лица, словно вырезанные искусным мастером. Вообще к нему подходило слово «утонченность». Вот только лоска ему не хватало. Вкус был, а дорогого глянца не доставало.

Мужчина растянул тонкие губы в легкой улыбке, развернулся и пошел по трамвайным рельсам. Не к метро «Новокузнецкая», где было светло и шумно, а в обратную сторону, где народу и фонарей было поменьше.

Наверное, Володе стоило об этом поразмыслить, но в тот момент он почему-то подумал иначе.

– Стой! – крикнул он и пошел следом.

Мужчина не обернулся. Лишь ускорил шаг. Володя тоже добавил темпа.

Недоложенный шпион перешел через трамвайные пути и, не глядя, перебежал через дорогу. Теперь они были на одной стороне улицы, но расстояние между ними меньше не стало.

Володя заспешил, чуть не переходя на бег. Человек в плаще заскользил черной тенью вдоль мрачных фасадов старых домов. С каждым шагом на улице становилось все темнее. Фонари, что и без того горели здесь через один, почему-то погасли вовсе. Свет в окнах если и был, то выше. Нижние этажи словно вымерли.

– Стойте! – крикнул Володя и перешел-таки на бег.

Мужчина проворно свернул в арку. Опять уходит, что ж такое! Растеряв остатки здравого смысла, Володя юркнул следом. В арке шаги забухали, многократно усиливаясь гулким эхом. Метнулась из-под ног испуганная кошка.

Он выскочил из-под арки и оказался во дворе старого кирпичного дома. Там стояли машины, тускло светил фонарь, желтели в почти ночной уже черноте облетающие деревья. Чуть поскрипывая, покачивались пустые качели на крохотной детской площадке. И ни единого человека здесь не было.

Возможно, это безлюдье и стало последней каплей. Володя запрокинул голову и заорал:

– Выходи! Слышишь? Где ты тут?

В ответ вновь скрипнули качели. Ветер колыхнул верхушки деревьев, на землю посыпались мертвые листья.

– Выходи! Мне это надоело! Я знаю, что ты за мной следишь!

Холодный воздух ворвался в глотку. В горле запершило. Володя закашлялся. Во дворе по-прежнему никого не было. Даже местные жители, которые, по идее, должны были бы уже повысовываться из окон – время-то позднее, а тут орут, – отчего-то молчали.

– Сволочь, – хрипло прошептал Володя. – Я тебя достану.

Вновь скрипнули качели. Хлопнула, закрываясь, форточка на верхнем этаже. Все же кто-то здесь есть.

– Я в милицию пойду! – хрипло крикнул он из последних сил.

– А вот это ни к чему, – тихо произнес голос за левым плечом.

Так вкрадчиво, спокойно и весомо мог бы нашептывать сам дьявол. Володя чуть не подпрыгнул от неожиданности. Сердце рухнуло камнем в пятки и тут же заколотилось с невероятной силой, словно норовя выпрыгнуть из горла.

Он обернулся. Мужчина в плаще стоял в двух шагах. Только руку протяни. Но желание встряхнуть шпиона как следует у Володи почему-то пропало. Да и руку в ту сторону тянуть стало боязно.

Володя почувствовал себя мышью, по собственной дури забравшейся в мышеловку. Единственный путь к отступлению со двора-колодца был через арку. И он сейчас оказался перекрыт. Некуда бежать. Во рту сделалось сухо, он судорожно сглотнул, но легче не стало.

Впрочем, мужчина не собирался проявлять агрессию. Стоял рядом, но при этом вне досягаемости. И делать что-либо не торопился.

– Что? – переспросил Володя вконец осипшим голосом.

– Милиция тебе не нужна. И мне тем более.

Мужчина в плаще позволил себе снисходительную улыбку.

– Успокойся. Я не сделаю тебе ничего плохого.

Мысли путались. Не сделает плохого. Но милиция ему не нужна. Маньяк?

– Зачем? – голос после крика на холодном сыром воздухе не слушался, хрипел и ломался. В горле саднило, хотелось кашлять, как после того единственного раза, когда попробовал сигарету.

– Что зачем? – переспросил мужчина.

– Зачем вы за мной ходите?

– Потому что пришло время изменить твою жизнь, – просто ответил мужчина.

Володя хотел ответить, но в горле запершило невыносимо, и он закашлялся. Кашель не утихал, рвал нутро чуть не до тошноты. Вот так вот, просто. Он двадцать лет жил на свете, пытался создавать как-то свою жизнь, пытался выстраивать ее так, чтобы ни с кем не вступать в конфронтацию... И тут приходит неизвестный дядька и решает враз все изменить.

– Вы ненормальный? – попытался найти объяснение Володя, его трясло. – Кто вы?

– Меня зовут Ник.

Володю заколошматило сильнее. Перед глазами возник маленький мальчик со сточенными карандашами и альбом с дурацким изображением рогатого Никиты Сергеевича Хрущева.

– У советского ребенка не может быть такого имени, – механически повторил Володя слова из своего сна.

На этот раз вздрогнул Ник. Или это только показалось? Во всяком случае, уверенности на его лице поубавилось.

– Что ты сказал? – спросил он чуть резче, чем раньше.

– Отвечайте, – потребовал Володя. – Вы когда-нибудь рисовали Хрущева?

– Хрущева? – Ник явно был сбит с толку.

– Дейвона Хрущева, – повторил Володя то, что приснилось ночью.

На лице мужчины возникла тень догадки.

– Это тебе Игорь рассказал?

Разговор все больше напоминал какой-то странный фарс. И Володя с каждым произнесенным словом утопал в этом фарсе все глубже.

– Вы знаете моего отца?

Мужчина кивнул.

– Лучше, чем ты. Я – твой отец.

В ушах что-то оглушительно засвистело. Володя почувствовал, что сходит с ума. Мир, понятный до вчерашнего дня, не просто трескался, а разлетался на куски. Вдребезги, как брошенная на пол ваза.

Что случилось? Ведь еще вчера он просто учился, чтобы родители отстали, работал и мечтал стать профессиональным фотохудожником. Еще вчера все было понятно. Может быть, непросто, со своими трудностями, но понятно. Так было всю его жизнь. Сколько он себя помнил. Пока накануне вечером он не обнаружил слежку, не принял эту игру в шпионманию. Пока эта игра не закончилась бредовыми откровениями. И не менее бредовым сновидением про рогатого Хрущева и маленького мага, который в каком-то лохматом году рисовал генсека с рогами вопреки нравоучениям мага постарше.

Может быть, все это только сон? Но для сна слишком реалистично. Ощущения, звуки, запахи...

Ноги подломились, он пошатнулся. Мужчина, что назвался сперва Ником, потом отцом, дернулся было к нему, но Володя отпрянул.

– Нет!

И в этом слове почувствовалась ему вдруг какая-то невероятная мощь. Словно в трех буквах отрицания была заложена сильная магия.

– Нет, нет, нет, – повторял Володя. – Вы – сумасшедший.

– Я... – начал тот, но Володя не дал закончить.

– Мой отец дома. А вы сумасшедший. Пустите меня!

– Спроси у него сам, – спокойно посоветовал Ник. – Спроси у Игоря. Он расскажет.

Володя попытался рвануться вперед, в арку. Но на дороге у него стоял Ник. Сумасшедший. И это пугало. Володя закачался на месте вперед-назад.

– Пустите меня! – взвизгнул он, чувствуя подступающую истерику, борясь с ней и осознавая, что из-за всего происходящего справиться с ней не сможет.

Ник послушно отступил в сторону. Володя еще раз недоверчиво пошатнулся, замер. А потом стремглав бросился под арку.

– Я загляну к тебе завтра, после работы, – догнал его спокойный голос Ника.

Слова оттикнулись в памяти, но не осмыслились. Мыслей не было. Только ощущение бреда, желание плакать и смеяться одновременно, а также страх. Какая-то животная паника, которая гнала его не хуже плети. Он бежал так, как не бегал никогда в жизни. Бежал под аркой, бежал по улице, через дорогу, трамвайные пути. Сквозь толпу встречающихся и гуляющих возле метро, несмотря на поздний час. Мимо палаток, попрошайек и плохих музыкантов, мучающих гитары и вымогающих деньги за эти муки. Через стеклянные двери, турникеты, эскалаторы, вагоны и переходы.

Он убегал от сумасшествия. От свиста в ушах, от ватности ног и бешено стучащего сердца. Убегал в свою обычную жизнь, пытался очнуться от реальности, казавшейся сном, проснуться в привычном мире, но ничего не выходило.

В себя он пришел уже где-то в районе «Парка Победы». Во всяком случае, понял, что он один, едет домой. И что за ним никто не следит.

Ника не было ни в вагоне, ни на улице. И пока Володя шел от метро до своего подъезда, у него ни разу не возникло ощущения чужого взгляда, устремленного в спину.

* * *

Володя сидел на лестнице возле своего этажа и не знал, что делать дальше. На ступеньке было холодно, но домой идти он не мог. Понимание этого пришло вдруг, когда полез в карман за ключами. Вот он откроет дверь, а там... Там родители. Его или не его? И как спросить об этом? Или рассказать историю про сумасшедшего на улице? Как рассказать? Все, что с ним происходило, пугало.

«Тореадор, смелее в бой», – запиликал динамик.

Володя вздрогнул, повернул голову и уставился на лежавший рядом мобильник. Телефон вибрировал и скребся о холодный бетон. Мигал экран.

Володя поежился. Еще больше пугало то, что если начать все это рассказывать кому-нибудь, то звучать история будет смешно и глупо. А если не рассказывать, то останутся червоточины в душе, нелепые и страшные вопросы. И в любом случае войти домой, как ни в чем не бывало, и завести непринужденную беседу он не сможет.

Телефон застыл. «Тореадор» умолк, так и не набравшись смелости. Володя посмотрел на часы. Отстраненно подумал, что сидит здесь уже больше полутора часов. Снова затрещал телефон. Другой мелодией. Романтичной и ласковой. Что за музыка и кто ее автор, Володя не знал, но мелодия ассоциировалась с Ольгой. Собственно, музыка эта и стояла на ее персональном звонке.

Володя взял трубку, попытался натянуть на лицо улыбку, чтобы хоть немного оживить голос, и нажал «прием».

– Алло.

– Вовка, ты где? – голос Ольги звучал взволнованно.

В груди екнуло. Неужто этот старый урод в плаще добрался и до нее?

– Что случилось? – хрипло спросил он.

– Ничего, – Ольга была явно озадачена вопросом. – А у тебя? Мне твои родители звонили. Искали тебя.

– Все в порядке, – Володя снова попытался добавить улыбки в голос, получилось

паршиво. – Просто моя мама – паникер. Все хорошо, солнышко, задержался на работе. Уже почти добрался до дома.

– Они говорят, ты трубку не берешь.

– В метро был. Не слышал. Я позвоню тебе, когда буду дома.

– Хорошо, – сказала Оля, и трубка запищала короткими гудками.

Теперь придется взять себя в руки и войти все-таки в квартиру. Там небольшая разборка с мамой... Если она вообще ему мать. О, черт! Собравшийся было встать Володя без сил рухнул обратно на ступеньки.

Снова ожил телефон.

«Тореадор, смелее в бой!»

Знал бы несчастный Бизе или протопавший по его стопам Щедрин, что эта мелодия станет пикировать в мобильных. Наверное, удивлению их не было бы предела.

Володя поднял трубку.

– Алло.

– Ты где? – голос отца был уставшим. В нем дремало напряжение и тщательно скрываемое волнение.

– Здесь, – тихо ответил Володя. – На лестнице сижу.

Врать не хотелось.

– Давно сидишь?

– Давно.

Связь оборвалась, тут же распахнулась дверь, что вела от лифта на лестницу. Отец держал в руке отключенный мобильник и покусывал черный с намеком на седину ус.

Володя молчал. Что говорить, он не знал. Все было странно, да и папа вел себя неестественно. Убрал телефон, прошел на лестничный марш, прикрыв за собой дверь. Володя с удивлением заметил у него в руках пачку «Муратти». Курить отец бросил пять лет назад и очень этим гордился.

– Что произошло? – спросил отец негромко.

– Ничего, – попытался уйти от разговора Володя.

Папа посмотрел внимательно. Достал сигарету из пачки. Щелкнула зажигалка, взвился огонек. Володя отметил, что у папы дрожат пальцы.

– Я тебе когда-нибудь врал?

Володя покачал головой. Даже если отец когда-то и лукавил, то сын этого не замечал. Отношения между ними всегда были дружескими и достаточно откровенными.

– Тогда давай и ты мне врать не будешь. Хотя бы сейчас.

Володя кивнул.

– Так что случилось?

Что случилось? Легко спросить. А как ответить? Как объяснить, чтобы изложить факты без эмоций и ярлыков, Володя не знал. А еще большей проблемой было объяснить так, чтобы у слушателя не возникло желания расхохотаться и повертеть пальцем у виска.

Он помялся. Отец затаился и выпустил дым. Закашлялся. Видимо, курить после пятилетнего перерыва ему было тяжело. А не курить, выходит, еще тяжелее.

– Я... – Володя запнулся. – Я встретился с одним человеком.

Голос его прервался. А дальше что?

– Его зовут Ник?

Володя вылутился на отца, как на восьмое чудо света.

– Ты его знаешь?

Отец кивнул и отвернулся. Принялся тушить окурок в консервной банке, что стояла под окном и играла роль пепельницы.

– Он сказал, – решил наконец Володя. – Он сказал, что он мой отец.

Плечи папы чуть заметно дрогнули. Володя ждал. Тот продолжал давить окурок. Потом распрямился, но не повернулся, а уставился в окно и закурил новую сигарету.

Володя ждал.

– Он твой отец, – проговорил папа и выпустил облако дыма.

– Как?

Отец... отчим... Игорь... или как его теперь называть, повернулся к Володе, но глаза по-прежнему прятал.

– Он оставил тебя у нас, когда тебе было около года.

Откровение вышло похожим на нокаут. Володя почувствовал, что у него нет больше сил ни удивляться, ни противиться разрушению, ворвавшемуся в его жизнь. Признание отца стало последним ударом, после которого он уже не мог подняться. Или не хотел, что по сути одно и то же.

– И ты молчал? Почему ты никогда не говорил об этом? Разве я не имел право знать?

– А разве тебе это было нужно знать?

Володя почувствовал что-то сродни падению. Все. В этом раунде на этом ринге он оказался повержен и пребывал теперь в полной апатии, слушая, как кто-то невидимый уже ведет последний отсчет.

– Почему он меня бросил?

– Его тогдашний образ жизни не позволял ему возиться с ребенком. Хотя, думаю, сейчас ничего не изменилось. Кроме того, что ты вырос.

– А кто он? – вяло поинтересовался Володя.

Игорь покачал головой.

– Я не знаю. Он всегда скрытничал... Нет, не скрытничал даже, а просто... Как-то тема такая никогда не поднималась. Какое-то время я считал его близким другом, а потом, когда он пропал, я понял вдруг, что ничего о нем не знаю. Нет, он вспоминал какие-то байки из жизни, но кто он и чем занимается, мы не знаем. Ник оставил тебя нам. Потом заезжал еще пару раз. А потом пропал.

Сигарета догорела практически до фильтра, и отец прикурил от нее новую. Бычок отправился следом за собратом, упокоившимся в банке из-под зеленого горошка.

– Я знал, что однажды он вернется. Правда, последние годы мне начало казаться, что этого не произойдет. Мы надеялись, что этого не произойдет. Что ты выучишься и будешь спокойно жить, как все нормальные люди.

– А разве что-то изменилось?

– Тебе решать.

Была в этом какая-то недоговоренность, но Володя не особо обратил на нее внимание.

– А мама?

– Что мама? – не понял отец.

– Моя мать, она...

– Мы никогда ее не видели.

Отец развел руками и замолчал.

В голове роились мысли, словно растревоженные пчелы в улье. Надо было спросить о многом. Очень о многом. Но Володя терялся и не знал, с чего начать. Да и стоит ли начинать сейчас?

Игорь отбросил бычок и сделал шаг. Руки его легли Володе на плечи, и тот, наконец, поймал взгляд мужчины, которого всю жизнь считал своим отцом.

– Володя, будет что-то теперь меняться или нет, решать тебе. Это твоя жизнь. Но я хочу, чтобы ты знал: для нас с мамой ничего не изменилось. Мы тебя любим. И ты для нас всегда был, есть и останешься сыном. Что бы ни случилось.

Голос папы звучал ласково, вкрадчиво. От этого голоса и от этих слов внутри что-то надломилось, огромной ледяной шапкой сорвалось с сердца и лавиной покатило вниз. В горле поднялся комок, в носу защипало.

Володя встал, обнял отца и уткнулся ему в плечо, едва сдерживая слезы. Рука Игоря мягко пошевелила волосы. Володя почувствовал себя так, словно опять стал маленьким мальчиком, а папа, треплющий по голове, был способен защитить от всех бед и несчастий.

Папа отстранился и хлопнул по плечу. Володя промокнул глаза и вымученно

улыбнулся.

– Пойдем домой, – сказал отец. – Мама ждет, и ужин стынет.

* * *

...С Николаем Игорь познакомился в университете. Что там делал Николай? Этот вопрос Игорь задал себе значительно позже. Еще позже принялся искать ответ. А ответа не было. Разве что смутная догадка, что в университете Ник, как предпочитал называть себя Николай, появился только ради него.

Но все это позже. Много позже. Тогда же Игорь просто с удовольствием и самозабвением болтал с более опытным товарищем. Николай был лет на шесть старше. И с ним было интересно. Причем интересно поговорить не об истории, а больше о религии и политике.

На эти темы Николай мог разглагольствовать часами. Взгляды его были шире, чем официальный курс религиоведения и политологии, жестче, чем можно было ожидать от молодого человека, и смелее, чем высказывания на кухне в пьяном угаре. От таких разговоров должно было быть страшно, но страшно не было. Станные воззрения Николая притягивали, как клейкая лента глупую муху. И Игорь влип в эту клейковину. Но чувствовал себя при этом не дураком в безвыходном положении, а героем на броневике. Странное ощущение.

Впрочем, в отношениях их все казалось странным. Познакомились в университетской курилке, где было полно народу, и шла какая-то странная беседа всех со всеми обо всем. Через пару дней они уже пили пиво возле ларька неподалеку от университета. Просто встретились в коридоре. Игорь узнал знакомого из курилки. Тот почему-то обрадовался, пригласил выпить по паре кружек. Игорь отчего-то согласился. Вернее, согласился из вежливости. Да и трудно было отказать, когда его зазывали с радостью и радушием старинного друга.

Через неделю они пили коньяк у Игоря дома. Коньяк приволок Николай. Напиток был дорогой и поражал количеством звездочек, недоступных простому советскому гражданину. Во всяком случае, в гости к первому встречному с такими бутылками ходят редко. И как-то само собой вдруг стало ясно, что они друзья, а не первые встречные. Это же подтверждалось и поведением Николая, и ощущением, какое оставалось от общения с ним.

Общение их было непринужденным и продолжалось, перерастая в нечто большее. Не прошло и месяца, как Игорь стал считать Ника чуть ли не лучшим другом. Ник всегда искренне радовался их встречам. Темы, на которые он говорил, давали Игорю ощущение того, что Ник ему доверяет. Во всяком случае, болтать о подобном с первым встречным решился бы только сумасшедший. Из чего сам собой напрашивался вывод: Игорь для Николая далеко не первый встречный.

Ник никогда ничего не просил, но стоило только в жизни Игоря появиться какой-то проблеме, тут же предлагал помощь. И не на словах, а на деле подтверждал, что на него всегда можно рассчитывать. А проблем было много – молодая семья переживала переезд на новую квартиру.

Сам же за помощью к Игорю Ник обратился лишь однажды.

На дворе стоял тысяча девятьсот восемьдесят шестой год. Михаил Сергеевич уже руководил страной. В прошлое ушел март, когда глава государства поведал миру о том, что принципиальным для нас является вопрос о расширении гласности. Что вопрос это политический, ибо без гласности нет и не может быть демократизма, политического творчества масс, их участия в управлении¹. Канул в Лету июнь с заявлением о том, что без

¹ Здесь приведено почти дословное высказывание из выступления М. С. Горбачева на XXVII съезде КПСС (февраль—март 1986).

«малой революции» в партии ничего не выйдет, ведь реальная власть – у партийных органов. Народ не будет тянуть на своей шее аппарат, который ничего не делает для перестройки². Загадочно-манящая «перестройка» уже топталась у порога.

Тогда-то в дверь и позвонил Николай. Он принес обычную звездную бутылку коньяка, палку сервелата и банку черной икры. Вот только настроение у него было не радостное. Не на пять звездочек, от силы на две.

– Держи, – протянул Николай бутылку Игорю и расцеловался с выскочившей из кухни Натальей. Отдал ей закуску. – И ты держи.

Игорь посмотрел вслед уходящей на кухню жене и пригласил гостя в комнату.

– По какому поводу? – спросил он, доставая коньячные рюмки.

– Проблема у меня, – Ник ловко открыл бутылку.

– Что-то случилось? – заволновался за друга Игорь.

Николай плеснул в рюмки крепкий напиток, цветом напоминавший темный янтарь. Поднял рюмку.

– Пока ничего, но может. И очень скоро.

Выпили.

– О чем ты? – уточнил Игорь у необычно молчаливого гостя.

– Грядут перемены, – мрачно заметил Ник. – А у меня проблема...

Вошла Наташа с блюдом, заполненным бутербродами, и Ник замолчал. Замолчал, хотя дело его касалось не только Игоря, но и его жены.

К теме он подошел сам. Много позже, когда коньяк закончился, а Наталья, не переваривающая «запах клопов», была накачана советским полусладким шампанским. У Николая была проблема. Проблема был год от роду, и звали ее Владимир.

Ник попросил «приглядеть за сыном». И Игорь с Наташей согласились. Почему бы не помочь другу? Хоть на вопрос, как долго нужно будет присматривать, Николай так ничего конкретно и не ответил.

Годовалого сына Ник привез на следующий день. Мальчишка был бойким и не капризным. Игорь искренне позавидовал другу. У самого-то детей пока не было. Володя остался. Николай уехал. Позднее заезжал еще два или три раза. Привез какие-то вещи, игрушки. В последний раз в сумке с детским барахлом обнаружилось свидетельство о рождении.

Игорь заглянул в зеленую книжечку и с удивлением обнаружил, что у Владимира Игоревича Карелина не только его отчество, но и его фамилия.

– Это как? – вылутился он на Ника.

Удивление постепенно сменялось непониманием, раздражением и злостью.

– Так будет лучше, – объяснил Ник ничего не объясняющей фразой.

И сказано это было так, что Игорь почему-то сразу согласился. И принял все. Пропали все вопросы, хоть ответов и не было. Как рукой сняло раздражение, непонимание, страх и злость. В голове осталась почему-то лишь одна мысль: надо, значит, надо. И Наталья приняла все так же безропотно. Словно они были обязаны взять чужого ребенка, словно само собой подразумевалось, что в свидетельстве о рождении этого ребенка будут фигурировать их имена. Главное, юридически все оформлено грамотно. Проблем не будет. И вопросов от соседей не будет, ведь только что переехали в Крылатское из старого, расселенного под капремонт дома. А здесь, в районе-новостройке еще никто никого не знает.

Все остальные мысли будто заморозило. Оттаивать мозги новоиспеченных приемных родителей начали недели через две. Оттаивали постепенно, неспешно. Возвращались вопросы, возникало непонимание. В душе поселилась тревога.

Игорь неожиданно для себя осознал, что ничего, то есть вообще ничего не знает о

² Цитата из выступления М. С. Горбачева на встрече с секретарями и заведующими отделами ЦК КПСС (июнь 1986).

своем друге. Да и с чего вдруг пришло ощущение такой близости с этим человеком? И как он согласился принять его ребенка? Не говоря уже о том, кто и каким образом согласился сляпать этому ребенку липовое свидетельство о рождении...

– Может, стоит обратиться в милицию? – предложила Наташа.

Игорь покачал головой. Хотя и понимал, что у жены нервы сдают не меньше, чем у него, но поход к ментам казался бессмыслицей. Что они там скажут?

Шло время. А Ник больше не появлялся. Игорь с Наташей продолжали жить и растить сына Володю. Других детей у них так и не случилось. Правда, четыре года спустя Наталья обзавелась животом, и Володе пообещали братика, но не сложилось. Мальчик родился мертвым. Пятилетнему мальчишке, разумеется, никто ничего не объяснил. И Володя еще долго дулся на родителей, которые обещали ему братишку и обманули. Обманули первый и последний раз в жизни.

Время шло. Перестройка вломилась в жизнь страны и каждой ячейки ее общества. Нашумела, взбудоражила, перевернула. Пообещала и не выполнила. Развалилось то, что казалось незыблемым. Потом были черные пятна на Белом доме. Речи с брони, как семьдесят лет назад. Рыжая ваучеризация. Нефть, растекающаяся по карманам. Деньги, превращающиеся в бумагу, и бумага, имеющая хождение наравне с деньгами. Заболел, отошел от дел, а затем и в мир иной первый президент новой страны. Бодрым аллюром занял его место второй... Страна менялась, власть менялась, жизнь менялась... Шло время, а Ник так больше и не появился. И Игорь с Наташей решили его забыть. Вычеркнуть из воспоминаний, оставив только сына Володю. Своего уже сына.

У Натальи это вышло само собой. Игорю оказалось много сложнее. Он больше общался с Ником, и воспоминаний было больше. Осколки этих воспоминаний, обмолвки в разговорах, странности в поведении – все это складывалось в причудливую мозаичную картинку, от которой веяло мистикой готических витражей. И чем больше Игорь гнал от себя мысли о Нике, тем крепче вбуравливался в душу червяк непонимания...

* * *

Утром Володя проснулся на удивление бодрым. И хотя всю ночь ему снилась какая-то ерунда про отца Ника и папу Игоря, проснулся он с более упорядоченными мыслями, чем засыпал накануне. От вчерашней неуверенности не осталось и следа. Сон принес решение неразрешимой, казалось, задачи. У него есть отец и папа.

Именно к этому подвигли его картинки и знания из прошлого, неведь как пришедшие среди ночи в голову. У него есть папа Игорь. По странному стечению обстоятельств у него появился отец Николай. И хотя выходит, что он плоть от плоти Николая, Ник навсегда останется отцом, а Игорь всегда будет папой. От этой мысли стало светло и уютно.

Володя встал, полыхая радостью и оптимизмом. Вместо обычной сонливости плескала через край энергия. Не найдя лучшего применения этому избытку сил, он сделал зарядку и встал под холодный душ, отчего почувствовал себя еще бодрее.

На кухню ворвался полным жизни, как весенний ветер.

– Привет, папа! – кивнул погрузившемуся в чужую диссертацию отцу.

– Доброе утро, мамочка, – подмигнул матери.

И от этих простых слов на кухне словно стало легче дышать. Будто разбилось вдребезги тщательно скрываемое напряжение.

А его несло. За завтраком он рассказал о новой фотовыставке, на которую планирует сходить. О пачке свежих фотоснимков, которые никак не успевает просмотреть. Мама неожиданно заинтересовалась фотографиями, и, удивленный таким поворотом, Володя пообещал вечером показать ей всю стопку.

Уже на выходе его догнал папа:

– Погоди, я сигарету возьму.

Володя кивнул и вышел к лифту. Папа появился через полминуты. Прикурил и

посмотрел на сына:

– Прости... Ты что-то решил?

– Между нами ничего не изменится, – от души выпалил Володя. И от этого ему стало еще радостнее.

Игорь улыбнулся, как улыбается последним солнцем осенний день.

– А с ним?

– Не знаю, – честно сказал Володя. – Не уверен, что хочу его видеть, но... он ведь отец...

Игорь молча хлопнул сына по плечу.

– Будь осторожен.

– Ты боишься? – напрягся Володя.

– Его не было девятнадцать лет. И...

Игорь замялся. Володя вдруг совершенно явственно увидел одну из сцен, что снилась ночью. Двое молодых людей и чужой ребенок, оставленный им человеком, которого они не знали настолько, что даже фамилия его осталась загадкой.

– Ты так и не понял, как мог принять за самого близкого друга того, о ком ничего не знал? – неожиданно спросил Володя.

Папа вздрогнул, словно только что получил пощечину от собственного сына.

– Откуда ты знаешь? – в глазах Игоря мелькнуло выражение, больше приличествующее загнанному зверю, а не университетскому преподавателю истории. – Он тебе сказал?

– Нет, – мотнул головой Володя. – Нет. Просто... просто вы мне всю ночь сегодня снились.

– А что еще снилось? – сильнее напрягся папа.

Володя посмотрел на него и почувствовал, что Игорю страшно.

– Дейвона, – пробормотал он. – Маги... Тебе это о чем-то говорит?

Папа помрачнел и отрицательно покачал головой.

– Я ничего не знаю. – Володя почувствовал, что это правда. – Я могу лишь догадываться. И... Будь осторожен.

* * *

Кофейня принадлежала той же сети, только находилась она не на «Тульской», а неподалеку от Тверской улицы, в нескольких шагах от театра «Ленком». Народу здесь было не в пример больше, места меньше, а залы для курящих и некурящих сплетались в единое целое, и различий между ними не наблюдалось. Разве что отсутствие или присутствие пепельниц на столиках.

Даргри, облаченный ныне в костюм цвета морской волны, зажал в пальцах сигару. Прикурил, сверкнув перстеньком с нехилого размера изумрудом. Степан снова опаздывал. И Даргри оставалось только злиться на необязательность компаньона. Он и злился. Нервно курил и зыркал по сторонам.

Кроме всего прочего, его бесило это место. И если в прошлой кофейне, по крайней мере, было пустынно, то в эту, судя по толпе, забредала на ланч половина Тверской.

Подошел официант, тощий высокий парень в дурацком переднике. Спросил, нужно ли что-нибудь. Даргри зло пыхнул сигарой, заказал капучино и фруктовый торт.

Заказ принесли через семь минут – он специально смотрел на часы. А компаньон появился спустя еще четыре минуты, когда сигара подходила к концу и нервы тоже были на исходе.

На Степане был все тот же спортивный пиджак. И хотя тот выглядел безупречно чистым и отутюженным, Даргри поморщился. Кивнул на остывающий кофе и торт в тарелочке.

– Ты опоздал, – констатировал недовольно, глядя, как Степан устраивается напротив.

– Были причины.

– Неужто конец света? – мрачно пошутил Даргри.

– Конца света пока не обещали. Но они встретились.

Даргри дернулся, на секунду теряя самообладание, и посмотрел на компаньона. Тот сидел с непринужденным видом и ковырял торт. Но по хитрой ухмылке было ясно, что от его взгляда не укрылся момент слабости собеседника.

– Он уже посвятил его?

Степан помотал головой, как лошадь.

– Пока только напугал. Но они должны встретиться снова сегодня вечером.

* * *

Желание увидеть отца возникло не сразу. Володя пришел к нему постепенно. Сперва просто возвращался к неожиданно обретенному родителю в мыслях, потом понял, что ни о чем толком не может думать. Только проигрывает и проигрывает в голове их встречу. Как подойдет, что скажет, что услышит в ответ.

Все пары из-за этого он просидел, как замороженный. Голос лектора протекал мимо ушей. Мысли были совсем в ином месте. После занятий Володя отмахнулся от зазывавшего на очередное пивопитие Андрюхи, хоть тот и давил не на пенный алкоголь, а на то, что золотая осень не сегодня-завтра экс-кирдыкс, и фиг уже посидишь в парке, вдыхая пушкинскую благодать.

Красивые сравнения пропали даром. Володе было не до парка. Он отказался даже от встречи с Ольгой, чем взволновал девушку. Она спросила, в чем дело, Володя сослался на работу и повесил трубку.

Он и впрямь поехал на «Новокузнецкую». Однако ноги сами собой пронесли мимо родного «Кодака». Он пошел дальше от метро, по трамвайным путям. Миновал Климентовский переулок, как тогда ночью. Перебежал на другую сторону, увидел серый дом с двором-колодцем. Хотел было свернуть в арку, но не смог.

Вход в арку перекрывала тяжелая железная решетка. Калитку на могучем магните удерживал хитрый электронный замок. И, судя по виду, решетка стояла здесь давно, а не была присобачена вчера.

Не может быть! Сердце заколотилось, разгоняя кровь. Сперва показалось – ошибся. Володя пробежал вперед, заметался в поисках другой арки. Потом назад. Тщетно. Дом с двором-колодцем и аркой был один. Но входа во двор не было. Вернее, вход был, но не для него...

Бред какой-то.

С этой мыслью Володя пришел в фотомастерскую. Саньча снова не было и не предвиделось, о чем весело доложил напарник. Володя кивнул и принялся за привычные дела. Но работа шла без обычного удовольствия. На автомате. Он вообще не задумывался, что делает. Мысли витали далеко. И в мыслях этих он снова и снова припирает отца к стенке и вытряхивал из него ответы на вопросы, которые мучили его сейчас. А заодно и на те, что мучили годами его папу.

Минута в минуту он закрыл лавочку, выключил свет и аппаратуру и вышел на улицу. И направился не к метро, а знакомым уже маршрутом зашагал к дому с аркой.

Сегодня здесь горели фонари. Горели ярко, не оставляя ни закуточка для тени неясности. Володя почти перешел на бег. Поймал себя на этом метрах в тридцати от дома. Сбавил шаг. Пригляделся.

Возле арки яростно, словно решив посоревноваться с солнцем, светил фонарь. На входе стояла та же металлическая решетка с тем же магнитным замком. Хотя Володя готов был поклясться, что вчера был именно здесь. Вот в эту самую арку нырнул отец, и он следом. Только решетки он не видел.

Володя почти совсем остановился. Отец стоял там. В тени арки, прислонившись спиной к злосчастной решетке. В плаще и шляпе.

«Выпендрейщик», – почему-то подумал Володя.

Пальцы вцепились в пуговицу на куртке. Володю трясло. Все заготовки пропали куда-то. Все, что так усиленно крутилось и проигрывалось в голове целый день, растаяло, как туман.

А отец стоял и молча смотрел на него. Стоял и смотрел.

Володя остановился шагах в пяти. Что делать, он не знал. Подобные сцены видел лишь в кино, и там они заканчивались неуклюжими объятиями. Кидаться на шею этому человеку казалось совершенно неуместным.

И он стоял и крутил пуговицу на куртке. И молчал.

Отец натянуто улыбнулся.

– Я знал, что ты придешь, – сказал он. И в голосе прозвучало что-то искусственное, хоть Володя и не заметил этого.

А потом отец раскинул руки в стороны, словно приглашая непутевое чадо в объятия. Совсем по-киношному. Будто играл какую-то роль. Нервное напряжение лопнуло. Володя поднял руку и с удивлением посмотрел на сжатый в пальцах предмет.

– Пуговица оторвалась, – пробормотал он.

Глава 3

Они вернулись к Климентовскому, вывернули на Пятницкую и зашагали в сторону центра. Пересекли по Чугунному мосту Водоотводный канал, мимо Балчуга вышли к Москве-реке.

Володя молчал. Отец пытался заговорить, но как-то вяло. Мимо топали какие-то люди, пролетали машины. Все время что-то отвлекало.

На Большом Москворецком мосту было безлюдно. Ветер дул, пробирая до костей, гнал рябь по отражению подсвеченной кремлевской стены и башен. И туристов с фотоаппаратами, вечно сидящих на парапете Большого Москворецкого, разогнал, видимо, тоже ветер.

Ник остановился, оперся о парапет и уставился на черную воду, в которой блестели отражения ночного города. Володя встал рядом. В другой раз схватил бы фотоаппарат, уж больно красив ночной Кремль, но сейчас даже не вспомнил, что родная зеркалка болтается на плече.

– Спрашивай, – потребовал отец.

Потребовал так, словно был владыкой мира, и только он решал, кого наказывать, а кого миловать. Володе этот барский тон не понравился. Хотя он даже не успел это толком осознать.

– О чем? – осведомился он.

– О чем хочешь, – небрежно махнул рукой отец. – Ты же хотел узнать что-то.

Да, он хотел. Вопросов было много, но каждый казался менее важным, чем другие. И Володя застыл в нерешительности, так и не придумав, с чего начать.

– Хорошо, – кивнул Ник удовлетворенно, будто другой реакции и не ждал. – Тогда спрошу я. Откуда ты узнал?

– Что?

– Не придуривайся, – в голосе отца возник едва заметный оттенок раздражения. – Откуда ты узнал, что я маг?

Володя отвернулся и уставился на символ ушедшей эпохи – рубиновые звезды над Кремлем. Первая мысль вышла донельзя прагматичной: этот мужик, его биологический отец – сумасшедший. Мысль была гладкой и круглой, как спасательный круг. Вот только зияла в этом круге дырка, убивающая на корню все помыслы о спасении. Если бы Ник сам начал втирать, что он маг, его смело можно было определить в Кашенко и думать над оформлением опеки над собственным отцом. Но Ник ничего такого не говорил. Только подтвердил то, что сказал сам Володя. А сказал он то, что узнал из нелепого ночного

видения. Так что если кого и требовалось определить в Кашенко, то в первую голову его самого.

В конечном итоге Володя решил ничему не удивляться. То ли события последних дней вытравили из него эту способность, то ли разум, желая спастись от перспективы угодить в психушку, принял все как данность. А только повторная мысль о магах не показалась такой уж бредовой.

Ник ждал ответа, вертя в руках шляпу. Головной убор он снял от греха подальше, решив, видимо, не соблазнять разгулявшийся ветер.

– Я просто знаю, – выдавил Володя.

– Мальчик мой, – со смесью пафоса и елея в голосе начал Ник, – мне бы не хотелось начинать наше общение с вранья. Тебе Игорь сказал?

«Нет, мне это во сне приснилось», – хотел выпалить Володя, но почему-то не стал.

Сны казались чем-то интимным. Он мог бы поделиться ими с папой, но не с отцом. И Володя лишь кивнул.

– Странно, – прищурился Ник. – Вроде бы я не говорил ему напрямую.

– Он сопоставил.

– Что?

– Все. То, что вы говорили, то, что делали. Потом он интересовался тематикой. Он же историк.

– Да, он всегда был неглупым, – задумчиво протянул отец. – Даже чересчур. Потому я и оставил тебя ему и Наташке.

«Наташка» в адрес мамы покорило. Внутри вскипела обида на человека, бесцеремонно ворвавшегося в его жизнь и так фривольно распоряжавшегося ценностями этой жизни.

– Что он еще тебе говорил?

– Зачем вы меня им оставили? – словно не слыша его, спросил Володя.

Ник ухмыльнулся жесткой и властной улыбкой. Слово бы какое-то дворянство мелькнуло в ней.

«У советского ребенка не может быть такой улыбки», – почему-то пришло в голову Володе.

– Вопросы – это хорошо, – кивнул Ник. – Я оставил тебя, потому что так было нужно.

– Кому?

– Тебе. Мне. Всем. Это трудно объяснить. Со временем ты поймешь. Нужно было вырастить тебя.

– Разве кто-то может сделать это лучше родителей? – сердито поинтересовался Володя. Он не понимал, что именно его злит, но что-то при общении с отцом вызывало постоянное раздражение.

– Если родители простые люди, то никто. Но...

Николай замялся.

– Но что? Вы не просто человек, а маг?

Николай едва заметно напрягся, глаза яростно блеснули, но голос прозвучал ровно:

– Что ты заладил, маг да маг? Да, я маг. Но что ты об этом знаешь?

– Ничего, – честно признался Володя. – Просто когда к тебе приходит посторонний человек, следит за тобой, как в шпионском фильме, потом называется твоим отцом, хотя ты всю жизнь считал папой другого человека, а потом именует себя магом, то... Как-то все это странно звучит, не находите? Возникает вопрос: а не свихнулся ли кто-то?

– Неправильный вопрос у тебя возникает.

Николай повернулся, застегнул плащ доверху и зашагал по мосту в сторону Васильевского спуска.

– А какие правильные? – догнал отца Володя.

– Например, передается ли это по наследству? Способны ли дети магов овладеть волшебством? – не оборачиваясь, произнес отец.

Володя поравнялся с ним и вскользь глянул на лицо отца. Нет, этот вопрос его не интересовал. Он совершенно четко понял сейчас, что способности передаются. По крайней мере, в его случае. И он может стать таким же магом, как и Ник. Может, иначе бы Николай никогда не появился в его жизни.

– А они передаются? – спросил вслух.

– А они передаются, – самодовольно ответил Ник.

– Значит, я тоже могу?.. – Володя запнулся.

Они миновали храм Василия Блаженного и вышли на Красную площадь. В сердце столицы народ гулял в любое время дня и ночи, потому Володя осекся. Магия – не та тема, о которой надо говорить во всеуслышание. Во всяком случае, ему так показалось.

– Можешь что? – Ника наличие сторонних слушателей, кажется, ни разу не задело.

– Ну, там фаерболы метать, – пожал плечами Володя.

– Где ты набрался этой пошлости? – удивился Ник.

– А что? – смутился Володя.

– Мальчик мой, метнуть фаербол, как ты выразился, ты сможешь. Но это довольно неэффективно и чаще всего бессмысленно. Ты можешь мне объяснить, зачем себя раскрывать мощным и бесполезным по сути заклинанием, когда можно манипулировать незаметно?

– Чем?

– Всем.

– То есть, – не сдержал ехидства Володя, – вы всемогущий?

– Ты сомневаешься?

Они поравнялись с Историческим музеем, за спиной грохнули куранты. Володя покосился на часы. Зябко повел плечами. За время прогулки сильно похолодало. Осенними вечерами холодает быстро. Да и прогулка затянулась. Кто бы мог подумать, что прошло уже два часа?

– Одиннадцать, – бросил Володя. – Мне домой пора.

– Ты усомнился, – напомнил Ник с сердитой обидой. – И без доказательств не уйдешь.

– Вы хотите показать мне какое-то заклинание прямо сейчас? – опешил Володя.

Николай его будто не услышал. Он напоминал человека, простого человека, чью профессиональную гордость задела.

Ник обвел глазами людей, стоявших возле памятника Жукову, задержался на Музее археологии Москвы, отметил оживление на Манежной. И только повернувшись к воротам в Александровский сад, удовлетворенно хмыкнул.

– Идем! – бросил он тоном, не терпящим возражений.

– Куда? – Володя с холодком отметил будку милицейского поста у ворот, мысленно надеясь, что с этими магичить Ник не станет.

Отец шел легко, широкими размашистыми шагами. На лице появилась торжествующая ухмылка.

– Вот стоят неземной красоты наши меньшие братья – менты, – пропел он, убивая на корню все Володины надежды. – Как увижу фуражки, тотчас становлюсь мизантропом³. Тра-ля-ля.

– Что вы делаете? – не выдержал Володя.

Впрочем, тут же и умолк, услышав собственный голос. Тонкий и жалкий.

А Ник вместо ответа устремился навстречу воротам и стоявшему рядом с ними защитнику правопорядка.

У Володи нарастало чувство опасности. Такое испытывал в детстве, предвкушая нагоняй от мамы за провинность. Или когда в кино смотрел ужастик, который при свете дня не столько страшный, сколько противный, но в темном зале, с хорошей картинкой и звуком,

³ Песня Тимура Шаова.

с гнетущей музыкой, готовящей к резкому выплеску адреналина... Володя поймал себя на том, что стоит, в то время как отец уже преодолел половину пути до ворот.

Спохватившись, он бросился следом, но было поздно. Ник легко скользнул в ворота и резко зацепил плечом стоявшего рядом милиционера. Толчок вышел на удивление сильным, да и не ждал его хранитель правопорядка.

От удара мента развернуло и отбросило в сторону. С головы его слетела фуражка. На одутловатой физиономии появилось встревоженное удивление, которое тут же сменилось яростью. Глаза стража порядка полыхнули злобой.

Покрасневший милиционер надулся, как перекачанный мяч, и угрожающе двинулся на Ника. К этому моменту Володя добрался до отца, но, не зная, что делать, застыл в нерешительности.

А дальше все произошло в одно мгновение. Николай коротким движением привыкшего командовать человека выбросил вперед руку и шевельнул пальцами, словно разворачивая перед носом мента невидимое удостоверение. И оно неожиданно подействовало лучше, чем всамделишное.

Открывший было рот, еще секунду назад полный решимости милиционер словно споткнулся. Закашлялся и стал похож на растерянную собаку, получившую поводком поперек спины и чувствующую вину перед хозяином.

Володя недоверчиво зажмурился, открыл глаза, но картина не изменилась.

– Убор подбери, – тихо, но емко потребовал Ник.

Милиционер засуетился. Подхватил упавшую фуражку и принялся прилизывать встопорщившиеся вихры.

– П-простите, товарищ...

– Не надо званий, – попросил Ник таким тоном, что мент снова поперхнулся.

– Простите, – он нахлобучил, наконец, фуражку и попытался вытянуться во фронт.

Вышло паршиво, пивное брюхо помешало. Милиционер снова засуетился. Его коллега, рванувший было в самом начале на помощь, теперь благоразумно вернулся в будку и смиренно засел там от греха подальше.

Ник молча пошел дальше, мимо Вечного огня. Несчастный мент попытался рывнуться следом, но отец лишь бросил, не оборачиваясь:

– Провожать не надо.

Пораженный не меньше милиционера Володя засеменил вдогонку. Милиционер снова напрягся, но тут же и расслабился, услышав:

– Мальчик со мной.

Но совсем расслабиться он смог даже не тогда, когда Ник скрылся из виду, а много позже, приняв на грудь двести пятьдесят согревающего успокоительного. Как тут не нервничать, когда чуть не повязал самого, страшно сказать...

* * *

– Что это было? – спросил Володя, когда всполохи Вечного огня остались за спиной.

– А что ты видел, мой мальчик? – ядовито ухмыльнулся отец.

– Ничего, – честно ответил Володя.

– А ничего и не было.

– Но он-то...

– А он, – довольный собой Ник остановился и поднял кверху палец, – видел. И ему этого зрелища надолго хватит. Так-то. А ты говоришь – фаербол. Еще вопросы?

Ник поглядел на Володю. Тот задумчиво смотрел мимо.

– Как? – спросил он наконец.

– Ты начинаешь задавать правильные вопросы, мой мальчик. Это небольшое внушение, усиленное тем, что называется «иллюзия». Не самая сложная. Мага такой ерундой не проведешь, а обыкновенного человека запросто. Я могу сделать так, что он будет видеть не

то, что есть, а то, что нужно мне. Тем более вы и так видите не то, что есть на самом деле.

– А та решетка... – припомнил Володя. – Это тоже «иллюзия»?

– Нет, она настоящая. Просто во время нашей первой встречи я ее открыл. Не отмычкой, магией. Такое заклинание доступно не каждому чародею, но я тебя научу. Когда-нибудь, если ты будешь послушен и прилежен.

– Ты же сказал, что магические способности передаются по наследству, – попытался подловить собеседника Володя.

– Но их надо еще и развивать, – парировал отец. – Ты пока еще не маг, но можешь им стать. Хочешь?

Ник остановился возле кишки перехода, упиравшейся в стеклянные двери метро. Володя задумчиво смотрел внутрь себя.

– Можешь не отвечать сейчас, – великодушно разрешил Николай. – Встретимся через три дня.

– Где встретимся?

– Я сам тебя найду, – ответил Ник и кивнул на провал перехода. – Иди.

Володя поспешил к метро. Потом вдруг пришла мысль, что торопиться-то особенно некуда. Все равно уже опоздал.

Он замедлил шаг и обернулся. Но Ника уже не было.

* * *

От метро до дома Володя дошел быстро. Не столько не желая увеличивать размер повода для ссоры с родителями, сколько боясь замерзнуть. Ночью похолодало основательно. Жухлая трава и палые листья подернулись инеем. Тем теплее показался родной подъезд.

Лифт дожидался внизу приятным сюрпризом. А наверху опять барахла лампа дневного света. Лишь изредка помаргивала в предсмертных конвульсиях. В темноте, разбавленной жалкими мерцаниями полудохлого светильника, с замком пришлось повозиться.

Когда же дверь удалось открыть, на пороге уже ждал папа. Лицо его было недовольным.

– Привет, – деланая бодрость далась Володе с трудом. Очень хотелось спрятать взгляд. – А где мама?

– Спит.

– Устала?

– Расстроилась. Ты обещал ей фотографии показать, а сам шляешься где-то.

Володя попытался понять, наезжают на него или нет, но так и не придя к какому-то выводу, на всякий случай решил защититься:

– А в чем, собственно, проблема? Ты же сам сказал, что это мое решение и на меня никто не давит.

– Решение твое, – очень мягко, с какой-то грустью согласился папа. – Только зачем обещать то, чего не выполняешь?

Володя окончательно стушевался. Скандальничать с рассерженными родителями еще имело какой-то смысл. Ругаться с расстроенным папой не хотелось вовсе.

– Извини, – буркнул он и пошел к себе в комнату.

– Не стоит, лучше перед мамой извинись. И Ольга тебе звонила. Она волнуется.

Володя обернулся и посмотрел на папу. Тот стоял, тщательно скрывая огорчение и волнение. В голове тут же возникла мысль о собственном свинстве.

– Я позвоню, пап. Обязательно позвоню.

– Обязательно позвонишь, – кивнул папа, взяв себя в руки и приободрившись. – Только завтра. После десяти вечера звонить неприлично.

– Это же Оля, – улыбнулся Володя.

– В первом часу ночи неприлично звонить даже Оле, – папа подошел, хлопнул его по

плечу и улыбнулся в ответ. – Завтра позвонишь.

Ольге он все-таки позвонил. Тихо набрал номер.

– Алло, – сонно ответила трубка.

– Привет, – полушепотом поздоровался Володя.

– Привет, – в сонном голосе стало возникать недовольство.

– Я тебя люблю, Оленька, – поспешил Володя.

Трубка на секунду умолкла. Затем Оля снова заговорила, но голос звучал мягче. Видимо, она все же решила сменить гнев на милость.

– Я тебя тоже. Ты куда пропал? Не звонишь, не подходишь, дома нет. Я волнуюсь.

– Я... – Володя запнулся. – У меня тут очень много всего произошло. Давай завтра встретимся, и я тебе все расскажу. Хорошо?

– Хорошо.

Они договорились, где и когда встретятся, и Володя попрощался. На кровать завалился, чувствуя усталость, но сон не шел. И он долго еще лежал и глядел в потолок.

По потолку разбегались причудливые тени. В этих тенях, в рисунке на обоях ему виделись маги, способные движением руки подчинить себе злющего офицера милиции, и кремлевские башни, и изгиб Москвы-реки.

Володя сам не заметил, как заснул. Во сне был все тот же изгиб реки. Только Кремля не было. На берегу чуть поодаль стояла деревенька, и в деревеньке этой творилось что-то неладное.

* * *

...Среди домишек высился боярский терем, высокий и красивый.

Боярину Кучко принадлежало несколько деревень по Москве-реке, но любя ему была именно эта. Оттого и терем здесь заложил с особой любовью. Тут и жил, покуда лихо не случилось.

Князь Юрий на чужом дворе чувствовал себя как дома. Двор был широк и пуст, дворовый люд попрятался. За спиной остался частокол, ворота и перепуганные, но любопытные деревенские. Да свои люди, что отвечали за десницу и шуйцу да берегли спину.

– Ката зови! – потребовал князь и огладил окладистую бороду.

Кто-то из княжьих людей метнулся за ограду. Боярин же, что стоял перед ним и держал ответ, сжался, втянув голову в плечи, но стоял крепко, с вызовом. Это злило князя. Он сердито дернул рукой, проредив на клочок бороду. От боли злости прибавилось.

– Где кат?! – взревел во всю глотку.

Палач, широкоплечий детина со злыми бегающими глазками, был уже рядом.

– Здесь, княже.

Юрий недобро посмотрел на палача:

– Где тебя носит, шельма?

Кат смиренно молчал. По опыту знал, что князя злить не с руки. А коли осерчал, лучше и вовсе слова не говорить. Потому лишь прятал взгляд, водя очами по забору, просевшим, чуть не вросшим в землю избенкам, широкому, утопанному до каменистого состояния двору, да людишкам, перепуганным и бледным.

– Внемлю, княже, – подал голос кат, не дождавшись повеления.

Князь расправил плечи. Хрустнуло вовсе не по-княжески.

– Повелеваю, – пророкотал князь. – Взять сего боярина, имя которому Кучко, и карать люто, покуда хвалу петь не начнет Богу единому и власти, Богом данной. А после забить до смерти. Тело псам скормить, чтоб и памяти не осталось.

Боярина трясло. В глазах стояла смертная тоска и страх пред лютой смертью. Кат, что сам трепетал пред князем, к провинившемуся боярину устремился с поспешностью, достойной лучшей челяди. Кучко лишь вобрал голову в плечи и стиснул в дрожащих пальцах странного вида обережку – круглую бляху с хитрым символом, начертанным одной

линией.

Через минуту двор наполнился криками боли. Любопытные людишки дали деру. Князь смотрел на мучения боярина с мрачным удовлетворением. Потом принялся морщиться. А как крики стали невыносимыми, поспешил прочь.

Боярин Кучко орал до хрипу. Потом связки стали сдавать, да и дух нечестивого боярина уже торопился покинуть брренное тело и устремиться на Божий суд, откуда путь ему был один – ко вратам ада. Но кат свое дело знал справно. И муки боярские продолжались.

Недюжие магические способности спасали боярина многократно, но только не в этот раз. Несмотря на всю свою силу, маг не мог избежать страданий, которым подвергалось тело. Он был занят тем, чтобы не отдать то, что дороже жизни, врагам. И от беспомощности своей телесной страдал в разы сильнее душою.

К ночи князю доложили, что боярин Кучко дух испустил, но прежде бормотал что-то, словно Господа и светлого князя поминал.

Поминал боярин и в самом деле князя Юрия. Причем не только князя, но и весь его род до седьмого колена. Только слова были не светлыми хвалебными, а черными и паскудными. И еще кричал он нечто совсем непонятное о некоем «грязном облаке», что на источники ляжет...

Юрий о том не узнал. Напротив, услышав о «покаянии» и кончине нехристя возроптавшего, успокоился и на радостях от такого повиновения пащенков Кучковичей велел взять с собой. Взяли. Приняли в услужение.

Это дело князю Юрию, по смерти прозванному Долгоруким, аукнулось черным днем. Не стоило князю слушать наветы да верить поклепу на боярина. Хоть в деревнях по реке Москве, что Кучко принадлежали, и поклонялись богам прежней веры, а слова гадкого, на которое осерчал князь Юрий, боярин не говорил.

Незачем было чародею недобрым словом поминать князя, который не то что в магах разбору не имел, а и о волхвовании не ведал вовсе. Никогда бы не связался маг с простым, хоть и власть имущим смертным. Всегда бы договорился. Вот только князь слушать ничего не хотел. И последний вопрос, что мучил умирающего боярина, в одно слово умещался: «Кто?»

Кто тот скрытый враг, что, используя князя Ростово-Суздальского и великого князя Киевского, отобрал его владения и попытался отбить у него два мощных, необычно близко расположенных источника, что находились на холмах у реки Москвы?

И хоть князь Юрий завладел землями боярина и заложил на тех землях город, он так никогда и не узнал о той мощи, что попала в его руки. Город еще долго звался Кучковым, затем сменил имя, прозвался Москвой.

А потомки боярина-мага Степана Ивановича Кучко потери не забыли и не простили. Нет, не те сыновья Кучко, коих князь Юрий взял в Суздаль. И не дочь боярина Улита, на которой женил своего сына Андрея, прозванного Боголюбским. Были у опального боярина и другие отпрыски, не отмеченные в летописях и памяти людской, но имевшие свою собственную память, более крепкую, нежели у потомков, что ушли с Ростово-Суздальским Долгоруким, многое к рукам прибравшим...

* * *

На кухне пахло крепким свежесваренным кофе. Мама стояла у плиты и жарила глазунью. Папа по традиции листал какую-то распечатку и хмурился.

– Доброе утро, – приветствовал их Володя. – Мам, извини. Я вчера задержался, и с фотографиями не вышло. Сегодня в десять дома, как штык. И все тебе покажу.

Он уселся к столу. Мама неуловимым движением стряхнула яичницу со сковороды на тарелку. Всегда удивлялся, как у нее так получается жарить яичницу, что та не только не пригорает, но скользит по сковороде.

– Хорошо?

Мама подошла к столу, поставила перед ним тарелку. Кивнула:

– Хорошо.

Володя украдкой посмотрел на папу. Тот сидел, уткнувшись в чужую диссертацию, или что там у него, и делал вид, что ничего не замечает. Но по довольному лицу было видно – ни одно слово мимо его ушей не прошло.

– Пап, – позвал Володя. – А ты знаешь, кто такой Кучка?

Тот оторвался от распечатки и в крайнем удивлении приподнял бровь.

– Кучко? Ты имеешь в виду боярина Степана Ивановича Кучко?

Володя кивнул и налег на яичницу.

– Был по преданию такой суздальский боярин. Владел деревнями, расположенными на Москве-реке. А чего ты вдруг им заинтересовался? Не замечал за тобой страсти к истории.

– Так... – пожал плечами Володя. – А что с ним стало?

– Был казнен Юрием Долгоруким. По одной из версий князь велел убить его за грубость и присвоил себе его земли. По другой – виной всему жена боярина, на которую князь глаз положил. Об этом писал Татищев. Вообще там много легенд, хочешь, возьми почитай Забелина. Он вполне доступно все это расписывает.

Володя задумчиво покачал головой, отставляя пустую тарелку, и пригубил кофе. Забелина читать не хотелось. Вообще, зачем читать кучу нудятины, когда рядом сидит папа-историк, способный дать выжимку?

– Ты говоришь – легенды, – сказал он. – А на самом деле как было?

– А на самом деле никто не знает, – ответил папа. – Может, все это миф? Кучко появляется в поздних летописях. В ранних его не было. Только Кучковичи – то есть дети Кучко. Эти прославились заговором против князя Андрея Боголюбского – сына Долгорукого. Так что, возможно, никакого Кучко вообще не было.

– Был, – уверенно заявил Володя.

Папа посмотрел на него странно и повторил вопрос:

– И все-таки с чего ты вдруг им заинтересовался?

Володя отвел взгляд и одним глотком допил чашку.

– Этот Кучко мне всю ночь снился, – признался он.

* * *

Казненный боярин не давал покоя до обеда. Володя гнал от себя мысли о чудном сновидении. Пытался записывать лекции, но сбивался. Мысли все время возвращались к казни, случившейся сотни лет назад. Он попытался читать книжку под столом, но строчки плясали перед глазами, растряхивая смысл. В конечном итоге пришлось вернуться к автоматическому конспектированию лекции.

На перемене за стол рядом плюхнулся Андрюха.

– Вовик, пиво пьем?

Володя помотал головой.

– Ну, пошли хоть без пива, – предложил Потапкин. – Пофоткаешь.

– Извини, сегодня никак.

– Зануда, – подвел итог Андрюха и ретировался.

Володя не стал спорить, но высидеть последнюю пару не смог. Сбежал. Чем немало удивил Потапкина. А удивительного ничего не было. Его ждали.

С Олей он встретился на «Пушкинской». Они выпили кофе в кофейне возле метро и пошли гулять по бульварам. Историю про отца Ольга выслушала с пониманием, которого не хватало самому Володе.

– Теперь понятно, куда ты пропал.

– Ты не сердись? – спросил Володя.

Девушка отрицательно покачала головой. Они шли мимо застывшего Есенина, что задумчиво смотрел на таджиков в оранжевых жилетках, собиравших листву в черные

полиэтиленовые мешки.

– Какие страшные люди, – заметила Ольга.

– Почему?

– Они убирают осень в мешок. По-моему, это жутко. Не хочешь сделать кадр?

– Я не знаю... – невпопад ответил Володя. – Не знаю, как жить. Иногда вроде бы все понятно и все как всегда. А в другой раз я начинаю об этом думать и выходит, что посторонний человек мне родной отец, а папа с мамой совершенно чужие люди.

Ольга нагнулась и подняла несколько ярких листов.

– Мне кажется, ты говоришь глупости. Ты же сам сказал, что этот родной отец совершенно посторонний человек. Так? Так. И как, скажи мне, люди, роднее которых у тебя нет, могут быть посторонними?

– Но ведь по крови... – начал было Володя.

– Кровь – это такая условность, – отмахнулась девушка. – У тебя же папа историк. Ты должен знать, что все попытки отталкиваться от крови заканчивались кровопролитием. Главное – оставаться человеком.

Володя остановился. Это нечаянно оброненное «остаться человеком» резануло по уху. Перед внутренним взором возник Николай:

«Ты пока не маг. Но можешь им стать. Хочешь?»

Это звучало как предложение яблока с запретного дерева.

«Хочешь?»

Словно предлагалось что-то крамольное.

«Хочешь?»

Словно соревнование с богами во всемогуществе.

Володя потряхнул головой и посмотрел на Олю:

– А если я не человек, что тогда?

– А кто? – не поняла она.

Он запнулся, не зная, что ответить. Пускаться в откровения было страшно, хоть и хотелось.

– Да кто угодно, – пошел на попятную. – Хоббит с волосатыми ногами, эльф с длинными ушами, орк со свиным рылом. Не человек.

– Глупый ты, Вовка, – улыбнулась Оля. – Человек ведь другим определяется. Кому какое дело до твоих ушей? Веди себя, как человек, человеком и будешь.

«Вести себя, как человек...»

Володя снова вспомнил Ника. Отец пнул мента, а потом еще морально по нему потоптался. И все для того, чтобы доказать ему, сыну, что-то, что и доказывать не нужно было. По-человечески это? По-людски, да, но...

В конце концов, как любит повторять Андрюха Потапкин, есть только поступки. Все остальное не важно. Сказать можно что угодно. Выглядеть можно как угодно. Единственное мерило всему – поступок. Сделал ты что-то или не сделал.

Он притянул к себе Ольгу и поцеловал долго и нежно.

– Я тебе говорил сегодня, что я тебя люблю?

– Нет.

– Говорю.

* * *

Три дня прошли в ожиданиях. Володя мило общался с родителями, гулял с Ольгой, ездил в университет и на работу. Везде все было как обычно. Во всяком случае, внешне. Но за внешней невозмутимостью внутри у него бушевал ураган.

Станный сон приходил еще раз. На другую ночь привиделись двое Кучковичей. Не те, что ушли с князем Долгоруким, а те, которых не помянули в летописи. Володя не знал их имен, но знал, кто они. Старший больше походил на отца. Тот, что помладше, был

миловиден и женоподобен.

Впрочем, в той сцене, которую Володя увидел во сне, оба выглядели довольно паршиво.

...Грязные, промокшие и озябшие, они топали по берегу реки, под высоким обрывом. Была глухая, холодная осень. Ночь отливала серебром. Бельмом в черном небе маячила полная луна.

Потом старший остановился и молча указал наверх. Младший кивнул. Выглядело это словно сцена, выдернутая из немого кино. Вот только весь остальной мир жил и звучал, оттого молчание двух братьев казалось еще более жутким.

Все так же молча старший, а следом младший принялись карабкаться по глинистому откосу. Срывались, месили грязь, ломали ногти, но лезли без единого звука.

Наверху, над рекой, стоял покосившийся идол. Кумир богу, имя которого низвергли в забвение в угоду тому, что не терпел соперников. Старший Кучкович вскарабкался первым. На идола даже не поглядел, встал над обрывом и всмотрелся в серебряную ночь, в черное небо.

Младший тем временем, не поднимаясь с колен, подполз к основанию кумира и принялся бормотать что-то себе под нос. Старший обернулся, зло поглядел на брата, шагнул к тому и отвесил хороший подзатыльник. На глазах у младшего выступили слезы. Блеснули в свете луны.

– Не смей, – грозно прошептал старший. – Это всего лишь дерево.

– А чего ж тятка их по всем деревням расставил?

– Да уж знамо дело не поклоны бить. Встань.

Младший поднялся и утер нос измаанным рукавом, отчего рожа стала чумазой.

– Что ж он, безо всякого бога жил? – он шмыгнул носом.

– Бог нужен тем, кто боится. Бог нужен тем, кто находится во тьме неведения. Тем, кто знает, не нужно придумывать богов. Ни старых, ни новых. Он же открыл тебе глаза, научил видеть.

– Видеть и понимать не одно и то же, – огрызнулся младший. – Ты вот знаешь?

– Не все, – покачал головой брат. – Если бы тятя успел научить... Если б я знал, что так станет, учился бы прилежней.

Он снова повернулся к идолу спиной и уставился вдаль, где шумели темные деревья, серебрилась рябью река.

– Если он всего лишь бревно, – донесся из-за спины робкий голос, – если нет богов, тогда для чего отец ставил идолов?

– Людям нужны боги, – пожал плечами старший, не будучи уверенным в том, что правильно истолковал замысел отца. – И потом, насколько я помню, он отметил вот этим столбом два самых лучших источника.

– Я не вижу даже одного, брат.

– Я тоже, – признался старший. – И это очень странно. Но я чувствую их. Эх, жаль, нас не было здесь в тот день, когда все случилось. И почему никто из нас не обладает хотя бы десятиной мощи отца?

– Думаешь, это тятя скрыл источники заклинанием? Тем самым... как его, «грязное облако»?

– Не знаю, но клянусь...

Рука старшего нырнула за ворот. Пальцы дернули с шеи оберег. На ладони появилась круглая бляха с символом, начертанным одной линией. Та странным образом переплеталась, складываясь в замысловатую фигуру.

Старший стиснул оберег, поднял голову к небу. Глаза его заблестели под полной луной, а голос стал надрывным и ломким:

– Клянусь, что мы вернем свои источники и снимем твое заклинание, отец. А если жизни не хватит, детям завещаем.

Он замолчал. Молчал и младший. И оба смотрели в небо. Все же бог нужен людям.

Даже тем, которые веруют, что его нет...

* * *

Прошло три дня, а Ник так и не появился. Не пришел он и на четвертый. Володя занервничал, но объяснять близким причину волнения было труднее, чем терпеть душевные терзания. И он упорно делал вид, что ничего не произошло.

– Ты чего такой прибитый? – подошел как-то на перемене Потапкин.

Володя глянул на приятеля – не издевается ли? Но Андрюха был на удивление серьезен.

– Каша в голове, – честно признался Володя. – Мысли путаются. Брось, Андрей, дольше объяснять.

Андрюха хмыкнул и кивнул:

– Не лезу. Но если чего надо, свисти.

«Если чего надо», – дернулось в голове.

А чего ему надо? Он и сам толком не знает, чего ему нужно.

С одной стороны, он очень хотел бы, чтобы Ник никогда не возникал в его жизни. С другой, пропажа отца, обещавшего заявиться через три дня, злила. Хотя, конечно, если отец появится, он, Володя, ответит ему отказом. Пошлет с его магией раз и навсегда. И все станет, как раньше. Оля права, главное остаться человеком.

Да, главное оставаться человеком, но, с другой стороны, как заметила та же Ольга, главное – вести себя, как человек. Все остальное не важно. Так что отказываться от магических навыков, которые сами валятся на голову, глупо. Главное использовать их во благо, а не для собственной пользы. Отверткой можно винты закручивать, а можно брюхо пропороть. Не в отвертке же дело, а в том, в чьих она руках.

Доведя размышления до этого места, Володя обычно радовался. Но недолго. На смену радости приходила подленькая мысль, что честных магов, использующих свою силу во благо всем, а не на пользу самому себе, в природе существует не больше, чем политиков с чистыми руками. Любая власть: политическая, магическая, экономическая, – портит людей. Любой, имеющий власть, подчиняет чужую волю. Любой подчиняющий – слабак, имеющий силу и пользующийся ей в угоду собственной слабости.

Значит, от этой силы следует отказаться. Но сладость запретного плода манила и заставляла придумывать, что он сильнее прочих. Что он – другое дело. Что ему достанет сил пользоваться новым умением только во благо.

И сам понимал, что все эти оправдания выглядят надуманными, и смущался своего понимания. И бесился, заставляя себя думать, что все это ерунда, что он и в самом деле никогда не рвался к власти, власть ему не нужна, а значит, он сумеет ею правильно распорядиться. Но тут вспоминал, что ничем он распорядиться не может. Потому что человек, способный его научить всему этому, пропал. И где его искать, нет ни малейшего представления.

Он должен был появиться сам, а вместо этого...

И мысли начинали скакать по кругу, и замыкались в кольцо, пока Володя не понимал, что в голове каша. Тогда он пытался разорвать порочный круг бредовых измышлений. Но попытки упорядочить хаос в голове приводили лишь к еще большему хаосу.

Ник появился через полторы недели.

* * *

В тот день напарник собрался уходить около шести.

– Саньчу привет, – подмигнул он Володе.

– Если я его вдруг увижу, передам, – пообещал тот. – Только его две недели уже не было. Только по телефону.

– Утром в понедельник заезжал, – поделился напарник. – Цветущий, как герань.
– Почему герань? – не понял Володя.
– Цветет и пахнет. Причем так резко и мерзко, как будто на себя полфлакона дешевого одеколона вылил. Не иначе бабу завел.
– С чего ты взял?
– Душится, не придирается. Раньше каждый день глаза мозолил, сейчас один раз за две недели появился. Провонял тут все своим парфюмом и лыба десять на пятнадцать. Делай выводы, салага.

И напарник усвистал домой. Володя делать выводы не стал, какая ему разница, есть у начальства женщина или нет и с кем Владлен Саныч на старости лет романы крутит. Но от заикленных мыслей история начальника отвлекла. С романов Саныча он переключился на клиентов с их заказами и на удивление спокойно доработал три часа до закрытия.

В девять, не обращая внимания на проснувшийся телефон, выключил свет, вырубил аппаратуру и запер дверь. Выйдя наружу, Володя запахнул куртку и застегнул молнию под самый нос. А ведь еще пару недель назад, когда впервые встретил Николая, было совсем не холодно. Вяло удивился тому, что в голове опять всплыл отец, словно вся жизнь разделилась на два периода: до встречи с Ником и после нее.

Он чертыхнулся, а ноги сами уже несли в противоположную от метро сторону. К двору-колодцу с зарешеченной аркой.

За спиной тренькнул трамвай. Володя обернулся и вздрогнул. По рельсам катило нечто, похожее на аквариум на колесиках, пыхтело и выбрасывало искры из высокой трубы.

Володю подбросило, как испуганного кота. Еще не понимая, что произошло, он закрутился на месте.

Улица выглядела странно – искаженные здания, машины, более похожие на тени из сна безумца. Лишь светили, как раньше, неприятным желтым светом фонари. А впереди, напротив арки, у обочины маячила одинокая фигура в плаще.

Володя пошел навстречу отцу.

– Ты обещал прийти через три дня, – издалека бросил он. – Прошло одиннадцать.

Ник не отреагировал. Стоял, гордо вскинув голову, и ветер трепал полы его плаща.

– Здравствуй, мой мальчик, – произнес он, когда Володя остановился в нескольких шагах. – Ты готов озвучить свое решение?

«Нет, мне это не нужно», – пронеслось в голове.

– Не люблю необязательность, – недовольно буркнул Володя.

– Ты решил?

«Нет! – хотелось крикнуть ему. – Нет, не решил. И не хочу иметь с тобой ничего общего. Как тебе можно верить, если ты не держишь слова даже в мелочах? Как доверять, если я о тебе ничего не знаю?»

Но он стоял и молчал. А перед ним возвышался Ник. Один, хотя и на людном тротуаре. Посреди искаженного, жуткого города, освещенного желтым противным светом.

Володя устало подумал, что отец устроил это специально, чтобы продемонстрировать возможности, которых у сына никогда не будет, если тот скажет «нет».

– Твое решение, – чеканя слова, произнес Николай.

Он казался сейчас Володе центром мироздания. Режиссером на пустой сцене. Богом, стоящим посреди небытия, оформленного под московскую улочку. Демиургом, размышляющим над устройством будущего мира.

– Я... – Володя запнулся.

Горло перехватило судорогой. Глупо отказываться от таких возможностей. И он сможет использовать дар во благо. Он останется человеком.

– Я согласен, – сипло произнес он.

Ник улыбнулся. Секунду Володя не видел ничего, кроме этой улыбки, а потом мир вокруг стал обычным. По ушам резко ударили звуки вечерней Москвы. Трамвай, уехавший совсем далеко, завернул за угол. И свет желтых фонарей стал не таким болезненно ярким.

– Правильный выбор, – произнес Ник, и в голосе его прозвучала самодовольная нотка.

Глава 4

Очередная кофейня сети, увековечившей в своем названии полотно французского живописца, имя которого мало кто вспомнит, находилась рядом с книжным магазином на Никитском бульваре. По всей вероятности, именно это соседство и отразилось на интерьере кофейного подвальчика. Стены зала украшали не бездарные копии, а довольно топорно сделанные портреты женоподобного Блока, хулигана Есенина, ядовитого Антоши Чехонте...

Даргри устроился под изображением Михаила Афанасьевича, который ему показался симпатичнее всей остальной писательской братии. По слухам, автор сакраментального: «напоминают прежних... квартирный вопрос только испортил их...»⁴ был обычным человеком и к магии касательства не имел. Хотя, видимо, где-то что-то узнал такое, чего простому смертному знать не обязательно. Иначе откуда столько фантазий?

Подошел официант. Даргри заказал коньяк и кофе. Пока несли рюмку, выудил сигариллы. Своего компаньона в извечном пиджаке спортивного кроя он встретил, слегка расслабившись.

– Приветствую, – кивнул Степан. – Я так понимаю, мне опять спиной к залу сидеть? Это, знаешь ли, неудобно.

– Приходи раньше, – пожал плечами Даргри, – будешь сидеть, как тебе захочется.

Он затаился и выпустил дым. Его собеседник поморщился и замахал рукой, отгоняя едкие сизые клубы.

– Ну и вонючие же они у тебя.

– Мне нравится, Стефано. Кстати, и тошнيلовка эта выглядит весьма прилично.

– Неужели понравилось? – удивился Степан, пропустив мимо ушей итальянскую вариацию своего имени.

– Не так, чтобы очень. Но в этом есть свое скромное очарование. Бульварное кольцо, Чехов на стене... И самое главное – здесь тихо и нет лишних людей. – Он окинул взглядом пустой зал. – И нелюдей тоже нету.

Степан усмехнулся.

– Ваше благодушие меня настораживает, магистр.

– Хочешь испортить мне настроение? – Даргри пригубил коньяк и задержал в руке пузатую рюмку. Изящно оттопыренный палец нервно задергался, постукивая перстеньком по стеклу.

Степан хищно растянул губы:

– Нет, все идет своим чередом. Они встретились. Старый шут сделал мальчику предложение, от которого тот не мог отказаться. И он согласился.

– Он уже видит реальный мир? – Даргри стал похож на почуявшего лисицу спаниеля.

– Еще нет, но, думаю, все случится скоро.

– Поосторожнее. Старик бездарен, но мальчик может быстро сориентироваться. Не засветись.

– Не засветись, – фыркнул обладатель спортивного пиджака. – Старик... Этому старику лет не больше, чем тебе, Даргри.

– И немногим больше, чем тебе, – парировал тот.

– Я молод душой, магистр, – усмехнулся Степан.

– А я вовсе вне возраста, магистр, – в тон ему ответил Даргри.

– Таким галопом ты договоришься до того, что вечен.

– Вечно не живет никто, даже слэш умирают. – Даргри с тоской затушил сигариллу и залпом допил коньяк. – Пора бы об этом знать.

⁴ М. Булгаков «Мастер и Маргарита».

* * *

На другой день Володя проснулся счастливым. Нет, не то чтобы в жизни появилось что-то новое и он обрел великое счастье. Вовсе нет. Просто исчезла неопределенность. Ушли тоска и обида, сгнуло ощущение брошенности. И потеря всего этого показалась несказанным счастьем.

Володя улыбался родителям, в университете со всем возможным вниманием конспектировал лекции и на работу направился в приподнятом настроении.

В первый раз за последние без малого две недели она пошла споро и с удовольствием. Володя принимал заказы, смотрел на клиентов и вспоминал о том, что перед ним живые люди и он живой человек, а не бездушный конвейер с функцией приема и выдачи.

Клиенты и вправду были живыми. За внешними масками, личинами, напыленными людьми для окружающих, просматривалось нечто совсем иное. Эта истинная суть виделась Володе в фотографиях, которые тащили ему на печать.

Вот солидный господин в деловом костюме. Очень успешный. Очень респектабельный. На лице написано, что он имеет неограниченное количество денег, за которые покупаются лучшие женщины. Володя воткнул флешку господина в компьютер и пробежал взглядом по фотографиям. Девяносто процентов снимков можно было окрестить ярлычком «Я и моя собака».

«Успешный, всемогущий, а кроме собаки-то у тебя в жизни никого и нет», – подумал Володя.

А может, и есть, но чувствует богатый мужик в этом лохматом хвостатом четвероногом самое близкое существо. Может, и так, почему нет? Женщины продаются, друзья предают, компаньоны – отдельная статья. Жена думает о шубах и брюликах, дети о «сникерсах» и дорогих игрушках. А единственное родное существо – собака.

Следом за угрюмым мужиком, который улыбался только на фотках с его терьером, явилась пачка клиентов с фотографиями из Турции и Египта. Пленки, флешки, диски... Люди на фотографиях были разными, а виды грошовых курортов одни и те же. Да и фотографирующиеся не отличались оригинальностью: на пляже, в отеле, в накатывающейся волне. Кто-то подставлял ладошку под заходящее солнце, кто-то пытался сжать между пальцами стоявшую далеко на заднем плане пирамиду. И каждый думал, что неповторим в своей придумке.

Володя усмехнулся. Знали бы все эти люди, насколько они банальны. Только один из туристов-фотографов заинтересовал Володю. На трех пленках по тридцать шесть кадров каждая не было ни одного человека, кроме мельком попавших в кадр местных жителей. Никто не позировал. Клиент снимал не себя и свое семейство на фоне достопримечательностей. Он вывез из страны ее маленький кусочек. Не только памятники, но улочки, быт и самобытность. Володя с удовольствием просмотрел все снимки, прежде чем упаковать их в конверт.

А вот на творчество следующего клиента даже смотреть не хотелось, хоть богемный дядька и позиционировал себя как фотохудожника, работающего в стиле ню. Никакой художественности на его фотографиях не было. Малоэстетичные кадры какой-то бабы с пошло раздвинутыми ляжками могли привлечь разве что подростков. И совсем не с позиции искусства.

– О, порнуха, – оценил напарник, заглядывая через плечо.

– А такой интеллигентный дядечка принес, – поделился Володя.

– Скажи мне, что ты фотографируешь, и я скажу, кто ты, – изрек напарник.

Володя припомнил облик богемного дядечки, притащившего это «домашнее порно», никогда бы не подумал, что он способен на такое. Дядечка был чем-то похож на Ника. А от отца он ждал чего угодно, только не порнофоток.

Тренькнул телефон. Володя кивнул напарнику:

– Саныч, наверное.

Тот скорчил страшную рожу, но трубку взял. Впрочем, тут же пихнул ее Володе, добавив с удивлением:

– Это тебя.

Володя взял трубку. И это оказался вовсе не Владлен Александрович.

* * *

Они снова шли по Пятницкой к Кремлю. Только теперь быстрее, чем несколько дней назад. Погода была уже не для неспешных прогулок. Да и сбегаая с работы, Володя клятвенно обещал напарнику вернуться до шести вечера.

– Куда мы идем? – спросил на ходу, когда топать молча надоело. Отец за все время бросил лишь пару дежурных фраз, да и накануне не отличался словоохотливостью.

– Пить кофе, мой мальчик.

Володя не нашел, что ответить, и еще десятка три шагов шел молча.

– Ты так и не ответил, почему пропал на полторы недели.

– Были трудности, – все так же лаконично отозвался Ник.

– Расскажешь?

– Не сейчас.

Они миновали Чугунный мост, вышли к «Балчугу». Николай перешел на правую сторону улицы и толкнул дверь кофейни.

– Проходи, – распорядился он по-хозяйски. – Садись.

Пока отец заказывал кофе, Володя устроился на диванчике в углу возле окна. Ему было до ужаса интересно. Ощущение было необычным и не сказать, что неприятным. Он чувствовал себя героем детской сказки, который оказался на пороге пещеры с сокровищами. Позади обыденная жизнь, впереди гора сокровищ и неизвестность, а внутри пьянящее чувство азарта.

Ник хлопнул перед ним картонный стаканчик с кофе. Уселся на стул, неуловимым движением скинул плащ на спинку.

– Что ты знаешь о мире? – спросил он резко, грея ладони о стакан с кофе.

Володя, успевший потянуть кофейный напиток, поперхнулся.

– Что он не стоит на трех китах, – брякнул первое, что пришло в голову.

– Уже неплохо. Ты можешь представить, что чувствовал человек, который считал, что мир держится на трех китах и имеет форму диска, и которому вдруг рассказали, что все совсем не так? Что Земля близка по форме к сплюснутому эллипсоиду. Что Солнце не садится и не встает, а просто планета поворачивается к нему другим боком.

Володя попытался представить себе средневекового европейца, грязного и неграмотного, околпаченного попами до полной невменяемости, и пожал плечами:

– Я думаю, он не поверил бы.

– Не наш вариант, – покачал головой Ник. – А если бы ему представили неопровержимые доказательства, объяснили бы на пальцах, продемонстрировали бы наглядно?

Перед глазами снова встал тот несчастный замурзанный средневековый дядька. Володя представил, как на того обрушивается эдакое знание. У мужика в видении безумно заблестели глаза.

Володя потрянул головой.

– Наверное, он спятил бы.

– Не наш вариант, – отрезал Ник.

– Я не понимаю, – рассердился Володя. – Ты хочешь мне наглядно доказать, что Земля плоская и стоит на черепахах и китах?

Ник посмотрел на него изучающе, отставил стаканчик с кофе и подался вперед.

– Нет, но я не хочу, чтобы ты спятил, когда увидишь мир таким, какой он есть. И я хочу

быть уверенным, что ты готов его увидеть.

Володя кивнул.

– Я готов.

Взгляды их сцепились. Ник долго всматривался в глаза сына, наконец протянул руку.

– Правую руку вперед. Держи ее ладонью вниз, над моей ладонью.

Володя вытянул кисть и задержал ее над столешницей и ладонью Николая. Он не касался отца, но чувствовал тепло. И какую-то неведомую щекочущую силу. Ощущение было похоже на то, какое возникает, когда друг к другу подносят два магнита. Причем удерживают их на месте. В зависимости от того, какой стороной повернуть магниты, они взаимно притягиваются или отталкиваются. И не давая магнитам сдвинуться с места, сдерживая эту силу, невольно ощущаешь ее присутствие.

– Что чувствуешь?

– Тепло, – сказал Володя и тут же понял, что этого слова недостаточно.

Но объяснить в двух словах чувство магнетической силы он бы не смог.

Ник, однако, все понял без лишних слов. Он едва заметно шевельнул пальцами, пуская волну. Володя почувствовал ее намного ярче, чем прикосновение, невольно вздрогнул, когда закололо под ложечкой.

– Эта сила есть в тебе. Просто она спит. Она закрыта твоим незнанием, как реальность скрыта от тебя Пеленой, – голос отца зазвучал глухо, словно через слой ваты. – Дай этому выход.

Звук плыл, словно на жеваной магнитофонной пленке. Володя почувствовал, что весь мир ограничился точкой, в которой замерли друг против друга две ладони. Уже в следующий миг понял, что не видит и этой точки. Вообще ничего не видит. В глазах потемнело... Но чувства, доселе незнакомые, каким-то невероятным образом заполняли сознание, подсовывая невидимую глазу картинку и разгоняя страх.

– Откройся, – голос Ника гудел в голове так, словно попадал туда помимо ушей. – В тебе есть сила, чтобы не подчиняться власти Пелены. Ты родился с ней. Вспомни ее и дай ей выход.

Ник словно перебирал ассоциации, нащупывал нужные слова, как домушник, подбирающий отмычку. Будто не понимал еще толком, что говорить, но знал направление и тыкался методично, перебором.

– Ты можешь. Это живет в тебе. Жило всегда. Родилось вместе с тобой.

В голове продолжало гудеть. Володя ничего не видел и не слышал. Не было привычных пяти чувств, но появилось новое, шестое. И именно через него открывался заново мир.

К горлу подкатила тошнота. В голове что-то закружилось, словно сместили центр тяжести. Он вздрогнул, кажется, закричал, но крика не услышал. А потом понемногу стали возвращаться ощущения.

Что-то шлепнулось, закапало. Володя услышал, потом почувствовал, как обжигает колено. А через мгновение темнота начала отступать.

Он сидел все так же за столиком на диванчике. Только рука оказалась отдернута к груди. А стаканчик с недопитым кофе лежал теперь на боку, и горячая жидкость растекалась по столешнице, капала на колено.

Володя дернулся, поднял упавший стакан, убрал ногу из-под струйки. Кофейный аромат, витающий в воздухе, подействовал отрезвляюще. Последним вернулось ощущение времени.

Он поглядел на намокшие джинсы, на разлитый кофе, прикинул и понял, что времени прошло всего ничего. К столику подбежал официант с тряпкой, принялся поспешно убирать лужу.

Володя откинулся на спинку дивана и вздрогнул. Официант не был человеком. Походил на человека, но... кудлатая голова, борода кучерявыми клочьями и глаза без белков – первое, что привлекло внимание. Радужка, яркая, насыщенная, заполняла весь глаз от века до века. Как у лошади. Возможно, где-то там, за этими веками, белки и наличествовали, но

видно их не было.

Официант лихо промокнул лужу и пошел обратно к барной стойке, звонко цокая. Володя глянул вниз и... заморгал, пытаясь понять, не пригрезилось ли, но картинка не изменилась. Удивительно широкоплечий и лохматый для такой профессии официант шел, клацая копытами по кафельному полу. И коленки у него смотрели назад, как задние ноги у козла или той же лошади.

– Что это? – едва-едва прошептал Володя и посмотрел на Ника.

Тот сидел напротив как ни в чем не бывало. На губах играла самодовольная ухмылка.

– Это сатра, мой мальчик.

– Сатир? – шепотом уточнил Володя.

Ник напрягся и поспешно полоснул взглядом по спине официанта. Но тот отошел достаточно далеко, чтобы не слышать их разговора.

– Никогда не называй их так. Смертельная обида для сатра. Если б он тебя услышал, была бы драка. Сатра – представители одного из народов, что много тысячелетий живет рядом с нами, с людьми.

– Он тоже маг? – спросил Володя.

– Не все нелюди, кого ты увидишь, маги. Хотя среди представителей гостевых сфер колдунов куда больше.

– Гостевых сфер? Это еще что? Расскажешь про них?

– Не сегодня, – покачал головой Николай. – Сегодня с тебя достаточно. Тебе еще предстоит увидеть Москву, твой родной город, без Пелены. А это серьезное потрясение. Идем.

Ник поднялся, так и не сделав и глотка из картонного стакана.

* * *

Изменения Володя заметил не сразу. Боясь обещанного потрясения, остановился у двери и посмотрел на мир через тонированное стекло. Возможно, тонировка, размывающая очертания, и само расположение кофейни в месте, где не было никаких панорам, сглаживали обещанные трансформации, но ничего необычного Володя не обнаружил.

Он толкнул дверь, шагнул на улицу и... замешкался на пороге в дверях. Принялся озираясь, словно видел уходящую в стороны улицу впервые в жизни. Хотя, по сути, так все и обстояло.

Обещанного шока не случилось, но знакомый, как казалось, центр города удивил. Большинство домов остались прежними. Некоторые превратились в совершенно иные постройки, сохранив разве что габариты и этажность. Третьи... Голова снова закружилась, но не так, как в кафе.

– Пошли, – толкнул в плечо идущий сзади отец. – Чего встал? Насмотришься еще.

Он буквально выпихнул Володю на улицу. Повернулся лицом к Кремлю и зашагал, как ни в чем не бывало. Володя поплелся следом, озираясь, словно всю жизнь прожил в глухой деревне и вдруг оказался в большом городе.

– Как себя чувствуешь? – без толики волнения поинтересовался Ник.

Отец спрашивал так, словно речь шла не о сыне, а о каком-то экспериментальном техническом образце, за который отвечал Николай. Образец должен быть смазан, заправлен, налажен и готов к работе.

Но настройщику на саму технику, в общем-то, плевать. Работа такая.

Володя, однако, был настолько увлечен, что не обратил на это внимания.

– Нормально, – отозвался он, прислушиваясь к ощущениям. – Тошнит немного. Это у всех так? Что это было? Заклинание?

– Слишком много вопросов, – покачал головой Ник. – Нет, это не у всех так. Снятие Пелены вообще у каждого проходит индивидуально. Нет, это не закливание. Скорее уничтожение заклинания.

– То есть? – не понял Володя.

– Представителям гостевых сфер, а их насчитывается одиннадцать, небезопасно афишировать свое существование, они чужие, – со значением заговорил Ник. – Потому однажды, много тысячелетий назад, сильнейшие маги Земли решили создать Пелену. Мощное заклинание, которое закроет чужаков от глаз простых людей, не то чтобы сделает невидимками, а исказит, превратит в таких же людей. С тех пор обычные человеки живут, закутанные в мощную, практически неуничтожимую иллюзию.

– А я?

– Что ты?

– Почему я видел все как... – Володя запнулся, формулировка словно царапала горло, но произнес: – Как простой человек? Если я маг?

– Тебя воспитывали простые люди. Чародеи коричневой сферы, то есть люди с магическими способностями, рождаются под воздействием Пелены. Когда маг осознает свои возможности, и если он их осознает, Пелена слетает с его глаз. До сегодняшнего дня ты не догадывался о своих способностях, потому и жил, как простой смертный. На общих основаниях. Теперь я помог тебе осознать себя. Мог, конечно, и раньше, но это было для меня неудобно.

Володя насупился. Выходит, отец ломает его жизнь еще и с позиций собственного удобства? На языке возникло крепкое словцо в адрес «родного» папаши, но сдержался. А в следующую минуту из головы вылетели все слова.

Ему казалось, что он готов уже к чему угодно, но перед Большим Москворецким мостом Володя застыл, как соляной столб.

Это был не тот мост, на котором он говорил с Ником несколько дней назад. Вместо серого гранита он отливал черным мрамором. А сама конструкция стала ажурнее, утонченнее. По мраморным парапетам тянулась незнакомая вязь, словно какой-то заклинатель исписал черные бока моста магическими формулами.

Рука рефлекторно дернулась за фотоаппаратом. Он щелкал быстро, словно боясь, что перед ним мираж, который растает без следа в любую секунду.

Николай обернулся и, увидев, чем занят сын, усмехнулся с каким-то тоскливым превосходством.

А Володя менял ракурс и фотографировал, фотографировал до самозабвения. А потом вышел на мост, окинул взглядом набережную и задохнулся от восторга.

Здесь тоже кое-что изменилось. Стены и башни Кремля остались прежними, а вот некоторые здания преобразились заметно. Сердце Москвы помрачнело, приобретая какие-то готические очертания. За Кремлевской стеной мерцало свечение, словно какие-то постройки внутри Кремля подсвечивались небольшими прожекторами, бьющими белым светом на десяток метров вверх.

А левее, там, где еще недавно высилась нелепая громада храма Христа Спасителя, возвышался изящный, словно сотканный из сияния, собор с высокими ионическими колоннами. Он выглядел лучом света в царстве тьмы. Молнией на черном грозовом небе. Вытянутые утонченные контуры взлетали вверх, поражали изяществом и невероятной легкостью.

Высокие окна удивительного сооружения, которое язык теперь не поворачивался назвать привычной аббревиатурой ХХС, светились, словно где-то внутри располагался еще один источник света. От всего этого свечения внутри ажурно-готической постройки веяло силой.

И если руку отца Володя чувствовал, как маленький магнитик в руке ребенка, то здесь сила была сокрушительной.

Фотоаппаратом он щелкал скорее уже по инерции. Горло перехватило, когда решил спросить:

– Что это?

– А что ты видишь? – не понял Ник.

– Вижу свет. Высокие столбы света. А что?

– Странно. Вообще ты не должен их видеть... Неужели я перестарался? Или ты сам сумел включить лобную чакру?

Володя мало чего понял и спросил то, что его больше всего волновало:

– Так что это такое?

– Источники. – Ник выглядел озадаченным, словно Володя, увидев столбы света, и впрямь сделал невозможное. – Не наши.

– Я чувствую их... – начал Володя.

– Не наши, – жестко повторил Ник. – Ты будешь подпитываться в другом месте. Во всяком случае, пока.

Володя, как замороженный, смотрел на то, что еще недавно выглядело громоздким храмом Христа Спасителя.

– Хочешь посмотреть поближе? – спросил Ник.

В первый момент Володя не понял, что ему предлагают. Когда дотумкал, не поверил своему счастью. Хотел ответить, но дыхание вновь перехватило, и он только судорожно кивнул.

Ник спустился на набережную и зашагал в сторону станции метро «Кропоткинская». Володя засеменил следом. Отец шел быстро, и он едва поспевал за ним.

– Что значит «подпитываться»? – на ходу запоздало полюбопытствовал Володя.

– Не будешь есть – упадешь в обморок. Не будешь подпитываться от источника – магические силы истощатся.

Володя попытался осмыслить сказанное, продолжая чувствовать магнетизм светящихся источников.

– То есть, если нет источника, то я не маг? – глупо спросил он.

– Маг. Но бессильный маг. Если у телевизора оторвать провод с вилкой, телевизор не сможет работать. Но электронным прибором он от этого быть не перестанет. То же самое, если ты присобачишь провод к деревянной лошади, она не начнет ходить. Понимаешь, о чем я? То же и здесь. Ты маг, мой мальчик. – Ник кивнул на случайного прохожего: – Он простой человек. Ты не сможешь восполнить силы, как маг, в отсутствие источника. Он не станет магом, даже если рядом с ним будет фонтанировать десяток источников. Это закон.

Храм приближался. Володя никогда не был набожным. Более того, люди, крестящиеся на золоченые купола прямо среди улицы, вызывали у него неприятное ощущение. Была в этом какая-то показуха, как в нателных крестах поверх одежды. Вера всегда казалась ему чем-то сокровенным, а выставленная напоказ она переставала быть верой, теряла смысл. Потому и в храмы заходить не любил. А в храме Христа Спасителя был всего один раз. С унынием побродил по музею, с неменьшей тоской зашел в сам собор. И хоть второй раз туда заходить никогда больше не собирался, сейчас его тянуло туда, как магнитом.

Проигнорировав музей, взлетел вверх по лестнице к тяжелым дверям и ввалился внутрь храма. И захлебнулся от восторга.

Там, где в привычном мире был алтарь, сейчас бил в расписной потолок столп ослепительного света. Света, к которому хотелось прикоснуться и напиться. Если отец собирался произвести на сына впечатление, ему это удалось.

Расталкивая присутствующих, Володя устремился к алтарю. Приблизился и замер, не в силах пошевелиться.

Сколько он так простоял? Полминуты? Минуту? Десять?

На плечо легла рука Ника. Володя вздрогнул и оторвался от невероятного зрелища. Хотел обернуться, но взгляд зацепился за нечеловеческую фигуру чуть в стороне от алтаря. Невероятно высокий мужчина мог похвастаться неохватными плечами, но ширина их терялась за шириной белоснежных крыльев, сложенных за спиной. Мужчина смотрел на Володю светлыми, прозрачными как лед глазами. И холода в его взгляде было не меньше, чем в айсберге.

Володя содрогнулся, словно в храме была невероятная стужа.

– Идем, – тихо сказал Ник.
– Там ангел, – удивленно проговорил Володя.
– Это не ангел. Ангелов не бывает. Это элохим, уроженец белой сферы. Идем скорее, нас уже заметили. И нам здесь не рады.

Володя хотел возразить, спросить, но Ник не дал такой возможности. Подхватил под локоть и поволок на улицу.

* * *

На работу Володя опоздал. В мастерской он появился около семи, чем вызвал раздражение напарника.

– С меня причитается, – проныл Володя, искренне чувствуя себя виноватым.
– Твое счастье, что Саныча не было, – смиростивился напарник и ушел домой.

Работа шла споро. Не то клиентов было меньше обычного, не то азарт и желание получить заветные кадры в распечатанном виде подгоняли, а только к концу рабочего дня Володя стал обладателем увесистого конверта, туго набитого фотографиями новой для него готической Москвы.

Просмотренные еще в мастерской виды черного величественного моста и воздушного, словно летящего ввысь храма не давали покоя. Володе хотелось просматривать их в мастерской, затем в метро вытащить и показывать всему вагону.

Однако же он сдержался.

Дома радостно скинул кроссовки и куртку и, кинув «привет» маме и папе, прошмыгнул к себе в комнату. Сумка полетела в сторону, как только в руках его оказался заветный конверт. Володя плюхнулся на край кровати и перевернул бумажный пакетик. Фотографии пестрой лавиной хлынули на покрывало.

Володя отбросил конверт и принялся разбирать снимки. Они разделились на множество тематических кучек. Он скрупулезно просмотрел стопку за стопкой, выбирая из каждой из них по одной-две фотографии. Оставшиеся снимки сгреб в сторону, а те, что задержались в руках, снова принялся тасовать, словно карточную колоду, и раскладывать на стопочки по одному ему понятному принципу.

После третьей фильтрации в руках у Володи остались только самые-самые. За эти фото ему не просто не было стыдно. Он ими гордился, и вполне заслуженно.

Местность на фотографиях была узнаваема. Постройки не имели ничего общего с привычными видами. Скажут, что коллаж, мелькнуло в голове. Что в фотешопе сваял. Ну и плевать. Это настолько мощно, что обвинения в коллажировании покажутся глупым завистливым бормотанием.

Володя задумался. Можно было подождать ужина, а после показать эти снимки маме и папе. Так сказать, на десерт. Но желание поделиться своим сокровищем хоть с кем-то было настолько всесметающим, что он не смог сдержаться.

Родители были на кухне. Володя вошел к ним с видом триумфатора. Небрежно бросил свою подборку на стол. Верхние снимки чуть съехали. Мама оторвалась от плиты. Папа поднял на него взгляд.

– Что это?

– Это из последнего, – сказал Володя. – Хотел вам показать.

Мама под села ближе и потянулась за фотографиями. Рассматривать принялась с интересом, но вскоре на лице возникло то смущенное выражение, которое возникает у людей, не имеющих возможности сказать приятное, но не желающих обидеть.

Володя ждал. Мама перебирала фотографии, папа устроился у нее за спиной и смотрел через плечо.

– Странный ракурс, – заметил он, ткнув в снимок ажурного возвышенного храма, что поднимался в небо столпом света.

Володя выставил святилище в его истинном виде так, что оно походило на взлетающую

ракету. Яркий свет, гордость, радость, восторг – на снимке полыхал фонтан эмоций.

– Почему странный? – удивился Володя искренне.

– Ну, мне кажется, храм Христа Спасителя и без того довольно массивная конструкция. Ты хотел устремить его в небо? Но он от этого только выглядит еще более приземленно.

«Приземленно выглядит», – пронеслось в голове. Уколом отдалось в сердце. Он еще не успел осознать все до конца, а от триумфа не осталось и следа.

Конечно! От того, что он научился воспринимать мир по-другому, другие не стали воспринимать его иначе. Ни папа, ни мама, ни Оля никогда не увидят величественного сооружения, которое на самом деле стоит на месте храма Христа Спасителя. Они будут все так же наблюдать укоренившуюся махину новомодного, с пафосом восстановленного ХХС, как его принято теперь величать. Они никогда не увидят готических улочек невидимого простому смертному города. Никогда не ощутят восторга от черного ажурного Москворецкого моста. Не серого, знакомого всем, а того великолепно воздушного, украшенного вязью непонятных слов.

Эйфория прошла мгновенно. Словно ее и не было. Он с тоской поглядел на папу.

– Извини, – потупился тот. – Я не хотел обидеть. Но ты сам всегда просил говорить тебе честно. У тебя были фотографии лучше. Гораздо лучше.

Не чувствуя ничего, кроме горечи, Володя сгреб фотографии.

– Вы просто не видите, – покачал он головой.

– Вовка, – сказал отец. – Кончай строить из себя непризнанного гения.

Володя попытался улыбнуться: в конце концов, они же в самом деле не виноваты в том, что не видят. Они просто не могут увидеть. Неспособны из-за этой – как ее? – Пелены. Но улыбка вышла кривой. Как жаль, что он не умеет рисовать. Он бы нарисовал все это великолепие, чтобы донести до всех и до каждого. Потому что рисунок – субъективен, а фотография, хоть и авторское, но отражение объективного.

– Володь, не расстраивайся, – мягко произнес папа. – Фотографии неплохие. Просто не лучшие.

– Да нет, – качнул головой Володя. – Все правильно.

Но в голосе сквозила такая горечь, что он поспешил ретироваться, только бы избежать объяснений.

В комнате избранные снимки полетели на кровать к кипе менее удачных собратьев. Да, если смотреть на это сквозь Пелену, то снимки в самом деле бездарные. Не тот ракурс, не та композиция, не тот свет. Все не то. Ведь он фотографировал другое, чего не видят простые люди.

От мысли о простых людях он почувствовал укол в сердце. Вот оно как – еще и магом не стал, а уже делит окружающих на избранных и простых. На себя и...

Володя тряхнул головой, отгоняя дрянные мысли. На фотографии посмотрел со злостью. Паршивая пачка кадров вынудила его ставить себя выше других. Или дело не в фотографиях?

Он уселся на кровать и, привалившись спиной к стене, уставился на черный прямоугольник окна с облезлой рамой. Электронное звучание «Тореадора», разорвавшее тишину, заставило вздрогнуть. На экранчике мобильного светилась надпись: «Номер скрыт».

Палец привычно ткнулся в кнопку приема.

– Алло.

– Доброй ночи, мой мальчик, – голос в трубке был знакомым, хоть Володя и не ожидал его услышать. – Хотел пожелать тебе спокойной ночи.

– Откуда ты знаешь этот номер? – буркнул Володя.

– Глупый вопрос. Но, судя по тону, ты, наконец, все понял и расстроился. Так что отсутствие трезвомыслия списываем на депрессию.

Володя посмотрел на ворох фотографий.

– Не переживай, мой мальчик, – подбодрил Ник. – Если тебе так нравится щелкать, можешь продолжать.

– Для чего? – в этом вопросе прозвучала такая тоска, что Володе от собственного голоса стало еще хуже. Захотелось заплакать и долго реветь в подушку, жалея себя, свои таланты и нереализованные возможности.

– Не для «чего», а для кого. Есть те, кто увидит то, что ты фотографировал. Среди них найдутся ценители.

– Сколько тех ценителей? – фыркнул Володя.

– Довольно много, – отозвалась трубка. – Из сотни найдется один, который увидит. Гордись, мой мальчик, ты будешь творить искусство для избранных.

– Искусство должно быть доступно для всех.

– Тогда можешь фотографировать, глядя через натянутую на глаза Пелену, и делать картинки для всех. Интересно, сколько из этих «всех» заинтересуются твоим искусством? Один из двадцати? А может, один из ста? Для кого проводятся все ваши выставки? Для сотни человек, толкущихся по подобным мероприятиям и знающих друг друга? Кому еще это нужно? Да большинство даже не подозревает о существовании этих выставок. Не говоря уже о том, что никто не знает современных фотохудожников. Да и не современных, если уж по-честному...

Володя закрипел зубами. Как он смеет?! Кто он такой?! Ему до судороги захотелось стиснуть трубку и швырнуть ее об стену, вместе с голосом отца внутри. В глазах потемнело и...

...он вдруг отчетливо увидел комнату в коммуналке. Ту самую, в которой мальчишка с несоветским именем много лет назад рисовал лысого генсека, украсив его портрет рогами.

Коммуналку, по всей видимости, расселили. Комнату с соседней теперь соединяла распахнутая дверь. Обстановка тоже изменилась, хотя и осталась старая мебель, которая расплзлась по двум комнатам. В той, что была знакома Володе, на прежнем месте остался лишь стол, за которым прежде сидел мальчишка.

Впрочем, он и теперь сидел за ним. Только теперь парнишке было не восемь, а лет шестнадцать-семнадцать. Лицо его оформилось, заострилось, пропали детские округлые щеки. Над верхней губой появились усики. И чертами он теперь больше напоминал взрослого Ника, чем ребенка, рисовавшего дейвона Хрущева.

Ник рисовал. Рука его тоже оформилась, став рукой молодого художника. Он склонился над мокрым листом и четкими, уверенными движениями наносил мазки. Краска плыла по влажному листу, рождая образ.

Сколько он так рисовал? Час? Два? Когда Ник оторвался от акварели, на листе родилась и осталась одна из знакомых-незнакомых московских улочек. Теперь Володя с уверенностью мог сказать, что перед ним не придуманная Москва, а реальная. Без прикрас и Пелены.

– Опять рисуешь? – спросил голос кого-то, кто остался за спиной у юноши.

Рука все так же, как и много лет назад, легла на плечо. Парень чуть заметно вздрогнул.

– Ник, – голос стал суровым, – я же просил тебя никогда этого не рисовать.

– Папа, – повернулся юноша. – Я просил не называть меня Ником.

– Тебе трудно жить с этим именем среди советской молодежи, Николай? – ядовито поинтересовался старший маг. – А художнику с сюрреалистическими пейзажами в Стране Советов жить еще труднее. У тебя дома черные и от картинки веет упадничеством.

– Это не у меня! – взвился Ник. – Это на самом деле так. То, что я делаю, – реализм, а не сюрреализм. Ты знаешь это не хуже меня. Пусть об этом мало кому известно. И потом, имеет же право на существование купание красного коня?

Отец расхохотался, заставляя Николая потупиться.

– Нарисуй красные дома и ясное небо. Это тоже будет иметь право на существование. Будет называться «соцреализм». А то, что ты делаешь, привлечет к тебе ненужное внимание.

– Ты сам говорил, – взъелся Ник, – что я маг, и мне должно быть наплевать на мнение окружающих!

– Я говорил это про имя, – возразил отец. – И я просил помнить, что ты маг, а не вести

себя, как идиот. Порви это сам. Не заставляй меня применять силу.

А потом, оставшись один, Ник рвал свои акварели и плакал...

– Чего замолчал? – спросил Ник из мобильной трубки, и видение развеялось.

И Володя, который только что хотел обматерить отца, впервые почувствовал некую близость к этому человеку. А еще ему стало жалко его.

– Ничего, – сказал он, радуясь тому, что в голосе нет ни единой эмоции. – Когда ты начнешь со мной заниматься? Я хочу быть магом.

– Вот это дело, – обрадовалась трубка. – Завтра я зайду к тебе, мой мальчик. Спокойной ночи.

Трубка запищала короткими гудками. Володя выключил телефон и положил рядом с кипой фотографий.

Он станет магом. Настоящим. И не просто настоящим, а лучшим. А вот тогда он найдет средства и поставит на уши весь мир своими фотографиями. Если не весь мир, то хотя бы родные должны это увидеть.

Глава 5

Первый снег выпал в этом году поздно, в середине ноября. Причем насыпало его много. Черный, рано темнеющий, а с переведенными часами темнеющий еще раньше город вдруг посветлел.

– К утру растает, – предрек отец со своим извечным пафосом.

Был поздний вечер. Они забрели в Кунцевский парк. Подальше от людей и поближе к источнику. Самого источника Володя сейчас не видел, но чувствовал, и без напоминания отца настроился на него, черпая силы.

Сейчас все это казалось совершенно простым и естественным. Сейчас. Володя припомнил, как более месяца назад Ник привел его сюда.

– Что за место такое? – поежился тогда Володя.

– Чувствуешь?

Он кивнул.

– Это источник. Этим источником тебе можно пользоваться. Сейчас я научу тебя, как это делать.

– А что, другими нельзя?

– К чужим тебя не допустят. А нашему клану принадлежит только этот.

– Клан Сопрано, – усмехнулся Володя.

– Ничего смешного, – отрезал Ник. – Клан «Стальной щит». Когда-нибудь, когда ты будешь готов, я представлю тебя братьям.

Все это прозвучало с каким-то мафиозным оттенком. Только если «Клан Сопрано» отдавал Сицилией и благородными разборками, то «Стальной щит» больше напоминал о каких-нибудь спецслужбах или масонах. Чтобы не брякнуть лишнего, Володя поспешил сменить тему:

– Говорят, здесь курган какой-то был. А еще говорят, церковь строили, а она все время рушилась. То ли грунт под ней обваливался, и в реку свозило, то ли...

– Кто говорит?

Володя пожал плечами. Не объяснять же отцу, что все эти истории слышал еще в школе от одноклассников.

– Люди, – выдавил наконец.

– Люди много говорят, – удивительно спокойно принял сплетню Ник. – Люди не знают истины, только осколки в памяти сохранились о тех временах, когда не было Пелены. Отсюда все сказки, мифы, легенды. Как общеизвестные, вставшие в основу религий, так и местечковые. Ты видел дейвона? А элохим? Чем тебе не ангелы и демоны? Люди их тоже видели. Прежде. До Пелены. В памяти остался образ.

– Значит, ангелов и демонов нет?

– Есть миф. В России никогда не видели негров. Пока Петр не приволок своего арапа. Кем виделся простым людям этот черный, как головешка, мужик? Сатаной он от этого ведь не сделался, но и негром быть не перестал. Это попытки объяснить непонятную реальность, мой мальчик. Привыкай к реальности. И не принимай за чистую монету то, что говорят люди. Хотя и мимо ушей пропускать не стоит. Дыма без огня не бывает.

А потом Ник начал учить его включать магическое зрение – по собственному желанию, а не так самопроизвольно, как это было у Кремля. Учитель из отца был никудышный. Володя понял это довольно быстро. Объяснения Ника были корявыми, громоздкими, с массой отступлений, нравучений и минимумом действительно нужной информации. Причем минимум этот выдавался так сухо, невнятно и между делом, что Володе приходилось тыкаться скорее не по отцовской инструкции, а интуитивно.

Ник наблюдал его нелепые попытки и злился от каждой новой неудачи. Сперва просто играл желваками и ворчал, пытаясь поучать. Потом начал срывать, повышать голос. От злости его и без того куцые педагогические таланты и вовсе сходили к нулю, потому процесс обучения превращался в муку.

Но желание достичь результата было сильнее, и Володя продолжал биться над непонятной магической премудростью с той яростью, с какой еще недавно бился над фотокамерой, секретами композиции света и тени.

Тогда, более месяца назад, он смог все – выучился простому заклинанию, что позволяет видеть энергетические феномены. Освоил искусство подключения к источнику, хотя для этого пришлось приходить сюда еще два раза.

Потом было еще много всего: знакомство со «Стальным щитом», вызвавшее больше разочарования, чем радости: и эта кучка пыхающих людей – маги? Работа над освоением заклинаний, тяжелая и упорная – кто сказал, что чародейство можно выучить мгновенно?

Знаниями о мире «за Пеленой» отец делился неохотно – и тогда, в самом начале, и в последние дни.

Сначала из него удалось выжать кое-что о сферах.

Обитающих на Земле рас, или сфер, как называл их отец, когда-то было двенадцать. Люди назывались коричневыми и являлись уроженцами этого мира, остальные пришли из иных, погибших в некоем катаклизме.

Но теперь их, включая людей, осталось одиннадцать, потому что синяя сфера считалась давно вымершей.

Потом Володя смог добыть информацию об источниках – естественных энергетических образованиях, только благодаря которым и возможно бытие магов. Нет, колдовать можно и без них, но пополнять растраченные на чародейство силы – никак.

Источники в большинстве своем располагались в крупных городах, хотя нет, наоборот – города стояли там, где имелось много источников. И все они кому-то принадлежали, находились под контролем магов из людских, нелюдских или смешанных (да, были и такие) орденов и кланов.

Не слишком много за полтора месяца. Володе хотелось большего. Он спрашивал, пытался выяснить что-то об обычаях представителей других сфер. Интересовался историей возникновения Пелены и появления чужаков, но Ник не спешил распространяться на эти темы. Не то считал их недостойными внимания, не то сам толком ничего не знал, не то скрывал что-то. Последний вариант казался Володе отчего-то наиболее вероятным.

При любом удобном случае он приставал к отцу с расспросами, тот же уворачивался от ответа и налегал на практику. Впрочем, и практика была весьма скудной. За время их занятий Володя довольно хорошо освоил три заклинания, кое-как разобрался с четвертым и делал робкие попытки приноровиться пользоваться еще одним. Но то ли отец учил из рук вон плохо, то ли наука была неподъемной, и с последним, пятым заклинанием ничего не получалось вовсе.

Снег скрипнул под каблуком, возвращая Володю в сегодняшний день. Он посмотрел на отца. Бледное лицо на фоне черного города и ломаных деревьев смотрелось не ярче снега.

Холодно, мрачно, мокро. Снег, хоть и свежавыпавший, добавлял и холода, и сырости.

– Начнем? – спросил Володя.

– Не здесь.

Отец всегда любил зайти поглубже в лес. Хоть для обычных людей благодаря Пелене любое магическое действие выглядит безобидно – как пассы, кривлянья и непонятные словечки, – Ник не хотел привлекать к себе внимания.

Сегодня у них должно было произойти что-то вроде экзамена.

Снег скрипел под ботинками с каким-то искусственным звуком, как в кино. Звук был настолько странным, что создавал иллюзию нереальности происходящего. Лес загустел, как свежезаваренный кисель.

Володя покосился на отца. Тот остановился.

– Здесь. Давай.

Ник вперил в сына взгляд, способный проделать, казалось, нефтяную скважину.

Володя вспомнил поучения отца про тело Силы, которое есть у каждого, но только у магов способно поддерживать не только тело физическое, но и питать магические способности.

Он поежился и включил магическое зрение.

От тела отца исходило свечение – мягкое, желтоватое. Оно четко повторяло его фигуру, но было шире и выше, будто Ник стоял внутри светящегося человека той же комплекции, но чуть побольше.

Володя сказал:

– Вот она – твоя аура.

– Тело Силы, – поправил Ник. – Если ты видишь тело Силы, значит, его обладатель слабее тебя магически. Или...

Отец замолчал.

– Или его обладатель не закрывается от тебя, – закончил фразу Володя.

А потом он, не успев среагировать, почувствовал шлепок.

Самое простое заклинание – «длинная рука», позволяет касаться предмета, находящегося от тебя на расстоянии семи-восьми метров, – тыкать, двигать, толкать, наносить удары.

Ник не стал спрашивать о готовности сына, он просто перешел в атаку.

Невидимая простым глазом «рука» тела Силы Ника вновь с невероятной скоростью устремилась вперед. Выпад был настолько резким, что заметить его было трудно, но Володя сумел.

В последнее мгновение выбросил в ответ свою «руку» и заблокировал выпад.

Отец усмехнулся:

– Хорошо. А ну-ка еще...

Второй удар оказался еще более яростным и молниеносным, чем первый, но Володя успел и на этот раз. А потом сделал осторожный выпад в ответ, и этого оказалось достаточно, чтобы разозлить отца.

Взгляд Ника сверкнул металлом, он хищно прищурился.

– Ну, держись, – оскалился Ник в нехорошей ухмылке, и Володя сосредоточился на поединке.

Несколько минут потратили на энергетический бокс.

– Достаточно, – сказал отец, пропустив удар в лицо, и они перешли к другим заклинаниям.

Морок – простейший отвод глаз, чтобы тебя не увидели, или увидели, но не запомнили. Куда более сложные иллюзии – когда ты всовываешь в мозг другого созданный тобой образ.

Это давалось Володе с удивительной легкостью, несмотря на очевидную сложность. Отца подобное положение дел озадачивало, удивляло, но почему-то совсем не тешило, хотя что может быть естественнее, чем родитель, радующийся успехам собственного отпрыска?

«Призрачный клинок» – настоящее оружие, заклинание, которым можно убить.

Чтобы пустить его в дело, Володе пришлось постараться, но зато и эффект вышел отличным – срубленная ветка толщиной в руку шлепнулась на снег. Такое удавалось далеко не всегда.

– На сегодня хватит, мой мальчик, – без тени заботы, но с толикой гордости в голосе произнес Ник.

Володя так и не понял, была ли это гордость за успехи сына или за собственные педагогические «достижения».

– Неплохо, мой мальчик, – Ник старался говорить непринужденно, но голос звенел от напряжения. – Очень неплохо.

Володя отряхнул налипший на джинсы снег. Рыхлый и мокрый.

– Что дальше?

– Дальше в другой раз, – посерьезнел отец. – Покажу тебе еще пару штучек. А сейчас домой. Поздно и холодно.

Володя поежился. Холодом и впрямь тянуло. Только не от земли, укрытой готовым растаять снегом, а от голоса Николая. Не был этот голос, хоть убей, голосом заботливого отца.

Не оглядываясь, Ник побрел прочь из парка. В город. К метро.

– Слушай, – окликнул Володя.

Отец нехотя остановился.

– Что?

– А зачем все это?

– Что все? – не понял Николай.

– Ну зачем из меня делать мага?

– Хороший вопрос, – фыркнул отец. – Ты же сам захотел. Это твой выбор.

Володя резко застегнулся под горло, пытаюсь защититься от мерзостного озноба. Тот возник то ли от вопросов, то ли от ответов. А быть может, тепло ушло вместе с силами во время испытания.

– Я не про себя, – буркнул Володя. – Зачем тебе нужно делать из меня мага?

Ник вздрогнул и посмотрел куда-то в пустоту.

– Это долгая история, мой мальчик, – промямлил он. – Но я тебе позже расскажу. В следующий раз. Ага?

* * *

Всю дорогу до дома Володя думал об этом следующем разе. И чем больше вокруг неозвученного ответа крутились мысли, тем больше вопросов возникало.

Снег посыпал с новой силой и еще щедрее прежнего. У подъезда сугробами торчали машины. Возле одной мелькнула тень. Володя устремился туда, еще не понимая толком, что его заинтересовало, что привиделось.

Тень между тем оформилась в силуэт, дрогнула, метнулась было в сторону, пытаюсь скрыться, но так и осталась на месте.

«Петрович!»

Володя вдруг вспомнил, что не видел старика с его колымагой уже несколько недель, а то и месяцев. Хотя прежде встречал чуть ли не каждый день.

– Петрович! – позвал Володя.

Тот робко высунулся из-за своей «копейки», и Володя обомлел. На него смотрел невысокий тощий человек. А вернее – не человек. Представителя желтой сферы в нем выдавали массивный нос, не менее могучие уши, да еще огромные, круглые, как у совы, глазюки.

– Привет, – безрадостно поздоровался из-за капота Часовщик.

– Здравсьте, – пробормотал Володя.

Петрович выпрямился. Теперь, без Пелены, он, казалось, стал еще меньше ростом.

Взгляд совиных глаз уколол Володю так остро, будто невидимый фокусник принялся втыкать в сердце спицы.

– Зря ты во все это впутался, – заявил Петрович.

– Во что? – не понял Володя. Или скорее сделал вид, что не понял.

– Зря, – покачал головой Часовщик. – А был хорошим мальчиком.

С такой укоризной с Володией последний раз разговаривал воспитатель в старшей группе детского сада. Он интуитивно подался вперед, но на Петровича, или как там звали Часовщика на самом деле, его порыв произвел совсем другое впечатление.

Резко щелкнуло. Часовщик смазанным движением юркнул внутрь «копейки». Хлопнула дверца. Клацнула кнопка запора. Снежная шапка съехала по стеклу передней дверцы. Где-то внутри в мутных разводах растворилась фигура соседа, который казался неотъемлемой частью мироздания, а теперь отчего-то из общей картины мира выпадал.

– Вы чего? – позвал Володя растерянно, но Часовщик, скрывшийся внутри «копейки», не отозвался. Не то не услышал, не то сделал вид, что не слышит.

Домой Володя вернулся с испорченным настроением. Папе с мамой, которые не спали, а ждали его возвращения, бросил пару дежурных фраз и поспешно скрылся у себя в комнате.

Свет включать не стал. Темноту разбавляли отсветы фонарей и фар проезжающих под окнами машин.

Володя, не раздеваясь, лег на кровать и уставился в потолок. Благодаря подключению к источнику он успел восстановиться после испытания и от нечего делать выставил невидимую «руку». Конечность тела Силы устремилась к потолку.

Впервые Володя использовал заклинание не по назначению. Ощущение показалось странным, но назвать его неприятным он бы не рискнул. Скорее наоборот. Энергетическое ощущение покрытой побелкой бетонной плиты было значительно интереснее, нежели отвешивание магических оплеух.

Он так и заснул, оглаживая «третьей рукой» потолок.

* * *

...«Как же неумно все получилось, – думала великая княгиня Московская Софья. – Проверять надобно было. Все проверять».

С другой стороны, все и было проверено и перепроверено.

Известно было, что в Моско имелись могучие, но ничейные источники. Подтверждено было, что московские князья, как и их предки, роду принадлежали человеческому и магическими способностями не обладали. Да и о существовании источников не знали. А кто владел теми источниками? Кто бы ни владел, сила, помноженная на власть, подвинет любую другую силу. Эту мысль игнорировали многие маги. Но только не Софья, называвшая себя дейвона.

Дейвона она была ровно наполовину, но если кто-то намекал ей на смешанную кровь, приходила в ярость, брызгала слюной. Преданность сфере была столь сильной, что даже мать клана принимала ее как есть, хоть порой это было непросто.

Может, потому идея отправить полукровку в Моско нашла одобрение.

Обставлено все было великолепно. Великий князь Московский Иоанн недавно овдовел и находил свои мотивы породниться с Византией. Папа Павел Второй благословил ее брак в надежде на укрепление влияния церкви католической на церковь православную. И уж в чем точно был уверен глава католичества, так это в том, что такой брак сблизит церкви. Таким образом, ей не приходилось никому ничего объяснять. Она вообще выступала безвольной куклой, которую Византия отдавала русскому престолу. И такая внешняя безвольность более чем устраивала Софью. Даже имя это, данное уже на Руси, было принято ею совершенно спокойно. Чем меньше знают ее истинное имя, тем лучше. А зовут пусть как хотят, главное – цель. А цель у амбициозной новоявленной княгини была одна – источники Моско. Но цель эта отдалялась.

Ну кто, в самом деле, мог знать, что имеющиеся в наличии бесхозные источники окажутся под замком? Причем заклинание, ограничивающее их, окажется мощным и чуждым, а оттого еще менее понятным. И Софья ходила окрест, смотрела на источники, как кот на сметану. Облизывалась, понимала, что вот оно – только руку протяни, но только до такого близкого и желанного добраться не было никакой возможности.

А потом появился этот...

Воспоминания о наглом человечешке приводили Софью в ярость. Был бы он при дворе, уж она бы нашла возможность повлиять на мужа и прижучить негодяя. Но человек, назвавшийся Кучковичем, при дворе не состоял. Возникал ниоткуда и исчезал в никуда, проникал в покои, словно в свои собственные. И как маг был силен. Уж всяко сильнее Софьи, ибо не видела она его тела Силы, как ни старалась.

Кучкович появлялся нечасто. Первый раз он пришел, когда Софья обнаружила, что не в состоянии снять запорное заклинание с двух расположенных рядом мощных источников. Она была в гневе. Он посмеялся. Позже приходил и еще. Язык имел острый, норов наглый. Софья злилась, но сдерживалась. Чувствовала, что Кучкович хоть и ведет себя по-хамски, а что-то ему от нее надобно, а что именно, сказать не решается.

Софья ждала. И дождалась.

– Источники принадлежат мне по праву, – сообщил он в очередную их встречу.

– По какому праву? – вспыхнула Софья.

Человек распахнул ворот рубахи, потянул за шнурок. Снял с шеи оберег – круглую бляху на веревочке. Софья пригляделась. На обереге хитрой замкнутой линией был выведен странный символ.

Софья поморщилась. Алхимический знак? Откуда бы в этой глуши взяться алхимии? Кучкович между тем поспешил вернуть оберег на шею.

– Это моего пращура. Боярина Кучки. Он владел этими источниками и этой землей. И заклятие он наложил.

– Так чего же ты его не снимешь?

– Знал бы как, снял бы, – огрызнулся человек.

Софья расхохоталась властно и обидно, словно мстила за все те вольности, что якобы потомок опального боярина позволял себе с ней. Но Кучкович не обиделся, не заметил даже.

– Предлагаю сделку тебе, княгиня Московская.

И он предложил. И она дала согласие. По договору дейвона снимали печать, а люди делили с ними источники Кучки. Только ради этого из Рима был выписан Аристотель Фиораванти. Архитектор и инженер. Маг и алхимик. Дейвона. Впрочем, если о первом знали все, а о втором кое-кто догадывался, то последнее было доступно лишь тем, кто мог видеть реальный мир.

Аристотель был нужен московской княгине. Повод нашелся тут же – Московский Кремль со своими скромными постройками никак не соответствовал европейскому уровню. Великий князь Московский проявил сговорчивость и направил в Рим Семена Толбузина с повелением найти специалиста и доставить его на Русь.

Вот только посланник уехал давно, а вестей от него все не было.

Софья сидела в своих покоях и в задумчивости изучала перстень на безымянном пальце. Неудачно все сложилось. Неумно. Но кто знал, что свободные вроде бы источники опечатаны? И кто знал, что где-то рядом сидят человечьи маги и имеют наследственные права на то, что она уже считала своим? Знать бы заранее, где падать, соломки б подстелила, как говорят местные.

Княгиня была мрачна, но покойна. Характер, перенятый от человеческого батюшки, прозванного «морейским деспотом», не показывала, но и радости не испытывала. Даже праздник Пасхи настроения не добавлял.

За окнами послышалась какая-то возня. Княгиня оторвалась от темных мыслей и позвала прислугу.

– Что там?

Служанка убежала, а через десять минут уже снова была в покоях княгини и восторженно щебетала о том, что архитектор из Рима приехал. И имя у него чудное. Аристотель...

* * *

Проснулся Володя рано. Пробуждение было тяжелым, словно с похмелья. Ныла шея, трещала голова, ломило все тело. Поднялся и только теперь сообразил, что всю ночь так и проспал одетым. Разве что в покрывало обернулся.

В коридоре, как и на кухне, было тихо. Папа и мама еще спали. Володя осторожно, стараясь не шуметь, прошмыгнул в ванную и заперся. Прислушался, словно воришка, пролезший в швейцарский банк.

Глянул на мобильник, пытаясь понять, насколько рано он вскочил, и только тогда сообразил, что для буднего дня проснулся как обычно. Вот только забыл, что день не рабочий. Суббота.

Забрался в ванну, включил воду. Под душем он провел с полчаса, подставляя тело под тугие струи, меняя температуру и напор воды. Когда выбрался из ванной, в квартире было по-прежнему тихо.

Завернувшись в банное полотенце, Володя прошел на кухню и включил чайник. Электронный агрегат зашумел, сообщая о том, что старательно кипятит воду. Володя сел к столу и задумался.

Из головы не шел последний сон. Когда ему снились Ник и папа, все было логично и разумно. Он думал о них, они и приснились. Когда снился Кучко, это выглядело странно, но там был знакомый, недавно виденный пейзаж. И можно было плясать от этой ассоциации, вспомнив Фрейда. Но к чему сейчас привиделась жена русского царя? Не самая известная жена не самого прославленного царя. А то и вовсе неизвестная. Да и Иван Третий – не его четвертый тезка. Кто его сейчас помнит? Разве что историки. Откуда ему взяться во сне посреди ночи?

Да, не все объяснишь Фрейдом, хоть его теории, в отличие от Иоанна Третьего, не просто известны, а давно стали поводом для сальных шуток. Володя налил чай в большую кружку, отпилил в нее же ломоть лимона и вместе с кружкой пошел в свою комнату. В одном полотенце, несмотря на то, что батареи грели, и грели хорошо, было не очень-то тепло.

Но к чему все-таки Иоанн Третий? И какая-то Софья... И неизвестный потомок Кучки... Да еще и этот архитектор с именем философа. Может, всех их, кроме Иоанна, просто не существовало? И это на самом деле всего лишь сон? Догадка показалась чудесным спасением. И хотя где-то в душе сидела уверенность, что виденное во сне происходило на самом деле, Володя с небывалым азартом принял ее.

Наспех одевшись и бросив недопитый чай, он направился в большую комнату, где во всю стену высились полки с отцовской библиотекой. Что искать? Иоанна Третьего? Софью? Аристотеля Фи... Фе... как его там? Не совсем понимая, что ищет, Володя принялся оглядывать полки, отмечая то, что явно не подходило к теме. Гражданская война, Великая Отечественная, Отечественная тысяча восемьсот двенадцатого года, Смута... Стоп. Когда вообще правил Иоанн Третий?

Явно раньше Грозного, о чем свидетельствовал порядковый номер. Перед глазами всплыла картинка из гайдаевской комедии, где суровый Яковлев в шапке Мономаха и спортивном костюме возвещал: «Рюриковичи мы». Значит, Рюриковичи. Володя подставил стул и полез наверх, к полке, на которой виднелись корешки с именами более известных потомков Рюрика.

Одно название показалось наиболее привлекательным, и Володя потянул на себя тисненый корешок. Книги на полке стояли плотно и поддавались с трудом. Он рванул сильнее. Том резко высвободился из тисков собратьев по полке.

Володя пошатнулся на стуле, лоя равновесие. Несколько книг, соседних с той, что была зажата в его руке, вывалились и с грохотом полетели на пол.

– Мог бы и поаккуратнее.

Володя вздрогнул от неожиданности, повернулся на голос. За спиной стоял папа и смотрел на сына со смесью интереса и волнения.

– Чего ищешь?

– Да так, – помялся Володя и слез со стула. – Ивана Третьего, его жену и еще этого... Фаринелли... нет... Аристотеля, архитектора.

– Фиораванти, – папа кивнул на зажатую в руке у Володи книгу. – Здесь нет ничего на эту тему. И вообще можно было спросить у меня. Кто тебя интересует?

Володя молча опустился на колени и принялся собирать книги. Кто его интересует и почему, объяснить папе было сложно.

– Софья Палеолог, она же Зоя Палеолог – племянница последнего византийского императора, – лекторским тоном, словно с кафедры, заговорил папа, – была отдана замуж за Иоанна Третьего. Приехала в Москву, поразила местному убожеству и решила вывести город на цивилизованный уровень. Во всяком случае, по одной из версий.

– А Аристотель? – Володя поднялся, сложил книжки на стул и поглядел на папу. – Этот, Фиораванти?

– Архитектор. Строил в Италии, а у нас построил Успенский собор – в Московском Кремле. В Россию его пригласил наш посол Толбузин. Приехал он «на Велик день. Взял же с собою тот Аристотель сына своего, Андреем зовут, да паробка, Петрушею зовут», – процитировал папа.

– Это откуда? – спросил Володя.

– Первая Софийская летопись. Русский царь использовал его как архитектора, инженера, начальника артиллерии. После похода Ивана Третьего на Новгород Аристотель хотел вернуться в Италию, но царь не отпустил. Посадил под стражу. Далее его судьба неизвестна.

– Почему?

– В письменных источниках его имя более не упоминается. Остается только догадываться, куда он делся и что с ним произошло.

Игорь пристально посмотрел на сына:

– Зачем тебе все это понадобилось?

Володя отвернулся, взял книги и полез на стул. Молча принялся запихивать тома обратно на полку. Он малодушно надеялся, что папе надоест ждать, что он посчитает это непринципиальным. Что, не дождавшись ответа, обидится, на худой конец, и уйдет.

– Опять сны? – припечатал снизу тот.

Володя забил книги на место и задвинул стекло. Спустился на пол. Папа стоял и молча ждал ответа. Наконец Володя не выдержал и кивнул. Папа помрачнел.

– Ник прав, – улыбнулся Володя, пытаясь разрядить атмосферу. – Ты замечаешь и понимаешь больше, чем надо.

– Я вижу своего сына, – сказал Игорь. – И переживаю за него.

– Не стоит, – Володя взял стул за спинку и поволол его на место.

Ему не хотелось продолжать этот разговор. Хоть бы мама уже встала. При ней папа не станет затрагивать такие темы. Он зашел в комнату, прихватил остывший чай и побрел на кухню. Но мама до сих пор спала, а папа уже поджидал там.

– Ник переживать не станет, – заговорил он, словно продолжая начатую мысль. – Он шахматист. Все вокруг для него игра. Он видит партию и цель этой партии. А я волнуюсь за фигуру.

Это прозвучало с такой искренней, такой трепетной отеческой заботой, что Володя мгновенно взъерепенился. Захотелось прямо сейчас использовать морок, или «длинную руку», устроить папе иллюзию конца света на отдельно взятой кухне или просто засветить невидимой конечностью по лбу, только бы он понял, что Володя не пустое место, не пешка.

– Я не фигура, – медленно проговорил он, едва сдерживая порыв.
– Как знать, – папа отвел взгляд, потупился, чего прежде за ним не наблюдалось. – Мне бы очень хотелось быть в этом уверенным.
И от этих слов ярость ушла, а внутри что-то больно сжалось.

* * *

У памятника Гоголю, что стоит на бульваре того же имени, было пустынно. Только бабка бомжеватого вида сидела в сторонке на лавочке и кормила голубей. Ник прогуливался мимо нее и нервничал. Бабка была самая обычная, но раздражала.

Его сейчас бесило все: от любвеобильной по отношению к мерзким птицам старухи до человека, которого он ждал. О том, что Ник встречается с этим человеком, не знал никто. Даже Кудимов – глава клана «Стальной щит», и прочие «братья», как их именовал Ник.

Человек представлялся магом из ордена «Два дракона».

Ник наводил справки и убедился, что в том ордене такая личность в самом деле присутствует. Но когда молодцеватый тип, которого Ник сейчас ждал, общался с ним, он преследовал какие-то свои интересы. И вел себя не так, как обычный колдун из «Двух драконов», хотя тот был на порядок значимее кудимовского клана.

Ник тоже подходил к этому контакту со своим интересом. Посвящать в интригу главу своего клана он не намеревался. Понимал, что ведет двойную игру, но несколько не раскаивался. Кудимов Кудимовым, а если есть возможность поиметь что-то на другом поле и возможность эта сулит большие дивиденды, почему бы не рискнуть.

Молодцеватый тип опаздывал. Он опаздывал всегда, но имел на это право. И был достаточно силен, чтобы не объяснять своих опозданий и не оправдываться за них. Это выводило Ника из себя – опоздание, ощущение чужой мощи и собственной ничтожности рядом с ней. Вот только сделать с этим он ничего не мог. Оставалось лишь покорно ждать, а при встрече мило улыбаться.

И это тоже немало действовало на нервы.

Наверное, так чувствует себя собака, которой до смерти хочется загрызть садиста хозяина, посадившего ее на цепь, но в башке сидит понимание того, что она никогда не посмеет даже рыкнуть на него.

Образ показался настолько ярким, что Ник чуть не завыл с тоски. Но сдержался. За спиной почувствовал чужое присутствие. Оборачиваясь, он уже знал, кого там увидит.

Опоздавший стоял в двух шагах и улыбался. Он всегда улыбался. Растягивал губы в той опасной улыбке, за наигранной мягкостью которой кроется обещание больших неприятностей.

Молодцеватый, подтянутый, возможно, за счет спортивного стиля одежды, которого придерживался на памяти Ника всегда. Пышущий оптимизмом и силой, чему Николай искренне завидовал.

– Приветствую! – пробормотал Ник.

По именам они друг друга не называли, хотя каждый знал, как зовут другого.

– Как успехи? – поинтересовался молодцеватый мужчина в пиджаке спортивного кроя, который виднелся из-под распахнутого пальто.

– Он впитывает, как губка, – поделился Ник.

– Он силен?

– Он неумел и неопытен.

– Не играй со мной, – снова неприятно улыбнулся спортивный пиджак. – Я спросил о другом.

– Он очень силен. Потенциально... – Ник запнулся и судорожно сглотнул. Признаваться в этом было тяжело. – Потенциально он много сильнее меня, – выдавил, наконец. – Когда он не хочет, я не вижу его тела Силы.

– Хорошо, – кивнул обладатель спортивного пиджака и зашагал вокруг памятника,

удаляясь от старухи с голубями.

Ник засеменил следом. О чем они беседовали, пока гуляли около изваяния автора «Вия» и «Мертвых душ», не слышал никто. Но говорили довольно долго. Неторопливой походкой успели четыре раза обойти памятник кругом. Ник активно жестикулировал, объясняя что-то. Его собеседник больше слушал. Причем делал это с достоинством.

На пятом круге они остановились практически в той же точке, с какой начали движение.

– Когда ты мне будешь нужен, я дам знать, – пообещал обладатель спортивного пиджака. – Теперь иди.

Голос звучал так властно, что послушаться было невозможно. От осознания этого снова захотелось выть, как посаженной на цепь собаке. Ник закусил губу, вздохнул и выдавил еле слышно:

– Когда это случится?

Желание развернуться и бежать от своей наглости и собеседника чуть отступило. Словно хозяин слегка ослабил цепь, устраивая собаке праздник. Молодцеватый тип улыбнулся острой, как опасная бритва, улыбкой:

– Уже скоро.

Ник сильнее закусил губу, понимая, что сейчас, повинаясь чужой воле, развернется и уйдет. Но у оппонента было, видимо, хорошее настроение.

– Ты ведь хотел спросить не об этом. Так давай. Отвечу.

В глотке пересохло. Николай понял, что ему дают шанс, что вопрос только один и ответ только один. Другого не будет. И спросить надо точно, о самом главном.

– Кто... – решился наконец Ник. – Кто вы?

И тут же съежился, чувствуя, что на голову обрушатся гром и молния. Но обладатель спортивного пиджака лишь расхохотался.

– Этой тайне восемь с половиной сотен лет, – отозвался он весело. – Неужели же ты думаешь, что я так легко с ней расстанусь? Но я обещал ответить.

Он запустил руку в карман и вытащил оттуда небольшой предмет. Подкинул. Кругляшок закрутился в воздухе, словно монетка, и шлепнулся на раскрытую ладонь. Ник жадно уставился на нее.

Нет, это была не монета, скорее талисман. Бляха с дырочкой для шнурка, чтобы можно было повесить на шею. А на бляхе одной хитросплетенной линией начертан странный символ.

– Знаешь, что это? – спросил безымянный хозяин.

Николай помотал головой.

– Амулет? Артефакт?

Обладатель спортивного пиджака снова рассмеялся:

– Это символ. Всего лишь символ. Хотя ему тоже сотни лет.

– Вы... – Ник облизнул пересохшие губы. – Вы живете восемьсот пятьдесят лет? Знаете секрет вечной молодости?

От волнения он начал заикаться.

– Вечно не живет никто, – жестко произнес собеседник и сунул оберег в карман пиджака. – Разве что память. Да и та избирательна. Мы просто помним своих предков. В этом наша сила. Теперь уходи.

* * *

Он проследил за удалявшимся Николаем. Когда тот скрылся в толпе, несущейся к входу в подземку, Степан перебрался через дорогу, поднялся к Арбату, нырнул в подземный переход под ним и устремился по Бульварному кольцу к знакомой кофейне.

Даргри был на месте. Сидел, как и в прошлый раз, под портретом Булгакова и вяло ковырял салат. Судя по тому, что сам предложил встретиться здесь, забегаловка с

портретами писателей ему нравилась. В отличие от местной кухни. Выражение лица, с каким дейвона тыкал вилкой в «Цезарь», говорило о многом.

Появление Степана Даргри воспринял с оптимизмом. Салат отпихнул с такой поспешностью, словно только и ждал, когда случится чудо и в тихом кафе произойдет хоть что-то, ради чего можно будет отказаться от экспериментов со здешней стряпней.

– Что нового, Стефано?

– И тебе доброго здоровья, – ухмыльнулся Степан.

– Не тяни кота за причинное место, магистр, – попросил Даргри. – Я сегодня не настроен на долгие прелюдии.

– Ага, – усмехнулся молодцеватый. – Быстро потрахаемся и баиньки. Да, дорогая?

Дейвона медленно налился краской, щелкнул себя по торчавшему из шевелюры рогу. На фоне побагровевшей физиономии и без того безупречная рубашка показалась белоснежной, как в рекламе стирального порошка.

– Все идет, как задумано, магистр, – сказал Степан, решив, что не стоит больше дразнить собеседника. – Мальчишка силен. Когда того не хочет, старик не видит его ауры.

– Старик – слабак, – зло выплюнул Даргри.

– Ты хочешь сказать, что старик не нужен? – Степан удивленно приподнял брови.

– Не знаю, – покачал головой Даргри.

– Тогда пусть остается. Может пригодиться. Кстати, кто приведет мальчишку к нам? Он?

– Или она, – задумчиво произнес Даргри.

– Так он или она?

– Не знаю, – снова покачал головой дейвона и выудил из кармана пачку вонючих сигарилл. – Посмотрим, как сложится.

Глава 6

Университет был одной из немногих вещей, что остались у Володи от прежней жизни. И хотя в коридорах порой встречались представители других рас, здание сохранило свой облик и за Пеленой.

Порой это вызывало ностальгию по тем временам, когда все было иначе. Отец и мать существовали в единственном числе, мир выглядел привычно, а магия была только в фэнтезийных романах, которые почитывал на досуге Андрюха Потапкин.

Впрочем, Потапкина не было. Не то приболел Андрюха, не то загулял. Оттого настроение, под цвет слякотной мерзопакости за окном, становилось еще более гадким.

С третьей пары Володя сбежал. Прогулы давно перестали его пугать. Примерно с той поры, как он освоил наведение иллюзий. С этим заклинанием и чистым листком бумаги, который по его желанию превращался в медицинскую справку с пугающим диагнозом, Володя из злостного прогульщика переходил в разряд болезненных юношей. И если прогулы раздражали, то диагнозы, которыми он морочил преподавателей, вызывали у них смесь жалости и уважения: «Мальчик болен, но так старается».

Торчать в универе не было сил, до работы же времени оставалось навалом, и Володя судорожно соображал, куда себя девать. Отец по-прежнему приходил сам и звонил сам. Никакой возможности связаться с ним по собственному почину у Володи не было. Можно было бы выпить по бутылке пива с Андрюхой, но раздолбай-приятель как назло запропал. Ехать домой и объяснять что-то маме не хотелось.

Решение пришло само собой. Володя улыбнулся, купил в цветочном ларьке три большие яркие ромашки с булькающим, невыносимым для запоминания названием и нырнул в метро.

С Ольгой он не виделся уже два дня. Она-то как раз заболела по-настоящему.

Знакомая, заученная наизусть дорога заняла полчаса. От метро хотел было позвонить, но передумал. Все равно Оля дома. Можно устроить сюрприз. Она ведь не ждет никого, а тут

он с цветами. Болеть в одиночестве тоскливо. И хоть лишнего внимания и гостей больному человеку не надо, но ему она обрадуется обязательно.

От таких размышлений поднялось настроение. Володя уже подходил к подъезду, а мыслями и вовсе ломился в Ольгину дверь, когда его окликнули.

Володя повернулся на голос и замер. От стоящей в полусотне метрах «Тойоты Рав 4» к нему поспешно шел джинна. Второй остался возле машины, черной, с огненными всполохами аэрографии на капоте и боках.

Представителей других рас Володя видел с завидным постоянством, но никогда еще с ними не заговаривал, если не считать Часовщика Петровича. О джинна прежде только слышал от отца, да видел пару раз на фотографиях в прессе. Сейчас же представитель оранжевой сферы шагал прямо к нему.

– Эй, коричневый, не торопись, – подошел ближе «оранжевый».

Володя не торопился, он вообще стоял и разглядывал незнакомца с интересом.

В общем, можно было сказать, что джинна похож на человека. Довольно высокий и крепкий мужчина. Выделялись лишь глаза ярко-оранжевого цвета и волосы, а вернее – их полное отсутствие. Голова мужчины была круглой и блестящей, как бильярдный шар, а щеки гладкими, словно никогда не знали бритвы. Со слов Ника Володя знал, что так на самом деле и есть. Мужчины джинна вовсе не имели растительности на теле.

Правда, помнил он и рассказы отца о том, что к чужакам «оранжевые» относятся настороженно. Поведение того, который подошел совсем близко, выламывалось из этого стереотипа.

– Добрый день, – пробормотал Володя. – Вы ко мне?

– Нет, – спокойно произнес тот. – Это ты к нам.

Глаза его вспыхнули, став желтыми. Володя отпрянул.

– Куда? – спросил он.

– В машину, – в голосе «оранжевого» зазвенел металл.

Джинна сделал шаг вперед. Володя отступил, сохраняя дистанцию.

– Не усложняй, – процедил незнакомец.

Володя не успел ответить. Даже сообразить не успел. Занятия с Ником не прошли даром. Тело Силы сработало на рефлекс. Он попытался шарахнуть «длинной рукой» по руке джинна, которая уже поднималась, а пальцы на ней складывались для какого-то жестового заклинания.

Джинна не ждал сопротивления и только поэтому пропустил атаку. Глаза его снова изменили цвет, словно налились кровью. Не дожидаясь продолжения, Володя развернулся и бросился бежать. Позади забухали тяжелые ботинки. Судя по звуку, преследователь весил немало и мчался скачками.

Володя поднажал. Зачем к нему прицепились неизвестные «оранжевые», он не понимал, но выяснять не хотел. Что-то подсказывало, что если среди бела дня кто-то в отношении кого-то применяет магию, то этому кому-то умнее всего смыться.

– Стой, зараза! – гаркнули в спину.

Голос преследователя выдавал усталость. Может, он и был силен и быстр, но дышалки ему не хватало. Володя почувствовал, что и у него слегка сбилось дыхание. Вот бы такой стимул на физкультуре бегать... Он бы не только все нормативы сдал, но еще и на КМС наработал бы...

Дыхание совсем сбилось, но Володя продолжал бежать. Обогнул дом, мысленно жалея, что не стал нырять в подъезд. И куда дальше? У них же машина...

Володя споткнулся и, чуть не падая, полетел вперед. Перед ним возникла человеческая фигура. Он подумал, что сейчас снесет прохожего. Шатнулся в сторону, стараясь сохранить равновесие, и выпрямился.

Взглядом поймал глаза «прохожего» и содрогнулся. Перед ним стоял второй джинна. Мгновение оторопи сделало свое дело. Вспыхнули глаза «оранжевого», полыхнула аэрография на капоте и боку стоявшего рядом «Рав 4», заплясали всполохи перед глазами.

Володя подумал, что пропустил удар. Но тут же сообразил, что удара не было. Просто вдруг стало совсем нечем дышать.

Он задыхался и падал, но прежде чем почувствовал боль от удара об асфальт, накатило забытие.

* * *

...Великий князь Московский взирал на Аристотеля Фиораванти сверху вниз, словно пытался взглядом вдавить в землю. За все время со дня приезда Аристотеля в Моско князь смотрел на муроль⁵ таким образом трижды. Первый раз, когда узнал о его алхимических опытах, второй – когда Фиораванти пытался тайком бежать к литовцам, приняв приглашение великого князя Литовского. Третий теперь, когда вроде бы уже и отпустил на все четыре стороны.

Сказать по правде, Аристотель не поверил, когда князь Московский дал волю и позволил покинуть свой двор, одарив богатыми подарками. Не верил в свободу свою, когда собирался в три дня. Не верил, когда выезжал из Моско. И когда отъехали на порядочное расстояние, тоже не верил. А когда наконец поверил, его догнали, повязали и упекли в острог.

Обратно в Моско его вернули спустя две недели. Тайно, среди ночи. В путях, как татя. Провели в подземелье под Тайницкой башней и бросили в застенок. Ждать пришлось недолго. Не прошло и четверти часа, как в подземелье спустился сам великий князь.

Именно тогда Иоанн поглядел на зодчего свысока. И взгляд этот не предвещал ничего хорошего. Фиораванти поежился.

– В чем вина моя?

– Повинен в том, что за добро отплатил черной неблагодарностью, – ответил великий князь. – И предательство готовил.

Иоанн подошел ближе, лицо в свете факела гляделось вылепленным из воска. Зодчий подумал, что против мага у великого московского князя нет никаких шансов. Глянул за княжье плечо...

А дальше что? С князем, положим, он справится, а с другими... На всех его сил не хватит, Иоанн не дурак, без охраны не ходит, и уйти муролу не дадут. Только дернется, тут же... Аристотель сглотнул, отгоняя дурные мысли, выдавил хрипло:

– Не было этого.

– Измены? – голос князя прозвучал пугающе.

Аристотель отпрянул.

В голове судорожно крутились мысли. Очень хотелось знать, по своему ли почину князь его в застенок кинул или княжья жена-полукровка повлияла? Могла ведь, могла. Правда, сама его сюда и призвала. Но ведь тогда он был ей нужен, а сейчас какой с него толк?

С другой стороны, княгиня своя. Хоть наполовину лишь дейвона, но дейвона. А князь, тот даже через Пелену не зрит. И страхи у Иоанна простые, понятные, человеческие. Князь до судорог боится и его, и его алхимии, и того, что он доберется до великого князя Литовского. Ведь Аристотель не только храм строил и секреты собора знает. Он ведь еще и новый кремль проектировал. А выпустить того, кто осведомлен о подземельях под крепостью... Фиораванти поставил себя на место князя и понял, что будь он Иоанном, ни в жизнь бы не отпустил.

Выходит, Софья ни при чем.

– Не было, – повторил он едва слышно.

– Есть ли для тебя что-то святое, муроль? – поинтересовался Иоанн.

⁵ Муроль – архитектор в Средневековье. (Прим. ред.)

– Для каждого есть, – опасливо отозвался Аристотель. – Чем же я от других отличаюсь?
– Тогда поклянись. Поклянись тем самым, о чем умолчал, но подумал. Поклянись, что чернокнижием не занимался и с литовцами никогда дела не имел. Поклянись, и я отпущу тебя.

«Нет, не княгиня нашептала, – подумал зодчий, глядя в глаза на восковом лице. – Свои у князя страхи».

– Я не смогу дать такой клятвы, – хрипло проговорил зодчий. – Но могу обещать, что отправлюсь в Италию, как только ты меня отпустишь. И никогда больше не покину родину.

Князь Московский сурово свел брови.

– Обещать я тоже могу. Грош цена обещаниям, коли за ними пустые слова. И ты думаешь, я поверю чернокнижнику?

– Я не чернокнижник, великий князь.

– А кто? Великий маг? Так тебя называли?

Князь взъярился вдруг от собственных слов, резко махнул рукой. На этот жест подбежали стоявшие до поры в тени здоровенные детины. В голове итальянца мелькнула мысль, что там, в темноте, за спиной у великого Московского князя еще много таких молодчиков и что сложная, изощренная магия против них – что пушка супротив ядовитых ос.

– Возьмите чернокнижника, – рявкнул князь, – и замуруйте здесь вместе с его алхимической ересью.

Молодцы засуетились. Подземелье наполнилось новыми людьми. Кто-то уже тащил книги, чертежи, колбы, порошки и реторты.

Князь стиснул челюсти. Губы его превратились в тугую бескровную нить. Каменщики принялись за дело. Князь жестко ухмыльнулся:

– Принимаю твои обещания и отпускаю тебя. Совсем. Выберешься сам, если ты такой великий маг.

И быстро отошел в сторону, чтобы не видеть лица Аристотеля...

* * *

В голове был туман. Володя чувствовал себя не то итальянским зодчим, не то Московским князем. Потом ощущения обострились, и он понял, что все это было сном, видением. А он на самом деле человек, живущий в то время, для которого и Аристотель, и Иоанн – преданья старины глубокой.

Глаза открывать он не торопился. Память восстанавливалась какими-то вспышками, рывками. Отдельными кадрами. Словно фотографии из прошлого.

Вот он на лекции, а вот решает прогулять две оставшихся.

Едет к Ольге. Метро. Цветы. Подъезд.

Джинна. И второй возле машины с аэрографией в виде жарких языков пламени, лижущих капот, крылья и двери.

Володя вздрогнул. Сквозь тряску осознал, что именно сейчас его везут в том самом «Рав 4» неизвестно куда и неизвестно с какой целью.

– Ты его не пришиб? – поинтересовался голос с переднего сиденья.

– Нет, – отрезал второй, сердитый, с водительского.

Этот голос Володя сегодня уже слышал.

– А чем ты его? – не унимался первый.

– «Пустой пузырь». Он отключился, как миленький.

– Так же и удушить можно.

– Ты за ним следишь или нет? – обозлился сердитый голос. – Он очухивается.

Володя поднял веки. Он успел только понять, что лежит на заднем сиденье, да заметить недовольный взгляд ярко-алых глаз. Потом что-то с силой долбануло по голове, и снова накатила темнота.

* * *

...Застенок оставался все тем же. Только выхода больше не было. И людей не было. Ни князя, ни прислуги. «Без окон, без дверей полна горница...»

Аристотель сделал несколько шагов, споткнулся и со злостью поддел ногой валявшуюся на полу книгу. Легче не стало. Но злость ушла, а мысли потекли ровнее.

Какое ему дело, кто его сюда засадил? Сейчас отсюда надо выбраться. Фиораванти подошел к стене, прижался телом к свежей кладке и вслушался, ловя малейший звук или вибрацию. Но за стеной никого не было. Ни каменщиков, ни охраны, ни князя – никого.

Зато он прекрасно ощущал источники, что били совсем рядом. Благо, сам снимал с них то странное, перекрученно-хитрое заклинание. Эх, жаль, что, когда уезжал, по соглашению с местными разорвал привязку и не может более восстановить силы.

Итальянец немного расслабился. Забормотал нечто ни на родном наречии, ни на языке Московии. Пальцы его сложились в причудливую фигуру, кончики их начало немного жечь. От руки пошел белый свет, выкристаллизовался в бело-голубой светящийся шар. Достигнув размеров княжьей шапки, шар отделился от пальцев архитектора и неторопливо поплыл к потолку. В застенке стало светло. Так-то лучше.

Аристотель осмотрел разбросанные по полу останки бывшей своей алхимической лаборатории. Книги сейчас были бесполезны. Начертанное собственной рукой он помнил и без того. А вот брошенный потухший факел оказался весьма кстати.

Итальянец опустил на колени и поднял остаток факела. Обгоревшая сторона его пачкалась, оставляя черные следы. Фиораванти улыбнулся, поднялся. Хрустнули колени.

«Надо больше двигаться», – подумал между делом.

Страх окончательно ушел, оставив место трезвому расчету. Зодчий вел себя так, словно уже был на свободе. Словно не замуровал муроля великий Московский князь.

Он постоял с минуту, что-то прикидывая. В памяти всплыли планы подземных ходов. Отдельные чертежи сложились между собой, образуя целостную картинку лабиринта. Шагнув к выбранной глухой стене, Аристотель уже точно знал, что делать. Это для других она глухая – не для него. Он точно знает, что по ту сторону кладки коридор, ведущий совсем в другое место.

Остаток факела ткнулся горелой стороной в стену. Твердой рукой Фиораванти провел линию. На стене возник нехитрый, хоть и незнакомый простому смертному символ. Все. Полдела сделано.

Аристотель улыбнулся, отбросил факел и щелкнул пальцами. Шар, сотканный из бело-голубого света, потух. В застенке воцарилась темнота. И в этой темноте зазвучал хриплый голос итальянца.

То, что он говорил, не поняли бы ни русские, ни византийцы. Даже из собратьев вряд ли кто-нибудь уразумел бы смысл сказанного. Заклинание было редким и древним, и не рогатые маги серой сферы принесли его в этот мир.

А Фиораванти все повторял и повторял одно слово. Повторял как молитву. Бубнил, словно пономарь или помешанный. И от слова его, повторенного многократно, вспыхнул светом знак, начертанный на камнях.

Аристотель замолчал и прижался к стене. Свет не грел, от кладки тянуло холодом и сыростью. Но маг прижимался к ней сейчас, как к любимой женщине. Так длилось какое-то время. Потом тело его начало медленно погружаться в кладку, как горячий нож в холодное масло, покуда зодчий не стал с ней единым целым. И тогда символ на стене прощально вспыхнул и погас.

Застенок погрузился во тьму, в которой не осталось ничего живого.

* * *

Тень отделилась от стены и замерла в темноте потайного подземного коридора. Фиораванти потратился изрядно, и теперь немало времени пройдет, пока он сможет восстановить силы.

– Благодарю, князь, – пробормотал себе под нос, – что я не злопамятный. А то бы явился тебе ночью синий и некрасивый.

Передохнув пару минут, он по памяти выбрал направление и беззвучно, как привидение, заскользил по коридору.

Сзади слышались шаги. Фиораванти вздрогнул. Не могло здесь сейчас никого быть.

– Не туда идешь, дейвона, – голос был знакомым и доброжелательным.

Аристотель повернулся. За спиной стоял Кучкович.

– Как же «не туда»? – усомнился зодчий. – А то я свои чертежи не помню?

– Чертил ты, строили другие, – пожал плечами тот. – Идем. Расскажешь, как выбрался, а мы тебя за это к источнику отведем, позволим силы восстановить. Вы с князем нас порядком напугали...

Значит, все же Иоанн его по собственной воле замуровал. Маги ни при чем. А чертежи, выходит, переврали. Повезло еще, что тот коридор, в который он из своего каземата вышел, в нужном месте оказался.

Аристотель представил себе, в каких муках умирал бы сейчас в стене, если бы князю взбрело в голову изменить план и тут и перенести коридор на пару саженей в сторону.

Фиораванти мотнул головой, отгоняя страшные мысли, и поспешил за Кучковичем...

* * *

На этот раз Володя осторожничал еще дольше. Вновь получать по башке не хотелось, потому он лежал и вслушивался. Но никаких звуков не было. И тряски не было. Зато лежал он теперь не на мягком сиденье, а на чем-то твердом и холодном.

Так и не определив, где он, Володя открыл глаза. Его оставили на паркетном полу в огромной комнате. Собственно, и все. Больше в зале, как окрестил он для себя помещение, никого и ничего не было. Ни мебели, ни каких-либо предметов. Даже его сумки и фотоаппарата.

– Суки, – буркнул зло.

При мысли о потерянном фотоаппарате настроение испортилось вконец, хотя, казалось бы, хуже уже некуда.

Володя огляделся. Зал был прямоугольным. В таких, должно быть, прежде устраивали балы. Под высоким потолком по периметру располагались бра, дающие приглушенный свет. В дальнем углу в одной из длинных стен обнаружилась массивная двустворчатая дверь. Не питая по поводу нее никаких иллюзий, Володя подошел и для очистки совести дернул за ручку. Как и следовало ожидать, дверь оказалась запертой.

Противоположная стена привлекла внимание четырьмя плотно занавешенными окнами. А через окно, пожалуй, можно и сбежать. Ноги сами понесли на другую сторону зала.

Володя отдернул штору и зло сплюнул. Мало того, что на окнах стояли решетки, так еще и ставни снаружи оказались заперты. Причем одинаково закупоренными были все четыре окна. Прыжки в окно отменялись.

Интересно, зачем он понадобился «оранжевым»? Во всяком случае, ничего хорошего, судя по манере джинна приглашать в гости, ему не светит. И что теперь делать? Искать его не станут. По меньшей мере, в ближайшее время. Он для всех учится, работает. Когда папа с мамой спохватятся? Не раньше полуночи, уж точно. И ведь он сам их приучил к тому, что приходит домой среди ночи, и нечего за него волноваться. А не станут волноваться, лягут спать, так и вообще раньше утра про него не вспомнят.

Володя закусил губу. Не надо было ругаться с родителями и приучать их к своим загулам. Лучше бы отзванивался, что задержится. Не так это и трудно. И Оле надо было позвонить с дороги. Обошелся бы без сюрпризов, сейчас бы его уже искали.

Стоп! Позвонить. Володя хлопнул себя по карманам. Кажется, его не обыскивали, ограничившись изъятием сумки и фотоаппарата. Рука привычным движением устремилась в карман, пальцы нащупали пластиковый корпус. Сердце забилося сильнее.

Не веря своему счастью, он вытащил из кармана мобильник. Но момент радости оказался кратким. Сеть в чертовом зале с запертыми окнами и дверью не ловилась. Как ни старался Володя, гуляя с сотовым, как с миноискателем, от стены к стене, а только факт остался фактом. Связи не было.

Понятно, почему ему не стали выворачивать карманы. Какой в этом смысл? Исчерпав запас идей, Володя присел на пол, прислонился спиной к стене и закрыл глаза.

Видение было похоже на вспышку: темный сырой застенок, еще не печатные, рукописные фолианты на полу, обгоревший огрызок факела и светящийся символ на стене. И было это все настолько четким и ярким, что символ оттиснулся в памяти, как клеймо.

Володя открыл глаза. Вот он, выход. Магия. Он прислушался к ощущениям – источник был не сказать, что близко, но и не настолько далеко, чтобы потерять с ним связь и не суметь восстановиться быстро.

Он шагнул к стене с окнами, а пальцы уже сами собой нащупали в кармане ручку. Сверяясь с образом, оттиснувшимся в памяти, Володя быстро начертил символ на обоях между окнами.

Сомнения проклюнулись, когда рисунок был закончен.

«Бред какой-то, – встрепнулся внутренний голос. – Брать сон за инструкцию...»

Володя и сам понимал, что выглядит это весьма сомнительно, но другого выхода не было. Да и сны казались не придуманными образами, а реальными картинками прошлого. Так было, и Володя почему-то видел это.

С другой стороны, магия, которую использовал Аристотель Фиораванти, выглядела нереально сложной. Отец говорил, что существует несколько видов заклинаний: ритуальные, жестовые и вербальные. Виденное во сне было явно не жестовым, вербальным лишь отчасти, и до ритуала куций символ с несколько раз повторенным словом недотягивал.

Но отец ведь не всеведущ.

«Но даже если сработает, – снова затрещал внутренний голос, – кто знает, что там, за стеной? Хитроумный итальянец чуть не обмочился, когда понял, что мог уйти в глухие камни».

Здесь не подземелье, здесь все понятно, решил для себя Володя. Раз окна, значит, с обратной стороны улица. Квартирой это быть не может, слишком невероятные площади для квартиры. Значит, дом. Если дом, значит, этаж первый. На верхних этажах решетки на окна не ставят.

С этой мыслью он подошел к стене, распластался по ней, как алхимик в видении, и принялся повторять заученное слово. Только бы он произносил его правильно. Только бы запомнил без ошибки.

Стараясь подражать интонациям сотни лет назад умершего Фиораванти, он произнес слово трижды. Ничего не произошло. Володя начал уже сомневаться, все ли он делает правильно, когда возникло знакомое магнетическое ощущение и символ на стене засветился.

На радостях Володя забубнил с новой силой. Он повторял и повторял непонятное слово, не зная даже толком, что должно произойти. Ощущение намагниченности увеличилось. А потом он вдруг почувствовал каждую молекулу своего тела как крохотный голубой шарик. И сам он был теперь огромной могучей вселенной, в которой по непонятным никому законам вертелись все эти шарики.

Он не понимал, что и как происходит. Осознавал только, что вот сейчас где-то сталкиваются две вселенных. Смешиваются между собой, превращаясь на мгновение из скоплений голубых и рыжих шариков в нечто разноцветное, хаотичное.

Где-то в голубой вселенной зародилась мысль, что он может навсегда застрять в этом скопище рыжих умерших шариков. Но страха от этой мысли не возникло. Он точно знал, что этого не случится. Он чувствовал, как схлестнувшиеся вселенные расходятся в разные

стороны. Рыжие шарики мертвой статичной системы нехотя отпускали голубые живые.

Володя почувствовал себя водой, протискивающейся сквозь песок. Последние молекулы его тела вырвались из плена чужой вселенной. Космические ощущения отошли на задний план. Он снова был человеком, только к этому надо было привыкнуть.

По глазам резанула боль. Не сразу сообразил, что он на свежем воздухе, и на улице уже темно, а в лицо лупит фонарь. Это ж сколько он провалялся в отключке? Руки дрожали, голова болела. Спина намокла от пота. А в груди затрепыхался запоздалый страх. Володя начал понимать, что чувствовал пригрезившийся ему Фиораванти, когда выбирался из заточения.

Правда, сил у него осталось побольше, чем у алхимика. Но и стена, через которую он прошел, была потоньше.

Источник «Стального щита», на который был настроен Володя, судя по ощущениям, находился километрах в десяти-пятнадцати. Тело Силы восстанавливалось неторопливо. Он чувствовал себя разбитым, как после болезни.

Стоять было тяжело, и он уселся в сугроб. Сидел долго, привалившись к стене, прислушиваясь к ощущениям и оглядывая пейзаж.

Это в самом деле был огромный загородный дом, особняк в три этажа. Участок вокруг него тоже выглядел необъятным. Вместо привычного для дачников огорода здесь росли сосны. Особняк огибали заснеженные дорожки, а участок ограждал высокий и крепкий на вид забор.

Странно, такой домина и никого нет. Тут же, судя по масштабам, должна быть толпа прислуги. Или здесь никто не живет?

Володя медленно поднялся. Чувствовал он себя явно лучше, но все еще неважно. Ладно, хватит себя жалеть. Он оторвался от стены и заковылял по снегу к забору.

Тот высился в паре десятков шагов от дома, устремлялся в небо метра на четыре-пять. По верхней кромке этой, с позволения сказать, ограды, тянулась колючая проволока. Под напряжением или нет, оставалось только гадать. Впрочем, он не мог даже проверить это. Взобраться на такой забор было выше его сил. Володя хоть и жил высоко, а высоты боялся.

Он вообще за всю свою жизнь забирался на высоту очень редко. Последний раз это было в школе. Они с приятелем отправились на Крылатские Холмы, по которым петляла олимпийская велотрасса, нашли там пару диких яблонь и решили нарвать яблок. Вовка бодро залез на дерево, по толстой ветке добрался до развилки и даже продвинулся дальше, но потом, на обратном пути, понял, что форсировать разветвление в обратную сторону невозможно. И падать с такой высоты тоже никак нежелательно. Приятель сперва насмехался, потом сердился, потом устал ждать и ушел, оставив Володю на дереве. В конечном итоге он победил упрямые ветки и слез, но желание повторять такие подвиги отпало навсегда.

Сейчас была даже не яблоня. Перед ним высилась отвесная стена высотой чуть ли не в три человеческих роста.

– Умный в гору не пойдет, – пробормотал Володя себе под нос.

И вздрогнул от собственного голоса. Огляделся. Вокруг никого не было, а забор уходил в обе стороны и терялся за соснами. Можно, конечно, поискать ворота, но где гарантия, что они открыты или их получится открыть? И где гарантия, что, пока он будет болтаться вокруг особняка, его не заметят похитители?

В руке сама собой обнаружилась шариковая ручка. Тело сработало раньше мысли. И Володя принялся чертить на заборе.

Повторить символ оказалось труднее. Если на обои паста ложилась легко и непринужденно, то на крашеную гофрированную жесть при наличии на улице легкого минуса не желала ложиться вовсе. Пришлось процарапывать краску.

Когда символ был готов, рука болела так, словно он отсидел не две лекции, а все восемь. И все эти часы беспрестанно строчил конспект.

Володя прижался к забору. Ледяная жестянка обожгла щеку. Стараясь расслабиться, он

забормотал заклинание. Второй раз прошло проще и быстрее. Не то препятствие оказалось тоньше, не то сказывался навык и понимание того, что делает, которого не было в первый раз.

Сквозь забор он прошел с легкостью иголки, прошивающей марлю. Зато с другой стороны забора навалилась слабость. Так много сил он не расходовал еще никогда. Ноги подгибались. Тело трясло. А источник был далеко. Сейчас он ощутил это расстояние, как никогда раньше.

Шаг, еще шаг. И еще пара шатких шагов. Ноги подкосились, и Володя без сил повалился на снег. За городом, в отличие от слякотной столицы, уже лежали сугробы.

Лицо обожгло холодом, но бодрости не прибавилось. Он лежал на снегу, как побитая собака, и пытался собраться с силами. А сил не хватало.

– Надо идти, – сказал, кажется, вслух.

И попытался подняться, но только беспомощно трепыхнулся, как птица с перебитыми крыльями. За приступом слабости накатила тошнота. От осознания беспомощности зародилась паника.

Сбежал он. Прошел через две стены. Великий маг. А дальше что?

– Отдохнуть чуть-чуть, – на этот раз точно произнес вслух.

И услышав собственный голос, замолчал. Так и лежал молча в снегу, чувствуя, как промокают джинсы, а сырость пробирает до костей. Прошло не меньше получаса, прежде чем он нашел в себе силы подняться.

Теперь идти получалось легче. И хотя слабость до конца не отпустила, и болела голова, но, по крайней мере, больше не штормило. Джинсы промокли насквозь. Куртка чуть меньше, но теплее от этого не становилось. В ботинках хлюпало.

Неплохо было бы пробежаться, но на это сил пока не было. И даже мысль о том, что если его догонят, то он не сможет дать никакого отпора, благо магически тоже беспомощен, не подхлестывала.

Впереди замаячило шоссе. Володя чуть прибавил шагу, перемахнул через сточную канаву. Прыжок вышел неловким, нога соскользнула, и он зачерпнул воды и без того промокшим ботинком.

Чертыхаясь, начал карабкаться по откосу. Выбрался на обочину. Шоссе было самым обычным, если не считать высоченных заборов по обе стороны от него. Да еще видневшиеся неподалеку рекламные щиты были странными. Подсвеченные плакаты предлагали землю от пяти гектаров и недвижимость в каком-то забугорье.

Он попытался сообразить, в какой стороне Москва, но так и не смог. Потому решил положиться на другие чувства и пошел к источнику, который ощущал, как спаниель добычу.

Мороз начал въедаться в кости. Пальцы на ногах потихоньку теряли чувствительность. Зато слабость уходила, а в голове зашевелились какие-то мысли. Путь намечался явно неблизким, и самым разумным было поймать машину. Но денег на нее не имелось, а поднять руку с оттопыренным пальцем и попробовать прокатиться автостопом почему-то не позволяла гордость.

Гордость. Вот если обнаружат, что он сбежал, и поедут догонять, будет не до гордости. А обнаружат обязательно. Это лишь вопрос времени. Кроме того, чем дольше длится эта прогулка, тем вернее она закончится больницей. Сильно хилым Володя себя не считал, но прогулки в мокрых штанах по улице при минус трех могут свалить кого угодно.

Он уже почти решил поднять руку и поймать попутку, когда в кармане завибрировало, и послышались знакомые звуки «Тореадора». Номер не определился.

– Алло?

– Ты где? – отозвалась трубка. – Я зашел к тебе на работу, тебя нет и говорят, что больше не будет.

Понятно, Саныч появился в его отсутствие и решил уволить за прогул. Впрочем, сейчас все это было Володе до лампочки.

– Ты где? – повторил голос отца.

– На дороге, – буркнул Володя.
– Какой дороге?
– Шоссе. Судя по рекламе и застройке – Рублевка.
– Какой километр?
– Не знаю.
– Как тебя туда занесло? – взревела трубка. – Что ты там делаешь?
– Иду в сторону Москвы, – огрызнулся Володя. – Если не замерзну по дороге, то к ночи буду дома.

Трубка помолчала. На том конце что-то судорожно соображали. Володя буквально чувствовал, как Ник скрипит мозгами.

– Иди, как идешь, – сказал наконец. – Я тебя подберу.
– Когда?
– Уже еду, – ответил Николай и дал отбой.

* * *

Отец нашел Володю через полчаса. Когда его в очередной раз осветило фарами, зашуршала шипами резина и рядом притормозил «Хендай Акцент», Володе было уже наплевать, отец его подберет, милиция или те, от кого он сбежал.

Ник потянулся через сиденье с водительского места, открыл Володе дверь. На нем не было ни шляпы, ни плаща. Только серенький вязаный свитерок.

– Садись.

Володя забрался внутрь. В салоне было жарко, но он успел промерзнуть настолько, что зубы и в тепле отбивали чечетку. «Хендай» степенно двинулся с места, съехал с обочины и, развернувшись, начал набирать скорость.

– Не знал, что ты водишь.

– Замерз?

– Д-да что ты, нет, конечно, – съязвил Володя, пытаясь совладать со сведенной от холода челюстью. – Тепло мне, Морозушко, тепло, батюшка.

Ник повернул ручку, врубая печку на полную. Какое-то время ехали молча. Володя не торопился чесать языком. Силы восстановились, но от холода, казалось, сводило все тело.

– Что произошло, не расскажешь? – нарушил тишину отец.

– Двое джинна напали на меня среди бела дня, погрузили в машину, вывезли за город и посадили под замок.

– Ты их раньше видел?

Володя покачал головой.

– А дальше?

– Что дальше? Посидел взаперти, надоело сидеть – ушел.

– И все?

– И все. А теперь ты расскажи.

Ник искоса поглядел на сына:

– Что рассказать?

– Почему они на меня напали.

– Ты меня об этом спрашиваешь?

– А кого? – фыркнул Володя. – Других магов я не знаю, твои братья из клана для меня – только имена и смутно знакомые лица. И «оранжевые» меня тоже не знают. С чего бы им на меня нападать?

– Может, они не маги.

– Один точно маг. Он меня каким-то хитрым заклинанием вырубил.

Ник замолчал и задумчиво вперился в дорогу. Володя не мешал, молча ждал, когда мыслительный процесс придет к логическому завершению.

Впереди замаячила МКАД. Ник пролетел под кольцом, поехал дальше. Только перед

постом ГИБДД сбавил скорость.

– Ладно, – произнес наконец. – У меня есть мысли на эту тему, но это долгий разговор. Поговорим завтра.

– Нет, – отрезал Володя, чувствуя в себе силу, которой не было раньше. – Поговорим сегодня.

Отец помялся, посмотрел на него, выдавил:

– Ты промок. Тебе надо домой, а завтра...

– Я промок! – взорвался вдруг Володя. – А еще меня похитили. А еще я сбежал. А еще я потерял фотоаппарат и, судя по всему, работу. И я имею право как минимум знать, в честь чего я все это теряю. Сегодня. Сейчас!

Он замолчал, поняв, что кричит уже во всю глотку. Затравленно посмотрел на Николая. Тот поспешно спрятал взгляд.

Володя ждал, но Ник так и не ответил. Правда, поворот на Крылатское успешно проехал, а спустя пять минут свернул на Кутузовский и устремился в центр.

За окном пронеслись Поклонная гора, Триумфальная арка. Просвистав до самого Арбата, Ник свернул на набережную.

– Куда мы едем? – не выдержал Володя.

– Не задавай глупых вопросов, – огрызнулся Ник.

По набережной они ехали долго. Отец нервничал, и понять, из-за чего, было невозможно. Наконец начал искать, где припарковать машину.

Володя выглянул в окно и замер. Рука привычно дернулась за фотоаппаратом, который остался, должно быть, где-то на Рублевке. То чудо, что стояло на самом деле на месте храма Христа Спасителя, по-прежнему вызывало трепет, хоть и видел его не первый раз.

Отсутствие фотоаппарата расстроило, натолкнуло на мысль о том, что ни за грош лишился части жизни. Однако зрелище за окошком перебило грусть.

Машина остановилась. Ник заглушил двигатель.

– Видишь? – кивнул на храм.

– Вижу.

– Внутри источник. Очень мощный. Возможно, самый мощный в Москве. Ему несколько сотен лет, а он и не думает иссякать. И долгое время он принадлежал нам.

– «Стальному щиту»? – не понял Володя.

– Его предшественникам. Иначе говоря, клану, к которому я принадлежу. А теперь и ты, так как ты мой сын. Мы владели источником десятки лет. Знаешь, что здесь было прежде?

– Бассейн? – предположил Володя.

– Вроде того. Во всяком случае, под покровом Пелены это выглядело именно так. А потом пришли элохим. Помнишь того, что ты видел там? Это один из магов влиятельного объединения «белых». И они сильнее нас. Во всяком случае, пока сильнее. Они отобрали у нас источник и разгромили прежний клан, от которого остались только ошметки.

– И построили на его месте храм, – подытожил Володя.

– Примерно так.

– А раньше, когда здесь был еще старый храм? Чьим был источник?

– Элохим постоянны в своих архитектурных пристрастиях, – мрачно процедил Ник.

– Значит, они просто вернули себе то, что вы у них отобрали.

Ник болезненно поморщился:

– Мы у них ничего не отбирали. Это джинна. Северо-западное московское землячество. Знаешь, как снесли первый храм в мире людей? Под проект Дворца Советов. Это был замысел джинна. Северо-западники тогда отбили источник у элохим. Теперь, опуская все подробности, «белые» претендуют на этот источник по праву первого владельца, мы по праву последнего, а «оранжевые» от врожденной наглости.

– А при чем здесь мое похищение? – удивился Володя.

– Не понял? Мы с Кудимовым возлагаем на тебя большие надежды. – Ник пожевал

губами в раздумье и добавил: – И «оранжевые» северо-западники, видимо, тоже.

* * *

Зал по-прежнему пустовал: высокие потолки, бра с приглушенным светом на недостижимой высоте. Четыре зарешеченных, закрытых ставнями окна. Только дверь была распахнута, и на стене между окнами темнело выгоревшее пятно, в котором с трудом читался некий символ.

Если бы кто-то вошел сейчас в эту комнату, то увидел бы привлекательную женщину средних лет с янтарными глазами и пышными огненно-рыжими вьющимися волосами. Рядом с ней стояли двое лысых, как колена, мужчин. Женщина была в ярости, и не сказать, что это не красило ее. Мужчины выглядели удрученными.

– Что это? – женщина ткнула пальцем в испорченные обои.

– Мы подозреваем, что это следы заклинания, при помощи которого он сбежал, – подал голос один из мужчин.

– Я вижу, – повернулась к нему женщина. – Не слепая. Меня интересуют только два вопроса. Всего два. Что это за заклинание? Вы когда-нибудь видели такую магию?

Осмелившийся ответить мужчина потупился и мотнул головой.

– Похоже на ритуал, – позволил себе вступить в разговор второй мужчина. – Во всяком случае, здесь явно был какой-то рисунок, и его активизировали, скорее всего, вербально. Возможно, помимо символа и звука было еще что-то. Выходит, ритуал.

– Не выходит, – отмахнулась женщина-джинна. – Выходит что-то совершенно новое.

– А все новое – это хорошо забытое старое, – пробормотал второй.

– Ты чертовски прав, Сальваторе, – заметила женщина. – Может быть, ты расскажешь тогда, кто посвятил его в это старое? Я такого старого не знаю, а я не последний маг на этом свете.

Сальваторе тоже поспешил спрятать глаза. Женщина смотрела так властно и пронзительно, что выдержать этот взгляд мог бы не каждый. В ее землячестве не мог никто, потому она в конечном итоге его и возглавила.

У джинна все просто – кто сильнее, тот и правит.

– Кто? – испытующе спросила она.

Голос прозвучал с такой мощью, что оставить вопрос без ответа не решились бы даже бездушные стены.

– Возможно, его отец...

Глаза главы землячества свирепо полыхнули, грозя прожечь на стене еще пару пятен. Сальваторе почувствовал неодолимое желание съежиться. Поглядел на товарища и почувствовал, что не одинок в своих желаниях.

Однако готовая обрушиться на их головы гроза прошла мимо.

– Его отец – ничтожество, – удивительно спокойно и холодно произнесла женщина. – Его отец никогда не был серьезным противником. Весьма посредственный маг с комплексом маленького начальника. Скорее я поверю в то, что этому заклинанию научил мальчика ты, чем в то, что старый осел мог хотя бы раз в жизни столкнуться с чем-то такого уровня. Не говоря уже о том, чтобы запомнить, научиться применять и передать это умение другому. Кудимов, нынешний глава «Стального щита», немногим лучше, хотя и сильнее. Еще варианты?

– Возможно, стоило бы спросить у него самого? – предположил Сальваторе.

– Стоило бы, – снова разъярилась джинна. – Если бы он был здесь. Как вы могли его упустить?

– Кто мог предположить, что он способен вырваться?.. – начал Сальваторе.

– А зачем надо было вообще делать так, чтобы у мальчика возникло желание бежать? Зачем надо было играть в бандитов мелкого пошиба? Зачем? Неужели нельзя было просто мирно поговорить и пригласить? Надо было обязательно тянуть на аркане?

– Я все исправлю, – горячо заверил Сальваторе. – Я найду его и приглашу.
Джинна снова охладела и только покачала головой.
– Нет, теперь он вам не поверит. Здесь надо действовать иначе. Вызови ко мне шакала.

* * *

Ник проявил невиданную заботу и доставил Володю аж до подъезда. Настоял на том, что довезет, сказал даже, что волнуется. Правда, словами это и ограничилось, ничем другим отец волнения не выказал. Оттого оно казалось наигранным.

Всю дорогу обратно молчали. Володя немного отогрелся. Мысли ползли вяло. От нечего делать он начал присматриваться к отцу. И результаты наблюдения оказались поразительными.

Ник выглядел так, словно ехал в машине один. Будто не было в ней его сына Володи. И вообще никого живого не было. А вместо родного человека, о котором он заботится, на пассажирском сиденье лежит чемодан с дорогостоящим оборудованием. Оборудованием, за потерю которого можно получить нагоняй от начальства или даже, образно говоря, оказаться на улице без порток. Потеря тяжелая, но не смертельная.

От осознания этого Володе вдруг стало смешно и тошно. Машина свернула на Рублевку, с нее на дублер, оттуда на Крылатские Холмы, а Володя все смотрел и смотрел на отца со смесью каких-то совершенно новых чувств, которые сам еще до конца не осмыслил.

«Акцент» въехал во двор, притормозил у подъезда. Ник повернулся к сыну.

– Прибыли.

Володя кивнул. Николай поежился под его взглядом, теряя весь свой лоск и начиная походить на облезлого кота.

– Что? – спросил он рассеянно.

Володя молча мотнул головой.

– Ты на меня так смотришь, мой мальчик... – пробормотал Ник. – Что-то случилось?

– Значит, источник, – произнес Володя, не понимая еще толком, о чем говорит. – Ты ради него меня нашел, да? Я тебе нужен, только чтобы заполучить этот источник?

– Ты сам не знаешь, что несешь, – ответил Ник. – Все сложнее, чем ты можешь себе представить. Москва – огромный город. В нем сотни магов, которые ведут себя, как пауки в банке. Ты интересен многим. Они ищут тебя именно ради того, чтобы использовать. Я нашел – потому что ты мой сын.

Володя отвернулся.

– Я отыщу тебя на днях, мой мальчик.

Володя вновь кивнул и молча вышел. Хлопнула дверца машины, отгораживая его от отца. Хлопнула дверь подъезда, отгородив от всего мира. Хлопнула дверь квартиры и дверь комнаты, отгородив от самых близких людей. Он остался наедине с попыткой понять, а понимания все не было. А вернее, Володя боялся и не хотел понимать очевидное, слишком гадким было это понимание, уже озвученное, но еще не принятое.

Глава 7

С работы его все-таки уволили. Владлен Александрович, как и следовало ожидать, оказался непреклонен, но играл в щедрость.

– Пиши «по собственному», – по-барски разрешил он.

Володя сидел перед начальником, который пропадал где-то не одну неделю и, по слухам, был счастлив и пахуч, как парфюмерная фабрика. По слухам. Сейчас лик Саньча был мрачен, а несло от него тяжелым потом. И на рабочем месте он торчал с самого утра.

– Баба бросила, – шепнул напарник.

Но вдаваться в подробности не хотелось.

– Владлен Александрович, за что? – Володя поймал себя на просительных интонациях.

Подобный тон его раздражал, но сладить с собой он не мог. Слишком обидно было за просто так терять работу, которая нравилась.

– За прогул, – отрезал Саныч.

– У меня были серьезные причины... – начал Володя.

– Знаю, – перебил начальник. – Поэтому пиши по собственному желанию. Не хочешь – уволь по другой статье.

Володя закусил губу от обиды и взял протянутый лист формата А4. Хотя такой объем был явно лишним – текст заявления умещался в одну строчку. Еще пять занимали шапка и подпись с датой.

От начальства он вышел с трудовой книжкой в руках и безмерной тоской на сердце. Переглянулся с напарником, но тот под взглядом Саныча не решился даже подмигнуть на прощание, не то что заговорить.

Последний раз окинув взглядом родную фотомастерскую, Володя вышел на улицу. Снаружи было холодно и промозгло, но он не обратил на это никакого внимания. Он терял сейчас что-то важное и, хотя пытался убедить себя, что это всего лишь работа, что такая мастерская не одна в городе, что без дела он не останется, на душе было паршиво.

В метро спускаться не стал. Взял в палатке бутылку пива, пакет чипсов и сел на опустевшем бульваре. В груди скреблась тоска. Было жаль потерянной работы, на которую еще вчера вроде бы плевать хотелось. Было жаль потерянного фотоаппарата, про который накануне даже и не вспомнил. Конечно, не вспомнил. Как можно думать о таких мелочах, когда борешься за жизнь?

Мелочи всплывают позже, когда жизнь отвоевана. Когда все происходившее днем раньше кажется высосанным из пальца бредом, а то, что потеряно, – настоящей жизнью. Хоть даже это и неправда.

А в чем ложь? Пока не появился отец, он жил родителями, Ольгой и фотографией. Родители в мгновение ока стали неродными, фотография потерялась чуть позже. Нет больше ни фотоаппарата, ни работы. Радости нет. А что взамен? Понимание того, что мир совсем иной? Нечеловеческие способности? А какой от них толк? Единственное, что у него осталось, – Ольга. Но и та отдалилась. Не из-за себя, из-за него. Из-за недосказанности. А как ей расскажешь, как объяснишь то, что происходит?

Володя огляделся, словно пытаясь отыскать собеседника. Но поблизости не нашлось даже завалящего бомжа. То ли рано было, то ли холодно. Никого, лишь облезлая собака. Пестрая, с лисьей мордой и непомерно большими ушами. Пес, прихрамывая, трусил мимо, и взгляд у него был по-человечески ищущим.

– Эй, – позвал Володя.

Собака остановилась и оглянулась.

– Иди сюда. – Володя перевернул пакет, высыпая чипсы на подтаявший снег.

Псина покосила глазом и осторожно подошла ближе. Поглядела недоверчиво на чипсы.

– Ешь, – подбодрил Володя.

Собака отвела взгляд. Из алой пасти вывалился мягкий язык. Пес осторожно подхватил чипсину и захрустел.

– Видишь, как все просто, – произнес Володя. – Тебе дают, ты ешь. А потом, когда тебя прикормили, чувствуешь себя обязанным. А как только чувствуешь себя обязанным, ты уже несвободен. Ты уже не принадлежишь себе.

Собака покосилась на него. Володя подбодрил: «Ешь, ешь». И пес снова захрустел чипсами, сметая все, что высыпалось из пакета. Володя присосался к бутылке, делая приличный глоток.

– Вот так, – продолжил он мягко. – Видишь, как все просто. Теперь ты меня не укусишь. Не посмеешь укусить. Потому что я тебя кормлю. Ты был свободен в своем выборе, песик. А теперь нет. А все потому, что я тебя прикормил. И пусть корм – дрянь. Пусть тебе нравится совсем другое, я тебе дал что-то, и ты чувствуешь себя обязанным. В отношениях со мной ты уже не ты.

Володя одним глотком осушил бутылку. Пива в ней оказалось больше, чем он рассчитывал. Пенистый напиток встал поперек глотки, заставляя закашляться. Володя отшвырнул бутылку и совсем тоскливо поглядел на лопоухую собаку.

– Что от тебя осталось? – хрипло спросил он. – Что у тебя осталось? Что у меня осталось?

Пес преданно поглядел ему в глаза, но чипсов больше не было, и он, вильнув хвостом, потрусил прочь.

– Что у меня осталось? – тихо повторил Володя.

Никто не ответил. Да никого и не было. Даже собаки. Володя молча поднялся с промерзшей скамейки и пошел к светящемуся входу в подземку. Возле стеклянных дверей он еще раз обернулся, запоминая то, что уже было в прошлом.

Сюда он больше никогда не вернется – это Володя знал точно. Даже если Саныч лично придет к нему домой и будет ползать на коленях, умоляя вернуться. Нет. Он повернулся спиной к той части города, которая была его жизнью какое-то время, и, не оглядываясь больше, спустился в метро.

Впрочем, если бы он оглянулся, ничего бы не изменилось. Оборачиваться надо было раньше. Еще тогда, на бульваре. Повернись, Володя увидел бы, как лопоухая собака добежала до конца бульвара и остановилась рядом с человеком в плаще, что стоял в тени дерева. Вполне возможно, Володя даже узнал бы в нем отца. Возможно. Но этого не случилось.

А собака между тем посмотрела на человека, и Ник кивнул ей.

– Он тебе понравится, – произнес мужчина тем тоном, каким говорят только с собаками, детьми и идиотами. – Он хороший. Вы подружитесь.

И собака молча вильнула хвостом.

* * *

На этот раз Володя решил обойтись без сюрпризов и цветов. Первые вызвали опаску, на второе не было денег.

От метро до Олиного подъезда добрался быстро. Но на подходе к знакомому двору его охватило беспокойство. А вдруг его снова ждут? Он-то подумал, что сбежал, что все кончилось, но ведь не кончилось ничего. Здесь он не в безопасности.

Как они вообще узнали, что его надо караулить здесь? Следили? Или наводили справки? Так или иначе, если они знали, что его можно найти у Оли, наверняка знают и про университет, и про работу. И уж точно для них не секрет его домашний адрес.

Нутро обожгло страхом. Он вдруг ясно понял, что нигде теперь не может чувствовать себя спокойно. Его во всякий момент могут поджидать совершенно в любом месте. Ему теперь все время придется жить с оглядкой.

Везде.

Всегда.

Вжав голову в плечи, поминутно озираясь, Володя потрусил к подъезду, что та собака с бульвара. Но на этот раз опасения оказались напрасными. Не было ни лысых мужиков с пламенеющими глазами, ни «Рав 4» с пламенной аэрографией на корпусе цвета антрацита. Никто его не караулил, а если и следил, то делал это издали и незаметно.

Ольга еще кашляла, но выглядела бодро. От поцелуя изящно увернулась.

– Вовка, я ж болею, – улыбнулась немного виновато. – А ты почему не на работе?

Володя пожал плечами:

– Уволился.

Ольга посмотрела ему в глаза, взяла за руку и повела на кухню. Володя не сопротивлялся. Послушно прошел к столу, сел в уголок на табуреточку. Ольга щелкнула кнопкой чайника. Тот робко зашуршал. Пока шуршание набирало силу, Оля достала из холодильника коробку с пирожными. Рядом с ней поставила на стол чашки. Володя молча

наблюдал, как она возится с чаем.

Ему до жути хотелось поделиться переживаниями с любимой девушкой, выговориться, выплакаться, но в голове звучал голос папы: «Если женщина не может помочь, ее не стоит волновать».

Оля подвинула чашку, от которой уже шел ароматный пар.

– Лимон будешь?

Володя мотнул головой и пригубил обжигающий напиток. Оля сидела напротив, настороженная и притихшая.

– Почему?

– Что «почему»? – не понял Володя.

– Почему ты уволился? Тебе же нравилось.

– Так получилось.

Ольга поглядела пронизывающе, словно рентгеном просветила. Володя почувствовал, что не может ей соврать, а недоговаривать сил нет.

– Ты лучше расскажи, как себя чувствуешь? – со всей бодростью, на какую был способен, спросил он и присосался к чашке, чтобы избежать вопросов.

– Я-то нормально, – сказала Оля. – Что с тобой, Вовка?

– А что со мной? – вымученно улыбнулся Володя. – Разве что-то не так?

– Ты пропадаешь по несколько дней. Ты не отвечаешь на простые вопросы и вообще ничего не рассказываешь. Это уже давно. Я старалась не лезть, делать вид, что все хорошо.

– Все хорошо, – повторил Володя ее слова.

Но Оля не заметила, казалось, его реплики.

– Теперь ты увольняешься с работы, приходишь без фотоаппарата, хотя я не помню ни одного дня, чтобы ты вышел без него из дома. И в глазах у тебя страх. Чего ты боишься? Что произошло? Только не говори мне, что ничего не происходит.

Володя не ответил. Как утопающий за соломинку, ухватился за пирожное и принялся жевать, не чувствуя вкуса.

– Вовка, почему ты уволился?

Он посмотрел на Ольгу. Нет, она не любопытничала, она просила, умоляла, кричала одними глазами. По-настоящему переживала за него.

Володя почувствовал вдруг полную беспомощность. Он хотел бы знать какое-нибудь заклинание, которое позволило бы ему вытащить из ее головы все переживания, все лишние вопросы и наполнить ее сердце радостью. Но не было такого заклинания. А если и было, то Ник не поделился с ним этим знанием, и в странных снах оно ему не являлось.

– Я вчера не попал на работу, – заговорил он поспешно. – Прогулял. Не по своей вине, но сегодня мне поставили условие: или я увольняюсь по собственному желанию, или меня увольняют по статье.

– А...

– А вчера я был за городом, – быстро оборвал Володя. – Сбежал из универа, хотел заглянуть к тебе, но у подъезда меня встретили одни такие... – он запнулся, подбирая слово, – люди. И пригласили проехать за город.

– Но ведь ты мог отказаться.

– Нет, Оленька, я не мог отказаться. Потому сегодня меня вынудили уволиться. А фотоаппарат пришлось оставить у них, поэтому я без фотоаппарата.

Ольга задумчиво покусала губу.

– Во что ты вляпался? Эти люди, они бандиты? Почему они... Они тебя...

На Володю уставились глубокие, полные неожиданного понимания глаза. Он вздрогнул. Ольга встала из-за стола, подошла вплотную, обняла за плечи. Ее пальцы, легкие и трепетные, зарылись в его волосы.

– Папа с мамой знают?

Володя тряхнул головой.

– Надо пойти в милицию и все рассказать, – тихо шепнула она в самое ухо.

«В милицию!» – вспыхнула спасительная мысль.

Как он сразу не подумал об этом? Это же так просто! Дотопать до ближайшего отделения, написать заявление, или что там в таких случаях полагается, и все. И больше с ним ничего не случится, потому что его станут охранять бдительные стражи правопорядка...

Неожиданно накотившая радость от простого решения мгновенно рассеялась, словно дым от сигареты. Какая к дьяволу милиция, если даже он сам может навести на любого мента какой угодно морок, внушив тому нехитрую, но опасную фигню? Какая может быть помощь от милиции, если придет один маг, покажет батальону милиции несуществующую корочку и отправит всех этих ментов по домам?

– От этих людей милиция не защитит, – покачал головой Володя.

– А почему они пристали к тебе? Что ты им сделал?

Володя пожал плечами и грустно усмехнулся:

– Родился. Видимо, я особенный.

– Откуда они вообще взялись? – с досадой спросила Ольга.

Вопрос был чисто риторическим, но Володя принял его на свой счет.

– От отца, – ответил нехотя. – От моего отца, черт бы его подрал.

– Он тоже был там вчера? – насторожилась Оля.

– Нет, он явился позже и любезно довез меня до дома. Оль, не спрашивай меня, пожалуйста. Я не могу тебе всего рассказать. Все это сложно и довольно паршиво.

Оля присела на корточки с ним рядом, опустила голову ему на колени.

– Извини, – сказала совсем тихо. – А если все так плохо, может, тебе с ним больше не общаться? Или ты не можешь?

Володя задумался на секунду, оценивая свою жизнь, ценности, цели, приоритеты.

– Могу, – сказал честно. – Но боюсь, это не только от меня зависит.

– А когда ты с ним теперь увидишься?

– Не знаю. Он всегда появляется сам. И надеюсь, будет это теперь не скоро.

* * *

Ник появился раньше, чем Володя мог предположить. Телефон взорвался «Тореадором» спустя час. Володя лежал на диване в обнимку с Ольгой и смотрел кино. Было что-то около пяти. За окном уже стемнело, но Олины родители еще не вернулись с работы. Звонок мобильного бесцеремонно разрушил весь этот уют.

Володя с подозрением посмотрел на надпись «номер скрыт» на дисплее. Предчувствия его не обманули.

– Здравствуй, мой мальчик, – поприветствовал его Ник. – Через пятнадцать минут у подъезда.

– Я не там, где ты думаешь, – сердито ответил Володя. – Через пятнадцать минут я...

– Через пятнадцать минут я жду тебя внизу, – в голосе Николая появилось раздражение.

– Я не дома, – рыкнул в ответ Володя.

– Я знаю, где ты, – недовольно отозвалась трубка. – Спускайся. Или будешь дальше препираться?

Володя молча нажал отбой.

– Кто там? – Оля приподнялась на локте.

– Мне надо идти, – невпопад ответил Володя.

– Это он? Тот человек, которого ты называл отцом?

– Извини, Оль.

Он вскочил с дивана и вышел в коридор. Оделся мгновенно. Больше времени ушло на то, чтобы зашнуровать высокие ботинки. Ольга стояла рядом и безмолвно наблюдала за ним, словно на войну провожала.

С таким же лицом вышла к лифту. Володя собрался с духом и вымученно улыбнулся:

– Не переживай, Оленька, все будет хорошо.

Он обнял ее. Оля прижалась всем телом. Трепетная, незащищенная.

– Я не знаю, чем тебе помочь, Вовка, – прошептала она.

– Все будет хорошо, – повторил Володя и поцеловал ее.

– Я же болею, – вяло воспротивилась Оля.

Подъехал лифт. Тяжко остановился и с шумом распахнул двери. Володя вошел в кабину, нажал кнопку и помахал на прощание рукой.

Внизу никого не было. Ни Ника, ни его «Акцента».

Володя переступил с ноги на ногу, зябко повел плечами. Вечер был холодным и влажным. Неприятным. Он запустил руку в карман, нащупывая мобильник. Часы показывали, что со времени последнего вызова четверти часа еще не прошло. Поторопился. Зачем?

Он вдруг подумал, что во всем этом есть какое-то мистическое притяжение. Как змея теряет волю при звуках флейты, так и он. Пусть еще недавно злился на отца, не желал его видеть, да и вообще не хотел иметь никакого дела с мамами, к какой бы сфере они ни относились, но бросил любимую девушку и выскочил раньше, чем требовалось.

Зажурчал мотор подъехавшей машины. Ник притормозил, распахнул правую от себя дверь.

– Садись, поехали.

Володя кивнул, сделал шаг. За спиной хлопнула дверь подъезда. Он обернулся.

Ольга выбежала на улицу как была, в домашней одежде и в тапочках на босу ногу. На лице решимость.

– Это он? – спросила она и бросилась к Нику, не обращая внимания на снег, слякоть и вмиг промокшие тапочки.

– Оля, здесь же холодно, а ты нездорова, – Володя запоздало попытался перехватить ее.

Николай наблюдал за происходящим с надменным видом. Ольга между тем обогнула машину и дернула водительскую дверь.

– Оставьте его в покое! – потребовала она без предисловий.

– Ого, – с чувством превосходства фыркнул Ник. – Девочка с характером. Ты хоть знаешь, кто я?

Володя догнал девушку и подхватил на руки:

– Оленька, ты же промокла насквозь. Не сходи с ума.

Но Ольга намертво вцепилась в дверь.

– Я не знаю, что вам от него надо, – произнесла с угрозой, – но если вы от него не отвяжетесь...

– То что? – Николай забавлялся, словно кот, играющий с мышью. – Ты мне угрожать вздумала, девчонка?

Ольга с силой хлопнула дверцей. Володя быстро понес ее обратно к подъезду. А в машине заливался хохотом Николай. Веселился так, что было слышно на улице. Смех раздражал, хоть Володя и пытался его игнорировать.

– Оленька, ну что ты, – повторял тихо. – Что ты... Ты же простужена. И промокла. Зачем? Он же... Он этого не стоит.

Володя набрал код и внес девушку в подъезд. Ее колотило. Не то от холода, не то от нервов. Он поставил ее на пол и нажал кнопку лифта.

– Прости, Вовка, – прошептала Оля. – Я не должна была... Но если он сделает тебе плохо, я его убью.

– Я разберусь с этим, не волнуйся.

Оля нырнула в кабину лифта, жестом остановила следовавшего за ней Володю.

– Иди. Со мной все в порядке. А он... Не хочу, чтобы из-за меня стало хуже. Не надо мне было этого делать.

Володя не нашел, что ответить, и просто поцеловал ее. Горячо и долго.

– Иди, – отстранилась она уже с улыбкой.

И нажала кнопку. Двери закрылись перед носом у Володи. До какого же отчаяния он ее довел. Володя схватился за голову. «Если женщина не может помочь, – вновь возник в голове папин голос, – ее не надо волновать».

Идиот сопливый! Зачем он все это на нее вывалил? Не объяснил даже толком. Про отца и папу, про похищение это дурацкое... про увольнение... А она... Что она подумала? Уж точно не о магах.

Машина стояла на прежнем месте, Николай все так же сидел за рулем, только не ржал больше.

Володя плюхнулся на сиденье, зло хлопнул дверцей.

– Напоминаю, – не дожидаясь, пока заговорит сын, произнес Николай, – ты принял решение, и теперь у тебя есть некоторые обязательства.

Машина тронулась. Володя молчал. Желание послать отца по известному адресу и навсегда вычеркнуть его из жизни присутствовало, но Ник был прав. Он не мог так просто расплесться со всем, что узнал и принял в последний месяц.

– Я хочу, чтобы этой строптивой финтифлюшки больше не было, – жестко произнес отец, чувствуя свою силу.

– Это не твое дело, – окрысился Володя.

– Ошибаешься. Ты маг, тебе нужно думать не просто о продлении рода, а о правильном вложении семени. За тобой клан, перед которым у тебя обязательства. Или ты думаешь, к источнику подпускают за красивые глаза?

Все это звучало настолько мерзко и беспощадно, что Володя зажмурился, не желая ничего видеть. Но спасительная темнота не пришла. Перед глазами возник парк, зеленые майские деревья и возвышающееся над ними колесо обозрения...

* * *

...Они ездили в парк Горького кататься на чертовом колесе. Ник и эта девочка. Ему было двадцать с небольшим. Ей меньше. Ее звали Настей. Они целовались и были счастливы. Он покупал ей мороженое и добыл в тире приз – плюшевого медведя.

Все пульки из мелкашки легли точно в цель. Дедушка, забравший обратно винтовку и вручивший приз, поразился меткости и предположил, что юноша, вероятно, занимается стрельбой. Ник загадочно улыбнулся. Стрельбой он не занимался, более того, оружие, пусть и пневматическое, держал в руках второй раз в жизни. Зато он занимался магией, и с ее помощью можно было легко забрать из тира любой приз, даже не попав ни разу. Но об этой маленькой хитрости никто никогда не узнал.

А потом она увидела художника с этюдником и поделилась с Ником:

– Знаешь, я всегда мечтала иметь дома свой портрет. Наверное, это нескромно, но мне очень хочется. Только обязательно нарисованный. Фотография – это не то.

– Не то, – согласился Ник. – Я обязательно подарю тебе портрет, только с одним маленьким условием.

– Каким это? – насторожилась Настя.

– Я сам его напишу.

– А ты еще и рисуешь? – на лице девушки возник неподдельный восторг. И от этого восторга Ник почувствовал, что он тоже что-то может и что-то значит в этом мире.

Он не брался за карандаш и кисть уже много месяцев, но сейчас его охватил невероятный азарт, способный перебить любую неуверенность. Забыв обо всем на свете, он притащил ее домой, чуть не силком впихнул в комнату.

– Садись, – велел девушке, отставляя к окну стул.

Настя послушно села и принялась наблюдать за тем, как ее удивительный ухажер потрошит ящики массивного комода.

Ник достал бумагу и уголь. Отошел в сторону, присел и принялся разглядывать девушку, ловя ракурс. Встал, подошел. Осторожно, боясь показаться грубым, взял ее за

плечи и повернул, чтобы свет лег правильно. Так же нежно дотронулся ладонью до щеки, поворачивая очаровательную Настину головку.

– Вот так.

Девушка улыбнулась. В груди у Николая что-то содрогнулось с такой силой, будто тараном ударили.

– Ты прекрасная, – прошептал он. – Очаровательная и нежная.

– Грубая лесть, – улыбнулась шире Настя, но было видно, что ей приятно.

– Вот увидишь, – пообещал Ник и взялся за уголек.

Работа шла споро. Рисунок выходил легко и профессионально. Как будто не было в его рисовании многомесячного перерыва, точно не возникало проблем с анатомией и пропорцией каждый раз, когда он брался изображать человека.

Рука двигалась легко и четко. Ник сам подивился этой легкости и той радости, с которой сейчас писал. Хотя прежде всегда ощущал некое неудовлетворение собой. Теперь же ничего такого не было.

Он рисовал ее с душой и с любовью. И чувства эти светились в каждом ложившемся на лист штрихе.

Сколько так прошло времени? Час? Два? Для него оно тогда просто остановилось. Он был счастлив. И верил в то, что Настя, сидящая на стуле у окна, тоже счастлива.

А потом в замке завожился ключ, и в квартире появился тот, кого он любил, боялся и ненавидел. Отец вошел в комнату и устался на Ника с неудовольствием.

– Пап, познакомься, – робко начал Ник, – это Настя. Она...

– Она уходит, – отрезал родитель. – Сейчас же. – И добавил, обращаясь к Насте: – Не гляди на меня так, деточка. И не заставляй повторять дважды.

Настя беспомощно посмотрела на Николая. Тот чувствовал непоправимое, но молчал, уставившись в пол. Понимал, что момент счастья сейчас закончится, закончится навсегда. Но не смел спорить.

Она была обижена, растоптана и подавлена. Встала и вышла из комнаты. В коридоре обида взяла свое, и Настя напоследок шандарахнула дверь.

Ник зажмурился от досады. Сердце сдавила боль.

– Я хочу, – раздельно, словно выковыывая каждое слово, произнес отец, – чтобы этой профурсетки здесь больше не было. Никогда.

– Но я... – попытался возразить Ник, понимая, хоть и боясь признаться себе, что Насти здесь и в самом деле больше никогда не будет.

Ее вообще больше никогда не будет. Потому что он не пришел ей на помощь тогда, когда эта помощь была нужна. Потому что позволил кому-то вытереть об нее ноги.

– Ты маг, – отрубил отец. – И должен всегда об этом помнить. И завязывай с этими девицами. У меня есть мысли по поводу твоего будущего.

Ник хотел ответить. Очень. Но только закусил губу.

Насти больше не было. Счастья, того искреннего, необузданного, солнечного счастья тоже. Зато он оставался магом, о чем еще какое-то время напоминал отец, прежде чем он не запомнил это, как «Отче наш». И он был вполне удовлетворен своим существованием и положением мага.

Только тоска иногда стискивала сердце. В такие моменты он доставал незавершенный портрет Насти и подолгу смотрел на него.

Эту работу он так и не закончил. Вообще больше никогда не брался ни за кисть, ни за карандаш, ни за уголь. Никогда. А потом и про портрет забыл. Когда вспомнил, спохватился, но не смог найти. Поиски, правда, были недолгими. Он быстро плюнул на утрату и вновь забыл о ней.

Так никогда и не узнал, что портрет спустя некоторое время тиснул, изорвал и выбросил отец. Впрочем, даже если бы и узнал, на тот момент это не расстроило бы Николая. Он уже забыл, что такое быть влюбленным, быть просто человеком...

– Ты маг, – говорил Ник. – И всегда должен помнить об этом.

Володя открыл глаза, отгоняя пришедший наяву сон. Сколько длилось видение? Секунд пять? Или больше? За это время он успел прожить значительный эпизод чужой жизни.

Ник, сидящий рядом и крутящий баранку, смотрелся теперь совсем иначе. Жалкий, сломанный представитель коричневой сферы. Какой из него вышел маг, Володя не смог бы оценить, но человек из отца выходил дерьмовый.

– Запомни раз и навсегда, – очень жестко произнес Володя. – Мои отношения с другими людьми, как и мои отношения с женщинами, тебя не касаются. Ясно? Мне наплевать, чего ты хочешь. Я люблю Ольгу, она любит меня. И если ты еще раз попробуешь влезть в это, я развернусь и уйду.

– Ты маг, – ледяным тоном напомнил Николай.

– Это ты маг, – парировал Володя. – Тебя с детства этим долбили и додолбили-таки. А меня, к счастью, воспитали обычные люди.

Ник вздрогнул, словно получил пощечину. В глазах его на мгновение появилось почти человеческое выражение. Но только на мгновение. Уже через секунду он взял себя в руки.

– Не знаю, кто наболтал тебе про меня и мое детство, – проговорил холодно, – но не забывайся. Помни, кто ты и кто я.

– А кто ты? – полюбопытствовал Володя.

Ник не ответил. Только желваки зло всколыхнулись на скулах.

«Акцент» сбавил скорость и свернул на пяточок стоянки. Николай затормозил и заглушил двигатель.

– Я слишком многое уже потерял, – заговорил Володя примирительно. – Я не отступаю от принятого решения, но жертвовать ради тебя и того, что ты привнес в мою жизнь, я больше ничем и никем не намерен.

– Ты не понимаешь... – начал Ник.

– Нет, это ты не понимаешь. Ты поддался и отдал все, чтобы стать тем, кто ты есть. Я не поддамся. Мне дорога моя жизнь и люди, которых я люблю. И приносить их в жертву неизвестно чему я не стану.

Ник снова до скрежета стиснул челюсти.

– Вылезай, – выдавил он, справившись с яростью. – Приехали.

Володя выглянул в окно. В темноте светилась вывеска: «Метрополь клуб».

Глава 8

Они едва успели выбраться из машины, как от клуба их уже поприветствовал халдей, проводил до входа и открыл двери. Другой в такой же ливрее минутой раньше размахивал руками, «помогая» припарковаться.

Володя не любил подобные атрибуты дорогих ночных клубов и ресторанов. Лебезящие мужики в форменной одежде выглядели лишними. Суетливые, болтающиеся под ногами и абсолютно ненужные. Они были уместными веке в восемнадцатом, но казались абсолютно чужеродными в двадцать первом. И если князья и дворяне имели достоинство, которое требовало обхождения, то новые «лучшие люди» страны были чаще всего быдлом с деньгами.

Холопы на входе выглядели лишними. Дети холопов, дорвавшиеся до денег, власти и дорогих кабаков, выглядели нелепо. Деньги и власть помогают обзавестись барскими замашками, а вот достоинства и самоуважения они не добавляют.

Отец, как невольно отметил Володя, держался с достоинством. Хоть даже Володя и прошелся по этому достоинству в машине, хоть и знал теперь совершенно точно, кто есть Ник на самом деле, это ничего не меняло. Надо было отдать Николаю должное, выглядел он

человеком, имеющим право на то, чтобы ему открывали двери. Что-то гордое в нем имелось. Может, то была гордость не за человеческое достоинство, каким отец не обладал, но гордость обладателя магических способностей.

Вестибюль был огромен, точно помпезный стадион. Колонны, мраморные лестницы, ковровые дорожки. Здесь должен был ощущаться воздух, но его не было. Все казалось вычурным, но, как ни парадоксально, убогим. Возможно, виной тому стали поколения дутого пафоса, изгваздавшего пространство старого здания, а может быть, приземляли все охранники на входе и узкая рамка металлоискателя.

– Что это? – спросил Володя.

– Весьма престижный и не шибко раскрученный клуб, мой мальчик, – улыбнулся Ник.

Он снова держал себя в руках и контролировал эмоции.

– А зачем мы сюда пришли?

– За одним человеком. Мне надо уехать на какое-то время. Он позаботится, чтобы с тобой больше ничего не случилось.

Володя вытряхнул ключи и мобильник на стол перед рамкой. Прошел на другую сторону. Охранник задержал, со значением поводит по бокам ручным металлодетектором. Володя усмехнулся:

– Интересно, на входе в рай тоже рамка стоит? И святой Петр с детектором?

– Тебя потянуло на скабрёзности, мой мальчик? – отозвался Ник, сгребая со стола содержимое карманов и распахивая по местам. – Проходи в гардероб, дальше вниз по лестнице.

Зал внизу был невелик. Володя сперва даже удивился, потом подумал, что это в каком-нибудь относительно бюджетном молодежном клубе может быть пять этажей с десятком танцполов. А в пафосном заведении в центре Москвы большое пространство не требуется.

Здесь не было ни огромных площадей, ни какой-то навороченной светомузыки или интерьерных изысков. Все выглядело нехитро, но дорого. Мельтешили дорогие девочки модельной внешности, а взрослые дяди хрипели «Владимирский централ» в караоке. Среди них мелькнула даже пара знакомых по фотографиям в прессе и новостям в телевизоре физиономий.

Впрочем, никаких восторгов это у Володи не вызвало.

– К бару, – распорядился Ник, подталкивая в плечо.

Володя двинулся через зал к пустовавшей барной стойке, возле которой вертелись только официанты. Отец шел следом, шептал в ухо:

– Возможно, тебя не нужно было бы караулить, но один раз ты уже вляпался. Хочешь еще раз прокатиться на Рублевку? Или еще куда подальше?

– Боишься, что меня джинна завербуют? – фыркнул Володя.

– Дурак, – безразлично ответил Ник.

Если он этого и опасался, то скрыл весьма успешно. Или же он страшился чего-то другого. Или не только этого.

Володя отбросил мысли и вскарабкался на высокий стул возле стойки. Ник сел рядом.

Интересно, кого они ждут? Сейчас Володя был настроен на то, что рядом с ними усядется, например, премьер-министр и заговорит с Ником, как со старым знакомцем. Или к ним подойдет неприметный человек, никому не известный, но способный щелчком пальцев остановить время. Причем оба варианта имели одинаковую степень вероятности.

– Что будете пить? – выдернул из раздумий чей-то голос.

Володя поднял голову и наткнулся взглядом на бармена. Молодой, лет тридцати—тридцати пяти, тот смотрел на него с прищуром. В карих глазах плясали черти. Во всем облике чудилась легкая неряшливость. Волосы вроде бы были уложены, но при этом топорщились пестрыми вихрами. Френч, придававший строгости, был расстегнут ниже, чем следовало бы. Из-под него торчал небрежно намотанный шелковый платок.

А еще у него были смешные уши. Торчком. И длинные ухоженные ногти.

– Кофе, – сказал Володя.

– Эспрессо? Американо? Капучино?

– Американо. Двойной.

Бармен подмигнул:

– Ночь твоя! Moscow never sleeps⁶.

Он отошел, зажужжала кофемашина. Даже в дорогом кабаке кофе варил автомат, а не турки в джезве на огне. Все то же самое, что и везде. Только понтов больше и цены выше.

– Я оставлю тебя с ним, – произнес Ник как ни в чем не бывало. – Вернусь, тогда поговорим обо всем. И разговор будет серьезный. Пока я хочу, чтобы ты помнил, что ты не просто человек. И что ты сам принял это решение. Вопросы?

– С кем «с ним»? – уточнил Володя.

– С ним, – кивнул Ник на бармена. – Тинек, иди сюда.

Кофемашина умолкла, вновь стали хорошо слышны смешки и вскрики из зала, а также заывание под караоке. На этот раз пьяный нувориш затянул «Я люблю тебя, жизнь». Слова были безбожно перевраны, а манера исполнения говорила скорее о том, что если певец жизнь когда и любил, то было это в советском детстве. Ну, может, еще в перестроечной юности, когда жизнь неслась, подкидывая шальные деньги, связи и венерические болячки от приключений в чужих постелях.

На стойку перед Володией опустилась чашка кофе, перед отцом возникла бутылка «Перье». Месье небрежность, занимающийся напитками, улыбнулся белоснежной зубастой улыбкой.

– Константин, – кивнул он.

– Володя. А почему Тинек?

– Это...

– Это вы обсудите потом, – вклинился Ник.

Он торопился, нервничал и сосал воду из бутылки, проигнорировав стакан.

Тинек отошел от стойки и принялся полировать и без того чистые бокалы полотенчиком, делая вид, что его кроме работы ничто не трогает.

– Меня не будет несколько дней, – сказал Ник. – Может быть, неделю. У нас не было времени вдумчиво и серьезно поговорить, и я не знаю, кто тебе чего наплел про меня, но хочу, чтобы ты не делал поспешных выводов. Когда я вернусь, обещаю: мы сможем обсудить все очень подробно и обстоятельно. До того...

Он запнулся и отхлебнул из бутылки. Володя молчал.

– До того, – продолжил Ник, – я прошу тебя ничего не предпринимать. Возможно, ты думаешь сейчас о чем-то, чего до конца не понимаешь. Думай, но не делай поспешных выводов и оставляй место для вопросов. Вернусь, поговорим. Хорошо?

– Хорошо, – кивнул Володя, хотя ничего хорошего в этом не видел.

Николай посмотрел на сына. На лицо его падали отблески синего и красного света, гулявшего лучами по свободному пространству у сцены, между столиками и возле стойки. Кто-то заныл, как подстреленный: «А белый лебедь на пруду...»

Был бы здесь Потапкин, обязательно продолжил бы: «...справляет малую нужду». И наверняка их после этого попросили бы на выход. Но Потапкина не было, был отец и незнакомый улыбчивый и послушный молодой мужик с польским уменьшительно-ласкательным от имени.

– О деньгах не беспокойся. В этом заведении тебя накормят и напоят бесплатно, – добавил отец и повернулся к бармену: – Тинек, иди сюда, я знаю, что ты все слышишь.

Константин отставил бокал. Ник наклонился над стойкой и притянул к себе подошедшего бармена.

– Головой за него отвечаешь, понял? Чтоб ни один волосок...

Тинек снова растекся в белозубой ухмылке.

⁶ Москва никогда не спит (англ.) (Прим. ред.)

– Ни один волосок, – повторил Ник и ушел, оставив недопитую воду.

Константин повернулся к Володе, поглядел со странным интересом. Тот уткнулся в чашку с кофе, делая вид, что не был свидетелем разыгравшейся сцены. При этом понимал, насколько фальшиво выглядит такая попытка отстраниться. На какое-то время возникла неловкость.

– Он всегда так себя ведет? – поинтересовался Володя, чувствуя, что молчать больше нельзя.

– Ты же его вроде уже не первый день знаешь, – оскалился Тинек.

Володя повертел чашку с остатками кофе. Пожал плечами:

– Не уверен, что знаю.

– С магами всегда так, – улыбнулся бармен.

Он вообще много улыбался. И, казалось, делал это искренне. Володя пригляделся внимательнее, рассматривая не только внешность собеседника, но и то невидимое простому человеку, интимное, которое некоторые люди называли аурой, не понимая даже, о чем говорят.

Тело Силы Константина было необычным – чакр не семь, а пять, и конфигурация немного другая, чем у тех, чьи тела Силы видел Володя раньше. И все же он не мог принадлежать ни к джинна, ни к сатра, ни к Часовщикам, ни к Наблюдателям – представителям тех сфер, с которыми Володя так или иначе сталкивался.

– А вы тоже маг? – спросил он в лоб.

– Не совсем. Хотя можно и так сказать.

– А почему Тинек?

– Корни, традиции и прочая ерунда, – небрежно отмахнулся тот и скорчил страшную рожу.

– Вы поляк? – предположил Володя.

– Нет, – хохотнул Тинек. – Но ход твоих мыслей мне определенно нравится. И давай на «ты». Тебе накатить чего покрепче?

Володя задумался на секунду.

– Брось, – подмигнул Тинек. – Папы здесь нет.

– Это уж точно, – отозвался Володя и махнул рукой. – На твой вкус.

Домой он добрался за полночь. Мама уже спала. Во всяком случае, даже не вышла. Папа появился в коридоре, только чтобы поздороваться. И тут же исчез, всем видом давая понять, что он несколько не обижается и не хочет устраивать разборки.

Володя прошел в комнату и завалился спать.

* * *

...Царевич стоял перед зеркалом и любовался собою. Рыжие волосы, темно-голубые глаза, изогнутые брови. Ему нравилось это круглое некрасивое лицо. Даже пара уродливых бородавок и морщинки, добавлявшие лицу выражение извечной брезгливости. И слова «царевич Дмитрий» применительно к этому лицу ему тоже нравились.

А завтра вся эта огромная нелепая страна начнет повторять: «Царь Дмитрий Иоаннович». И бить поклоны лицу этому.

– Венчается раб божий Дмитрий на царство, – прогундосил он противным голосом и улыбнулся отражению.

– Любишь ты себя, – раздалось из-за спины.

Царевич резво обернулся. Перед ним стоял юноша с серым треугольным лицом и небольшими рожками. Будь царевич тем, кем его считала сейчас часть Руси, принялся бы плевать через плечо и грехи замаливать. Не каждый день черти ко двору являются. Но царевич человеком не был. В отличие от большинства его будущих подданных, по венам Дмитрия текла не кровь, а живой огонь, что порой полыхал во взгляде.

– Любишь, – повторил дейвона с напором. – Только ты особенно не старайся, я не

чернь, я тебя насквозь вижу. И голову твою лысую, и глаза твои пламенные.

Дмитрий покачал головой. Обмануть и заморочить можно кого угодно, даже другого мага. Только не того, кто сам тебя призвал, пообещал помощь и достаточно сил, чтобы поддерживать сложную долговременную иллюзию. А в обмен попросил некоторые услуги.

– Если сам себя любить не станешь, то с чего другим к тебе любовью пылать? – вопросом ответил царевич. – Да и самому как себя не любить? Сказано ведь в Писании: «Возлюби ближнего своего, как самого себя». А коли себя любить не буду, то и другим любви не достанется.

– Пустомеля ты, – фыркнул дейвона. – Даром что царевич.

– Царь! – вскипел Дмитрий. – То всем известно.

Разлад душевный дал о себе знать. Изображение в зеркале поплыло, теряя рыжие волосы и темно-голубые глаза. Тело Силы пошло волнами. Впрочем, последнего никто из людей не заметил бы по самой человеческой природе, а первого по той причине, что людей в личный покой он пускал редко.

– Пока царевич, – спокойно поддел дейвона. – Венчать на царство только завтра будут. А до завтра еще дожить надобно.

– Пугаешь? – джинна взял себя в руки.

– Не дай боже, – снова как-то по-лошадиному фыркнул незванный гость. – Напоминаю.

Дмитрий кивнул. Напоминаний не требовалось. Он и сам все помнил прекрасно. Помнил, как его разыскал неизвестный чародей, представился магистром некоего ордена и пригласил вступить в орден и приехать в Москву, обещав сделать царем. У «царевича» были и свои амбиции, а тут, когда ему предлагалось подняться и получить все, о чем мечталось, и сверх того, глупо было отказываться. И «царевич» приглашение принял.

Тем более что многого от него поначалу не требовалось. Всего-то ехать в Московское княжество и ждать, пока его сами не отыщут служители ордена.

Орден нашел его в Туле. Там на «царевича» вышел другой «коричневый» и объяснил, что и как надобно делать. Тогда и родилась личина, под которой джинна спрятал свое истинное лицо. Иллюзия удалась на славу, благо «царевич» был в этом деле мастер, не имеющий равных, за то его и пригласил орден.

Ему помогли установить связь с источником, сначала в Туле, а затем и в столице.

Личина сделала свое дело, а теперь уже братья по ордену сделали свое. Результат не заставил себя ждать. Его признали. Даже самые недоверчивые не могли отрицать невероятное сходство «царевича» с якобы убиенным Дмитрием.

И он стал Дмитрием.

Митрополит Рязанский и Муромский Игнатий подтвердил права его на царство. Митрополит был набожен. Митрополит был прост, а там, где хитрил, был еще проще, ибо хитрости его оставались человеческими. Вертеть Игнатием оказалось несложно. А пользы от него можно было поиметь великое множество. Ибо Игнатий его царствование поддержал, а поддержка церкви кое-что да значила. И чтобы заручиться таковой, оставалось только сделать митрополита тождественным церкви. Поставить между ними знак равенства.

Двадцатого июня лета тысяча шестьсот пятого по европейскому календарю Дмитрий под всеобщее ликование вступил в Москву. Здесь его приняли и признали московские бояре во главе с Богданом Бельским. С этими было труднее, но магу такого уровня, каким был джинна-царевич, не составляло труда заморочить с равным успехом как одного человека, так и толпу.

Правда, имелись в толпе и те, кто людьми не был. От них и поползли слухи: дескать, царевич вовсе не царевич. Но и на них нашлась управа. Чем грозят такие сплетни, Дмитрий понимал, а потому времени даром терять не стал.

Не прошло и недели с того дня, как Бельский публично признал в нем законного наследника и царевича, как джинна снова упрочил свои позиции, заставляя злые языки замолкнуть. Стараниями Дмитрия двадцать четвертого числа того же месяца митрополит Игнатий возведен был в патриархи. Нужно царевичу тождество сложилось как нельзя

лучше. Игнатий теперь был церковью, церковь равнялась Игнатию. И церковь подтверждала его права на трон.

А дабы добить тех, кто до сих пор сомневался и не веровал, оставалось заморочить всего одного человека. И уж это оказалось делом вовсе пустячным. Осемнадцатого июля в столицу доставили царицу Марию Федоровну, в иночестве Марфу. И та прилюдно признала в Дмитрие своего сына. Не могла не признать.

Все было разыграно гладко и ловко. Без сучка и задоринки. Смутная Россия получала наследного правителя, а тот, кто воспользовался его личиной, – власть и доступ к некоторым источникам Москвы. Владение этим богатством было куда весомее, нежели вся казна и простая мирская власть над людишками и их землей.

Вот только гордость и жадность требовали большего. Ему мечталось поднять все источники Москвы, коли уж он ее хозяин. Того же хотел и орден, в котором он теперь состоял. И хотя претензии ордена были подкреплены лишь фамильными легендами и весили пока не сильно много, но за ними стояла сила. А он был одиночкой, хоть и как нельзя близко подобравшимся к власти. Без ордена он не смог бы добиться того, что уже имел. Орден без него и его власти побоялся бы выступить против множества кланов, во владении которых находились источники Московии. Кланов, конечно, всяк сам по себе, но это пока жареным не пахло.

Орден и маг-царевич дополняли друг друга. И хотя Дмитрий сам состоял теперь в ордене, доверия между ним и братьями не было. Он оставался чужаком для них, хоть и был нужен. Они вызывали желание поскорее от них избавиться, хоть джинна и понимал, что это теперь невозможно. Во всяком случае, пока.

– Я помню, – повторил спокойнее. – Зачем пришел, рогатый?

– Завтра тебя венчают на царство. Я пришел лишь предупредить.

– Говори, – велел Дмитрий.

– Орден поддержит тебя, царевич. Но не думай, что если станешь царем, то сможешь отречься от ордена и от своих обязательств. Мы возлагаем на тебя большую надежду. Коли оправдаешь, орден будет владеть официально и по праву тем, чем должно. Не оправдаешь, хуже будет нам всем, но тебе в первую очередь.

– Все же ты пугаешь меня, – покачал головой Дмитрий. – Хочешь сказать, что орден меня накажет?

– Нет, царевич. Я не пугаю. И орден здесь ни при чем. Ты и сам теперь часть ордена. Только орден всегда в тени, а ты теперь на виду. И в мире людей на виду, и в мире тех, кто сквозь Пелену зрит. Орден тебя поддержит, только ты и сам держись.

Дмитрий отвернулся от рогатого гостя и глянул в зеркало.

– Я могу идти, царевич? – с нарочитой покорностью поинтересовался дейвона.

– Ступай, – не оборачиваясь, разрешил Дмитрий. – Твой царь отпускает тебя.

– Благодарю, царевич, – в голосе рогатого послышалась издевка.

Джинна снова вспыхнул от ярости. Поспешил взять себя в руки. Когда повернулся, в палате никого не было.

Орден сделал неверную ставку. Семнадцатого мая лета тысяча шестьсот шестого царь Дмитрий отправился в лучший мир, если таковой существует. В памяти народной он остался не царевичем Дмитрием и не царем Дмитрием Иоанновичем, а Лжедмитрием Первым.

Говорили, что под этим именем скрывался Гришка Отрепьев. Другие, подобно Видекинду, полагали, что под личиной царевича – итальянский или валахский монах. Впрочем, сам придворный историограф короля Карла Девятого, не решив, на кого больше похож сей монах-монарх, помянул тут же рядом с итальянской и еврейскую кровь. А иные мешали в жилы Лжедмитрию кровь короля Стефана Батория. Находились и такие, кто в самом деле верил, что царевич настоящий.

Версий было множество. Оно и понятно – царевич очутился на виду, а все, что видно, то и родит пересуды. Только правды в тех версиях имелось чуть. Всей правды о царевиче не знал никто, кроме ордена.

Вот только об ордене не ведали вовсе. Он, как и было обещано, остался в тени. Лишь разросся согласно договору, и в его состав вошли представители еще одной сферы, имеющие теперь права на бывшие владения Кучки. Ведь у «царевича Дмитрия», вопреки тому, что выяснили о нем историки, остались потомки.

Орден рос, а источники между тем принадлежали совершенно посторонним магам. И забрать их никак не выходило...

* * *

Собутыльник, надзиратель, бармен и почти маг, в память о корнях носивший польское имя, а проще говоря – Тинек объявился на другой день. Володя как раз вновь смылся из родного вуза и направлялся к метро «Рязанский проспект». Станция «Выхино» торчала под носом, только спустишься, но ему хотелось прогуляться.

Он шагал, погруженный в свои мысли. А думалось о разном. Об отце, про которого точно знал, что тот растерял все человеческое, но последние слова его заставляли ждать и надеяться. А вдруг все разъяснится? Вдруг все совсем не так? Хотя как можно верить на слово, если видел что-то своими глазами. В конечном итоге что-то решают только поступки, а слова – всего лишь слова.

Думалось о папе с мамой. Они всячески сдерживались, не лезли в его дела. Вообще не лезли. Да и позволять ему стали больше, чем когда бы то ни было. Почувствовали, что он повзрослел? Вряд ли. Да и не сказать, что он ощущал себя сильно повзрослевшим. Что тогда? Быть может, они просто боятся его потерять? Страшатся, что он взбрыкнет и уйдет навсегда. Благо, теперь у него есть подлинный отец.

От этой догадки возникла мысль, что он скотина и безжалостно пользуется тем, чем нельзя было пользоваться вовсе. Стало жалко папу с мамой. А следом начал жалеть и себя. Он потерял любимое дело и работу. Потерял отношения с родителями, замкнувшись в себе. Интерес к учебе не потерял только потому, что его и не существовало. Но если прежде была хоть какая-то ответственность, то теперь ее не стало. А Ольга вчера заметила, что он потерял искренность в общении. Не обвинила, не сказала даже. Но косвенно задела тему, натолкнула на мысль.

Мысль была простой и страшной: он планомерно терял самого себя. От этой мысли бросало в пот. И ведь действительно теряет.

Мимо прошла бабулька с сумкой-тележкой, следом пробежала собака.

Теряет. А что взамен?

Сзади свистнули. Володя никогда не оборачивался на свист, безличные оклики и гудение клаксонов, считая, что тот, кому он нужен, может обратиться и по имени, но тут вдруг обернулся. Уж больно залихватским вышел этот посвист. И адресовался он Володе.

Тинек нагнал его в считанные секунды:

– Привет.

– Ты как здесь?

– Я же за тебя головой отвечаю, – белоснежно улыбнулся бармен. – Или ты забыл?

– Помню.

Володя снова зашагал вперед. Тинек пристроился рядом.

– Слушай, – нарушил он молчание. – А можно теперь я тебя спрошу?

– Спрашивай.

– А что, ты такой крутой маг?

Володя ждал какого угодно вопроса, но только не этого. Споткнулся даже.

– С чего ты взял?

– Вокруг тебя столько суеты. Неспроста это.

– Я никакой маг, – покачал головой Володя. – Знаю всего пяток заклинаний, и тем Ник научил. А какая суета?

– Маги, джинна... Причем не поодиночке, а кланами. А где интерес проявляют больше

одного, там что-то неординарное.

– Может, тут личный интерес? – предположил Володя, хотя сам уже перестал верить, что интересен Николаю, как потерянный сын.

– Личный интерес бывает у одного человека. На то он и личный. А когда интересующихся личностей больше двух, это уже интерес социальный.

– И что ты предполагаешь?

– Ничего, – мотнул головой Тинек. – Мне просто любопытно. Вдруг рядом со мной что-то действительно значительное, а я болтаю о всякой ерунде и упускаю серьезный шанс?

– Шанс на что? – остановился Володя.

– Скажи мне, кто ты, и я скажу, что это за упущенный шанс, – оскалился в улыбке Константин.

Он чем-то напоминал Володе Потапкина. Только Андрюха был открыт, громок и прост. Тинек казался тоньше. Но при этом также был всегда бодр, улыбчив и неиссякаем на задор и иронию.

А еще он нравился, не пытаясь понравиться. И казался близким, не стремясь влезть в душу. Он во всякий момент был понятен и понятлив. И Володя неожиданно для себя самого начал делиться с ним подробностями своей жизни.

– Теряю связь с родителями, – жаловался он. – Они мне самые родные, они меня воспитали. Я их люблю, но с появлением настоящего отца, ну... Николая... словно треснуло что-то.

– Тем, кто тебя любит, всегда больнее, – кивал Константин. – Если бы они тебя не любили, ты бы никогда не смог сделать им больно. Если бы ты их не любил, не болело бы у тебя.

Тинек легко находил какие-то простые объяснения всему. По сути изрекал банальности, но по форме выглядело это естественно, словно Тинек отыскивал плавающие на поверхности решения, до которых Володя почти дошел сам.

– Я не хочу быть магом.

– А кем хочешь?

– Не знаю.

– А зачем тогда согласился влезть в это?

– Потому что хотел стать магом. Думал...

– Плохо думал, – отрезал Тинек. – Если были причины стать магом тогда, значит, есть и теперь. А если появились подводные камни, надо думать о них. Понимать, что не нравится, и придумывать, как избежать. Но не отречься. Если ты решил пойти в тренажерный зал, потому что тебе не нравится твоя фигура, это неплохо. Если ты, начав качаться, уронил себе гантель на ногу, это не означает, что идея пойти в тренажерный зал и заняться спортом была плоха. Думай, что сделать, чтобы не отбивать себе ноги гантелями. Не отказывайся от всего только потому, что не получилось что-то или что-то пошло не так, как хотел. Понимаешь, о чем я?

Володя понимал. И верил безоговорочно. Все больше и больше.

И так они общались с Тинексом каждый день.

Константин встречал его возле университета, они гуляли и трепались. В конечном итоге бармен провожал подопечного до дома и отправлялся крутить шейкеры и варить кофе в кофемашине.

А причин для волнения не было, и опасения Ника стали казаться бредовыми и пустыми.

Причина возникла спустя неделю.

* * *

Снег, выпавший и не желающий больше таять, скрипел под подошвами ботинок всю дорогу, пока они шли от метро «Крылатское».

Тинек трепался ни о чем, балагурил, но поминутно косился на часы. Не заметить это было невозможно.

– Торопишься?

– На работу опаздываю, – впервые за все время знакомства пожаловался Константин.

– Ну так иди, – разрешил Володя, припомнив с тоской свою недавнюю утрату.

– А если что случится? – заартачился тот.

– Чего случится? Тут идти осталось два двора.

– Ладно, – кивнул Тинек. – Бывай, старина. До завтра.

Володя махнул рукой на прощание и зашагал к дому. Дорожка была прямой и освещалась фонарями. Вот только фонари довольно скоро светить перестали. Что за город! Впрочем, и темно не было. Окна домов светили исправно, так что местные власти могли и вовсе экономить на освещении улиц.

– Элитный район, блин, – ругнулся себе под нос Володя, общего заблуждения относительно элитарности малой родины не разделявший. – Темно, как у негра...

Впереди вспыхнуло сразу два фонаря. Резко и мощно. Фары. Дальним светом. Разобрать, что за машина стала источником освещения, было невозможно. Разве что посадка высокая. Володю почему-то охватило сомнение или предчувствие.

Машина была далеко. На въезде в его двор. Расстояние оставалось приличным, и он поспешил свернуть. Даже если ошибся и шарахается от собственной тени – не беда. Лучше перебдеть, чем недобдеть. Машина тронулась с места и покатила в его сторону.

Володя ускорил шаг и сменил направление. Автомобиль со слепящим дальним светом доехал до поворота и свернул следом. Теперь сомнений в том, что едут именно за ним, практически не осталось. И он побежал.

Водитель машины переключил фары на ближний свет. Теперь было ясно видно, кто его преследует. И Володе стало совсем не по себе. За ним по дворам неспешно катила знакомая «Тойота».

Конечно, «Рав 4» можно было перепутать с другим. И он счастлив был бы признать, что ошибся или страдает манией преследования. Но аэрографию в виде пламени, вгрызающегося в капот и облизывающего бока, перепутать с чем-либо было невозможно.

Джинна, если за рулем, конечно, был все тот же водитель, не торопился и не скрывался. Он словно играл со своей жертвой. Методично гнал Володю по дворам, будто под копирку менял следом за ним направление, но не прибавлял скорости. И не прятался, хотя и понимал прекрасно, что его заметили.

Зачем? Почему?

Володя побежал через очередной дворик по диагонали. На бордюр машина не влезет, несмотря на большой клиренс. «Тойота» и не лезла. Тот, кто ею управлял, лишь добавил немного газа и покатил кругом, сохраняя расстояние и держа жертву в поле зрения.

Черт. Зачем он отпустил Константина? Толку, правда, от бармена сейчас было бы немного, но все-таки двое – не один.

Володя метнулся в просвет между стоящими квадратом домами, перебежал через дорожку, рванул в соседний двор. Машина не отставала.

Родной подъезд все больше и больше удалялся, а ткнуться в чужой... Везде кодовые замки, домофоны... Он оценил расстояние до машины преследователя. Нет, пока он попадет в подъезд, его три раза сцапают. И что теперь? Куда теперь?

На людное место. В магазин или обратно в метро. А дальше что? Его ведь все равно будут ждать. Все равно не оставят в покое. И ждать будут не у подземки, а возле дома. Правда, можно через другой подъезд, на чердак, а оттуда по крыше...

Нет, нельзя. Под предлогом борьбы с терроризмом не только количество урн в городе уменьшилось, но и доступ к подвальным и чердачным помещениям прикрыли.

Володя зло сплюнул. Дыхание сбилось. Куда бежать? Куда деваться? Как спастись? И от чего он спасается?

Ответов не было. В одном он был уверен точно – джинна, судя по прошлой встрече, не

сильно к нему расположены.

Володя, сделав совершенно бессмысленную петлю, как драпающий от лисы заяц, выскочил со двора. Метнулся через дорогу. На той стороне углядел детский сад. Пересек газон и, недолго думая, полез через забор.

В детстве невысокие бетонные оградки казались незначительным препятствием и брались не раз. Видимо, не только в его детстве. Теперь поверх бетонного забора была навешена еще одна металлическая сетчатая ограда. Высокая и неудобная.

Вниз он уже не слез, а спрыгнул. Неудачно. Оглянулся. Машины видно не было. Прихрамывая на подвернутую ногу, Володя потрусил к выходу. Вечно прятаться в детском саду невозможно. А форсировать еще один забор с поврежденной ногой совершенно не хотелось. Да и смысл?

Калитка была распахнута настежь. За ней белел снегом газон и чернела слякоть. Никого.

Сердце застучало быстрее и радостнее. Оторвался! Володя выскочил за ворота и замер. Знакомый «Рав 4» стоял в сотне метров, как издевательство. Как кара за грехи, которая будет длиться вечно и от которой никуда не деться.

Ноги задрожали от страха и бессилия. Володя попятился. «Тойота», словно продолжая цирковое представление, врубила дальний свет.

Володя стоял в оцепенении. Щелкнуло. Автомобильное тело, обожженное пламенной аэрографией, треснуло, теряя целостность. Медленно, как в фильме ужасов, поползла в сторону дверь. Володя смотрел на это, будучи не в состоянии пошевелиться. Словно сам был героем голливудского ужастика или дурного ночного кошмара.

Между ним и машиной мелькнула смазанная тень. Он не сразу понял, что произошло, а перед ним, словно закрывая его телом от света фар и прочих напастей, стояла, ощерившись, собака. Пестрая и с большими ушами.

Дверь машины замерла, так до конца и не распахнувшись. Шерсть на собачьей холке приподнялась, словно иглы на спине у дикобраза. Пес молча поднял губу, демонстрируя два ряда острых белых зубов. Дверца захлопнулась. Дальний свет потух.

Собака не лаяла и не двигалась. Только скалила зубы. Немая сцена продолжалась не больше полминуты, а потом раздался тихий, глухой рык. Удивительно вкрадчивый и от этого еще более пугающий.

Машина резко сдала задом до дороги. Водитель дал по газам и в мгновение ока скрылся из виду.

– Мистика какая-то, – пробормотал Володя и посмотрел на собаку.

На том месте, где только что стоял облезлый дворový пес, поднимался Тинек. Голый, словно только что выскочил из бани.

– А говорил: «Два двора, чего случится?» – пробурчал он недовольно.

И Володя почувствовал, как подламываются ослабевшие ноги.

* * *

– Значит, ты оборотень?

Володя сидел в углу по ту сторону барной стойки, куда заказан путь клиентам, и цедил какой-то хитрый коктейль. В меру крепкий, в меру сладкий. Вопросов после чудесного спасения с не менее чудесным превращением у него было очень много. А работу у Тинек никто не отменял, потому Володя наотрез отказался идти домой и поехал вместе с барменом в клуб. Оттуда позвонил родителям и предупредил, чтобы его не ждали. На этот раз поговорил с мамой, которая только вздохнула печально, отвесив сдержанное «хорошо».

Тинек, вертевший очередной коктейль уже для клиента, а не для подопечного, поморщился:

– Мне не нравится это слово. Мы называемся маах'керу. Оборотнями нас стали называть простые люди. Особенно после создания Пелены, когда наше существование

постепенно стало переходить в область мифов. Потому возникли всякие «оборотни», «перевертыши», «ликаны», «ликантропы», «волколаки», «ругару», «вилктаки», «тануки», «кицунэ», «аниото».

– А эти все кто?

– Мы. Только в человеческих мифах. Аниото – леопарды, кицунэ – лисы, тануки – что-то вроде енота. Под каждой такой сказкой есть реальная основа. Маах'керу способны превращаться в разных животных.

– А ты тоже в разных? Или только в собаку?

Тинек вновь поморщился:

– Каждый маах'керу может изменять облик, перекидываясь только в одно животное. В зависимости от племени, к которому принадлежит. Это как у вас: если родился негром, значит, негром и подохнешь. Нельзя же родиться одновременно негром и белым. Так и у нас. Несколько обликов имеют только маги, но это другое. И...

Тинек замялся, поставил готовый коктейль на салфеточку у края стойки.

– Я не собака, – выдавил он наконец. – Я – шакал. И не надо называть меня ни собакой, ни оборотнем. Если для кого-то маах'керу слишком сложно в произношении, это не мои проблемы, правда?

Володя кивнул.

– Не обижайся. Я не привык еще ко всему этому. Да и ты, считай, первый представитель другой сферы, с которым я так запросто говорю.

Тинек вопросительно приподнял бровь.

– Были еще джинна, которые на меня напали, – пояснил Володя, – но это общением не считается. А еще Петрович.

– А Петрович кто?

– Часовщик. У меня в подъезде живет. Я и не знал. Болтал с ним всегда обо всем. А потом вдруг узнал, что он – «желтый». А он узнал, что я знаю, и теперь... В общем, как-то у нас общение не складывается больше.

Володя допил коктейль и повертел в руках бокал. Константин заметил и забрал пустую тару.

– Еще будешь?

– Нет, спасибо.

– Может, ты голодный?

Володя прислушался к ощущениям, пытаясь понять, от адреналина это или на самом деле не хочет есть.

– Нет. А как ты меня нашел? В смысле... почему ты вернулся?

Тинек оскалится. Володя отметил, что если раньше все время думал об этом, как об улыбке, то теперь принимает гримасу именно за оскал.

– Мне же твой отец поручил за тобой присматривать.

– Но как? Откуда ты узнал?

Бармен задумался, словно пытаясь собраться с мыслями и подобрать слова. Володя, глядя на него, подумал, что тот все же очень похож на собаку. Вот сейчас, при легком повороте головы, для полного сходства только свешенного на сторону языка не хватает. Как он раньше этого не заметил?

– Я почувствовал твой страх, – определился, наконец, с формулировкой Тинек. – А дальше просто.

– Ну да... – улыбнулся Володя. – Собачий нюх.

– Я не собака, – вскинулся обиженно Тинек. – Прошу второй раз. Больше просить не буду.

– Прости, я не хотел, – искренне извинился Володя.

Тинек смолчал. По залу блуждали красные и синие лучи света. Танцпол и сцена пустовали. Но стоило только подумать об этом, как появился датый мужик с микрофоном и начал рассказывать, что он поздравляет какую-то Дашеньку и дарит ей песню.

Константин яростно тер стакан.

– Начинается, – буркнул он. – А я уж понадеялся, что сегодня без песнопений обойдется. Как же!

– Ты чего такой сердитый?

– Ты обзываешься. На работу опоздал, – наяривая сверкающий уже стакан и норовя протереть в его боку дырку, отозвался оборотень. – А еще эти джинна. Я не понимаю, что в тебе такого, что из-за тебя такой шухер подняли. Извини, но не вижу в тебе ничего сверхъестественного. А когда я чего-то не понимаю, меня это бесит.

– Мало ли, – пожал плечами Володя. – «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам»⁷.

– Когда меня это не касается, мне наплевать. Но если что-то непонятное происходит в моей жизни, меня это раздражает.

– Мало ли, – повторил Володя. – Вон твой кофеагрегат. Ты понимаешь, как он работает? И что это меняет?

– Не понимаю, – в голосе Тинека возникли лающие нотки. – Меняет. Я не люблю эту штуку. Она меня пугает, и мирюсь я с ней, как с неизбежным злом. По счастью, все эти люди сюда не кофеек пить приходят. Так что большую часть времени эта жуткая штука здесь просто стоит и бездействует. А все эти джинна и твой папаша до кучи, они не стоят и не бездействуют. И в отличие от этой кофемашины я не знаю, чего от них ждать. С кофеваркой все просто: есть кнопки, на которые она реагирует. Известно как. Есть перепады напряжения, на которые она реагирует более разнообразно, но все варианты, включая короткое замыкание и пожар, понятны и предсказуемы. А чтобы предугадать поступки магов, нужно понимать, чего они хотят и почему. А я не понимаю.

«Я тоже», – хотел сказать Володя, но прикусил язык.

В самом деле, чего от него ждут? Вот отец. Любовь к сыну совсем не из тех категорий, которыми мыслит Ник. Вряд ли он вообще к нему что-то чувствует. Вот папа чувствует, поэтому, наверное, он навсегда останется папой. А отец именно потому и стал отцом, что кроме крови и каких-то интересов их ничто не объединяет.

А каких интересов? Чем он ему интересен? Еще один маг, нужный, чтобы «Стальной щит» отвоевал тот самый источник, вернул себе прежнее могущество? Возможно, и так. Но за «просто еще одним магом» в самом деле так не бегают. Должно быть что-то еще. Что-то, о чем молчит отец. Он, может, даже и не врет, а просто умалчивает. Как в начальной школе, где во избежание лишних вопросов говорят, что нельзя, например, из меньшего вычесть большее. Может быть, и тут что-то похожее? Просто он еще не дорос до чего-то? Может, ему говорят что-то вроде «на ноль делить нельзя», потому что объяснить деление на бесконечно малую функцию на его уровне просто невозможно?

С другой стороны, здесь не деление на отсутствие числа, что всего лишь абстракция. Здесь его жизнь. Которая нужна Нику и этим джинна. А может, и еще кому-то, о ком он пока не догадывается. Зачем? Что в нем такого странного?

Подошла официантка, забрала готовый коктейль и оставила еще два заказа. Тинек глянул в листок, ухмыльнулся. В его руках возникла бутылка водки и две стопки. Прозрачная жидкость ровной холодной струйкой пролилась из запотевшей бутылки в мгновенно запотевшие рюмки. Затем Константин снова подхватил шейкер и принялся намешивать нечто более экзотическое.

Движения Тинека были четкими и точными. Оборотень в самом деле блестяще управлялся с тем, в чем разбирался. Ни единого лишнего движения, ни единой оплошности. Он сам сейчас напоминал машину, которую не понимал и не любил. Глядя на эту четкость, уверенность и надежность, Володя почувствовал к нему прилив доверия. Настолько мощный, какого не ощущал очень давно.

⁷ В. Шекспир. «Гамлет». Перевод Н. Полевого.

С этим человеком... да, человеком, можно было поделиться чем угодно. Как с папой или с Ольгой. Только если папа и Ольга стали бы за него волноваться сверх меры, то Тинек выглядел трезвомыслящим другом. Равным, который не станет метать икру, но сможет что-то посоветовать.

– Иногда, – сказал вдруг Володя, – я вижу... сны. Но не обычные, а как бы это сказать... Понимаешь?

– Нет, – ответил Тинек.

– Я вижу разных людей и не людей тоже. Одних я знаю, других никогда не видел. Я вижу, что с ними происходит, и не просто вижу, а еще и знаю, что они думают, что с ними было раньше. Это очень странно... странное ощущение... Я просыпаюсь, понимаю, что как будто все это снилось. И при этом я знаю, что это как бы и не сон... Ну, что так было на самом деле. Раньше видения были только, когда я спал, а сейчас они могут возникать и наяву.

– Это как? – не понял бармен.

– Ну, вот, к примеру, я сижу, говорю с тобой, а потом раз... как кнопку нажали. И я вижу кусок чужой жизни. Проживаю его, ну, как во сне... А потом раз, и все продолжается, как обычно. Я понимаю, что я и в отключке-то не был. Просто на секунду выпал из реальности.

– И кто тебе снится? – Тинек преисполнился серьезности, какой за ним прежде не наблюдалось.

Он навис над Володей и слушал, затаив дыхание.

– Всякие. Например, отец. И папа... то есть отчим. А еще князя и бояре. И другие, которые померли сотни лет назад. Вот в последний раз Лжедмитрий. Ты знаешь, что он был джинна?

– Нет, – коротко гавкнул Тинек.

– А я знаю теперь это совершенно точно.

– Ты можешь этим управлять? Эти видения, они с чем-то связаны?

– В смысле?

– Ну, знаешь, как у Фрейда. Если ты думаешь о чем-то в течение дня, то оно сублимируется и...

Володя помотал головой, и Тинек замолк на полуслове.

– Я никогда не думал о Лжедмитрии. И ни о чем таком. Я даже на уроках истории о нем не думал. И я не могу этим управлять. Оно происходит само.

– Мнда, – буркнул Константин и вернулся к своим делам.

– Ты что-то знаешь об этом? – насторожился Володя.

– Слышал, – кивнул тот. – Существуют такие. Провидцы. Я ни разу с ними не общался. Ты первый. Только...

Тинек умолк, снова становясь похожим на задумчиво глядящую собаку со свешенным на сторону языком.

– Только что?

– Я где-то слышал, что подобные вещи проявляются только у существ смешанной крови.

– Ты хочешь сказать, что... – Володя задохнулся от накатившего понимания.

– Кто твоя мать? – просто спросил Тинек.

– Понятия не имею, – ответил Володя.

– В любом случае это уже кое-что, – оскалился шакал. – За человека с таким даром могут схлестнуться многие.

– Что значит – схлестнуться? – напрягся Володя. – Этот человек – я. И выбор все равно за мной.

– Как знать, – покачал головой Тинек. – Не всегда выбираем мы.

– В любом случае это не может быть причиной, – отрезал Володя. – Просто потому, что ты первый, кому я обо всем этом рассказал. Никто не знает, понимаешь? Даже отец.

– А кто твоя мать, он знает?
– Наверное, – пожал плечами Володя.
– И если все так, как я предполагаю, то он не знает точно, но может догадываться о такой возможности, – задумчиво, словно для себя, а не для Володи, проговорил бармен. – И твоя мать наверняка знает, кто твой отец. А значит, тоже может догадываться о твоём даре. Пусть вероятность возникновения у тебя такого дара невероятно мала, но она есть. И она тоже дорогого стоит.

Он пристально посмотрел на Володю:
– Кто твоя мать?
– Я же сказал, что не знаю.
– А я вот кое о чём начинаю догадываться, – протянул Тинек. – Знаешь, я поговорю с одним человеком, возможно, он что-то сможет рассказать по этому поводу.
– Когда? – от волнения голос Володи сорвался на хрип.
– Завтра. Утром, – пообещал Тинек.

* * *

На этот раз ему ничего не снилось. А если и снилось, то Володя об этом не вспомнил. Первое, что он увидел, раскрыв глаза, оказалась барная стойка.

Он пошевелился. Тело затекло от долгого и неудобного существования в полусидячем положении. Встать получилось не сразу. Володя размял затекшие ноги и огляделся.

Подвал клуба был все тот же, только не гоняла по стенам и полу возле сцены светомузыка, и приглушенного освещения по углам тоже не было. По всему пространству зала горел совершенно обыкновенный, одинаково ровный свет. Достаточно яркий, чтобы безжалостно высветить все огрехи интерьера, скрывавшиеся за феерией и интимом ночи, что странно сочетались в этом месте.

Место богатых гуляк заняла немолодая и некрасивая уборщица с пластиковым ведром и потрепанной шваброй. И взамен музыки, смешков, вскриков и караоке была тишина, прерываемая лишь бряцаньем ручки по ведру и шварканьем швабры по полу.

«Праздник кончился, блестки сняли, – подумал Володя. – И что осталось безо всей этой мишуры? Жалкое зрелище».

Он потянулся до хруста и расправил плечи. На стойке стояла чашка чая. Нетронутая. Володя коснулся ее кончиками пальцев. Горячая. Сахар нашелся тут же. Володя высыпал в чашку три пакетика, размешал и отхлебнул. Не хватало лимона, но лезть во владениях Тинек он не рискнул.

Последнее, что осталось в памяти от вчерашнего вечера, был звонок родителям, которым напел, что ночует у приятеля, и странный коктейль, который Тинек зажег от спички, прежде чем отдать официантке.

Оборотень появился через несколько минут. Бодрый, несмотря на отработанную бессонную ночь. Подмигнул Володе:

– Привет.
– Привет. Как я вчера заснул?
– Как сидел, так и заснул, – оскалился Тинек. – Чай нашел? Это хорошо. Допивай, и поехали.

Володя послушно сделал глоток и тут же поперхнулся, осознав вторую часть фразы.
– Куда? – спросил, откашлявшись.
– К одному человеку, который кое-что сможет тебе рассказать на интересующую тебя тему. Я же обещал, что позвоню.

– Ты что-то узнал? – загорелся Володя.
– Немного. По дороге расскажу. А остальное на месте сам спросишь. Пей чай.
Второй раз просить не пришлось. Володя, обжигаясь, в несколько глотков добил чашку. По дороге забежал в туалет, пафосный, как и все здесь, зато чистый. Выйдя из

кабинки, ополоснул руки и лицо над гранитной раковиной. Выключил воду. Взгляд уперся в зеркало, что тянулось вдоль всей стены. На него смотрело помятое лицо с красными глазами. Сколько он спал? Часа три-четыре? На стуле, одетым, в скрюченном виде, под завывание в караоке пьяных мужиков.

После того, что увидел в зеркале, лицезреть подтянутого и свежего, как огурец, Тинека казалось верхом издевательства. Тот бодро прошагал по стоянке к одинокому «Опелю». Пискнула сигнализация. Машинка моргнула фарами.

Володя замялся. Тинек распахнул водительскую дверь, повернулся. Сказал с неудовольствием:

– Чего стоишь? Садись.

Володя, словно только и ждал приглашения, засуетился, потянул дверцу, плюхнулся на переднее сиденье.

– Это твоя?

– А чья же? – Тинек был серьезен, сосредоточен, и в движениях его сквозила некоторая нервозность. – Пристегнись, я тебя прошу.

Володя потянул ремень.

– А чего же ты раньше на ней не ездил?

– Не люблю, – бросил Константин. – Это как кофемашина, только еще хуже. Необходимое зло в особо крупных масштабах. Я бы и сегодня не сел за руль, только ехать далеко.

Он вырулил со стоянки, добросовестно помигал поворотником и медленно, аккуратно, с прилежностью, достойной первоклашки, покатил прочь.

Володя покосился на оборотня. Тот выглядел напряженным. Отвлекать не хотелось, но удержаться он не смог.

– Ты сказал, что узнал что-то.

– Сказал, – кивнул Тинек, не поворачивая головы. – Узнал. Знаю теперь, как это с тобой происходит.

– Ты про сны?

– Про видения, – поправил оборотень. – Существует такая штука, как ноосфера. Единое информационное поле.

– Где существует? – не понял Володя.

– Там, – Тинек воздел палец к потолку «Опеля», но ясно было, что это «там» не на крыше машины, а где-то значительно выше.

– Я думал, это абстракция.

– Это гипотеза. Маги это объясняют так. Других объяснений нет. Ты будешь слушать? Или продолжишь действовать на нервы?

Оборотень за рулем явно чувствовал себя неуютно и напряженно. Злился на каждое слово. И раздражать его еще больше не хотелось. Володя смолчал.

– Вот и хорошо, – резюмировал Тинек. – Так вот, ноосфера Земли. В ней энергетически отпечатаны все события, когда-либо происходившие, происходящие и те, что будут происходить на планете. Провидцы каким-то образом считывают информацию с ноосферы.

– Как?

– Если бы кто-то знал, это уже давно умели бы делать все мало-мальски грамотные маги. Это не умение, которому можно научиться. Это дар. От природы.

Машину Тинека подрезал черный «БМВ». Тинек дернулся, давая сперва ногой по тормозам, потом рукой по клаксону. Выругался коротко, зло и нецензурно.

– Те, у кого дар развит слабее, – продолжил оборотень, – считывают только верхний пласт ноосферы. То есть видят события, случившиеся совсем недавно. Или те, что должны случиться вот-вот. Причем таким видящим необходимы вспомогательные предметы.

– Какие предметы?

– Руны, карты, хрустальные шары, бараньи лопатки, кофейная гуща.

– Мне не нужна никакая лопатка.

– С чем тебя и поздравляю. Провидцев очень немного. Вроде бы даром обладают только полукровки. Таких, как ты, единицы.

Володя поежился.

– Это только маги владеют таким даром?

– Не только. С колдовскими способностями это вообще никак не связано. Чародеям бы этого хотелось, конечно, но магически считывать ноосферу не научились. Ее даже обнаружить при помощи заклинаний не удалось. Хотя пытались.

– То есть все это из области догадок.

– Я же сказал, гипотеза.

Гипотеза – пустое слово. Напридумывать можно чего угодно, доказательств-то нет. Но все-таки хоть какое-то объяснение лучше, чем никакого.

Володя отвернулся к окну. «Опель» съехал с Кутузовского на Рублевку. Машина резво шла по знакомым местам. Тинек хоть и нервничал, а скорость держал километров сто сорок.

Справа проплыл поворот на Крылатское. Один, второй.

– А мы куда едем?

– В одно место, – коротко ответил Тинек.

«Опель» пронесся мимо поста ГИБДД и, миновав кольцевую автодорогу, покати́л дальше по самому дорогому шоссе Подмоскoвья.

Рекламные щиты, предлагающие недвижимoсть в райском забугорье, навевали нехорошие воспоминания. Володя заерзал, завертел головой по сторонам.

– Не дергайся, – голос Тинекa прозвучал резко.

Внутри все похолодело.

– Ты куда меня везешь? – еле слышно пробормотал Володя.

– Прямо и налево.

Володя отстегнул ремень. Тинек заметно напрягся.

– Пристегнись.

– Останови машину, – потребовал Володя.

– Пристегнись, – утробно, как вчера на «Тойоту», прорычал оборотень.

– Я выпрыгну, если ты сейчас же не остановишь и не объяснишь, куда мы едем.

Володя дернул ручку дверцы, но прежде щелкнула кнопка запора. Он повернулся к Тинеку и замер, как громом пораженный. Константин по-прежнему нервно глядел на дорогу, видимо, езда и впрямь доставляла ему максимум дискомфорта. Одна рука его лежала на руле. Вторая же сжимала небольшой, черный и неприятный пистолет.

Оружие на Володю никогда не направляли. Ощущение было новым и жутким. И хотя в школе карате учили, как нейтрализовать человека с оружием, но там все выглядело иначе. Те приемы не распространялись на человека, сидящего за рулем машины, что несется со скоростью за сотню.

«Вот чем жизнь отличается от инсценировки в секции», – мелькнуло в голове.

– Пристегни ремень, – потребовал Тинек. – И не вздумай дурить, скорость большая, расшибемся.

Володя ватными пальцами подтянул ремень. В замок попал с третьего раза. Щелкнуло.

– Вот так, – проговорил Тинек. – Теперь я хочу, чтобы ты меня правильно понял. Слышишь? Коробка, конечно, автомат, но вести машину одной рукой даже на автомате мне неудобно. Понимаешь? Поэтому я сейчас уберу пистолет, но ты, пожалуйста, не глупи. Договорились?

Он и правда спрятал оружие. Володя проследил за тем, куда оборотень сунул пистолет. Тот не мог увидеть этого взгляда, потому что неотрывно смотрел на дорогу, но, видимо, что-то учуял.

– Не вздумай дурить, – повторил он. – Ты не супермен, и я не супермен. И это не кино. Поэтому не надо применять ко мне магические штучки, бросаться на меня или пытаться отнять пистолет. И учти, когда я на эмоциях, могу перекинуться непроизвольно. А шакал за рулем – верное ДТП.

– Скотина, – зло процедил Володя. – Ты меня обманул.
– Ни разу, – покачал головой Тинек. – Ни одного слова лжи не было. И твоего папашу я тоже не обманывал. Ни в чем и никогда. Так что давай не будем заниматься членовредительством и делать из меня обманщика.

* * *

Ехать пришлось недолго. «Опель» приблизился к знакомому забору в стороне от дороги и свернул к особняку.

У ворот машина сбросила скорость почти до нуля, но не остановилась. Видимо, их заметили издали с камеры, висящей над воротами. Створки плавно поползли в стороны. Тинек зарулил внутрь, свернул и покатил по короткой дорожке на заасфальтированную площадку, на которой смело могла разместиться дюжина таких «Опелей».

Впрочем, машин там было всего две: приземистая спортивная ярко-алая иномарка и знакомый «Рав 4» с пламенной аэрографией. Тинек остановил машину, дернул ручку переключения передач на «паркинг», заглушил мотор и с облегчением выдохнул.

– Не люблю я этого дела.

Володя промолчал. Тинек убрал довольный оскал и, казалось, чуть расстроился.

– Ладно, вылезай.

Пальцы нащупали замок ремня безопасности. Раздался щелчок, и ремень ускользнул. Володя начал выбираться наружу. Тинек уже вышел из машины и с наслаждением вдыхал свежий загородный воздух.

Рядом стоял «Рав 4», от капота тянуло теплом. Недавно приехали. Володя огляделся. Особняк слева, ворота справа. И до сих пор нараспашку. Там никого не было.

Володя хлопнул дверцей. Оборотень поглядел на него с неудовольствием. Володя поспешил перевести взгляд на «Тойоту».

– Ты же меня от них защищал, – поддел он Тинека.

– Никогда такого не было, – не согласился оборотень.

– А вчера?

– И вчера не было. Просто случилось несколько последовательных действий, сперва их, потом моих, которые породили нужный мне образ в твоей уникальной голове.

– И что тебе было нужно?

– Твое доверие, – оскалился оборотень. – Пошли.

Володя сделал несколько шагов, оставляя позади оборотня и машину. Сейчас их разделяло всего метра три. Сзади хлопнула водительская дверца. Еще пара метров. Пискнула сигнализация. Еще пара метров.

Впереди и слева был особняк. Впереди справа – ворота. Все еще открытые ворота. Все это пронеслось в голове с невероятной быстротой. С той же скоростью созрело решение. Причем раньше, чем он успел его осмыслить.

Володя рванул вперед, переходя на бег, увеличивая расстояние между собой и оборотнем, сокращая расстояние между собой и воротами.

– Стой, стрелять буду! – крикнул оборотень.

В голосе его почудилось какое-то дурное веселье. Но Володя продолжал бежать.

Ворота были уже рядом. Открытые. И никто не стрелял ему в спину, несмотря на обещание. Еще несколько скачков – и будет свобода.

Володя поднажал. Мелькнул забор. Ворота остались за спиной, впереди жужжала Рублевка. Метров сто, не больше. А там машины, люди и гайцы под каждым кустом, трасса-то правительственная.

В спину ударило резко и мощно. Володя почувствовал, что падает.

«Вот значит, как это бывает», – пронеслось в голове.

Почему только выстрела не было слышно? Глушитель?

Он рухнул на землю. Лицо обожгло снегом. Сверху навалилось что-то тяжелое и

живое. От этого почему-то стало страшно. Володя дернулся в сторону, переворачиваясь на спину. Перед глазами мелькнули деревья, забор, небо. Пахнуло псиной. Клацнуло.

Володя замер. Перед носом маячила ушастая морда с оскаленной пастью. Подрагивала верхняя губа, обнажая белоснежные клыки, и слышался тихий, но грозный рык.

Володя обессиленно откинулся на снег. Что-то резко надавило на живот, и ощущение чужого веса пропало. Он осторожно приподнял голову. Тинек стоял рядом уже в человеческом обличье и улыбался. По снегу от припаркованных машин тянулся след из разбросанной одежды. Оборотень подхватил валявшиеся ближе всего джинсы и поспешно натягивал их.

– Ну, как? Побегал, повалялся? Стоило ради этого меня на стриптиз разводить? Попросил бы, я б тебе станцевал где-нибудь в другом месте, где потеплее.

– Иди к черту! – буркнул Володя.

Тинек протянул руку, предлагая помощь, но Володя ее проигнорировал.

– Ты меня предал, – проговорил он с какой-то детской обидой.

– Брось, старина. Это не предательство, – вполне доброжелательно отозвался оборотень. – И ты сам это поймешь, если захочешь. Нужно было свести вас, меня попросили помочь. Я помог. Представь, что тебе шесть лет и тебе не хочется идти в школу. А я беру и отвожу тебя туда, пусть даже против твоего желания. Разве это предательство?

– Я думал, ты мне друг.

– Дружбы не бывает. Бывает только дружеское расположение. Хорошее отношение и доверие – не одно и то же. Понимаешь, о чем я? А доверять нельзя никому. Это я тебе как друг говорю.

– Сука! – бессильно выругался Володя.

– Кобель, – улыбнулся Тинек. – Можешь проверить. Ладно, пошли. Тебя там ждут.

– Чтобы запереть в подвале и заморить голодом? – не удержался Володя. – Или станете меня пытаться, пока я не перейду на вашу сторону?

– Сомневаюсь, что подобные методы входят в планы твоей матери.

– Моей кого?! – Володя чуть не поперхнулся.

Тинек смотрел на него с ядовитой ухмылкой:

– Иди-иди, сколько можно на месте топтаться?

Глава 9

Пространство внутри особняка поражало необъятностью, интерьер – нарочитой изысканностью. Создавалось впечатление, что Володя попал в жилище дворянина восемнадцатого века. И не просто в жилище, а во владения человека, страдающего легкой формой гигантомании.

Высокие потолки и немыслимые габариты комнат, которые Володя помнил по месту своего временного заточения, были здесь обычным делом. Только в отличие от его темницы в прочих помещениях стояла мебель. Массивная, тяжелая, сверкающая полировкой, украшенная инкрустацией и резными вензелями. Такие же вензеля имелись на шелковых обоях и лепниной украшали потолки, с которых свешивались массивные, сверкающие хрустальными люстры. А окна закрывали тяжелые, плотные шторы.

Володя с любопытством вертел головой и размышлял, зачем все это нужно дома простому человеку. Или пусть даже не простому. Да хоть бы и не человеку вовсе. Но зачем? Дом ведь не музей. Дома можно расслабиться, а для этого нужно не только чувство защищенности, но и уют. А какой может быть уют и расслабуха, если все время надо думать о составном паркете из восемнадцати пород дерева, о хрустале с коврами и о полировке, которую нельзя царапать или пачкать.

А еще картины на стенах, которым нужен определенный температурный режим и влажность, потому что это подлинники, а еще... Володя содрогнулся, представив себе, как бы проходило его детство, если б он провел его в этом божественном склепе.

Перед внутренним взором возникла чопорная сухощавая дама и мерзким голосом с

отцовскими интонациями сообщила: «Володя, мой мальчик, почему ты не вышел к завтраку? И что за глупая идея праздновать дома твое пятинадцатилетие? Я же говорила, чтобы здесь не было твоих этих. Хочешь с ними встречаться – встречайся на улице. В кафе, на худой конец. А дом – это дом. Мой дом – моя крепость».

Володя тряхнул головой, отгоняя дурацкие мысли. Джинна, что вели его, остановились перед огромной двустворчатой дверью. Один постучал осторожно и нырнул внутрь, второй остался караулить гостя.

Гостя или пленника?

Он сунулся было к двери, но джинна преградил дорогу:

– Туда пока нельзя.

– А если вломлюсь? – фыркнул Володя.

– Я не позволю.

– Надо было тебе оборотня с собой взять, чтоб не позволять сподручней было.

– Шакал сюда не входит, – с достоинством ответил лысый.

Володя припомнил, когда отстал Тинек, и понял, что он в самом деле остался где-то в районе холла. То есть в дом он вошел, а на второй этаж, куда лысые повели Володю, уже не поднялся.

Приоткрылась створка. Вынырнул второй джинна, отступил в сторону, давая дорогу.

– Проходи.

И Володя шагнул в комнату.

Она была невероятно, умопомрачительно красива. Хоть для человека, хоть для джинна. Ее глаза светились расплавленным золотом, смотрели пристально и мягко. Ей никак нельзя было дать больше тридцати, хотя он понимал, что ей не может быть меньше сорока. И ни единого намека на тот желчный образ, который он придумал себе, пока шел через дом следом за джинна.

Володя задохнулся от восторга, задним умом соображая, что женщина перед ним – его мать и что это должно накладывать определенные ограничения даже в восприятии. Но мужское естество орало громче голоса разума.

Володя шагнул ближе.

– Ну, здравствуй, – голос ее прозвучал мягко, ласково и мелодично, так могли петь сирены. – Здравствуй, мой мальчик.

Последние слова неприятно царапнули слух. Очарование рассыпалось так же мгновенно, как возникло.

– Здравствуй-те, – с запинкой отозвался Володя.

– Брось, – улыбнулась джинна. – Ты же мой сын.

– Не представляю, – признался он. – И когда меня привезли сюда насильно и заперли, последнее, что мне пришло бы в голову, так это то, что это сделала моя мать.

– Извини, – в ее голосе сквозило сожаление, насколько искреннее, Володя не мог понять. – Переборщили мои парни.

Она подошла вплотную и заглянула в глаза. Володя почувствовал, что его словно прощупывают изнутри. Как под рентгеном, когда вроде ничего не происходит, но не покидает ощущение, что где-то за кабинкой находится врач, в прямом смысле слова видящий тебя насквозь.

На плечо легла ее ладонь, нежная, ласковая, но в тонких пальцах чувствовалась скрытая сила. Володя едва заметно вздрогнул. Мать улыбнулась.

– Тебе здесь ничто не угрожает. Проходи, присядь.

Она направила его к массивному, пышному, как свежеиспеченный пирог, креслу. Володя сел. Мягкая мебель полностью оправдывала свое название – приняла, как пуховая перина. Володя откинулся на спинку.

Джинна, что родила его двадцать лет назад, если, конечно, все это не вранье, уселась на соседнее кресло, которое от Володиного отделял только изящный журнальный столик.

На столике стояла ваза с фруктами. Мать кивнула: угощайся, мол. Володя помедлил.

Все было странно. Или у пламеннокровных представителей оранжевой сферы в порядке вещей похищать людей?

– Что ты как на иголках? – улыбнулась мать.

– Вы... – Володя споткнулся, поправился: – Ты моя мать, а я даже не знаю, как тебя зовут.

– А называть меня просто мамой ты не можешь?

Вопрос был скорее риторическим, но Володя напрягся. Назвать мамой существо, которое видел первый раз в жизни и которое, пусть и родило его когда-то, ни разу до последних дней не дало знать о своем существовании, язык не поворачивался. Мать улыбнулась, найдя его замешательство, по всей видимости, забавным.

– Зови меня Лейлой. Твой папаша называл меня именно так. У него никогда не хватало терпения, чтобы произнести мое полное имя. Всю жизнь все упрощал. Впрочем, он и другими талантами не блистал. Это все, что тебя волнует?

– Нет, – выпалил Володя. – То есть я... я не знаю... Все это странно и неожиданно. Почему тебя не было раньше? Зачем сейчас? И почему так?

– «Так» это как? – уточнила Лейла. – Без официального приглашения? Так вышло. Ну и Сальваторе перестарался. Прости. Он горяч и все понимает буквально.

– Допустим. Но где ты была двадцать лет? Меня воспитывали совсем другие люди. Отец про меня все это время не вспоминал, а про тебя я вообще узнал только сегодня.

– Скажи спасибо своему папаше, – в золотых глазах заплескали яростные искры, Лейла явно начинала злиться.

Она встала с кресла и прошлась туда-сюда по комнате, но чувств скрыть не смогла. Как глаза изменили цвет на алый, Володя успел заметить.

– Я не знала, где ты. Он забрал тебя и пропал. Я искала, но когда нашла, Ник был один. Куда он дел тебя, я понятия не имела. Я готова была убивать, но это означало бы войну между нашим землячеством и их кланом, а тогда меня бы не поддержали.

– Почему?

– Это сейчас я глава землячества, а тогда была молодой глупой девкой. Тогда правил другой. Да если бы наш глава узнал тогда хотя бы о том, что у меня были какие-то отношения с кем-то из кудимовских магов, он не то что не одобрил бы этого, он меня сам похоронил бы. Нет, – покачала головой джинна, – я ничего тогда не могла. Мы со «Стальным щитом» не перевариваем друг друга давно, из-за старого и очень кровавого конфликта.

– Конфликта? – Володя приподнял бровь. – Это из-за того источника?

– Он тебе рассказал? – глаза Лейлы снова полыхнули алым. – Что ж, тем лучше. Да, все дело в источнике. Храм – бассейн, бассейн – храм. Всемирная история, банк «Империя».

Лейла усмехнулась, возвращая «зеркалу души» приятный золотистый оттенок. В отличие от своего лысого подчиненного мать куда лучше контролировала эмоции. Хоть и не всегда получалось. Глаза выдавали.

Как хвост у кошки, подумал Володя. Кошка может мурлыкать и делать вид, что рада. Но если хвост нервно дергается, значит, ее что-то раздражает. И этот хвост кошка не спрячет. Это сильнее ее.

– Я следила за ним все эти годы, – продолжила мать спокойно, но в голосе звенел металл годами закалявшейся обиды. – И ни намека на твое существование. Только несколько месяцев назад я поняла, что он вышел на контакт с тобой. Потом Сальваторе начал следить за тобой. Я поняла, что ты мой сын, и попросила Сальваторе привезти тебя сюда. Вышло грубовато, извини.

– Зачем?

– Что зачем? – замерла на месте джинна и снова посмотрела на сына рентгеновским взглядом.

– Зачем я тебе понадобился?

Золото взгляда наполнилось кровавыми отсветами.

– Ты мой сын, – произнесла она удивительно спокойно, все же голос джинна

контролировала лучше, чем взгляд. — Я люблю тебя.

* * *

Слова звучали мягко, но за ними ничего не было. Как тогда в машине Ника, который вез его домой и делал вид, что переживает за сына. Слова были ласковыми и правильными, но это были только слова. Для папы с мамой он был сыном, а для отца с матерью ценной вещью. Артефактом, за который можно убить, но не больше. И Володя чувствовал это сейчас невероятно остро.

— Ты не обняла меня, не поцеловала, не поинтересовалась моей жизнью, хотя не видела меня двадцать лет, — тихо проговорил он. — Нет.

Он покачал головой. Она глянула с прищуром. Без ласки, без улыбки. Оценивая.

— Хорошо, — удивительно легко согласилась Лейла. — Тогда поговорим о деле. Ты маг. И как маг, ты не можешь стоять в стороне от того, что на самом деле происходит в мире. Ты рожден от джинна. У тебя есть народ, к которому ты принадлежишь. И ты нужен землячеству. Ты сильный маг.

— Я ничего не умею, — вновь покачал головой Володя.

— А это? — Лейла ловко подцепила ножом яблоко и принялась что-то царапать кончиком острия на румяном яблочном боку.

Через несколько секунд она повернула изрезанный бок к сыну. Володя увидел нацарапанный на коже символ. Немного искаженный, но вполне узнаваемый. Тот самый, что он нарисовал на стене в комнате этажом ниже. Тот самый, что сотни лет назад начертал в подземелье под Кремлем замурованный русским князем итальянский архитектор.

— Это случайность, — отрубил Володя.

— В любом случае умение и сила — не одно и то же. Сила в тебе есть, а научиться можно чему угодно.

— Отец научил меня немногому.

Глаза джинна снова сменили цвет. Их словно затопило красным.

— Твой отец — ничтожество, — процедила она. — Слабак, кидающий понты и притворяющийся значимым.

— Зачем же тогда ты была с ним? — поддел Володя.

Воздух вокруг матери, кажется, накалился.

— По молодости, — сказала она. — И по глупости. Ты хочешь вывести меня из себя, мальчик? Не стоит. Я могу быть жестокой.

Володя поежился.

— Нет, не хочу. Я хочу понять, чего ты добиваешься. Ты хотела делового разговора? Так расскажи коротко и четко, чего ты хочешь.

— Нам нужен ты. Северо-западному московскому землячеству по-прежнему интересен источник, о котором поминал твой папаша. И сейчас у нас есть силы вернуть источник себе. Если ты будешь с нами, это выйдет вернее и скорее, чем если ты будешь против нас. Сейчас источник у элохим. Но кудимовские тоже имеют на него виды, хотя сил у них меньше, чем жара в горсти пепла.

— Так почему ты решила, что я должен быть с вами, а не со «Стальным щитом»? Там мой отец. И потом, они научили меня чему-то, дали мне возможность пользоваться их источником. Почему же я вдруг должен их бросить?

— Потому что ты джинна.

— Я человек.

— Наполовину, — резко бросила мать, — на худшую свою половину.

Она нависала над ним, смотрела сверху вниз. Володя поднялся с кресла.

— Я так не считаю, — проговорил он медленно, глядя в ее налитые кровью глаза. — Меня растили люди. И воспитывали как человека. В лучшем смысле этого слова.

— Кто и как тебя воспитывал, никому не интересно. Есть только один решающий

фактор.

Володя с удивлением воззрился на мать.

– Кровь, – резко бросила Лейла. – По крови ты джинна. И должен действовать в соответствии с этим.

– Я никому ничего не должен. Ни «коричневым», ни «оранжевым».

– Ты рожден магом, – голос матери звенел металлом.

– Я вырос человеком.

– Ты маг и не можешь от этого откеститься. Или ты хочешь остаться с этим фигляром?

– Каким фигляром?

– Твоим папашей. Что он тебе пообещал? Что он может тебе дать? Что он о тебе знает?

– А ты?

– Я знаю о твоём даре, – быстро заговорила Лейла. – Я могу многому научить тебя. Очень многому. Ты думаешь, что если ты научился видеть сквозь Пелену и подпитываться от источника, то что-то знаешь? Нет. И я могу помочь тебе понять себя. Хочешь, я расскажу тебе все о реальном мире? Он же ничего тебе не объяснил, не рассказал, даже не показал. Москва набита чудесами и тайнами. Ну а ты в ней, как слепой котенок, я же вижу. Хочешь, я расскажу тебе про твои сны?

Она была яростна и искренна. Во всяком случае, сейчас. Отец говорил немного, напускал на себя значимость. Мать говорила резко и обещала рассказать все. И в этой резкости и искренности было больше значения, чем в отцовских замалчиваниях.

– Ты спрашиваешь, что я хочу? Я хочу, чтобы ты остался здесь. Дома. Я хочу, чтобы ты не предавал свою кровь. Я могу сделать из тебя мага. Великого мага, одного из лидеров землячества. Хочешь?

– Нет, – покачал головой Володя. – Я хочу домой. Меня папа с мамой ждут.

– Эти люди для тебя никто.

– Эти люди для меня все.

Скулы матери окаменели, делая лицо жестким и лишая мягкой красоты. Глаза налились тяжелым багрянцем, словно закатное небо. Володя приготовился к самому худшему, чувствуя бурю, но бури не случилось.

– Иди, – кивнула она, хотя глаза так и остались кровавыми. – Но обещай подумать о нашем разговоре. Ты нужен северо-западному землячеству. Землячество нужно тебе. Один ты теперь не выживешь.

Володя кивнул и направился к двери.

– Шакал тебя отвезет, – догнал его властный голос.

Дверь тихо хлопнула. Лейла до скрипа стиснула зубы, давя ругательства, готовые сорваться с языка.

Чего этот бездарный фигляр, обожающий шляпы и плащи, наговорил мальчишке? Почему тот так ведет себя? Что Ник обещал ему? За что купил? И откуда мальчишка обладает такими знаниями?

Джинна посмотрела на выцарапанный на красной яблочной шкуре символ. Такой магией, как она узнала, в Москве не владеет сейчас никто. Нечто очень странное. Значит, либо он общался с кем-то, кто передал ему секрет, либо сумел считать его с ноосферы. Маг-провидец. Причем сильный маг и сильный провидец. Такие рождаются раз в тысячу лет. И родила его она. Так почему он теперь не с ней?

Лейла стиснула яблоко и со злостью метнула через комнату. Спелый плод с невероятной скоростью, словно им выстрелили из пушки, вмазался в стену. Хлопнуло. По обоям растеклось мокрое пятно. Разбившиеся в лепешку яблочные останки медленно поползли вниз, отклеились от стены и шлепнулись на пол.

Ярость схлынула, к ней вернулась способность трезво мыслить. Она подошла к зеркалу, улыбнулась. Мягко, лучисто. И глаза, такие же мягкие и лучистые, снова искрились золотом.

– Сальваторе!

Дверь распахнулась мгновенно. Преданный помощник возник на пороге.

– Скажи, пусть здесь уберут, – кивнула она на размазанное в сопли яблоко. – И продолжайте за ним присматривать. Только так, чтоб он этого не видел. Мне нужно знать обо всем, что с ним происходит.

* * *

Тинек стоял возле машины и щурился на солнце, словно был котом, а не собакой. Ворота все еще оставались открытыми, а может, их просто открыли заново. Так или иначе, от дома Володя зашагал к ним, а не к стоянке.

Оборотень свистнул, но Володя не обратил на свист никакого внимания. Вышел за ворота, прошагал до Рублевки и пошлепал в сторону Москвы. «Опель» Тинек догнал его довольно быстро. Квакунул клаксоном.

Володя обернулся на звук, но никак не отреагировал. «Опель» взревел мотором и, обогнув идущего по обочине человека, рванул вперед. Володя было порадовался, что предатель уехал, но Тинек, проехав метров триста, свернул на обочину и остановился.

Когда Володя поравнялся с машиной, оборотень уже ждал его снаружи.

– Садись, отвезу.

– Иди в жопу, – буркнул Володя, чувствуя, что в голосе звучит детская обида.

– Не дури, – преградил дорогу Тинек. – До города далеко, на улице не май-месяц. И я тебе не враг.

Володя остановился. Оборотень кивнул на распахнутую дверцу.

– Садись, скорее, пока гаишники не нарисовались. Они здесь дикие и оперативно реагирующие.

Володя на секунду задумался. С другой стороны, какого черта? И он молча сел на переднее сиденье. Оборотень приободрился. Скалясь, сел за руль, проверил, что пассажир пристегнут, и неспешно покатыл в сторону города.

Рублевка неторопливо наматывалась на колеса. Володя молча таращился на заснеженно-слякотный пейзаж.

– Кончай дуться, – не выдержал молчания Тинек. – Я ведь тебе ничего плохого не сделал.

– Угу. Только обманул, – фыркнул Володя. – Я думал, у вас, собак, стая превыше всего.

– Я не собака. Я шакал. И если уж на то пошло, я не думал, что у вас, магов, бывает столько сантиментов. Мне казалось, что вы более прагматичны.

– Я в первую очередь не маг, – в тон оборотню отозвался Володя. – Я человек.

– Это не одно и то же?

– Для меня – нет. Все маги, каких я встречал, даже если и были людьми, вели себя как нелюди.

– Как скажешь, – согласился Тинек и поспешно сменил тему: – Она тебе объяснила что-то?

Володя мотнул головой:

– Мне не нужны ее объяснения.

– Ты же хотел знать...

– Теперь не хочу, – оборвал Володя. – Вообще ничего не хочу. Мне не нравится эта ваша магия и все, что с ней связано. С тех пор, как я во все это влип, у меня появились отец, мать и друг. Отец играет в заботу и любит собственным величием. Он себя не ведет, он себя позиционирует. Мать отрицает все человеческое, да и человеком не является. Оба чихать на меня хотели, но я им нужен. Думаешь, мне это нравится? Ни фига ни разу.

– А друг? – полюбопытствовал оборотень.

– А друг, – эхом отозвался Володя, – оказался шакалом.

Тинек смолчал. Только смотрел, как прикованный, за дорогой и скалил зубы.

С Рублевки нырнули под мост, пошли по кругу и выехали на Крылатские Холмы. Тинек довез пассажира до подъезда, но всю оставшуюся дорогу был молчалив и непривычно мрачен.

«Опель» остановился. Володя отщелкнул ремень и посмотрел на оборотня.

– Слушай, а все-таки ты на кого работаешь? – спросил вдруг.

– А что? – окрысился Тинек.

– Так... просто любопытно, кого ты предаешь, отца или мать?

– Что за мания искать предателей и лезть всюду со второсортной моралью и сантиментами? – с лающими нотками заговорил Константин. – Я никого не предаю, хотя бы потому, что я никому во вред не действовал. Даже тебе. И я никому не служу. Ни Нику, ни Лейле. Знаешь почему? Потому что я служу себе. И только себе. Я – одиночка.

– А отец говорил, что вы живете стаями и по закону стаи.

– А я тебе уже три раза говорил: я не собака и не волк, я шакал. У меня есть свои интересы. Если они совпадают с интересами этих джинна, почему бы нам не сосуществовать? Если я иду в ногу с Ником и его кланом, то почему бы мне не оказать им услугу? В этом нет противоречия, тем более что я могу на этом заработать. Если возникнет конфликт интересов, то мне будут до лампочки и джинна с их амбициями, и твой отец с его понтами. И ты с этими твоими интеллигентскими соплями.

Что-то кольнуло в груди. Володя молча распахнул дверцу, вышел. Прежде чем захлопнуть за собой дверь, обернулся и заглянул в салон. Тинек барабанил пальцами по рулю и смотрел на дорогу.

– Я думал, ты мне друг, – горько бросил напоследок Володя.

– Мне показалось, кто-то сказал, что друг оказался шакалом. Минут пятнадцать назад. Нет?

– Да иди ты!

Володя хлопнул дверцей. «Опель», будто того только и ждал, рванул вперед. Крутанувшись по двору, исчез за поворотом.

– Идите вы к дьяволу, – пробормотал Володя. – Недочеловеки.

* * *

В подъезде было жарко. То ли после того, как поставили железные двери в стеклянных «предбанниках», дуть стало меньше. То ли детки, устраивавшие на лесенке посиделки с пивом и гитарами, подросли и перестали колотить по пьяни окна. А только в подъезде не сквозило больше из всех щелей.

Володя поймал себя на мысли, что думает о сидящих на лестнице подростках, как о детях, хотя сам еще совсем недавно...

– Привет! – тихо позвали сзади.

Володя вздрогнул от неожиданности и резко обернулся. Он готов был поклясться, что, когда входил в подъезд, там никого не было. Ну не мог он не заметить невысокого носатого человечка. Однако же сейчас тот стоял на расстоянии вытянутой руки и лупал круглыми, как у филина, глазюками.

– Петрович? – обрадовался Володя. – Здравсьте. Вы здесь как?..

Часовщик затравленно оглянулся на вход и поднес палец к губам.

– Тссс, – прошипел он, – идем ко мне. Поговорить надо.

И кивнул на лифт.

Дверь квартиры была старой, деревянной, обитой дешевым драным ядрено-красным дерматином. Из прорех неряшливыми клочьями торчала заскорузлая вата. Замок тоже был старым и открывался могучим ключом с двумя бородками, как на рисунках в детской книжке про деревянного пацана с длинным носом. На фоне соседних металлических дверей с кучами навороченных запоров это выглядело еще большим анахронизмом, чем вставшая на вечный прикол у подъезда «копейка».

Ключ провернулся два раза с металлическим хрустом, и маленький человечек отступил в сторону, приглашая гостя войти.

Володя послушно шагнул через порог и остановился. Квартира Петровича напоминала дом безумного часовщика, сбежавшего из какого-то сюрреалистического придуманного мира вроде Страны чудес Льюиса Кэрролла.

Здесь было царство механизмов и электроники. Приборы и запчасти от них лежали, стояли, висели везде. Какие-то приспособления были Володе знакомы и понятны, о назначении других он не мог даже догадываться.

– Так вот, значит, как живут Часовщики, – выдохнул Володя, как только Петрович закрыл дверь.

– Часовщики живут не так, – проворчал тот. – Я отлучен. Так что ты можешь наблюдать редкий пример Часовщика-затворника, «желтого»-одиночки. Спешите видеть, единственный раз в нашем городе...

Маленький человечек дурашливо поклонился и добавил с мрачным весельем:

– Детям своим расскажешь.

– А отчего так случилось? – подивился Володя.

– Шерше ля фам. Ее звали Екатерина. Царское имя. И сама она была... – Петрович грустно лупнул совиными глазками. – А у нас считается постыдным вступать в близкие отношения с людьми. И не просто постыдным, а даже противозаконным. Такие дела. Проходи.

Вслед за ушастым лупоглазым существом Володя прошел в комнату и присел на диванчик. Петрович устроился напротив, используя в качестве табуретки корпус от компьютера.

– Петрович, вы хотели...

– Меня зовут Пет-Роч из Наррхов, – сообщил Часовщик. – Впрочем, если тебе больше нравится Петрович, называй так. Я привык.

– Хорошо, – кивнул Володя. – Так вы хотели что-то спросить?

Хозяин пошлепал ладошкой по боку своей импровизированной сидухи и спохватился:

– Да! Нет, конечно. О чем мне тебя спрашивать? Что ты мне можешь рассказать, чего я не знаю? Ничего. Это я тебе скажу. Я видел их, видел.

– Кого? – подался вперед Володя.

– Этого человека, который тебя породил. И джинна. Я их знаю.

– Откуда?

– Я живу тихо и никуда не лезу. Но это не значит, что я глухой и слепой. Когда этот маг только начал общаться с Игорем, я предупреждал его, что это добром не кончится. Но Игорь был молод. А потом, Игорь обычный человек, а человек против магии слаб.

– Вы хотите сказать, что мой папа... что Игорь все знал?

– Ничего он не знал, – отмахнулся Петрович. – О чем-то догадывался, но и только. Того, о чем тебе уже рассказали, не знал точно. Того, чего ты еще не знаешь, не знал и недавно.

– А чего я не знаю?

– Ничего. Что может узнать ребенок за первые месяцы жизни? Нет, конечно, это много, но это ничто по сравнению со знанием взрослого человека. Ты живешь в этом очень мало, парень. И ты ничего еще не знаешь. И лучше бы тебе этого не знать, потому что те существа, что имеют на тебя виды, по сути дрянные.

Володя впитывал каждое слово. Даже когда Часовщик замолчал, смотрел на Петровича и ждал новых откровений. Но откровений не было, словно собеседник засомневался в том, стоило все это говорить или нет.

– А чем они такие плохие? – любопытствовал наконец Володя.

– Амбициями. Знаешь, ведь у вас, у людей, все то же самое. Есть те, кто просто живет и радуется жизни. Есть те, кто живет и пытается искать в этом смысл, а есть те, кто жаждет

власти. Этих последних немного, но это не самые хорошие люди. С магами та же ситуация. Большинство представителей любой сферы просто живет. Ну, почти каждой, не считая «черных» или «бесцветных»... Но в любом народе есть и такие, которым свербит хапнуть. К счастью, магов не так много, так что процент амбициозных колдунов довольно мал. А то этим миром давно уже правили бы полоумные вроде твоих биологических родителей.

– А это не так?

– А это не так, – кивнул маленький человечек. – Вот только тебе не повезло, парень, тебя родили те, кто из этой дрянной породы. Не удивлюсь, если тебя зачинали с тонким умыслом и расчетом на будущее.

Володя вздрогнул. Мысль о том, что его создали, не зачали в любви или пусть даже сдуру по пьяной лавочке, была убийственна. В теплые чувства отца и матери он уже не верил, но предположить, что его создавали как инструмент, как какого-то голема, плевав на него и прикидывая только его возможные способности и их КПД...

– Я не хочу иметь с ними ничего общего... – голос Володи прозвучал хрипло.

Он осекся и сглотнул. Часовщик покачал ушастью головой.

– Ты всегда был славным мальчиком. Но они тебя не отпустят.

– Что мне делать?

– Бежать, – пожал плечиками маленький человечек, – как можно дальше, чтоб они тебя не нашли.

Володя припомнил появляющегося невероятным образом Ника, вездесущий «Рав 4» с джинна, незаметно влезшего в его жизнь шакала.

– А это возможно?

– Не знаю, – ответил Петрович. – Зависит от тебя и от той силы, которой ты понадобится. Если за тобой гоняются только кудимовские «коричневые» и «оранжевые» северо-западники, возможно, ты сумеешь от них сбежать. Если за всем этим стоит что-то большее...

Часовщик умолк и встал.

– А кто еще может?

– Может, – непонятно ответил Петрович. – Посиди минуту. Я сейчас.

И вышел. В другой раз Володя с любопытством изучил бы необычную обстановку, но сейчас никакого интереса к окружающему не было. Весь интерес ушел внутрь и затаился там в компании с мрачными мыслями.

Он маг. Довольно сильный, если верить Лейле. Правда, не совсем понятно, можно ли ей верить, но в этом вопросе, наверное, можно. Ведь она лицо заинтересованное. В любом случае он как маг уже может как-то управлять окружающим. Способен дергать людей за ниточки, мороча, а то и внушая им что-то по своему усмотрению.

При этом его самого дергают во все стороны, как пара спятивших кукловодов марионетку, которую не смогли поделить. А теперь, если Петрович прав, выходит, что и его кукловодов кто-то тягает за ниточки.

От этой мысли вяло сумасшествием. Последний раз собственные размышления пугали его так в далеком детстве. Лет в десять.

Порой он фантазировал, что мир не такой, каким он его знает. Что все на самом деле по-другому. Вообще все, от законов физики до правил поведения в школьной столовой. Что его мир – чья-то придумка или эксперимент. А он – единственный человек, который живет по этим придуманным правилам. И все вокруг знают правду. Все: папа с мамой, которые вовсе не папа с мамой, учителя в школе, друзья, незнакомая тетенька на автобусной остановке, и дворник, и соседка по площадке...

Мысли были странными и страшными. В конечном итоге он пугался их и старался выкинуть из головы. Но время от времени фантазии возвращались, пока однажды он не загнал их куда-то совсем далеко.

Теперь, правда, выходило, что не все в тех детских фантазиях было настолько бредово. По странному стечению обстоятельств в них оказалась доля правды.

– Вот.

Володя вздрогнул. Он настолько глубоко задумался, что не заметил вернувшегося Петровича.

Часовщик стоял, держа на ладони небольшой камешек на тесемке.

– Что это?

– Подарок.

– А отец говорил, что Часовщики жлобы, – брякнул Володя и поспешно прикусил язык.

– Твой отец тот еще засранец, – отмахнулся Петрович. – Но доля правды в этом есть, гр-хч-сг-от весьма зажимисты.

– Кто?

– Часовщики, как ты изволил выразиться, – объяснил Петрович. – Не болтай, а наклонись лучше.

Володя послушно опустил голову. Петрович бережно накиннул ему на шею шнурок с камешком.

– Сейчас он сам настроится на тебя, возьмет немножко твоей энергии, – сказал Часовщик. – И после этого ни на ком другом работать не будет. Я сам изготовил эту штуку, еще когда был в племени... просто так, не зная зачем. С помощью одного моего друга, бывшего друга, сильного мага.

– А что он делает?

– Пока он на тебе, ни одна зараза не увидит твоего тела Силы. Знаешь, что это значит?

Володя кивнул:

– Это как если у меня под столом стоит компьютер. Его все видят, знают о его существовании, но никто не знает, что внутри корпуса сто тридцатый «пентиум» или машина последнего поколения.

– Ты помнишь, что такое «пентиум-сто тридцать»? – вылупил и без того огромные глаза Часовщик. – Однако, молодой человек. Ладно, иди.

Володя кивнул.

– Спасибо.

В прихожей Петрович нервно припал к глазку, изучая межквартирный холл.

– Никого, – сообщил он, успокоившись. – Иди. И не приходи ко мне больше. Не хочу неприятностей. Мне осталось не так много, очень хочется сдохнуть своей смертью.

Он щелкнул замком, собрался уже потянуть ручку, но Володя задержал его.

– Пет-Роч, а почему вы мне помогаете?

– Тебе нужен повод?

– С тех пор, как я общаюсь с людскими магами и... – Володя запнулся, подбирая слово, – и представителями других сфер, я еще не видел, чтобы кто-то сделал что-то просто так.

– Дрянная компания, – проворчал Петрович. – Но если тебе так нужно объяснение, пожалуйста. Во-первых, как я уже сказал, ты всегда был хорошим мальчиком. Во-вторых, я кое-чем обязан твоему папе. В свое время Игорь меня сильно выручил, хоть и не посчитал эту помощь за труд. Но я помню. Достаточно? А теперь иди. И продолжай быть хорошим мальчиком.

Володя благодарно кивнул и вышел, сзади поспешно захлопнулась обитая драным дерматином дверь.

* * *

Мама встретила его с наигранной бодростью. Поинтересовалась, как дела в университете, позвала обедать. Володя бодрился, отвечал на вопросы. Вот только мама видела, что на душе у сына кошки скребут. Видела и молчала.

И сын видел, что она переживает за него. И за то, что не ночевал дома, и за то, что страдает теперь, но не торопится делиться тем, что болит. И он тоже смолчал.

Раньше для скандала хватило бы и десятой доли того, что происходило. Сейчас все изменилось. Никто не выяснял отношения, все молчали о своем. Котел страстей кипел у каждого внутри. Думая об этом, Володя так и не понял, хорошо ли это или скандал был бы лучшим выходом.

Поблагодарив маму за обед, он тихо ушел к себе в комнату, закрыл дверь, лег на кровать и уставился в потолок.

Что-то происходило с ним все эти недели. Не только с ним, со всеми, кто рядом. Что-то уже произошло. И в осознании этого происшествия было чувство утраты и какая-то безысходность.

Он понял, насколько ему дороги папа и мама. Но, кажется, отдалился от них. Понял, что любит Ольгу. Увидел, что она может сделать ради него, и понял, что это навсегда. Но рядом с осознанием этой вечной любви зародились недомолвки. Недоговоренность. Как можно любить человека и быть с ним неискренним? Но как можно рассказать любимому человеку про все то, что происходит? Это противоречие вызывало щемящую боль в груди.

Он изменился. Может, и в самом деле повзрослел. Во всяком случае, пришло понимание, что жизнь – это шашки. Черда разменов. Чтобы что-то отхватить, надо чем-то пожертвовать. За каждое приобретение придется чем-то расплачиваться. И выиграть невозможно. При лучшем раскладе – вечная ничья.

За окном начало смеркаться. В комнате стало серо и тускло.

Он позвонил Оле. Прослушал пять длинных гудков. Затем щелкнуло, и забубнил автоответчик.

– Я тебя люблю, – ответил он механическому голосу и отложил телефон.

Сумерки загустели. Володя попытался собраться с мыслями, поймать тот момент, когда начался этот шашечный размен в его жизни.

«Ты маг», – сказал отец.

Почему сказал? Не потому ли, что ему самому внушили это в детстве? Так или иначе, Володя не хотел больше быть магом.

«По крови ты джинна, и должен действовать в соответствии с этим», – сказала ему мать.

Кто говорил в ней тогда? Та самая кровь и какие-то заложенные тысячелетия назад правила? Или личные сиюминутные амбиции?

В любом случае в себе он этой крови не чувствовал.

«Я не собака, я шакал», – сказал ему Тинек.

И в этом была своя правда. Как и во всем, что говорил ему оборотень. Пусть банальная, высокопарная, но правда.

«Беги», – сказал ему Петрович.

Куда бежать? Как бежать? С кем? Ведь не объяснишь же папе, маме, Ольге, ее родителям, что надо собраться и исчезнуть. Потому что для такого поворота нужна причина, и весьма серьезная. А ее нет.

Вернее, есть, только она для него одного. Для всех остальных это не причина, а бред сумасшедшего.

Точка на потолке, в которую он смотрел все это время, растворилась в темноте. Может, просто послать всех этих колдунов к чертовой матери? Пусть Часовщик и говорит, что не отпустят, но это слова. Не заставят же они его стать магом? Ведь это просто невозможно против его воли.

В дверь постучали. Осторожно, деликатно.

– Да, – отозвался Володя.

Темноту разрезала полоска света, в приоткрывшейся двери возник папа.

– Можно?

– Заходи, – пригласил Володя и добавил, глядя, как тот потянулся к выключателю: – Только свет не включай.

Папа прикрыл дверь, прошел, сел на стул.

– А чего в темноте?
– Свет надоед, – буркнул Володя. – Вообще все надоело.
– Это усталость, – голос Игоря звучал мягко, в нем было что-то глубокое, понимающее и успокаивающее. – Это бывает. Это пройдет.

– Что пройдет? – Володя почувствовал, как внутри снова начинает щемить, на этот раз от досады. – Вот это пройдет?

Он кивнул на окно и сложил пальцы в хитрую фигуру. Напрягся, создавая энергетический контур – нечто приземистое, рычащее, оскаленное, готовое прыгнуть...

Игорь вздрогнул. Володя пожалел, что не сдержался и убрал иллюзию – то единственное сложное заклинание, которым он владел, и владел неплохо. С ним он справлялся лучше Ника. Картинки выходили у него сложнее, ярче и давались проще.

Папа потряс головой, ошарашенно поглядел на сына.

– Мне на секунду показалось, что там зверь... Собака...

– Показалось, – сказал Володя. – Хочешь, тебе там Анджелина Джоли покажется? Или Владимир Владимирович? Это сложнее, но тоже возможно. Это сделал я. Хочешь, могу заставить тебя видеть пустыню Сахару или льды Антарктики? Это я пока не умею, но в принципе смогу. Ты же знаешь. Ты же общался с ним.

– С Ником? Это гипноз?

– Это магия, которую я ненавижу.

Папа поднялся со стула и подошел к окну. Осторожно выглянул наружу. Боязливо, словно опасался увидеть там обещанные льды Антарктики и президента среди пингвинов.

– Давно ты так можешь?

– С тех пор, как он меня научил. Мир не такой, каким кажется, папа. И я теперь живу с этим. Я хотел научиться этому, чтобы показать вам настоящий, реальный мир. Но я не могу. А то, что могу, мне не нравится.

Игорь не ответил. Молча смотрел в окно, где искрился в свете фонаря легкий летящий снежок.

Володя снова пожалел, что втравил папу в это. Второй раз проявил слабость. Сперва с Олей, теперь с Игорем.

– Извини, – сказал тихо и искренне. – Я не должен был.

Игорь молчал.

– Пап, – позвал Володя, начиная волноваться.

Тот повернулся и посмотрел на сына. Блеснули глаза. Или это только в темноте показалось?

– Курить хочется, – пожаловался он. – Пойдем на лесенку, а?

Они вышли на лестничную площадку. Папа щелкал зажигалкой, пытаясь прикурить. Зажигалка шипела газом, плевалась искрами, но упорно не желала давать пламя. Руки у Игоря ходили ходуном. Наконец он справился и затянулся.

– Кто еще знает? – спросил наконец.

– Из своих никто, – ответил Володя.

– Хорошо, – кивнул папа. – Никому и не говори.

– Оля знает, что были проблемы. Но без подробностей.

– Плохо, – папа снова нервно затянулся. – Если женщина не может помочь...

– Ее не надо волновать, – закончил Володя. – Я помню, пап. Я и тебе не хотел говорить. Просто в себе держать сил больше нет.

– Что думаешь с этим делать?

– Прекратить с ними всякие отношения. Советовали убежать, но, думаю, мне хватит сил послать их на фиг.

– Разумно, – кивнул папа и яростно придавил бычок в банке-пепельнице. – Ничего. Ничего, прорвемся.

Володя кивнул. На секунду он встретился с Игорем взглядом и тут же отвел глаза. Сердце заколотилось от страха. Впервые в жизни он видел папу растерянным, не знающим,

что делать.

– Прорвемся, – повторил Игорь. – Ничего, ничего.

* * *

Первым объявился оборотень. Просто позвонил в дверь. Володя только что вернулся из университета, папа был на работе, мама оставила на холодильнике записку:

«Я в магазин и к тете Зое. Скоро буду. Обед на плите. Мама».

Суп был еще горячим, значит, мама ушла недавно. Потому звонок в дверь Володю несколько озадачил.

Тинек стоял на пороге и скалил белоснежные зубы.

– Чего надо? – довольно грубо поинтересовался Володя.

– Как всегда, – оборотень наигранно вытянулся во фронт и щелкнул каблуками. – Я от имени и по поручению.

Он скользнул мимо Володи, и прежде чем тот решил, впустить незваного гостя или нет, оказался в квартире.

Володя молча закрыл дверь. Тинек уже по-хозяйски разгуливал по холлу, изучая развешанные по стенам картинки и миниатюрки, связанные с самыми разнообразными историческими эпизодами. Все это хозяйство было папиной страстью и собиралось годами.

– Во-первых, разуйся, – потребовал Володя.

Тинек обернулся. Губа хищно поползла вверх, обнажая зубы. Но пересилил себя, ухмыльнулся и вернулся к двери, чтобы снять кроссовки.

– Милые человеческие условности. Может, еще тапочки предложишь? Шакал в тапочках – это должно быть забавно.

– Не более чем шакал в адидасовских кроссовках. В рекламе сниматься не пробовал? Представляю картинку: бежит мужик в кроссовках и на бегу превращается в шакала.

– Кстати, напрасно смеешься. В Штатах есть один маах'керу, актером в Голливуде работает. Сэм Трэммелл зовут. Недавно снялся в одном сериале про вампиров и играл там оборотня. А глупые люди рисовали его превращение на компьютере. Кучу денег профукали. Знали б они, что он может просто перекинуться...

– Ты трепаться пришел или по делу? – перебил Володя. – Если трепаться, то выход знаешь где.

– А если по делу?

Володя толкнул дверь в свою комнату:

– Проходи.

Оборотень плавно, словно вальсируя, проник в комнату и утанцевал на диван. Володя прикрыл дверь и посмотрел на Константина.

– И кто тебя прислал на этот раз?

– Если бы Ник вернулся, он позвонил бы тебе сам. Старик любит все делать самостоятельно.

– А у моей матери ты, значит, как золотая рыбка на посылках?

– Если ты хочешь меня рассердить, не выйдет, – процедил Тинек. – Я уже говорил, что никому не служу, кроме себя.

– Да-да, – кивнул Володя. – Ты просто выполняешь мелкие поручения за мелкие деньги. Как шестерка.

– Прикуси язык, гордый нищий мальчик, сидящий на шее у папы-преподавателя, я пришел не для того, чтобы с тобой пикироваться.

Володя встал и поглядел на бывшего друга сверху вниз.

– И для чего же ты пришел?

– Как я уже сказал, я от имени и по поручению.

– Я понял. И чего она хотела? Чтобы ты приперся ко мне домой и посмотрел, как я живу? Или чтобы засесть у меня в комнате и действовать мне на нервы?

Тинек резко поднялся. Сделал шаг, словно готовясь вцепиться в горло, но сдержался.

– Она хочет знать, что ты решил. Только и всего.

– Я решил, что мне неинтересно ее предложение. Все? Можешь идти.

Тинек переступил с ноги на ногу.

– Она просила передать, чтобы ты хорошенько поразмыслил, прежде чем дать ответ.

– Я подумал.

– Я бы на твоём месте подумал получше, – со странной интонацией произнес оборотень.

И тут Володю осенило. Тинек боялся. Здесь и сейчас. Стоял, тянул время и до дрожи боялся, что Володя в самом деле не переменит решение. Что ему придется идти с его ответом к джинна – гонцом, принесшим плохую весть.

От осознания этого Володе стало вдруг смешно. Он обидно расхохотался в лицо вчерашнему приятелю.

– Иди к ней и передай дословно, слышишь? Передай ей, что я человек и человеком останусь. Ее кровь, если она вправду есть в моих жилах, меня не волнует. И больше к этому вопросу я возвращаться не намерен.

– Решил принять сторону отца? – прищурился оборотень.

– Нет, послушал твоего совета. Решил оставаться на своей стороне.

– Молодой, горячий, глупый, – покачал кудлатой головой Тинек. – Своя сторона хороша, но когда рядом две стороны сильнее тебя... Нужно выбирать одну и совмещать с ней свою. А объявлять войну всем сразу глупо.

– Вот и совмещай, – отмахнулся Володя. – А я не собираюсь ни совмещать, ни воевать. Это не моя война. Я в этом не участвую.

– Не говори «гоп», – буркнул Тинек и вышел из комнаты.

Володя направился следом.

Оборотень больше ничего не разглядывал и ничем не интересовался. Сидел на корточках и яростно зашнуровывал кроссовки. Володя распахнул перед ним дверь.

Уже выйдя из квартиры, Тинек повернул голову.

– Порвут они тебя, – с какой-то тоской обронил он.

– Не твоя забота, – отрубил Володя и закрыл дверь.

Его распирало от гордости. Все выходило великолепно и просто. Пусть шакалу дают по шапке. А он ни в чем не участвует. Он просто уходит.

* * *

Через час вернулась мама. Увидав довольного сына, обрадовалась и пообещала на ужин что-то вкусное. Володя поцеловал ее в щеку и ушел к себе в комнату.

Дверь закрывать не стал. Уселся за стол, включил компьютер и полез по тематическим сайтам искать работу. Жизнь понемногу возвращалась в нормальное русло. Университет он больше не прогуливает, работу найдет быстро, фотоаппарат со временем купит новый. Надо будет только денег подкопить. И все будет, как раньше. А про этих нелюдей он просто забудет. Навсегда. И про магию тоже.

Володя пообещал себе больше никогда не пользоваться даже примитивным мороком. Жил без магии двадцать лет и дальнейшую жизнь проживет без нее.

Часа через два позвонил Ник. Володя как раз заканчивал рассылать резюме по тем адресам, где были приглянувшиеся ему вакансии. Увидев скрытый номер, нахмурился, но не больно расстроился.

– Здравствуй, мой мальчик, – елеиным голосом пропела трубка.

– Почему у тебя номер засекречен? – вместо приветствия спросил Володя.

– Что?

– Ты мне звонишь который раз, и у тебя все время скрытый номер. Я даже не знаю, где тебя найти, если что.

– А зачем? – голос отца звучал теперь настороженно, что забавляло Володю. – Я сам тебя найду.

– Не найдешь. Я больше не хочу, чтобы ты меня искал и находил. Исчезни.

Трубка издала странный звук и замолкла на добрых полминуты.

– Что-то случилось? – ожил, наконец, динамик, хотя голос отца звучал глухо и пришибленно. Ник явно был выбит из колеи и не понимал, что происходит.

Это веселило Володю все больше. Душа пела и ликовала. Эти зарвавшиеся волшебники считали, что могут купить его или дергать за ниточки, как марионетку, а он взял и оборвал все привязи.

– Да, – сообщил он. – Случилось. Ты хочешь, чтобы я был магом. Чтобы я помог тебе отвоевать источник, из-за которого вы готовы глотки друг другу грызть. Чтобы я бросил любимую девушку. А я подумал и решил, что хочу больше никогда тебя не видеть.

– Через полчаса у подъезда, – быстро проговорила трубка и загудела короткими.

Володя нажал отбой и рассмеялся. Ему было хорошо.

* * *

Ник позвонил вновь через полчаса.

– Ты где?

– Дома, – лаконично отозвался Володя.

– Спустись.

– Зачем? Хочешь оправдаться? Хорошо, я сейчас выйду.

Он накинул куртку, сказал маме, что скоро вернется, и спустился по лестнице.

Знакомый «Акцент» стоял напротив подъезда, перегородив дорогу. Соберись кто проехать и упрись в такой приступ эгоцентризма, Ник мог получить по морде. Но, на счастье Николая, машин не было. Двор был на удивление пуст и спокоен.

Отец сидел в автомобиле и выходить не собирался. Интересно, это гордость? Или он просто еще не понял всей серьезности Володиных намерений и злится там, не понимая, какая шлея попала под хвост сыну?

Володя открыл дверцу и заглянул в салон.

– Садись, – приказал Ник.

Володя усмехнулся и сел.

– Я оставил тебя на несколько дней, – недовольно заговорил Николай. – Оставил под присмотром. Что случилось, что ты ведешь себя так?

– Ничего, – пожал плечами Володя. – Просто не хочу больше иметь никакого касательства к магии и магам.

– Что за мальчишество? – начал злиться Ник. – Ты принял решение. У тебя есть обязательства перед «Стальным щитом». Я учил тебя, открыл тебе глаза. Ты должен...

– Это ты должен, – пошел в атаку Володя. – Ты мне должен новый фотоаппарат и новую работу. Но я, так и быть, прощаю тебе этот долг.

– Ты в своем уме? – оторопел Ник. – Какого лешего ты вытворяешь, мальчишка?

– Это ты вытворяешь, – парировал Володя. – С первого дня. Играешь со мной, изображаешь гуру. Вместо того, чтобы сказать, кто ты и чего тебе от меня надо. Хорошо, я дам тебе один шанс. Скажи мне, только честно, кто моя мать?

Ник поглядел на Володю пристально. На лице его возникло смятение.

– Не скрипи процессором, – подмигнул Володя. – Мозги вскипят. Просто ответь на вопрос.

– Твоя мать была чудесная женщина, – проговорил отец, будто пробуя на вкус каждое слово. – Чудесная, добрая, душевная. К сожалению, она умерла много лет назад и...

– А я думал, – перебил Володя, – что моя мать сексапильная стервозная джинна и

сегодня утром была жива и здорова.

Отец дернулся, как от пощечины. Лицо его побледнело и тут же вспыхнуло краской.

– Ты... ты откуда знаешь? Ты ее видел? Она переманила тебя? Что она тебе сказала?

– Не волнуйся, – усмехнулся Володя, – не переманила. Только доказала, что с вами всеми, с трусами, прячущимися за Пеленой, не стоит иметь никаких дел. Хотя пыталась перетянуть на свою сторону. Все, прощай.

Володя выбрался из машины. Заглянул в салон. Ник сидел примерно с таким же видом, с каким в комнате наверху сидел Тинек, получивший категорический отказ.

– Да, – добавил он, – если тебе так интересно, она говорила, что ты ничтожество. Кстати, я так не считаю. Просто тебе не повезло с отцом. Мне тоже не повезло, но я посиленнее тебя буду. Прощай.

И прежде чем Ник успел что-то сказать, хлопнул дверцей и поскакал к подъезду.

Он был полностью счастлив.

Он ощутил свободу.

Глава 10

Даргри вошел в знакомую кофейню пятью минутами раньше назначенного времени. На поймавшую его в дверях официантку посмотрел свысока. Не любил, когда встречают на входе. Он заходит в кафе, у него есть цель. Он идет к цели, а тут вдруг какие-то человечки под ногами...

– Курящий? Некурящий? – подала голос преграда к цели – столику под портретом Булгакова.

Дейвона приподнял бровь.

– Зал... – поставленный на заушенную говорильню голосок девушки споткнулся. – Вам курящий?

– Да, – снизошел Даргри и тут понял, что сегодня ему придется сидеть спиной к залу.

Молодцеватый, вечно опаздывающий компаньон на этот раз умудрился приехать раньше. Он сидел над чашкой кофе и задумчиво вертел в пальцах знакомую древнюю бляху.

Спортивный пиджак висел на спинке кресла. А его хозяин сидел в одной футболке, несмотря на то, что в кофейне было не жарко. От нехорошего предчувствия Даргри и самого кинуло в жар.

– Buenos días, – поприветствовал он, усаживаясь.

– И вам доброе утро, магистр, – отозвался Степан, убирая древнюю феньку в карман.

Дейвона опустил в кресло и достал сигариллы. Предчувствие крепло.

– Что случилось, магистр? – спросил он как можно небрежнее, в тон собеседнику.

– Сейчас, – кивнул тот.

Подошла девушка с подносом, поставила перед ним стакан, наполовину наполненный виски, и вазочку со льдом. Возле Даргри с тихим стуком возникла пузатая коньячная рюмка с хорошей дозой спиртного. Он посмотрел на девушку и перевел взгляд на компаньона. Степан жестом отправил официантку восвояси, и исподлобья зыркнул на собеседника.

– Ты ведь эту бурду пьешь, – не то спросил, не то констатировал он.

Дейвона кивнул и потянулся за бокалом. Прелюдия ему уже не нравилась.

– У нас неприятности, – сообщил Степан.

Рука дрогнула, и коньяк выплеснулся на сорочку. Даргри отставил рюмку и принялся стряхивать уже впитавшиеся в дорожную ткань капли.

– Я догадался, – кивнул он, понимая тщету своих попыток. – Рассказывай.

– Сначала допей и поставь рюмку, – не то с иронией, не то с убийственной прагматичностью заметил Степан. – Не хочу, чтоб ты весь обляпался.

Дейвона пригубил и отставил пузатую тару.

– Только не говори, что мальчик умер или не обладает даром.

– Мальчик жив-здоров, имеет мощный потенциал мага и, судя по всему, невероятно

силен как провидец.

– Не перебарщивай. Последнее нельзя проверить косвенно.

– А я не перебарщиваю, – обладатель спортивного пиджака дернул салфетку, покопошился, извлекая из кармана ручку.

Даргри отметил, что, несмотря на спортивный стиль и подчеркнутую простоту, ручка у собеседника не больше не меньше «Ватерман» с золотым пером и стоимостью тысяч пятьдесят.

Давно заметил за коллегой – при всей простоте у того в душе крылась страсть к дорогим безделушкам.

Степан тем временем изобразил что-то на салфетке и протянул дейвона. Даргри кинул взгляд на рисунок. Глаза расширились, рука непроизвольно потянулась ослабить узел галстука.

– Что это? – хрипло спросил он.

– Это ты мне ответь, – отозвался собеседник. – Я вижу, ты нашел в этом нечто знакомое.

– Это похоже на одну из магических пиктограмм, которыми пользовались чародеи в нашем роду. Те, первые. Еще до создания ордена. Это как ритуальная магия, только без масштабного ритуала. Просто пиктограмма, знак, символ... плюс вербальное заклинание, создающее резонанс. Я знаю об этом только в общих чертах. Знание утеряно. Понятия не имею, как в других родах и кланах, у нас это умение недоступно никому, даже матери клана. Возможно, этой магией владеет кто-то из Игроков, но...

– Этой магией владеет наш мальчик, – прервал поток красноречия Степан. – При помощи именно этого он прошел сквозь стену.

Он неторопливо бросил в виски несколько кубиков льда и поболтал стаканом. Лед подтаял, расшвыривая по золотистому напитку прозрачные протуберанцы воды. Поднял стакан, отхлебнул и посмотрел на оторопевшего Даргри.

– Как думаешь, что более вероятно? То, что мальчик нашел кого-то, кто обладает потерянным знанием? Или то, что он видел, как этим утерянным знанием пользуется кто-то, кто его утерянным не считал. Какая-нибудь твоя прапрапрапра и еще много раз прабабка?

– И он сумел это не просто считать, но и воспроизвести? Бесподобно.

– Не радуйся раньше времени. На этом хорошие новости заканчиваются.

Степан одним глотком управился с остатком виски. Сощурился, прислушиваясь к ощущениям. Даргри ждал, вертя за ножку рюмку с коньяком.

– Мы его практически потеряли.

– Как?! – выдохнул дейвона.

– Вот так. Реакция пошла человеческая. Мальчик долго жил среди людей. А его великомудрые родители даже не подумали сделать скидку на это. Пережали, идиоты траханные.

На этот раз одним глотком ушел коньяк. Даргри, растеряв всю свою изысканность, влил дорогой напиток в глотку так, как с глубокого похмелья впихивают в себя дешевую водку.

– Уррроды, – прорычал он, отставляя бокал.

– Ну не стоит так категорично. Старик слаб, не его уровень. А джинна действовала, исходя из своих интересов, а не из наших.

– Что предлагаешь? – взял себя в руки Даргри.

– Старика нужно сливать, он не тянет.

– Старика больше нет, забудь о нем. Дальше?

– Джинна придется кое во что посвятить. Иначе опять может быть прокол. И думаю, ей можно дать карт-бланш. Мальчик – самородок, ты был прав. Потерять его нельзя. И тут уже все средства хороши.

– Согласен.

– У нас там кто-то есть? – поинтересовался Степан. – Рядом с джинна?

– У нас там кто-то есть, и он уже работает. – Дейвона с сожалением посмотрел на пустую рюмку. – Что-то еще?

– Еще? – Владелец спортивного пиджака повернулся к официантке и сделал знак рукой: – Девушка, повторите.

* * *

Лейла сидела за столом и смотрела в лучистые спокойные глаза своего давнего и верного помощника, телохранителя и секретаря в одном флаконе. Тот стоял перед ней, как школьник перед строгой учительницей.

– Что ты хотел, Сальваторе?

– Нам надо поговорить, – прозвучало это очень неуверенно.

– О чем?

– Вот об этом.

Сальваторе взял со стола листок бумаги и изобразил на нем вязью:

Джинна посмотрела на четыре символа.

– В этой стране пишут слева направо. Не наоборот.

– Вы знаете, что это такое? – спокойно спросил Сальваторе.

– Тетраграмматон, – пожала плечами джинна. – Непроизносимое Имя Господа⁸. Твой вариант в древнееврейском написании. Йод Хей Вав Хей. Как видишь, я произнесла это вслух, и ничего не случилось. С чего ты вдруг полез в религиозные бредни «коричневых»?

– Здесь другое, – покачал головой Сальваторе. – Какие у вас возникают ассоциации при слове «тетраграмматон»?

Лейла поднялась из-за стола. Головоломки никогда не входили в число ее излюбленных развлечений, а настроение после появления шакала с дурными вестями было и без того испорчено.

– Не люблю ребусы, – с угрозой произнесла она. – Чего ты хочешь?

От такого тона Сальваторе, да и любого другого просителя, обычно сдувало, как ветром, однако сейчас помощник отчего-то остался на месте и даже не проявил хоть капли беспокойства.

Это озадачило и заинтриговало. Лейла подавила вспышку гнева.

– Ну, хорошо, – кивнула она. – Поиграем по твоим правилам. Ассоциации? Яхве, Саваоф, Элохим, евреи, обрезание, кровь, гражданская война, революция, Ленин в октябре.

– Вот-вот, – поддакнул Сальваторе. – Я вижу, вы совершенно верно осознали ситуацию.

– Ах, ты про погибший орден? Так бы сразу и сказал. Чего голову мне морочишь?

– Про него, – кивнул Сальваторе. – Позвольте спросить – что вы о нем знаете?

Лейла снова уселась за стол. Вон оно как, к ней, оказывается, обращаются за консультацией. За помощью пришли. Хорошо, сделаем милость, поделимся бесполезной информацией.

– «Тетраграмматон» – межрасовый магический орден. Его составляли маги из джинна, дейвона, людей и сатра. Откуда взялось название, не знаю. Может, представители четырех сфер решили, что первые буквы их самоназваний подобны имени бога, а сами они богоподобны. Кто теперь разберет?

– Это все?

– Нет, почему? Сам орден вроде бы возник не одну сотню лет назад. С датировкой возможна путаница. Кто-то говорит, что «Тетраграмматон» существует со времен основания Долгоруким Москвы, кто-то предполагает, что орден мог возникнуть во времена последних

⁸ Тетраграмматон (тетраγράμματον) от Тетра – «четыре» и γράμμα – «буква». Четыре символа, считающиеся в иудейской и каббалистической традициях собственным именем Бога.

Рюриковичей, или предпоследних... никакой достоверной информации по этому поводу нет. Есть только легенды и предположения. Легенды достаточно смешные, о том, как орден стал межсферным, и о том, как, когда и какая сфера оказалась в зоне его влияния. Если верить этим сказкам, то создание «Тетраграмматона» – это одна сплошная нелепость. Черeda случайностей и неудач. При этом орден вроде бы всегда был достаточно силен и через своих агентов влияния предположительно контролировал довольно много источников Москвы. Но амбиции у этих четырехбуквенных были непомерными.

Лейла стянула с пальца кольцо и, повертев, вернула на место.

– До начала двадцатого века орден существовал тайно. Кроме членов ордена о его существовании не знал никто. В начале века «Тетраграмматон» заявил о себе. Члены ордена были, возможно, не самыми сильными магами, но готовились долго и шумиху устроили нешуточную. Полезли во власть, разрушили веками складывавшееся равновесие, устроили несколько революций, чтобы завладеть источниками Москвы и Питера. Столько магов во власти, как в начале двадцатого века в России, не было никогда. В результате орден получил то, о чем мечтал сотни лет. Но, добившись цели, члены ордена вспомнили, что они представляют разные сферы, и устроили между собой грызню. Сначала орден ослабил себя сам, затем нашлись другие сильные маги и просто амбициозные люди, которые сделали так, что орден сгинул. Последних членов «Тетраграмматона» расстреляли в конце двадцатых или начале тридцатых, бежавший за границу магистр погиб в сороковом. После чего орден закончил свое существование. Все.

Лейла театрально развела руками. Сальваторе поглядел на нее внимательно, развернулся, подтащил стул и сел. Такая перемена в его поведении чуть не заставила Лейлу открыть рот. Обнаглевший помощник тем временем поерзал, усаживаясь поудобнее, и подался вперед.

– Нет, не все, – вкрадчиво произнес он. – Собственно, я к вам пришел не сам, а по просьбе одного человека.

– С каких это пор, – проговорила Лейла, начиная о чем-то догадываться, – ты выполняешь чьи-то просьбы, кроме моих?

– Очень давно, – сказал Сальваторе. – Но речь не об этом. «Тетраграмматон» не прекратил свое существование. Ни в двадцать четвертом, ни в тридцать четвертом, ни в тридцать седьмом. Мы существуем и не собираемся более повторять ошибок наших предков.

Лейла расслабилась и откинулась на спинку кресла. К ней, оказывается, обращались вовсе не как к консультанту. Консультация ее никому не была нужна. А что нужно?

– Исходя из того, что я знаю об этом, – сказала она, – есть два варианта развития событий. Вернее, три, но на сумасшедшего ты не похож. Потому либо «Тетраграмматон» выходит из тени, и я ему зачем-то понадобилась, либо он по-прежнему хранит свою тайну, но тогда мне осталось жить очень недолго.

– Бросьте, – отмахнулся Сальваторе. – Вам ничего не угрожает. И я, как и прежде, готов выполнить все ваши просьбы. Все же в наших жилах течет одна и та же кровь, а это много значит.

– Тогда, – Лейла подалась вперед, – о чем вы хотите попросить меня?

* * *

...Для своих соотечественников он стал числиться мертвым в сентябре одна тысяча восемьсот двенадцатого года. Под соотечественниками он понимал в данном случае не клан Стирос и даже не сатра Франции, а солдат наполеоновской армии, в коей он принадлежал к корпусу Мюрата.

Кавалеристы Мюрата гнали, как им казалось, отступающего из Москвы Кутузова. О тарутинском маневре, которым среди прочих заслуг запомнится потомкам Михайло Илларионович, никто из французов не догадывался.

А шальные пули нет-нет да и пролетали. Русские воевали не по правилам. Прятались по

кустам и оврагам. Нападали, как разбойники. Очередное такое нападение закончилось для него, если так можно выразиться, успешно. Пуля убила его лошадь.

Падая, он ударился головой и потерял сознание. Очнулся уже в темноте. Один. Придавленный мертвой лошастью. Его, по всей вероятности, тоже посчитали мертвым и оставили. Свои оставили, чужие не тронули. Он умер для всех. И это его более чем устраивало. Он возвращался в сожженную Москву.

О, Москва! Это сладкое слово. Он почувствовал мощь этого города, точки пересечения энергетических линий еще задолго до того, как город охватил пожар. А еще он знал, что многие источники останутся беззащитными. Обитатели старой столицы бежали из города, а любое заклинание можно сломать, сколь бы сложным или мощным оно ни было.

Среди французов магов практически не попадалось. Кто в здравом уме пойдет участвовать в глупой человеческой войне, неизвестно ради чего рискуя потерять то, что имеет?

Хотя он же пошел. Но ему в этом плане было проще. Ему нечего оказалось терять.

До города он добрался на другой день. Вернее, до того, что было когда-то городом. Москва сгорела, превратившись в черный, обугленный, дурно пахнущий остов. Император занял столицу, но не покориł ее жителей. Формально это была победа, реально – побежденного не было.

Впрочем, ему было наплевать и на императора с его амбициями, и на Мюрата, и на французов, и на русских. Его манили источники сожженного города. Для всего остального он умер.

Темноты он дожидался в невесть как уцелевшем домике на окраине. Пожар каким-то чудом пожалел его, лишь облизав немного, но не пожрав. Беглый сатра убедился, что в доме никого нет, и решил ждать темноты, чувствуя себя в безопасности.

Он забрался на чердак и даже заснул.

Когда проснулся, уже стемнело. А еще он был не один в доме. Внизу переговаривались тремя голосами. Сатра подполз к провалу и прислушался. Говорили по-русски. Беглец кое-как знал язык местных – понимал, но говорил на нем очень плохо.

– Четыре сотни горожан постреляли.

– А наших?

– Дюжина погибла. Коли не больше. Они сперва поджигателей ловили, а потом под эту дудку каждый, кто под руку попался, поджигателем стал.

Сатра сжался от страха и горечи. Не все русские ушли. Более того, если глаза его не обманывали, те, кто могли ему помешать, остались. Местных в самом деле было трое. Двое джинна и человек, и все трое, если судить по аурам, – маги.

Говорили джинна. «Коричневый» не вмешивался.

– Кому взбрело в голову спалить город? Подумаешь, французы.

– Они живут другими ценностями, – вклинился-таки человек. – Для них это действительно важно. А вообще благодарности можешь слать господину военному губернатору.

– Федор Василичу⁹?

– Да, – кивнул человек. – Говорят, его работа.

– А мне плевать, – вспыхнул второй джинна. – На их ценности и на...

– Никому не плевать, – оборвал «коричневый», – мы живем с ними рядом, приходится считаться.

– А я...

Хрустнуло. Сатра с запозданием понял, что этот звук получился, когда он пошевелился. Внизу мгновенно умолкли. На спрятавшегося смотрели три пары глаз.

⁹ Федор Васильевич Ростопчин, русский государственный деятель. Главнокомандующим (военным губернатором) Москвы был назначен 24 мая 1812 года. По одной из версий поджог Москвы был организован именно им.

Один из джинна неторопливо двинулся к лестнице на чердак. Сатра замер. Стычки было, видимо, не избежать, а справиться в одиночку с тремя магами, не имея возможности восстановить силы от источника, представлялось невозможным. Если только...

Он поднялся на ноги, готовясь нанести удар. Магический удар. Пальцы правой руки сложились в хитрую фигуру. Этому заклинанию учил дед. А того – его дед. Воспроизвести заклинание не так просто, но результат стоит усилий.

Джинна полез наверх, под ним заскрипели перекладыны. Сатра глубоко вдохнул, выдохнул и бросился в провал вперед ногами. Джинна на лестнице не успел ничего понять и получил мощный удар ногой. Пинок вышел настолько сильным и неожиданным, что «оранжевый» сорвался с перекладыны и полетел вниз.

Прежде чем джинна грохнулся на пол, сатра был уже на лестнице.

Двое магов, оставшихся внизу, быстро сообразили, что к чему, и пустили в ход магию.

И сатра не преминул воспользоваться семейным секретом. Первой его жертвой стал человек. «Коричневый» хотел ударить врага чем-то мощным, но заклинание сработало, как надо, и тело Силы нападавшего истощилось в мгновение ока. Сам же беглец ощутил прилив сил.

Сатра прыгнул с лестницы и кинулся к выходу, бросив на ходу заклинание и во второго джинна. Тот выпучил глаза, осознав, что силы куда-то делись, хотя он не успел толком вступить в схватку.

Источники, на которые были настроены враги, находились рядом, однако на восстановление требовалось время. Совсем немного, но требовалось. А беглецу этого немного было более чем достаточно.

Он уже был в дверях, но на ходу обернулся, чтобы понять, не оставил ли позади чего-то опасного. И это решило дело. Удар «заморозки» пришелся в спину, бросая на пол. Сатра почувствовал, как холодеет тело, понял, что атака не смертельна, но сознание он потеряет. Взгляд зацепил стоящего в дверях человеческого мага.

– Вы как всегда вовремя, магистр, – сказал кто-то.

А потом стало совсем холодно, и родившийся во Франции сатра провалился в небытие.

Когда пришел в себя, рядом разговаривали. Сатра чуть-чуть приоткрыл глаза.

Он лежал на полу возле лестницы. Руки были связаны за спиной, причем таким образом, что не было возможности даже пальцем пошевелить. Глотка была забита кляпом. Видимо, теперь местные маги, если они, конечно, местные, относились к нему очень серьезно.

Сами враги сидели в сторонке. Четверо. Двое джинна и человек, которых он подслушал, а потом вырубил. И еще один человек, который вырубил его самого. Кто-то назвал его магистром.

– Как это вышло?

– Не знаю, магистр, – искренне удивился джинна. – Просто сил не стало. Как будто я использовал заклинание, требующее бо льших затрат энергии, чем я в состоянии отдать. Только заклинание я не завершил, не успел, вот в чем штука.

– Как будто пиявку поставили, – подал вялый голос второй человек. – И эта пиявка высосала все соки.

– Магия? – предположил магистр.

– Ну а что же еще?

Магистр поднялся и подошел к валявшемуся под лесенкой сатра. В руках он вертел небольшую бляху с хитрым рисунком.

– Французский сатра нам не помешает, – проговорил магистр. – Тем более в сложившейся ситуации. Кто знает, как надолго здесь французы?

– Никто, – отозвался один из джинна.

– Зачем он нам? – сердился человек. – Он не наш. И опасен. Может, имеет смысл просто прибить его, пока не очухался?

– А можно не прибивать и договориться. Тогда мы получим новое невероятное заклинание, которым он вас разметал... Как, говоришь? «Пиявка»?

– Да, – подтвердил один из джинна. – Если Регистр пополнится такой формулой, хуже не будет. Я вот никогда с такой магией не сталкивался.

– Ты много с чем не сталкивался, – отмахнулся магистр. – Но эта магия и вправду редкая. Либо что-то древнее, сохранившееся в его роду, либо что-то новое, открытое им самим. Кроме того, нам не надо будет прятаться, если с нами будет француз.

– Рядовой из корпуса Мюрата? – подал голос «коричневый» маг.

– Маг-француз. Сатра. Все остальное не имеет для нас значения. А если он сильный колдун, то может пригодиться нам в самых разных ситуациях.

– Хорошо, магистр, – сдался второй человек. – В этом есть смысл. Но ведь он может не согласиться.

– Вот вы его и спросите, – в голосе магистра появилась усмешка. – Тем более что он давно уже нас слышит.

Сатра решил, что притворяться больше не имеет смысла, и полностью открыл глаза.

Тот, которого называли магистром, присел на корточки и посмотрел на «зеленого».

– Сейчас я вытащу кляп, – пообещал он на чистом французском, – и мы поговорим. Мирно. Без фокусов. Предупреждаю сразу: кем бы ты ни был, у меня хватит сил свернуть тебе шею без всякой магии. Мы договорились?

Сатра молча кивнул. В следующее мгновение ему пришлось сдерживать рвотный позыв и много кашлять. Магистр, как и обещал, вынул кляп. Но сделал это как-то очень немилосердно...

* * *

Володя проснулся со смешанным чувством. Радость от вчерашнего освобождения немного омрачилась снами, что всю ночь терзали сознание и не отпускали, не давали проснуться.

Необычная магия, магистры, регистры, сатра из корпуса Мюрата – все это будто давало понять, что можно попытаться сбежать от матери или отца, но от себя не убежишь. Все это – в самом деле его естество.

С другой стороны, снились же ему разные странности прежде. И при этом он жил без всякой магии. Правда, теперь пришло понимание того, что на самом деле ему видится, а раньше это было просто ночным кошмаром или бредом. Но ведь можно заставить себя не обращать на это внимания?

Не обращать внимания. От этой мысли пришло облегчение. А еще проще сделалось на кухне. В нос ударил запах свежесваренного кофе, к нему примешивались тонкий аромат колбасы и душок пустившей на подоконнике зеленые стрелки луковицы.

Мама возилась у плиты. Что-то шкварчало на сковороде. Папа сидел за столом, уткнувшись в распечатку. Периодически тяжело вздыхал и начинал яростно царапать что-то карандашом на полях.

Володя замер в дверях. На душе стало тепло и уютно. Все как обычно. Все как всегда. Все хорошо. Мама повернулась от плиты, увидела сына.

– Доброе утро, – улыбнулась она.

И от этой улыбки стало легко и просто. Как в детстве, подумалось Володе, когда просыпаешься от кошмара в слезах, а рядом ласковая мама. И сразу ясно – это всего лишь сон, и он закончился.

– Доброе, – кивнул он и сел к столу.

Папа оторвался от распечатки:

– Что с тобой?

– А что? – не понял Володя.

– Светишься, как прожектор перестройки.

– Настроение хорошее, – улыбнулся Володя. – Па, а правда, что Мюрат сын трактирщика?

– И король Неаполитанского королевства.

– Я серьезно, – почувствовал подначку Володя.

– Я тоже, – папа, кажется, и впрямь не шутил. – А чего это тебя Мюрат заинтересовал?

– Да так, – неопределенно ответил Володя, припоминая ночные видения, – странный персонаж.

– Герой революции, один из ближайших людей Наполеона. Прекрасный военачальник. Его уважали даже враги. Например, в России...

– Нет, в России его не очень-то уважали, – покачал головой Володя. – Того, кого уважают, не называют щипаным павлином.

Папа поглядел внимательнее, во взгляде проступило понимание.

– Возможно, – кивнул он. – Но сохранились и другие воспоминания.

– Может быть, это зависит от того, кто вспоминает? – предположил Володя, подумав вдруг совсем о другом. – Уважать врага можно задним числом. Когда он уже не враг. А вот если враг перед тобой, его не надо уважать. Его надо ненавидеть. Иначе не победишь.

Папа вздохнул, покачал головой:

– А как же «не убий» и «подставь другую щеку»?

– А как же «око за око»? – парировал вдруг Володя. – Это, кажется, из той же книжки. И потом, я не настолько силен, чтобы подставляться.

– При чем здесь ты? – лукаво улыбнулся папа. – Мы же вроде про Мюрата говорили. И вообще, хватит об истории. Лучше скажи, как там твои фотографии поживают?

– Никак. Фотоаппарат мой пропал без вести. Денег на новый нет. Так что фотография отменяется. Время разбрасывать камни и время их собирать. Видимо, у меня сейчас вынужденный период аккумуляции.

* * *

Он проникся этой идеей и аккумулировал весь день. Просто жил и впитывал. Радовался общению с однокурсниками, находил красоту в незаметных повседневных мелочах: от бычков на подтаявшем снегу до заснувшего за столом Потапкина. Андрюха отрубился, лицо его расслабилось, лишившись богатой напускной мимики, отчего он смотрелся не циничным хохмачом и душой компании, а добрым, милым теленком.

Отмечая для себя такие пустяки, Володя понял, насколько загнал себя в последние недели. Его несло в бешеном темпе, крутило, подбрасывало. Несло по течению. События и люди возникали с такой поспешностью, что он не успевал даже осмыслить происходящее, не то что принять решение.

Теперь все будет не так, решил он для себя. С этой мыслью ехал домой из университета, радуясь, что его оставили в покое. Что нет больше никаких магов и родителей. Никто не следит, никто не трезвонит с закрытых номеров, и никто от него ничего не хочет.

Иллюзия свободы и счастья разбилась вдребезги, стоило ему выйти в город из метро «Крылатское». Хорошее настроение как рукой сняло. Сердце предательски забилося сильнее, ладони намокли, выдавая испуг.

Володя глубоко вдохнул и пошел в сторону дома, делая вид, что ничего не заметил. Знакомый «Рав 4» со всполохами аэрографии на корпусе неспешно покатыл следом. Так они и двигались некоторое время практически рядом.

Затем «Тойота» ускорила, обгоняя, и завернула в ближайший проезд, перегордив дорогу.

Володя остановился. Перед ним распахнулась задняя дверь. Открылся фрагмент салона. За рулем и на соседнем сиденье светили лысыми макушками джинна. На заднем сидела Лейла. Вид у матери был серьезным до невозможности.

– Садись, подвезу, – предложила она, когда Володя приблизился к машине.

– Спасибо, я пешком дойду, – отказался Володя.

– Садись, – жестко повторила джинна.

Он пожал плечами и уселся рядом с матерью.

– Дверь закрой.

Володя хлопнул дверцей, машина неспешно покатила по дворам.

– Что ты решил? – Лейла не смотрела на него, но выражение лица говорило о многом.

– Я же все сказал вчера твоей собачке.

– Не дерзи, – голос джинна стал жестким. – Почувствовал себя очень крутым? Твой отказ не принимается. Ты нужен. И не только мне, а всем нам, твоим родичам. Поэтому ты придешь ко мне завтра и будешь делать то, что от тебя требуется. Это понятно?

– Этого не будет, – твердо ответил Володя. – Я принял решение и не намерен его менять.

Машина остановилась. Володя кинул взгляд сквозь тонированное стекло и не без удивления отметил, что его в самом деле привезли к подъезду.

– Твое решение никого не волнует, – отрезала Лейла. – Решения здесь принимаешь не ты. Надеюсь, ты все понял, и заставлять тебя изменить решение силой не придется. В конечном итоге ты все равно сделаешь так, как надо. Так что не сопротивляйся, не делай хуже себе и своим близким.

Все люди делятся на две категории, напомнил себе Володя, одни угрожают, другие делают. Если человек опускается до угроз, то действовать он не будет. Кишка тонка. Несмотря на осознание этой нехитрой истины, он чувствовал, как липнет к спине майка. Успокоения не было, а в висок долбила подленькая страшненькая мысль: «Это люди делятся, но она-то не человек».

– Ты мне угрожаешь? – спросил Володя.

Голос прозвучал с легкой хрипотцой, которой до того не было, и он откашлялся. Хоть и был уверен, что мать поняла этот хрип как признак страха, а не как начинающуюся простуду.

– Нет, – лаконично ответила она без единой эмоции. – Предупреждаю. Есть множество способов заставить тебя делать то, что нужно мне. Я не хочу к ним прибегать, но если ты не оставишь другого выхода, будь уверен, я пойду на все.

«Пугает, – панически метнулось в голове. – Просто пугает. Нельзя насильно сделать из человека мага. Нельзя. Как нельзя насильно заставить, ну, например, любить. Изнасиловать можно, а заставить полюбить нельзя».

– Выходи, приехали, – распорядилась мать, давая понять, что разговор закончен.

Володя вышел на улицу, глубоко вдохнул свежий морозный воздух.

– Завтра утром я тебя жду у себя, – послышалось сзади.

Он не обернулся. Хлопнула дверца, рыкнул мотор. Машина, шурша шинами, выкатилась со двора.

– Не дожدهшься, – пробурчал Володя, отгоняя остатки страха.

А через четверть часа страха забылись вовсе.

* * *

– Привет, – встретил его дома папа.

– Привет, – удивился Володя. – А ты чего дома?

– Ушел с обеда. Лекции отчитал с утра. Все остальное перенес и у Савицкого отпросился.

Савицкий был здоровым лысеющим дядькой, брутальным и своенравным. А еще он был непосредственным начальником папы. Володя видел этого мужика всего несколько раз в жизни и большого желания видеть его снова не испытывал. Савицкий манерой общения и «обходительностью» навевал тоску и мог вызвать если не склонность к суициду, то уж пару фобий легко и непринужденно.

Папа отпрашивался крайне редко – когда в этом была крайняя нужда или когда

чувствовал себя неважно. А на здоровье Игорь почти никогда не жаловался, относился к тем людям, у которых ничего не болит, а если заболело, то уже можно выносить вперед ногами.

– Что-то случилось? – заволновался Володя.

– Так, – отмахнулся папа. – Дело одно было. Ничего серьезного.

Сказано это было так, что Володя заподозрил что-то совсем неладное. В голову полезли нехорошие мысли.

– Точно ничего? – спросил, глядя в глаза.

– Вот пристал. Иди переодевайся.

Володя скинул ботинки и поплелся в комнату. Папа, если что-то случится, скорее всего, ничего не скажет. А если что-то вдруг случится, то случится из-за него, Володи. Кто ее знает, эту джинна, что у нее на уме. Может, языком трепала, а вдруг как решит свои угрозы в жизнь претворить?

Он вошел в комнату, прикрыл дверь, стянул свитер. Взгляд зацепился за пакет, что лежал на кровати. Новенький, хрустящий.

Володя подошел к кровати и заглянул в него. Сначала не поверил, так и стоял, замерев с перехваченным дыханием. Потом суетливо полез в пакет, сдернул полиэтилен, вынул картонную коробку и с восторгом принялся рвать упаковку, вытаскивая на свет божий новый фотоаппарат.

Новый был много лучше старого. Добротная профессиональная аппаратура. Володя погладил дрожащими пальцами черное тело фотоаппарата. Включил, посмотрел на видоискатель и принялся играть настройками, боясь даже сделать первый кадр. Словно после этого фотоаппарат мог исчезнуть.

Когда, наконец, оторвался от новой игрушки, папа стоял в дверях и улыбался, довольный, как обожравшийся кот.

– Па-а, – протянул он.

– Нравится? – подмигнул папа.

– Ты с ума сошел.

– Почему?

– Я знаю, сколько он стоит.

– И что, мне теперь всю жизнь на черный день откладывать? Помру, похоронишь как-нибудь, – усмехнулся Игорь.

Володя подошел к нему и обнял. Крепко, как в детстве. Не в благодарность за подарок, а в благодарность за все.

– Спасибо, пап, – тихо произнес он.

И в этом «спасибо» тоже было много больше, чем благодарность за потраченные деньги.

Глава 11

На другое утро Володя никуда не поехал. Вернее, не поехал к матери. Он даже не вспомнил про нее. А как в старые добрые времена, вооружившись фотоаппаратом, покатил на пары.

У входа в университет старушка-вахтерша, непрестанно сюсюкая, прикармливала кошечку помойной породы. Старуха была так пронзительно одинока, что в мурке видела чуть ли не последний свет в окошке. Словно в антитезу, животное смотрелось наглым, самовлюбленным и своенравным. Так обычно выглядят избалованные внуки.

Контраст был поразительным. Володя остановился и расчехлил камеру. Присел на корточки, ловя нужный ракурс, и принялся отщелкивать кадр за кадром. Самозабвенно, не видя ничего больше и живя сейчас только этой сценой, этой драмой отношений.

Когда уже начал убирать фотоаппарат, сзади на плечо ощутимо легла чья-то рука. Володя вздрогнул, затравленно обернулся. Перед ним, широко улыбаясь, стоял Андрюха.

– Здорово, Вовик.

– Привет, – улыбнулся Володя. – Что за манера подкрадываться?
– Так ты ж ничего не видишь. Тебя зовешь – ноль эмоций. Вещь в себе.
– Не в себе, а в искусстве.
– Угу, – заржал Потапкин. – В искусстве. Хотя есть у меня один знакомый художник. Он фотографирует редко, больше рисует. Но фотоаппарат тоже всегда с собой таскает. И тоже везде фотографирует. Знаешь кого?
– Кого? – улыбнулся Володя.
– Бомжей, – вновь заржал Андрюха. – И считает это искусством.
– Ну, в этом определенно что-то есть.
– Что-то грязное и вонючее, – кивнул Андрей. – Ну чего, по пиву? Или на пару?
– Потапкин, побойся бога. Какое пиво? Мы только что пришли, и пары еще не отсидели.
– Вот именно, не отсидели, – начал гнать Андрюха. – Тебе никогда не казалось странным это выражение: «Отсидеть пару»? Как будто мы на зоне срок мотаем. А мы ведь молоды, свободны и законопослушны.
– Питие пива на первой паре является нарушением общего распорядка высшего учебного заведения. Кроме того, аморально и неправильно, так как похоже на опохмел, а опохмел приводит к запоям.
– Да? – наигранно выпучил глаза Андрей.
– Да.
– Ладно, – Потапкин обреченно опустил голову и сложил руки за спиной. – Нарекаю тебя моей совестью на первые две пары. Веди меня в места отсидки.
С третьей пары они все-таки сбежали. Причем Володя не сказывался больным, не «морочил» преподавателя, а просто прогулял. Они сидели в забегаловке возле метро, пили дешевое пиво и трепались обо всем и ни о чем.
И в этом было столько жизни, столько простого и человеческого, что Володя захмелел. Но вовсе не от пива. Ему было приятно видеть Андрея. Приятно запросто с ним болтать и глушить пиво. А еще озорно, просто по студенческой привычке, прогуливать пары, зная, чем это грозит, и понимая, что не будет волшебной палочки, которая отмажет от преподавательского недовольства.
За все придется отдуваться самому. Ну и пусть.
– Ты не представляешь, как я рад тебя видеть, – искренне сказал он.
Потапкин посмотрел с подозрением, растянул губы в улыбке:
– Вовик, да ты набрался.
– Нет, – помотал головой Володя. – Я просто был в глубокой заднице. А сейчас из нее окончательно вернулся.
– За возвращение из задницы, – Андрей поднял бутылку и хохотнул. – Только помыться не забудь.

* * *

А потом он гулял по городу. И фотографировал снег и посеревшие дома. И черные скелеты деревьев. И уставших от едва начавшейся, но уже опостылевшей зимы людей. Снимал, представляя, как снятое выглядит для того, кто не избавлен от воздействия Пелены. И даже зная, что все это иллюзия, радовался ей, как чему-то настоящему.

Оно и было настоящим. Реальным. Простым и сложным, как сама жизнь. Какой толк от реальности, доступной единицам? И зачем нужна такая реальность, если в ней люди дрянные, как выразился Часовщик Пет-Роч?

А потом он позвонил Оле, и они гуляли вместе.

– Ты светишься, – улыбалась она. – Что-то случилось?

– Я тебя люблю.

– Он оставил тебя в покое? – осторожно поинтересовалась она.

– Его больше нет. Никого больше нет, – радостно сообщил Володя. – Только мы.

*Не просто жить в сияньи честности,
Где от того, что честен ты,
Все остальные в этой местности
Выходят суки и скоты, —*

припомнил он.

– Что?

– Так, Губерман. «Гарики на каждый день». Мне просто жить, Оленька. Потому что вокруг меня люди, а не суки и скоты.

– Вовка, не ругайся.

Он поцеловал ее и подмигнул:

– Губерману можно, а мне нет?

– Он для рифмы, а ты от бесстыдства, – нарочито чопорно проговорила она, насупила брови, но тут же рассмеялась:

– Я тебя люблю!

* * *

Домой он вернулся поздно. Пока нагулялся, упиваясь радостью, любимой девушкой и зимним городом. Пока проводил Олю, сдав с рук на руки родителям. Пока доехал до Крылатского.

У метро его никто не караулил. И возле подъезда никто не ждал. Он сделал последний глоток свободы и вошел в подъезд. Внутри было душно и сумрачно. Лампочку поменяли, и новая давала какой-то тусклый свет. Как фонари, которые перекрашивают черноту московских улиц в сумрачную желтизну.

Существовать в этом желтом пространстве было неудобно, потому лифт он принял с радостью. Нажал на кнопку и принялся выковыривать из кармана связку ключей. Двери распахнулись. Володя вывалился на свой этаж, пытаясь разобраться в связке, и увидел открытую дверь.

Обернулся. Папа стоял возле мусоропровода и задумчиво пускал колечки дыма, глядя, как те разрастаются, теряют форму, а потом и вовсе рассеиваются, превращаясь в ничто.

– Ты чего здесь? – удивился Володя. – Что-то случилось?

– Да нет, – махнул рукой Игорь, чуть не выронив сигарету. – Так, на работе мелкие неприятности.

В груди завожилось неприятное предчувствие. Володя прикрыл дверь и подошел к папе.

– Какие неприятности?

– Ерунда, – отмахнулся Игорь.

– Пап, мне нужно знать, – твердо сказал Володя. – Если это из-за меня...

– Да не из-за тебя это. Просто Савицкий спятил. Вчера сам отпустил, сегодня разорался, что самовольно уйду с работы. Вроде как он меня вчера не то что не отпускал, а вообще не видел.

– Но ты же отпрашивался?

– О чем и речь, – папа бросил окурок. – Ничего, переживем. Просто разговор вышел неприятный. Потрепали друг другу нервы и все. Он обещал меня в следующий раз уволить. Ну, ты ж знаешь Савицкого.

– Уволит?

– Нет, конечно. Я старейший сотрудник, ценный кадр. А кадры решают все. Где он нового преподавателя возьмет? Тем более среди учебного года. А если историю отменить, ему студенты революцию устроят.

– Забыли вы, Игорь Анатольевич, как это – быть студентом, – улыбнулся Володя. –

Революции не будет. Твои студенты ему памятник отгрохают. А если он еще пару предметов перед сессией упразднит, так этот памятник и позолотят вдобавок.

– Вот, значит, какого мнения ты о своем родителе? – выдавил улыбку папа. – Значит, я такой плохой преподаватель?

– Ты хороший преподаватель. Просто студентам это до лампочки. Другие интересы.

На следующий день папа ушел на работу, как обычно, и Володя совсем успокоился. Четыре пары пролетели незаметно. Потом он смотался в центр на собеседование. И хотя работа ему не подошла, Володя не расстроился и не пожалел о потраченном времени.

Жизнь. Завтра будет лучше.

Дома тоже было спокойно. Папа лежал на диване и листал книжку с непонятным названием, посвященную каким-то киммерийцам и их взаимоотношениям с другими народами. Мама готовила ужин под сериал про разбитые фонари и жутко волновалась за подстреленного Казанову, который прикидом напоминал Ника, а лицом актера Лыкова.

Володя не стал никого отвлекать. Прошел к себе в комнату, прикрыл дверь и набрал номер. На этот раз ответил не автоответчик.

– Здравствуй, Оленька.

– Вовка, – голос ее прозвучал с затаенным беспокойством. – У меня тут что-то странное. Мы можем увидеться?

* * *

Володя сидел, впериw взгляд в лист бумаги, и играл желваками на скулах. Встретиться договорились в кафе возле метро. Володя категорически был против того, чтобы девушка на ночь глядя ехала куда-то далеко от дома. Оля не хотела устраивать этот разговор при родителях. Ни при своих, ни при Володиных. И теперь он понимал почему.

Бумага жгла пальцы. Страх почему-то больше не было, только злость. Текст был отпечатан на принтере, бумага самая обычная, никаких особых примет. Такое послание мог отправить кто угодно. Но он почему-то был уверен, что знает отправителя.

На листе было написано:

«Оля, ты умная девочка. Объясни своему бойфренду, что он не прав. Если он не изменит своего решения, будет плохо. Доброжелатель».

Володя отложил лист и скрежетнул зубами.

– Откуда это у тебя?

– В почтовый ящик бросили.

– Хорошо, что родители не видели.

– Видели. Мама и достала.

Володя напрягся, Ольга поспешно замахала руками.

– Нет-нет, она не читала. Там еще конверт был. На нем только мой адрес и фамилия с именем. Тоже на компьютере отпечатано. Я маме сказала, что это реклама просто была, и конверт выкинула.

Оля посмотрела преданно, не зная, что делать, и сомневаясь в правильности сделанного. Володя молчал. Водил пальцем по сгибам, оставшимся на бумаге, побывавшей в конверте, и покусывал губу.

– Вовка, это он? – робко спросила девушка.

– Нет, – ответил Володя. – Это пошутил кто-то. Просто глупо пошутил.

Ольга всхлипнула. Губы ее дрожали. На глаза навернулись слезы.

Володя встал, обогнул столик, присел рядом, обнял.

– Ну что ты?

Олю трясло.

– А что... – всхлипнула она. – Что они теперь тебе сделают?

Она пыталась успокоиться, но выходило плохо. Слезы струились, размывая косметику и оставляя черные дорожки туши.

В сердце болезненно кольнуло, засело ноющей занозой. Если женщина не может помочь, ее не надо волновать. Он только теперь понял эти простые, казалось бы, слова, которые всю жизнь повторял ему папа.

Володя порывисто обнял ее. Забормотал что-то бессмысленно-утешающее, целовал, гладил по волосам и повторял и повторял бестолковые фразы, которыми обычно успокаивают.

– Никто мне ничего не сделает, – заявил он наконец. – Никто. Я обещаю.

Это прозвучало веско, и девушка поверила. Всхлипнула еще пару раз и успокоилась.

– Идем отсюда, – сказал он.

– Мне умыться надо. Я страшная. И на меня все смотрят.

Володя обернулся. Редкие посетители кафешки и вправду пялились на них, как на звезд «Санта-Барбары». На Олю с сочувствием, на Володю как на врага народа и уродца, который обидел бедную девочку.

На секунду возникло желание гаркнуть: «Чего уставились?» Но Володя подавил его.

Оля направилась в туалет и вскоре вышла оттуда. Умытая. Но под глазами были круги, а сами глаза оставались заплаканными.

– Твои родители тебя больше ко мне не отпустят, – сдержанно пошутил он, подавая ей пальто.

– Я сказала, что к подружке, – тихо ответила Оля.

– Значит, подружку предадут анафеме. Идем, я тебя провожу.

– А это? – спросила Ольга, указав на записку.

– А это выброшу, – пообещал Володя и сунул бумагу в карман.

Это обещание он нарушил. Дома уже спали. Володя тихонько прошел в свою комнату, сел к столу и развернул листок. Долго всматривался в чуть смазанные уже буквы.

Он прекрасно знал, что это не шутка. В голове сидел только один вопрос: чья это работа? Отца или матери?

Отца он оставил расстроенным и обескураженным. Кажется, тот обиделся даже. А от обиды можно и припугнуть девушку. Адрес при желании Ник мог узнать.

И мать тоже. В отличие от отца она его подстерегала и предостерегала. Ник-то вроде бы отстал. Или не отстал?

Володя потер висок, сунул записку в ящик стола, стянул свитер и джинсы и разобрал постель. Однако сон не шел. Сердце колотилось чаще, чем надо, но страха по-прежнему не было. Была только злость. Как будто весь страх перегорел, закалив нутро и оставив неприятный, едкий, как гарь, осадок.

И все же кто та тварь, что неспособна ударить его, а может лишь пугать любящую его девушку? Отец или мать? Володя поочередно представлял себе то Ника, то Лейлу и не чувствовал ничего, кроме раздражения.

С этим раздражением он и заснул.

* * *

Говорят, что утро вечера мудренее. Так оно и есть. Ночью отдыхает не только тело, и утром все воспринимается немного иначе. То, что с вечера кажется размытым и неясным, приобретает четкость. То, что казалось бесприсветно-депрессивным, видится не так мрачно. Возникают какие-то решения и просветы. Пусть даже в течение дня вся эта бодрость сойдет на нет или ускорит в минус, утро лечит.

Хотя бывали случаи, когда легче с уходом ночи не становилось. Вставать с паршивым настроением Володя не любил, но в этот раз проснулся таким же злым и дерганным, каким ложился. А надо было ехать в университет, затем на очередное собеседование. И ни за что не выдать своего настроения.

К завтраку он вышел поздно, поел молча и быстро. И прежде чем кто-то что-то заподозрил, сбежал из дома. В университете просидел три пары. Голоса преподавателей на лекциях и сокурсников на семинаре текли мимо ушей. Гудело где-то далеко ровным фоном. Все воспринималось будто через толстое стекло или слой ваты.

А мысли крутились по замкнутому кругу, нагоняя злость и не давая ответов. Пока, наконец, он не решил, что вечером заглянет в клуб к Тинеку. Искать отца или мать проблематично, а этот хвостатый всегда на месте. И уж наверняка знает, где найти обоих. А может, и еще что-то знает. Но это позднее.

После третьей пары он поехал на собеседование в фотомастерскую. Она находилась неподалеку от Арбата. Это Володю устраивало. Возвращаться домой без пересадок было приятной перспективой.

Он добрался до метро «Арбатская» и вышел в город. Будничный людской поток, бурный, как горная речка, подхватил и понес, не давая опомниться. Володя с трудом выбрался из толпы и отошел в сторонку, встав возле стеклянной стены какой-то забегаловки.

До собеседования оставалось чуть больше четверти часа. Нужно было еще разыскать эту фотомастерскую. Володя вынул бумажку, на которой записал координаты потенциального работодателя. Прочитав, поднял глаза – и от изумления чуть не выронил ее.

За стеклянной стеной забегаловки сидел за столиком папа и листал пухлую газету «Работа и зарплата».

О собеседовании Володя тут же забыл. Ноги сами понесли в забегаловку. Он открыл дверь. Пахнуло теплом и дешевой жратвой. Володя глазами нашел тот столик, еще надеясь, что обозначился. Что примерещилось. Но надежда вопреки поговорке, обещающей, что она помрет последней, сдохла мгновенно.

Володя подошел к столику и молча сел напротив папы. Игорь поднял взгляд и дернулся, словно ему перчатку в лицо швырнули.

– Скажи правду, – попросил Володя. – Тебя уволили?

Папа потупился и как-то рассеянно развел руками:

– Савицкий как с цепи сорвался. Обвинил черт-те в чем, наорал. А я ему что, мальчик, что ли? Ответил в том же духе. Теперь вот...

Игорь тряхнул газетой.

– Маме не говори только.

– Не скажу, – пообещал Володя. – Только ты мне скажи честно: это из-за меня?

– Ну, если считать, что отпрашивался я...

Володя взял отца за руку и внимательно заглянул в лицо.

– Папа, пожалуйста, я знаю, что ты меня бережешь, но... Мне надо знать. Это из-за меня? Меня не интересует Савицкий. Ты прекрасно знаешь, о чем я. Ты знаешь, что они могут. Ты ведь мог и не Савицкого тогда видеть. Скажи мне. Это очень важно.

Игорь попытался убрать руку. Володя крепче сжал пальцы. Смотрел пристально и требовательно.

– Пожалуйста, это очень важно, – повторил отдельно, подчеркивая каждое слово.

Папа откинулся на спинку стула. Володя ослабил хватку, и он все же вывернулся.

– Хорошо, – сказал Игорь. – В конце концов, это нормально. Ты уже взрослый, а я старею.

Игорь запустил руку во внутренний карман пиджака, долго копался там, словно внутри можно было заблудиться. Наконец вынул сложенный вчетверо листок бумаги и протянул сыну.

– Вот, – сказал он. – Не хотел тебя тревожить, но врать тоже не могу.

Володя молча принял страничку формата А4, боясь догадаться, что там увидит. Развернул, все еще надеясь...

Перед глазами поплыли ровные, отпечатанные на принтере строчки:

«Игорь Анатольевич, ты взрослый мужик. Объясни своему пасынку, что он

не прав. Если он не изменит своего решения, будет плохо. Доброжелатель».

– И я думаю, что это был не Савицкий. Или какой-то он был совсем странный... Ну, когда я отпрашивался, – убито добавил папа.

– Может, это был не Савицкий, когда ты его послал, – предположил Володя, хотя сам в это не верил.

– Нет, – покачал головой папа. – Если бы так, он бы уже меня из-под земли достал.

* * *

Собеседование Володя успешно пропустил. Домой возвращались вместе. В метро папа листал газету, судорожно что-то подчеркивая. За пол-остановки до «Крылатского» вынул папку, сунул в нее газету и тщательно замаскировал распечатками чужих дипломных работ.

Поезд остановился.

– Маме ни слова, – еще раз предупредил Игорь жестко.

Володя кивнул, и они вышли из вагона.

На улице уже стемнело, и если у метро была вечная толчея, то чуть в стороне народу встречалось намного меньше. Володя шел, не торопясь, широко загребая ногами свежий снег. Игорь брел на два шага впереди.

– Папа, – Володя позвал тихо, но Игорь услышал.

– Да.

– Что мне делать?

Папа приостановился, снова зашагал, уже рядом, плечом к плечу.

– Ты просишь совета?

– Я не знаю, – признался Володя. – Все как-то не так... Я принял решение, мне казалось...

Он запнулся, пытаясь подобрать слова. Ему казалось, что он победил. И что его решение во благо и ему, и окружающим. А теперь вот выходило, что не всегда оно и во благо. И не всем. А у кого-то из-за этого, наоборот, проблемы. Хотел, как лучше, а что выходит?

– Тебе казалось, что это что-то значит, – договорил за него папа. – Это и в самом деле что-то значит. Для тебя.

– А для других? Мне казалось, что это касается только меня. И я принял решение, а страдаешь теперь ты.

– Брось, – махнул рукой Игорь. – Из-за меня своего решения менять не стоит. Работу я найду. Не смогут же эти мелкие пакостники всю жизнь бегать за мной и вставлять палки в колеса? Что они от тебя хотят?

– Чтобы я стал таким, как они, – вздохнул Володя. – Они хотят сделать из меня мага, и не просто мага, а ударную фигуру в игре, а я... я смотрю на них и понимаю, что для них человек ничего не значит. Вообще никто ничего не значит. У них какие-то свои игры, свои интересы, а люди, живые люди, для них материал. И я что-то вроде ценного оборудования. Кому достанусь, тот выиграл. Не войну, но сражение. Они предают друг друга, манипулируют друг другом, похитить человека или угрожать ему пистолетом для них в порядке вещей. Я не хочу становиться таким.

– Значит, ты решил все верно, – кивнул папа. – Что же не так?

– У тебя проблемы из-за меня.

– Думаешь, у меня не было бы проблем из-за тебя, если бы мой сын стал подонком? Знаешь, мне проще поменять работу, чем знать, что мой сын похищает людей.

– Спасибо, – сказал Володя.

– И никогда не жалею о том, что сделал. Решения принимать всегда трудно. Особенно если при любом раскладе кто-то страдает. Надо просто трезво оценивать ситуацию. И не жалеть о том, что сделал. Хуже нет, чем жить прошлым.

- И это говорит историк, – улыбнулся Володя.
- Послушай историка. О прошлом надо помнить. Но жить надо настоящим.
- Я думал, ты скажешь – будущим.
- Если бы я жил будущим, я бы не послал Савицкого, а нашел способ подлизаться.

* * *

Звонок раздался за полночь. Мобильник взревел «Тореадором», заставив Володю подскочить в постели. Жмурясь спросонья, он добрался до стола, на котором с вечера остался лежать телефон, и посмотрел на светящийся в темноте дисплей.

Номер определился, хоть и был незнакомым. Палец ткнулся в кнопку приема.

– Алло, – хрипло со сна буркнул Володя.

– Доброй ночи, – голос Лейлы был удивительно ласковым, словно она задумала большую гадость и радовалась, предвкушая реализацию задумки. – Не спишь?

– Сплю, – ответил Володя и вырубил телефон.

Он хотел отключить его вовсе, но не успел. Трубка снова завибрировала, и, чтобы заглушить орущего «Тореадора», пришлось принять вызов.

– Чего надо? – спросил он.

– Не отключай телефон, – сказала Лейла. – А то начнешь потом жалеть, что не выслушал предупреждение. Но будет уже поздно.

– Слушаю, – коротко ответил Володя.

– Я смотрю, ты решил со мной поиграть. Напрасно. В отличие от тебя у меня руки не связаны, и я на самом деле могу сделать тебе очень больно. Я все равно добьюсь своего. Только тебе потом придется всю жизнь жалеть, что ты не послушался меня раньше.

Володя почувствовал, как приливает волна гнева. Горло перехватило. Он выдохнул и прошипел, едва сдерживаясь, чтобы не закричать:

– Лишила его работы, думаешь, очень крутой стала?

– Поверь мне, работа – это самое малое, что можно потерять.

– Если ты еще хоть раз появишься в моей жизни...

– Если ты завтра утром не появишься у меня, – перебила джинна, и голос растерял всю ласковость, – неприятности будут серьезнее. Мы теряем время и нервы, мой мальчик. Чем больше я теряю времени, тем сильнее нервничаю. Чем сильнее я нервничаю, тем агрессивнее становлюсь. Всем будет лучше, если ты перестанешь валять дурака.

– Я в милицию пойду, – пообещал Володя.

– Не смей, – фыркнула трубка. – Я позвоню тебе завтра. Не послушаешься опять, будет больно. Спокойной ночи, мой мальчик.

Трубка пискнула, отключаясь. Ярость накатила с такой силой, что он готов был разорвать мать голыми руками. Быстро нашел список входящих вызовов и ткнул в последний номер.

– Але, – донесся из трубки сильно пьяный мужской голос.

– Простите, Лейлу можно? – стушевался Володя.

– Какую еще Лейлу?

– Которая с вашего телефона только что звонила, – скрежетнул зубами Володя.

– Ах, эта-а-а, – протянул голос.

Трубка икнула, ойкнула, послышался сдавленный смешок.

– Она у меня вз-з-зяла этот... тел-лефон пз-з-звонить, – спотыкаясь на словах, сообщил хозяин трубки. – Пятьсот рублей дала.

Динамик снова разродился смешком.

– Я б ей тоже дал, если б она у меня вз-з-зяла.

– А сама она где?

– Сама она ту-ту. Села в тачку и укатил-ла нах... на хрен.

Володя отчаянно закусил губу и выключил телефон. Папа в детстве учил, что женщин

не бьют. Володя всю жизнь трепетно относился к соблюдению этой заповеди. Но попадись ему сейчас та джинна, что родила его, он не стал бы ее бить. Убил бы.

Сон как рукой сняло. Кровать стала жесткой, комната душной, любая поза, которую принимал, казалась неудобной. Володя крутился, пытаясь заснуть, но сон не шел. Только сердце колошматилось со страшной силой и росло желание хорошенько треснуть ту, которая, если не врет, родила его двадцать лет назад.

Заснуть Володя смог только под утро.

* * *

Проснулся он поздно. Будильник если и звонил, то Володя его не услышал. Открыв глаза, понял, что на удивление светло. Посмотрел на часы и подпрыгнул, понимая, что опоздал уже не только на первую, но и на вторую пару.

Впрочем, тут же откинулся на спину, плюнув на все, и повалялся еще минут пятнадцать.

Затем встал, неторопливо оделся и убрал постельное белье. Выспавшимся себя не ощущал.

Мама встретила удивленно:

– Ты чего спишь так долго?

– Первые две пары отменили, – не моргнув глазом, соврал Володя, понимая, что сил на обсуждение прогулов нет. – Препод заболел. К третьей поеду. А папа уже ушел?

– Твой папа – преподаватель, который не болеет, ты же знаешь.

Мама подставила тарелку, и Володя принялся завтракать. Поел быстро, чмокнул маму в щеку и, подхватив фотоаппарат и сумку, вышел на лестницу.

Лифт не работал. Володя на всякий случай понажимал порезче на затертую кнопку, постучал по двери на случай, если где-то на этаже кто-то попросту держит лифт. Но никакого эффекта ритуальные действия не дали, и он побежал вниз, прыгая через три ступеньки.

У выхода Володя чуть не налетел на старшую по подъезду. Эту пожилую тетку жизнь, видимо, била чаще и сильнее, нежели остальных граждан, потому она и была злой. На каждого встречного смотрела с неодобрением, а уж если этот встречный не относился к жильцам подъезда, то в ее глазах и вовсе становился не то шпионом, не то врагом народа.

Володю она знала, потому только пробурчала под нос:

– Вот прет, как оглашенный. Тоже хочешь шею свернуть?

– Здрасьте, – ответил Володя, но тетка уже прошла мимо и с непостижимой для ее возраста и комплекции прытью устремилась наверх.

Володя выскочил на улицу и сощурился от яркого зимнего солнца.

У подъезда была невероятная для этого времени суток толчея. В стороне стояла милицмейская машина. Поперек дороги расположился микроавтобус «Скорой помощи». У скамейки толпилось человек пятнадцать. Галдеж стоял неимоверный.

На лавочке сидели извечные старушки-подружки. Только если каждодневное их существование заключалось в перебивании костей проходящим мимо соседям и в воспоминаниях о том, как ярко светило солнце при советской власти и какими сладкими были в ту пору арбузы, то сегодня бабульки гляделись героями дня.

– ...в подъезде мертвого нашли...

– ...вот туточки, на первом этаже...

– ...а в квартире у него оказался склад всяких штук.

– Каких штук? – интересовался небритый, пахнувший не перебродившей еще в крови сивухой слесарь.

– Стра... – одна из старушек пошамкала губами, собираясь с силами, и выговорила наконец: – Стратегического назначения.

– Чего несешь, старая клюшка? – прыснул слесарь. – Был я у него, когда батареи по

дому меняли. Не было там никаких таких штук. Просто вся квартира захламлена платами, всякими старыми магнитофонами, приемниками и прочей техникой. Сумасшедший он был. Верно говорю.

Володя вздрогнул.

– Чего случилось? – подошла какая-то любопытствующая дама постбальзаковского возраста.

На нее зашикали. Кто-то принялся что-то тихо объяснять.

– Сумасшедший? – не сдавалась старуха. – Не было ничего? А за что же его тогда? Человек был хороший. Не пил, как некоторые. Жил себе тихо, скромно. За что ж его убивать?

Володя вновь вздрогнул.

– Знамо за что, – гордо поведал слесарь. – За квартиру.

– За квартиру сейчас убить могут, – поддержал кто-то.

– Только квартиры и остались, – запричитала другая старуха. – И те отобрать хотят. Совсем совесть потеряли. Сталина на вас нету.

Запищал домофон, распахнулась дверь подъезда. Толпа притихла. Выскочил милиционер в расстегнутом кителе и со съехавшей на затылок фуражкой. В званиях Володя не разбирался и майора от лейтенанта, наверное, отличить не смог бы, разве что по возрасту и весомости, но только не по погонам. Милиционер оказался никакой. Абсолютно среднестатистической внешности. Среднего возраста и в меру уставший от службы, которая «и опасна, и трудна».

– Потеснились, – без тени эмоций забубнил он. – Проход освобождаем. И вообще, не на что тут смотреть. Не в цирке.

Закрывавшуюся дверь подъезда тем временем поймал на плечо санитар, толкнул. Следом за ним появились носилки и второй мужчина в белом. Носилки были накрыты простыней, не оставлявшей сомнений в состоянии лежащего под ней человека.

Толпа чуть сместилась, давая пройти. Только слесарь пьяно покачивался и смотрел замороженно на приближающихся санитаров.

– Да отвали ж ты! – пихнул зачарованного слесаря мент.

Тот пошатнулся, стараясь удержаться на ногах, схватился одной рукой за воздух, а второй зацепил край простыни. Полотно съехало, открывая труп. Володя содрогнулся. Завтрак чуть не полез обратно.

На носилках лежал Петрович. Мертвый он казался совсем крошечным. Совиные глазки Часовщика были распахнуты шире обычного, в них застыло удивление. Словно он ждал смерть завтра к обеду, а она явилась сегодня к завтраку.

Он и мертвым не казался. Вот только шея была свернута на сто восемьдесят градусов и там, где полагалось находиться груди, была теперь спина.

В толпе словно выключили звук.

– Господи, – пробормотал кто-то в звенящей тишине.

Слесарь, поймав-таки равновесие, отвалил в сторону.

– Твою мать, урод пьяный, – выругался милиционер и накинул простыню на мертвеца.

Слесарь, и сам не шибко возрадовавшийся сделанному и увиденному, стоял в стороне блеклый, напуганный и протрезвевший.

Санитары загрузили носилки в машину, пристегнули. Захлопнулись дверцы. «Скорая» с вальяжной неспешностью покатила через двор, повернула и скрылась между домами. Через несколько секунд взвыла на мгновение сирена, и после этого все стихло.

Милиционер, пробурчав что-то вроде «расходимся», вернулся в подъезд. Толпа начала рассеиваться. Оставшиеся человек семь принялись обсуждать что-то тихо, как на поминках.

Володя пошел прочь. Он не так давно был у Петровича, а вернее у Пет-Роча, и прекрасно помнил его скромную берлогу. Не мог никто позариться на его добро. Не имелось там чего-то, на что можно позариться. И склада стратегического сырья, как выразилась полоумная соседка-наседка, там тоже не было.

А за квартиру убивают только в кино и в криминальной хронике.

Володя вышел со двора.

Он упорно отгонял мысль о том, что на самом деле могло стать причиной убийства тихого Часовщика, но мысль эта столь же упорно лезла в голову.

«Не приходи ко мне больше. Не хочу неприятностей. Мне осталось не так много, очень хочется сдохнуть своей смертью», – сказал Пет-Роч при их последней встрече.

Значит, старичок о чем-то догадывался уже тогда. Знал, чего ждать, и опасался этого. И правильно опасался. Вот только почему ему, Володе, ничего не сказал?

Он поглядел по сторонам и перешел через дорогу. Зашагал к метро.

Или Часовщик, как и папа, пекся о нем и не хотел, чтобы он принял неверное решение, из лучших побуждений ступил на скользкую дорожку, на ту, что вымощена благими намерениями и ведет в ад?

Да, все так. Но стоило ли жертвовать жизнью ради того, чтобы он не стал говнюком, как его биологические родители.

«Тебе не повезло, парень, тебя родили те, кто из этой дрянной породы», – говорил Пет-Роч.

Не повезло, но родителей не выбирают. И что теперь делать? Покойный Часовщик говорил, что надо бежать. А куда бежать? И как? Ведь не может же он взять всех, кто ему дорог, и увезти куда-нибудь в Тмутаракань. Никто не послушается. У всех есть какие-то якоря, которые держат на месте. И нужна очень весомая причина, чтобы эти якоря поднять. А ее нет. Не может же он рассказать про сумасшедших магов, убивающих людей только для того, чтобы он тоже стал магом. Никто не поверит.

И что делать? Ждать, что будет дальше? Бояться думать о том, кого убьют в следующий раз? Или бежать одному? Но ведь это не остановит тех, кому он нужен. Что делать?

Перед глазами снова возник Пет-Роч. Маленький и деловитый. С большими ушами, здоровенным носом и глазами, как у филина. Смешной в своей серьезности.

«Ты всегда был славным мальчиком. Но они тебя не отпустят», – сказал Часовщик.

Володя дернул молнию на куртке и сунул руку за пазуху. Туда, где висел на шнурке теплый камешек.

– Прости меня, Петрович, – тихо произнес он. – Прости. Я очень хотел быть хорошим мальчиком, но, видно, не судьба.

В горле поднялся комок. Глаза защипало. Володя заморгал, чтобы не расплакаться. И Часовщик, и папа, и Оля, и кое-кто еще готовы были пожертвовать собой, чтобы только у него все было хорошо. Пет-Роч уже пожертвовал. Вот только он, Володя, принимать такие жертвы больше не мог.

Теперь он точно знал: когда в следующий раз позвонит мать, он сделает все, что она захочет.

Глава 12

В университет он не поехал. Добрался до «Арбатской», вышел в город и заглянул в кафе, где вчера встретил папу. Надо было поговорить. Но того в кафе не было. И на звонки он не отвечал. Может, нашел какую-то работу и сидит на собеседовании.

Наверное, так, решил Володя и пошел на Старый Арбат.

В переходе растрепанный парень орал Цоя под гитару. Рядом от стенки к стенке болталась девушка с ультрамариновыми волосами и такими же ресницами и, покачиваясь в такт песне, предлагала прохожим пустую шляпу.

Володя честно вывернул карманы. Девушка подмигнула, словно на какое-то мгновение между ними возникло чувство общности. Он не стал к нему прислушиваться и выскочил наверх. Через минуту уже шагал по главной пешеходной улице столицы.

Папа не перезванивал. Вообще никто не звонил. Володя вынул телефон из кармана

джинсов и посмотрел на дисплей, опасаясь, что пропустил вызов. Но экран был девственно чист.

Сунув телефон в карман куртки и придерживая его рукой, чтобы, если не услышит, почувствовать виброзвонок, Володя зашагал по мостовой.

Арбат жил своей жизнью. Работали торгаши, художники, музыканты и мимы. Гуляли студенты, забившие на пары, и гости столицы. Мимо проплыл сутулый бронзовый Окуджава в изгибах арки. С другой стороны остался странный памятник на пушкинскую тему, более напоминавший плохую статуэтку, сделанную дрянным литейщиком. Мелькнул «Макдоналдс».

Володя, не соображая толком, куда идет, свернул на Садовое и пошел вдоль летящих в несколько полос машин.

Он ждал только, что во вспотевших пальцах зазвонит телефон и он скажет то, что от него хотят услышать. И все будет хорошо. Хотя и понимал, что хорошо уже не будет. Хорошо было раньше. А что бы он сейчас ни сделал, так, как раньше, никогда уже больше не будет.

Володя шел по темнеющим улицам. Шло время. А телефон молчал. Наконец он спустился в метро. В подземке все время боялся, что пропустит важный звонок. Что мать позвонит, решит, что он ее игнорирует, и сотворит еще что-нибудь столь же страшное и омерзительное.

Она обещала, что он будет жалеть всю жизнь. И он будет. Потому что несчастный Часовщик, изгнанный своими за любовь к человеческой женщине, тихо живший в одиночестве и никому никогда не мешавший, теперь мертв. И мертв он только потому, что Володя пошел на принцип.

Теперь принципов больше не осталось. Только ноющая боль в сердце, тоска и усталость. Апатия. Пусть делают с ним, что хотят, только не трогают никого.

Выбравшись из метро, первым делом полез проверять пропущенные вызовы, но никто не звонил. Володя поискал глазами знакомый джип или хоть дворнягу с похожими на лопухи ушами, но никого не было.

Что, придется ехать к Тинеку в клуб? Но ведь она сама обещала перезвонить!

Чертова джинна, то появлялась по два раза на дню, а то пропала, будто не было. Или она решила довести сына до сумасшествия? Если так, то осталось немного. Как сказал бы папа: «Верной дорогой идете, товарищи».

Дома встретила мама.

– Ну, хоть ты наконец, – сказала с порога. – Дверь закрой, у меня руки жирные, я готовлю.

И убежала на кухню.

Володя закрыл дверь, снял куртку, ботинки. Помыл руки и прошел в кухню.

– А папы еще нет?

– Как видишь. Я уже волноваться начала. Тебя нет, папы нет. Оля звонила. Я думала, ты к ней поехал, а она говорит, что нет. Суп себе сам нальешь?

– Конечно.

Володя положил телефон на стол, еще раз глянув на дисплей, не пропустил ли что, и полез доставать тарелку. Стоило поднять крышку, как из кастрюли ударила волна ароматного пара. Мама никогда не варила большими кастрюлями на неделю, считая это неправильным. Папа, сколько помнил себя Володя, всегда работал, а мама всегда вела хозяйство. И она его действительно вела, а не просто сидела дома.

Наполнив до краев тарелку, Володя вернулся к столу. От горячего супа и домашнего уюта даже на душе стало немного теплее.

И тут же затрещал телефон. Володя вздрогнул. Дернулся было к мобильнику, но сообразил, что звонок противный, и это вовсе не тема убийцы крупного рогатого скота из оперы «Кармен».

– О, вот и он, – обрадовалась мама и побежала в комнату, к телефону.

Володя прислушался. Мама, ответив что-то, слушала теперь того, кто был на другом конце провода. Затем сказала что-то тихо и коротко и положила трубку.

Володя ждал. Она появилась в дверях помертвевшая, с бледным лицом.

– Папа? – спросил он.

Мама молча покачала головой.

– Кто звонил? – напряженно спросил Володя.

– Нет, – голос мамы прозвучал глухо, словно изнутри у нее вынули все, оставив гулкую пустоту. – Собирайся, поехали.

* * *

Следующие несколько часов жизни смазались и всплывали потом из памяти какими-то холодными мутноватыми обрывками.

Володя потом не мог вспомнить, как они выходили из дома. И как доехали до места, тоже не помнил. Из памяти являлись коридоры, двери, люди... Где-то надо было подождать, где-то что-то подписать.

Он навсегда запомнил блестящую, с грязными трещинами плитку и запах. Резкий, отвратительный, которым забивали другой. Володя вдыхал эту вонь, и кровь стыла от мысли: как же пахнет то, что пытались изгнать с ее помощью?

А еще было холодно. Пробирало до костей, трясло. Или это только казалось?

Выкатили каталку, отдернули край простыни. Второй раз в жизни и второй раз за сегодняшний день Володя наблюдал эту картину. Только лицо теперь было другое. Самое родное в этот момент.

Спросили.

Они подтвердили.

Под простыней лежал папа. Лицо у него было спокойным, и Володя подумал о том, что папа умер без мучений. Его не душили и шею ему не сворачивали. Он вообще выглядел так, будто просто заснул.

Володя потянулся к простыне, собираясь отдернуть ее дальше. Кто-то властно перехватил запястье, не грубо, но сильно отвел руку.

– Не надо этого, – отрубил голос.

И Володя принял это «не надо» как должное.

Над ухом зажужжали что-то про колото-резаные раны. Нудно и муторно, словно включили бормашину. Он не слушал. А вернее, не слышал. Только думал и смотрел на маму.

Мама не плакала. Она словно застыла. Как покойники в этом морге, как плитка на полу, блестящая, похожая на лед, с грязными трещинами и сколами. И Володя не плакал. Слез отчего-то не было. Даже тех скупых, что пролил по Петровичу.

Но почему она не позвонила? Почему не остановилась? Не дала возможности согласиться? Почему?

– Вам придется задержаться и ответить на несколько вопросов, – сообщил дядька в штатском тоном киношного мента из дурного сериала.

Володя не отреагировал.

– Конечно, – за двоих кивнула мама.

– Пройдемте.

Они пошли куда-то... плитка, двери, коридоры, мерцающий свет трескучих лампочек. Джинна не дала ему шанса. Какого дьявола?

Володя почувствовал, как пустоту внутри заполняет черная клубящаяся злоба. Словно в пустую бутылку сунули дымящуюся сигарету.

Он резко остановился и повернулся к маме:

– Мам, увидимся дома. Жди меня, никуда не уходи.

– Ты куда?

– На свежий воздух. Я приеду немного позже.

Следователь в штатском преградил дорогу:

– Молодой человек, вас это тоже касается.

– Мне нужно побыть одному.

– Я все понимаю, – дежурно заговорил тот, маскируя пониманием раздражение, – но нам необходимо...

Чернота внутри загустела до смолянистого состояния. Володя мог сейчас заморочить несчастного следователя или кем там был этот тип, мог вырубить его заклинанием, мог сделать все, что угодно.

– Прочь с дороги, – тихо, но отчетливо произнес он.

Сказано это было так, что следователь побледнел и попятился. Володя быстро зашагал по коридору в ту сторону, где находился выход. Внутри крепло понимание, что манипулировать окружающими можно и без всякой магии. Вся штука в том, что тебе действительно должен быть нужен результат.

* * *

Свежий воздух ударил в лицо морозной волной. Володя с удивлением понял, что ему давно уже не холодно, а если и трясет, то только от нервного напряжения. Злость пожирала изнутри, разъедаая мысли и чувства.

Володя тряхнул головой, пытаясь привести мысли в порядок. Клокочущая ярость неохотно собралась в комок, ужалась, готовая в любой момент взорваться и похоронить все вокруг. Жажда мести сложилась во что-то более-менее осязаемое, возник план действий.

Володя кивнул своим мыслям и побежал к метро.

Ехать пришлось недолго. Он даже не успел продумать детали, как уже вышел в город в центре, в двух шагах от знакомого заведения с вывеской «Метрополь клуб». На халдея у дверей бросил такой взгляд, что тот, кажется, растворился в воздухе. На сидевших у рамки охранников поглядел, как на пустое место.

– Сидите тихо, – бросил, показывая возникшую в руке иллюзию красной книжечки с тремя буквами на обложке.

Охранники завозились, причем это можно было понять по-разному. Не то насторожились, не то испугались, не то не поверили. Выяснять отношения с охраной Володя не собирался, потому пресек всякое продолжение.

– Понадобится содействие, позову, – рыкнул он. – Пока сидите здесь и никого не выпускаете.

И прежде чем кто-то из охраны решился что-то вякнуть, сбежал вниз по мраморным ступеням.

В зале все было по-прежнему. Темное пространство. Интимно подсвеченные столики. Блуждающие по залу возле сцены и по барной стойке разноцветные лучи. Богатые мужики и дорогие девочки. Обычная стряпня по необычайно завышенной цене и хриплый нетрезвый голос, выводящий в караоке «Владимирский централ».

Миновав еще одного вышибалу у входа, Володя направился к бару.

Тинекса за стойкой не было. Его место занимал другой парень, лет на пять моложе и вроде бы человеческой крови. Зато на высоком барном стуле возле стойки сидел знакомый маг в вязаном свитере с высоким воротом и с досадой смотрел в рюмку.

Володя подошел и сел рядом. Посмотрел на отца. Ник был здорово пьян, но, видимо, решил набираться до последнего. Заметив сына, он молча влил в себя содержимое рюмки и махнул бармену:

– Кирюша, повтори.

Володя почувствовал, что начинает сатанеть.

– Ты знаешь, что случилось?

– Я напился, – мрачно кивнул отец.

– Хватит дурака разыгрывать, – зловеще прошептал Володя. – Я про записки, угрозы и

трупы.

Ник глянул на подставленную стопку, перевел мутный взгляд на сына:

– Про угрозы я ничего не знаю. И вообще не понимаю, чего ты от меня хочешь. Ты мне жизнь сломал.

Это было последнее, что успел сказать Ник. Затаившаяся до поры ярость выплеснулась наружу. В глазах потемнело от злости. Володя резко ударил ногой, выбивая из-под отца стул.

Тот громко стукнулся об пол и упал, ударившись плечом. Кто-то вскрикнул. От двери к ним метнулся охранник.

Ник приподнялся, на кончиках его пальцев возник легкий сгусток света, молниеносно собрался в клубок. Володя выставил магический щит, без труда отбил атаку. Сгусток энергии распался, уткнувшись в защитное заклинание.

Тело Силы выпустило невидимую конечность в сторону пьяного и от этого медленно соображающего отца. Володина «длинная рука» легко достигла цели и придавила Ника к полу.

Володя и сам тем временем оказался рядом. С силой схватил Ника за свитер. Ворот врезался в горло отца. Тот закашлялся. Держа отца рукой за ворот, Володя навел на подросшего охранника легкий морок.

– Федеральная служба безопасности, – тихо и властно сообщил он, глядя в осоловелые глаза охранника. – У нас тут внутреннее дело. Сами разберемся. А ты к двери иди и за порядком следи.

Охранник несколько раз моргнул, слегка побледнел. Приложил руку к непокрытой голове и поспешил обратно. Володя сжал в кулаке ворот свитера и легонько стукнул кулаком пьяного отца в челюсть.

– Я тебе жизнь испортил, скотина? Я? Ты меня в это втравил, а не я тебя. Лучше бы ты забыл о моем существовании.

Он еще раз ткнул кулаком отцу в челюсть.

Ник не сопротивлялся. Только выставил вперед ладони со слегка подрагивающими пальцами. Бить его Володе больше не хотелось, папаша выглядел жалко. Мать была права, говоря о нем, как о ничтожестве.

– Чего ты еще от меня хочешь? – забормотал Ник, почувствовав, видимо, что его готовы отпустить. – Я ничего не сделал. Я ничего не знаю. Я ничего не значу теперь. Свои считают меня лузером, а те люди, на которых я делал ставку, вовсе пропали. Конечно, я не справился. Я им не интересен теперь.

– Какие люди? – Володя сильнее сжал ворот.

– Люди и не люди. Разные. Я не знаю их настоящих имен. Но они были всегда. Они велики.

Володя отпустил отцовский свитер и тряхнул кистью, словно стараясь сбросить с пальцев всю мерзость, в которую вляпался в сентябре.

– Ты спятил.

– Нет, – забормотал Ник. – И им ты тоже интересен, мой мальчик. Потому что ты гений, а я отец гения. Хоть от меня все и отвернулись. Но ты, когда поднимешься до достойных высот, не забудь своего отца.

– Я тебя ненавижу, – скрежетнул зубами Володя.

– Это сейчас, – трепетно заверил его Ник. – Время все изменит. Ты станешь большим магом, и тогда вот только про меня не забудь. Я для тебя все... Я сделаю так, что Кудимов и братья из «Стального щита» не закроют тебе доступ к источнику. Обещаю. Только ты потом не забудь про меня. Я же твой отец. И, в конце концов, это ведь я начинал тебя учить.

Володя сел на место и повернулся к бармену:

– Воды дай.

Окаменевший мальчик за стойкой, наблюдавший за всем происходящим с бледным лицом, метнулся к холодильнику.

Ник тяжело встал. Потирая плечо, с усилием распрямил спину. Попытался расправить

плечи, но не смог. Сутулый и нелепый, с трудом поднял стул и вскарабкался на него.

– Кирюшенька, плесни мне еще пятьдесят.

– Куда тебе еще? – брезгливо поморщился Володя. – Ты жалок. Иди, проспись.

Отец не отреагировал. Принял рюмку, благодарно кивнул и влил в себя водку. Беленькая пошла паршивенько. Желудок попытался отторгнуть алкоголь, и Ник какое-то время сидел без движения. Только кадык болтался поплавром вверх – вниз, норовя разрешить противоречие.

Насилие над организмом успешно завершилось, желудок капитулировал, водка рухнула вниз и осталась внутри. Во всяком случае, пока.

– Все меня бросили, – проныл Ник. – Да еще родной сын руки распускает.

– Пожалей себя, – жестко сказал Володя, – пожалей, раз больше никто не жалеет.

Ник молча махнул рукой, требуя еще пятьдесят, но уже не в силах это выговорить. Володя опорожнил стакан минералки и слез со стула.

– Где шакал?

– Кто?

– Тинек твой где?

Ник пьяно фыркнул, глупо захихикал.

– Это ты за него мне рожу разбил? Нету твоего Тиника. Он сегодня не работает. Завтра его смена.

– Завтра? – с угрозой переспросил Володя.

– Ну, может, через часок заглянет выпить. Обещал. С ним это случается. Выпей пока со мной, мой мальчик.

Володя вновь поморщился:

– Нет уж. Я лучше на улице подожду.

* * *

Ждать пришлось долго. Володю трясло. Сказывался крепчающий морозец и издерганные нервы. Оставался соблазн вернуться в клуб, шмыгнуть мимо халдея в теплый вестибюль, а то и спуститься вниз, выпить горячего кофе, но он безжалостно отбросил эту мысль.

«Опель» Тиника появился через час с копейками. Володя еще не успел разглядеть в темноте, что за машина подъехала, но понял, что это оборотень, по манере вождения – осторожной, аккуратной, с боязливым уважением к механизму и процессу управления им.

Володя отделился от стены, которую подпирали последние минут десять, и направился к стоянке.

Тинек парковался долго и тщательно, словно ловил миллиметры. Володя остановился через машину от него и наблюдал за процессом со стороны.

Когда оборотень наконец заглушил мотор, Володя метнулся к автомобилю. «Опель» потушил фары. Константин собирался уже выходить, когда Володя рванул пассажирскую дверь и ломанулся в салон.

– Какие люди! – ничуть, казалось, не удивился Тинек.

– Еще скажи, что ты меня учуял, – буркнул Володя, вспоминая, с кем имеет дело, и понимая задним числом, насколько глупо выглядела его игра в прятки.

– Уверенности не было, – оскалился оборотень. – Машина шумит, бензином воняет, все вибрирует – это сбивает немного. Чем обязан?

– Поехали, – приказал Володя.

– Куда? У меня работа.

– Сегодня же не твоя смена, – огрызнулся Володя. – И потом, у меня тоже работа была. Это никого не трогало. Мне нужно увидеть Лейлу.

Тинек резко повернулся, в живот Володе уставился знакомый пистолет.

Вот только страха теперь не было.

– Вылезай из моей машины. У меня дела, завтра утром отвезу тебя, куда скажешь.

Внутри снова за клубилась чернота. Володя придавил желание свернуть оборотню шею. Тем более что справиться с маах'керу одними руками у него силенок не хватит. Разве что при помощи магии, да и то неведомо, выйдет или нет.

Володя рассмеялся зло и обидно.

– Перестань ржать, – Константин показал зубы.

Палец оборотня сдвинул предохранитель.

– Этой штуке наплевать на вашу магию, – предостерегающе сказал Тинек. – Нажму на спуск, и кишки вынесет.

Володя припомнил вопль: «Стой, стрелять буду!» и догоняющего его оборотня на Рублевке. Он был уверен, что Тинек не выстрелит, но на всякий случай сказал, четко выговаривая слова:

– Боишься потерять работу? Вынеси мне кишки и потеряешь все.

Тинек сдался и опустил пистолет.

– Может, для начала Ник сойдет? – бодро предложил он.

– Ника я уже видел.

Володя рефлекторно потер ноющие костяшки пальцев.

– Люди, – фыркнул оборотень. – А еще меня собакой обзывал. Ремень пристегни.

Тинек включил зажигание. Снова загорелись фары, осветив кусок стены клуба. Володя послушно пристегнулся.

Оборотень тем временем достал мобильник и принялся набирать номер.

– Кому звонишь? – напрягся Володя.

– Спокойно, – улыбнулся Тинек, – не распыскивай адреналин, и так дышать нечем. – И добавил в трубку: – Я везу его. Будем через час.

И дал отбой. Машина тронулась. Тинек, как всегда, сцепился взглядом с дорогой.

– Она подъедет, – сообщил он.

– Кто и куда?

– Мать твоя или ты еще кого-то хотел видеть?

– А разве она не там?

– Джинна живут землячествами, – поделился оборотень тем, что Володя знал и без него. – А тот дом, в котором ты был, это... скажем так, место для встреч с чужаками.

– Не дороговато? Особнячище на Рублевке для встреч?

– У «оранжевых» так принято, – пожал плечами оборотень. – Кто-то говорит: показуха, сами джинна отбредухиваются – мол, традиция. К себе они никого не пускают, но там, где встречаются посторонних, все должно быть по высшему разряду.

– А я посторонний?

– А то нет? – оскалился Тинек пуще прежнего. – Кровь в тебе их, но этого мало. Мой дом – моя крепость. Что будет, если каждый встречный будет знать, где ты живешь? Хотя ты понимаешь, каково это.

Тинек продолжал болтать. Володя, не слушая, уставился в окно и смотрел, как плывет мимо город. Красиво подсвеченный, ночной, привлекательный, никогда не спящий, но ставший вдруг чужим и холодным, как и все остальное в этом мире.

А своего, теплого и доброго, оказывается, так мало. Еще совсем недавно ему хотелось побороть зло в себе, зло вокруг, сделать мир чище, а людей счастливее. Каждому, наверное, хочется этого в детстве. И потом хочется. Только все реже. Потому что сделать счастливым того, кто этого не хочет, нельзя. Потому что заставить блюсти чистоту невозможно.

Нельзя срубить одно дерево и посадить на его место другое, такое же взрослое и самостоятельное, но могучее и красивое. Сажать придется саженец. Молодой, слабый и способный меняться. В этом сила и в этом беда. Потому что никто не знает, как надо ухаживать за саженцем и как вырастить из него могучее и красивое дерево. Никто. И опыт прошлых лет ничего не решает.

Не по силам менять мир, пусть даже вокруг себя, – не трогай. Тронул, не ной, что что-

то пошло кувыркком. Может, это имел в виду папа, когда говорил о выборе решений? Чем глобальнее решение, тем больше оно затрагивает жизней. И здесь уже никак нельзя сделать хорошо всем и сразу. Потому что благо для одного становится трагедией для другого.

Если каждому мужику дать в любовницы Памелу Андерсон, далеко не каждый обрадуется такому подарку. И это всего лишь физиология. Самец, самка, сила трения и поток эндорфинов. Что уж говорить о более сложных вещах?

Тинек свернул на Кутузовский и прибавил скорость.

– Ты знаешь, что она убийца? – спросил вдруг Володя.

– Она часть системы. Своей системы. Причем часть значимая. Над ней нет кого-то, кто ограничил бы ее в методах, потому что при желании она может делать все, что угодно.

Все. Например, убивать близких ему людей. Володя почувствовал, как больно сжалось сердце. Внутри снова заворочалось что-то беспощадное, всеокрушающее. Поднялось выше, ударило в голову, туманя мозг. О чем думать? Зачем думать? Они убили папу. И этим похоронили в нем самое то человеческое, что родители возвращали всю жизнь.

И на что эти твари теперь рассчитывают?

Ярость усилилась настолько, что потемнело в глазах. Кровь запульсировала в висках. Володя глубоко вздохнул, отгоняя злую бессмысленную силу. Сквозь гул в ушах проступил голос Тинек.

– Цель для нее оправдывает средства, – продолжал тот. – Цель в данном случае – ты. А средства... Ну, если бы ты не показывал, что этот Часовщик тебе симпатичен, никто бы его не тронул. Зачем? Бьют там, где больно. Там, где ты ничего не почувствуешь, бить смысла нету. Это как дети в Африке. Все про них ноют, но ведь на самом деле всем по фигу. Голодают, и хрен с ними. И если там сотню детей заморят голодом, чтобы ты перестал ужинать в дорогом ресторане, ты ведь все равно не перестанешь. То ли дело, если заморить голодом твою жену или мать.

– Они убили моего папу, – оборвал поток красноречия Володя. Пояснил зачем-то: – Моего приемного отца. Игоря.

Тинек дал по тормозам и ушел вправо, к повороту на Рублевку.

– Извини, не знал, – выдавил он, кажется, искренне.

Какое-то время ехали молча. Каждый думал о своем.

– Ты ведь бросил вызов системе, – поделился наблюдением Тинек. – Сначала влился в нее, а потом, когда на тебя стали делать ставки, решил самоустраниться. А система такого не прощает.

– Да ладно, – отмахнулся Володя. – Я в эту систему не просился, меня в нее Ник затащил. И потом, система прощает и не такое. Вот если я выйду на Красную площадь и начну орать, что президент – ублюдок, это тоже будет вызовом системе. Но максимум, что я получу, это резиной по почкам. Ну, возможно, – привлекут за оскорбление.

– Неудачное сравнение, – заметил оборотень, – но, насколько я понимаю, ты не какой-то горластый сумасшедший. Продолжая твою аллегорию, хоть она и не в тему, допустим, что ты уважаемый и известный писатель или публицист, который обстоятельно начал доказывать, что президент ублюдок. Причем миллионными тиражами. И еще так, что твое существование стало опасным для системы. Думаешь, это простят? Ты фигура, как ни странно это звучит. И либо тебя надо перетащить на свою сторону, либо уничтожить. Первое, разумеется, выгоднее. Поэтому тебя ломают. И сломают.

Оборотень говорил, как обычно, просто, без претензий на истину, но настолько буднично, что верилось каждому слову. Даже там, где с другим бы захотелось спорить, в разговоре с Тинеким почему-то лишь всплывали аналогии в подтверждение слов оборотня.

– Уже сломали, – зло буркнул Володя. – Только перестарались малость.

* * *

«Опель» съехал с Рублевки и на малой скорости покатыл к распахнутым воротам.

Особняк был темным, только три фонаря горели, освещая въезд, стоянку и вход в дом. Да на первом этаже светилось несколько окон.

Тинек въехал за забор, свернул на стоянку. На заасфальтированной площадке стояла лишь спортивная иномарка. Размалеванного огненными сполохами «Рав 4» не было.

– Не приехала еще? – спросил Володя.

– Приехала, – кивнул на иномарку Тинек. – Только одна, без сопровождения.

– Почему это?

– Не знаю, – пожал плечами оборотень. – Могу только предположить.

– Сам скажешь, что ты там предполагаешь, или клещами тянуть надо?

Тинек остановил машину и потушил фары, оставив только габаритные огни.

– Логично предположить, что ехать встречаться с тобой одна она опасалась бы. После ее методов только идиот не сообразит, что у тебя должен быть психический срыв и ты нестабилен.

– Ты психолог, что ли? – рыкнул Володя.

– Вот об этом я и говорю, – спокойно продолжил Тинек. – Твоя мать не идиотка, все понимает. Значит, если сунулась сюда одна, без телохранителей, на то есть очень веская причина.

Володя кивнул. Мысль была здравой. С другой стороны, если осмелилась приехать сюда одна, то либо считает, что легко с ним справится, либо готова рисковать. Выходит, он ей, во-первых, очень нужен, и, во-вторых, следует быть максимально осторожным.

– Спасибо, – Володя протянул руку.

Тинек с сомнением ответил на рукопожатие. Володя чуть подался вперед. Левая рука молниеносно дернулась туда, где должен был находиться пистолет. Что-то сильно сдавило запястье.

Оборотень оскалился, продолжая так же мягко, по-дружески жать руку, а другой чуть оттолкнул Володю.

– Не надо, – мягко произнес он.

– Надо, – Володя отпрянул и откинулся на спинку сиденья.

– Зачем тебе?

– Ты сам сказал, что эта штука способна тягаться с любой магией.

Оборотень кивнул.

– Дай, – попросил Володя. – Иначе мне придется отобрать силой. А ты не маг и стрелять не будешь, так что я с тобой справлюсь.

– Не надейся, – показал зубы Тинек.

– Пара заклинаний, – Володя посмотрел в глаза оборотня, – и пистолет у меня. Но тебе будет больно.

Он смотрел открыто и прямо. Знал, что оборотень при желании может успеть раньше и просто вырубит его физически. Но смотрел, не отводя глаз. Шакал начал нервничать. Это читалось во взгляде. Наконец сдался и отвел глаза.

Володя то ли читал, то ли слышал где-то, что если переглядеть зверя, тот уже не опасен. Насколько это относится к маах'керу, он не знал, но чувствовал, что сейчас переломил волю шакала.

– Мог бы просто попросить, – с обидой пробурчал Константин.

Володя взял протянутый пистолет. Потом поднял лежащий возле коробки передач мобильник Тинек и пальцем сдвинул крышку. Дисплей погас. Володя потрянул мобилкой. С тихим стуком вывалилась батарея.

– Какого хрена ты делаешь? – возмутился Тинек.

– Не хочу, чтоб ты ее предупредил о чем-то прежде, чем я войду. Извини, сам учил никому не верить. Дождись меня.

– Уж кого-нибудь из вас точно дождусь, – проворчал оборотень.

Володя выбрался наружу и зашагал к особняку. Снег поскрипывал под ногами, серебрился в свете фонарей. Снег был свежим, натоптать еще не успели. И, судя по следам,

Лейла в самом деле приехала одна.

Металлическая ручка обожгла холодом пальцы. Дверь была не заперта. Внутри горел приглушенный свет. Володя повертел головой. Коридоры, уходящие направо и налево от холла, были темны. Второй этаж и верх лестницы тонули во мраке. Зато под лестницей тонкой полоской светилась неплотно закрытая дверь.

Сердце застучало сильнее. Кровь прилила к голове, поднимая внутри очередной всплеск животной ярости. Володя стиснул челюсти и пошел вперед.

Ладонью толкнул дверь, шагнул внутрь. Лейла сидела в кресле в дальнем углу комнаты, а точнее, очередного зала невероятных размеров. Левую стену от пола до потолка занимали стеллажи, уставленные книгами. Библиотека выглядела впечатляюще. Свет был такой же приглушенный, как и в вестибюле.

Джинна подняла голову. На лице ее было написано удовлетворение.

– Я же говорила, что ты никуда не денешься.

Он всю дорогу от морга представлял себе, как увидит ее, как скажет пару резкостей и хорошенько влепит за все. Как заставит страдать. Представлял все это в подробностях, когда ехал в клуб. Когда приложил Ника. Когда сидел в машине Тинека. Представлял в разных вариантах, но ни в одном из них не было по-домашнему устроившейся в кресле женщины, говорившей так, словно ничего не произошло.

– Почему ты не позвонила? – глухо спросил Володя.

– Я звонила раньше. И предупреждала. И не один раз. Ты показывал характер. А ведь я говорила, что ты все равно придешь. И намекала, что чем позже ты это сделаешь, тем сильнее будешь жалеть.

– Почему ты не позвонила? – тупо повторил Володя.

– Тебя надо было встряхнуть посильнее. С людьми всегда так. Невероятные таланты компенсирует невероятная лень. Пока не пнешь как следует... А у меня нет времени заниматься воспитанием и уговорами.

Володя прошел к полкам, посмотрел на мать искоса.

– Кажется, теперь начинаю понимать, – тихо проговорил он сквозь зубы. – И чего ты от меня хочешь?

– Вот это уже разговор, – мать изогнулась в кресле. – Я хочу, чтобы ты вошел в полную свою силу. Но этого хотят многие. А если говорить обо мне, то я хочу, чтобы помимо этого ты вспомнил, наконец, откуда ты родом. Слушай свою кровь, мой мальчик.

Володя облизнул пересохшие губы.

– Твою кровь, – проговорил хрипло, голос вдруг перестал слушаться, дал слабинку. – Хочешь, чтобы я стал магом? Как ты? Чтобы я безнаказанно убивал людей, как ты? Чтобы шел к цели, не важно какой ценой?

– Ну, это как раз самое простое, – сказала Лейла. – Все так делают. Мне нужен маг вместо мальчишки. И я его получаю. Неважно, какой ценой.

Кровь снова побежала быстрее, запульсировала, нагнетая недобрую силу. Может, это давала о себе знать та самая кровь джинна, которой в нем была ровно половина? А быть может, он просто перестал быть тем, кем был еще вчера?

– Уверена? – тихо спросил Володя, мысленно готовясь к удару.

– Абсолютно, – сверкнула глазами джинна.

«Хотела, чтобы я был магом? Чтобы как ты? Чтобы убивать безнаказанно? Чтобы цель оправдывала средства? Хорошо!»

Все это вихрем пронеслось в голове. Володя активизировал тело Силы, пуская в ход то единственное боевое заклинание, которым овладел в совершенстве. Моши, с которой он ударил, хватило бы, чтобы завалить слона. «Длинная рука» шарахнула по креслу. Хрустнула поврежденная спинка, но цели он не достиг.

Лейла словно прочитала его мысли и с прытью дикой кошки в последний момент отскочила в сторону. Володя мгновенно повернулся. Увидел короткий жест и летящий в лицо клубок огня.

Он парировал удар, блокировал заклинание щитом в самый последний момент и снова атаковал. Они обменялись еще несколькими ударами. В глазах матери полыхал огонь. Она словно принимала условия игры.

– Неплохо, хоть и предсказуемо. Кое-чему тебя старый понторез научил. А амулет откуда?

– Какой амулет? – сделал непонимающее лицо Володя.

Говорить не хотелось. Он внимательно следил за руками Лейлы, осознавая, что любая ошибка будет последней.

– Я тебя не вижу. Либо ты невероятно натренировался, либо амулет. Ну, только не говори, что смог сам так раскачать тело Силы и научился закрывать его за такое короткое время. Кто навесил на тебя эту побрякушку?

Володя ударил. Тупо, в лоб. Сильно, яростно, но абсолютно бесполезно. Джинна легко ушла от удара.

– Николя постарался? – продолжала она. – Хотя откуда у него что-то стоящее? Это на словах у него весь мир в кармане, а на деле – ничего. И даже если б он заимел такую вещь, никогда бы с ней так бездарно не расстался.

Володя не слушал. Знал, что вслушиваться нельзя. Стоит только развесить уши, потерять бдительность – и все. Бдительности он не терял, потому новый удар не пропустил. Парировал.

– Значит, этот гнус, которому открутили голову сегодня утром. Мерзкий Часовщик. Лез, куда не просят. Я даже не удивлюсь, если тебе его не жалко.

– Зачем тогда? – спросил Володя, одновременно нанося удар.

Джинна не стала парировать, а просто ушла от атаки. Физически мать была в прекрасной форме, двигалась молниеносно, с четкостью профессиональной танцовщицы, которой позавидовал бы и Ван Дамм со своими кинотанцульками. И Володя начал понимать, что она, скорее всего, с ним просто играет, как кошка с мышью.

Что он, первоклашка, со всей своей силой, против опытной «оранжевой», отдавшей магии несколько десятилетий?

– Зачем? – озорно переспросила она. – Знаешь, что такое залповая стрельба? Для чего перебирать тех, кто тебе может быть дорог, по одному, когда можно решить проблему разом?

– Тварь! – рявкнул Володя, понимая, что делает ошибку, но не в силах больше сдерживать ярость.

Волна злости накрыла полностью, окончательно затуманила голову. Перед глазами плыла кровавая пелена, а Володя рванулся в неистовую атаку. Яростно, вбивая в удары «длинной рукой» всю злость, отчаяние, боль и ненависть.

Лейла была очень наивна, если полагала, что, убив папу, сможет заставить его плясать под ее дудку. Перестаралась. А ведь он был ее. Еще утром, когда оплакивал пучеглазого Часовщика Петровича. Он уже был ее.

Теперь нет.

Сейчас он чувствовал, знал, понимал, что никогда не будет двух магов и союза между ними. Либо он, либо она. Один останется жив, второй сегодня умрет.

Кровавая яростная пелена сгустилась до такой степени, что перед глазами стало темно. Ноги подломились, Володя почувствовал, что падает. Скулой врезался в пол, хотя совершенно точно знал, что не пропустил ни одного удара.

Мать подошла ближе, встала над ним, поглядывая вниз с видом победителя. Володя лежал без сил. Темнота перед глазами рассеялась, но слабость была такой, словно неделю валялся с температурой под сорок.

– Знаешь, в чем твоя ошибка, мой мальчик? – назидательно произнесла она, и в ее голосе чувствовался триумф. – Ты слишком мало знаешь и умеешь, чтобы вставать со мной на одну доску. Учись.

Володя хотел послать ее куда подальше, но дыхание вырывалось со всхлипами, а на

слова сил не было.

– Урок номер один. Все планируй. Хотел застать меня врасплох? Не вышло. Я предусматривала и такой вариант. А на что рассчитывал ты? Нацепил амулет, спрятал от меня свое тело Силы. Думал, это спасет тебя? Это может напугать или запутать того, кто тебя не знает. А я знаю твои возможности. И знаю, что я сильнее. А еще я знаю, где находится источник, от которого ты питаешься. Потому что у «Стального щита» есть только один колодец, на который тебя мог настроить твой бездарный отец. Мой ближе. Чтобы восстановиться тебе – нужны десятки минут, чтобы восстановиться мне – минуты. Пусть я не вижу твоего тела Силы, но, зная это, мне не составило труда тебя загонять.

Володя понимал это. Осознавал, что напрасно поддался ярости. Однако в рукаве у него был козырь. Даже два.

Силы возвращались. Он чувствовал это. Но происходило восстановление крайне медленно. А ведь отец предупреждал, что можно надорваться до потери сознания. Или даже умереть от перенапряга. А он колдовал и колдовал, не переставая, начиная с появления в «Метрополь клубе»...

Он попытался подняться, но не смог. Лишь перевернулся на живот. Мать усмехнулась и принялась мерить шагами зал.

– Урок номер два. Никогда не поддавайся на провокации. Если тебя хотят разозлить, самое глупое – злиться.

Володя собрался с силами. Еще раз восстановил в памяти то, что видел когда-то во сне. Прокрутил в уме, как это будет, по секундам. Права на ошибку у него не было.

– Урок номер три. Думай о последствиях, – Лейла остановилась и посмотрела на безвольно лежащего сына. – Я ведь тебя предупреждала, что чем дольше мы с тобой будем договариваться, тем выше будет цена договора?

Володя не пошевелился. Джинна снова возобновила прогулку из конца в конец зала.

– А у тебя есть еще мама и Оля, – приговаривала она сладко и ласково, словно баюкая младенца. – И у Оли, кстати, тоже есть мама с папой. Если этого мало, то можно походя и еще кого-нибудь приложить. Вот, например, на улице в машине сидит шакал.

– Мне плевать на шакала, – хрипло произнес Володя.

– Пусть так, – кивнула мать. – Но это сейчас. А потом ты будешь объяснять это своей совести. У тебя ведь есть совесть. Знаешь, что она тебе скажет? Это ты приволок его сюда. Пусть он шакал во всех смыслах, но он был бы жив, если бы не ты. Он ведь не сделал тебе ничего плохого.

Мать отвернулась и пошла в обратную сторону.

– Далее, ты талантливый мальчик с большим потенциалом. С огромным потенциалом. Но ты не всемогущ. Ты слаб, отсюда урок четвертый...

– Нельзя недооценивать противника, – перебил Володя. – И никогда не поворачивайся к нему спиной.

Джинна мгновенно обернулась и ударила. На это и был расчет.

Упреждая атаку, Володя заранее откатился в сторону. На этот раз джинна потеряла контроль над эмоциями, потому как ударила чем-то более серьезным из арсенала «оранжевых».

Воздух рядом с Володей накалился. Треснуло, будто ударила молния. Через всю комнату и то место, где только что лежал Володя, пролегла узкая длинная полоса огня, словно кто-то хлестнул огненным бичом.

Не думая о том, что было бы, не увернись он, Володя сложил пальцы в замысловатую фигуру и произнес шипящее слово, не имеющее смысла ни в одном из известных науке языков.

И фамильное заклинание сатра из корпуса Мюрата сработало.

До того Володя видел его действие только в странном сне о прошлом.

«Как пиявка присосалась», – буркнул кто-то в его видении.

Володя почувствовал, как мгновенно наполняется тело Силы. Настолько быстро, что в

следующую секунду он не встал, его буквально подбросило. И он знал, что Лейла сейчас с той же скоростью истощается. Мать пошатнулась, но удержалась на ногах. Лицо ее исказилось, глаза стали бледно-желтыми, почти белыми. Во взгляде вспыхнул дикий животный страх.

Джинна не солгала: на то, чтобы восстановиться, ей понадобилось совсем немного. Она начала приходить в себя уже через считанные секунды, но за эти секунды Володя оказался на ногах, полный сил, бодрый и свежий, словно не было изнулившего его поединка.

А вот Лейла попала под власть эмоций, не последней из которых был страх.

Володя выхватил пистолет. Мать снова щелкнула огненным бичом. Походя, не прицельно, чтобы отвлечь противника. Сил на полноценное заклинание у нее еще не было, но и это, неуверенное, заставило Володю отшатнуться.

Книжный шкаф в метре от него оказался прорезанным глубоким жженым рубцом, из которого заструилось веселое, как у разошедшегося костерка, пламя.

Джинна была уже в дверях. Володя вскинул руку и нажал на спусковой крючок. Оглушительно хлопнуло. Но если махать руками и ногами за семь лет худо-бедно научили в секции карате, то стрелять Володя не умел никогда. Руку дернуло отдачей. Дверной косяк вспух расщепленной розочкой.

«Урок номер три. Думай о последствиях», – всплыло в голове.

Перед глазами замелькали лица дорогих, близких и не очень людей.

Ругаясь себе под нос так грязно, как не делал этого никогда в жизни, Володя бросился следом. В вестибюле хлопнула дверь.

Володя выскочил из зала и понесся через холл. Возле входной двери замешкался, пытаясь разобраться с замком. Когда выскочил на улицу, мать была уже в машине. Он рефлекторно вскинул пистолет. Выстрелил вообще непонятно куда и помчался вперед.

«Целиться надо!» – промелькнуло в голове.

Спортивная машина матери заурчала мотором. Володя притормозил, поднял пистолет, пытаясь прицелиться и не понимая, каким глазом это делать, левым или правым. Снова хлопнул выстрел. Пуля улетела куда-то, но явно не туда, куда было нужно. Иномарка вспыхнула дальним светом, лишая возможности прицелиться вовсе, развернулась и рванула к воротам.

Володя метнулся к «Опелю».

Машина Тинек стояла с открытой дверцей. Сам оборотень с трудом поднимался со снега.

– Поехали! – гаркнул Володя.

– С ума сошел? – прохрипел Тинек, присаживаясь на краешек водительского сиденья. – Она меня чуть не убила. В грудь как тараном садануло. Все ваши магические штучки.

Володя вскинул пистолет.

– Она не убила, а я могу. Поехали!

Тинек зыркнул на него исподлобья, скрежетнув зубами, с силой хлопнул дверцей.

– Долбанутая семейка, – прорычал он.

Володя щелкнул ремнем, не дожидаясь приглашения. Машина тронулась, вывернула в распахнутые настежь ворота, покатила к шоссе, на которое уже выехала Лейла.

– Быстрее! – крикнул Володя, размахивая пистолетом.

Тинек пробурчал что-то, но дал по газам и с заносом вылетел на трассу.

«Опель» набрал скорость и помчался к Москве, разбрызгивая мокрый снег из-под колес.

– Быстрее! – подгонял Володя. – Ее надо догнать!

– Я тебе Шумахер, что ли? – огрызнулся шакал.

Он вцепился в руль с такой силой, что пальцы побелели. Лицо оборотня, тоже бледное, напоминало простыню. В глазах дергалась зажимаемая из последних сил паника.

Машина матери удалялась.

– Газу! – рычал Володя, чувствуя, что упускает недобитого врага.

– Какого газу?! – отчаянно взвыл оборотень. – Машина не того класса, чтоб с той в догонялки играть! Про ментов я вообще молчу!

– Вот и молчи. Газуй лучше.

Пролетела мимо табличка с названием какого-то населенного пункта. Хотя тут все пункты – одни сплошные Горки. Замелькали дома, пронесся торгово-развлекательный центр. Впереди светил алым глазом светофор, а поперек шоссе ползла массивная кишка бензовоза.

Красный свет джинна вряд ли остановил бы, но биться в бензовоз не станет даже тот, у кого в жилах вместо крови течет огонь.

Мать притормаживала. Расстояние между ними сокращалось. Бензовоз перекатил через трассу правительственного значения. Иномарка матери рванула с места, не дожидаясь переключения светофора.

– Не тормози! – Володя дернул ремень. – Сбросишь скорость, пристрелю, как собаку. И плевать, что ты шакал.

«Опель» пролетел на желтый и нагнал-таки стартовавшую на красный спортивную машину. Впрочем, разрыв между ними снова начал расти. Володя опустил стекло и высунулся наружу.

– С ума сошел?! – завизжал оборотень, как побитый дворовый пес.

Володя не отреагировал. Выстрелил, не целясь. Впереди что-то звякнуло. Пуля срикошетила. От хоть какого-то попадания в душе взвилось чувство близости победы.

Он принялся жать на спуск, не слыша за ревом мотора и гудением воздуха, как хлопают выстрелы.

На пятый раз вместо отдачи пистолет лишь вяло трепыхнулся. «Опель» забрал немного в сторону. Машину мотнуло, и Володя посчитал за благо всунуть голову в салон.

Тряхнул пистолетом.

– Чего с ним?

– До восьми считать умеешь? – злобно процедил Тинек.

Володя выматерился.

– Тогда бортуй ее.

– Кино насмотрелся, щенок?! – взвизгнул оборотень на удивление высоко. – Для того чтобы бортовать, ее догнать надо!

– Догоняй.

– Машина другого класса. Это как «Боинг» догонять на «кукурузнике», – прорычал Тинек, но выжал из несчастного «Опеля» последнее, на что тот был способен.

И это дало результат. А может, мать сбавила обороты. Так или иначе, расстояние между ними сократилось. Зад спортивного автомобиля был виден уже совсем рядом.

– Жми! – заорал Володя.

Дорога изогнулась. Машина матери свернула в сторону. А преследовавший ее «Опель» все еще неся прямо.

Володя заорал что-то непечатное. Тинек взвизгнул в тон ему с окончанием на «мать», заработал рулем и педалями. Машина теряла скорость невыносимо медленно. «Опель» швыряло из стороны в сторону.

А потом... Видимо, Тинек нажал на тормоз сильнее, чем было можно. Машину раскрутило и понесло совсем уж невероятным образом. Понять что-либо было невозможно. Потерю скорости компенсировал занос.

Автомобиль ударило, подбросило, снова ударило. Пол и потолок, судя по ощущениям, несколько раз поменялись местами. «Опель» швырнуло в кювет. От последнего удара Володю рвануло вперед. Он испугался, что вынесет головой лобовое стекло, но то уже царапало осколками щеки, осыпаясь крошкой. А через зияющую пустоту с водительского сиденья вылетало что-то небольшое, лохматое.

Потом возникло ощущение, что и он летит куда-то, уже отдельно от машины. Тряхнуло последний раз, и все закончилось.

Несколько секунд Володя лежал, не двигаясь, прислушиваясь к ощущениям. Снег, в

который он врезался, казался горячим.

Володя пошевелился. Кости, по всей вероятности, были целы. Только саднило плечо. Рублевка светилась чуть в стороне. Рядом валялся на боку покореженный «Опель». Подвывала милицейская сирена.

– Сука! – выругался Володя.

– Кобель, – поправил из темноты голос Тинека.

Володя обернулся. Маах'керу, прихрамывая, подошел к нему. Оборотень был нагим и выглядел паршиво. Рожа исцарапана, нога, похоже, подвернута. Он нырнул в помятую машину, выудил шмотки и принялся поспешно одеваться, походя стряхивая с тряпок осколки.

– А вот ты – сука.

– Ты зачем перекинулся? – проигнорировал выпад Володя.

– Я же тебе говорил, – огрызнулся тот. – В определенных случаях это происходит непроизвольно.

– Обосрался, – поддел Володя.

– Смотри, сам не обделайся, – фыркнул шакал, накидывая куртку, и кивнул в сторону.

Там стояла, мигая проблесковым маячком, милицейская машина. От нее уже бежали два мента.

– Влипли, – тоскливо сообщил Тинек.

– Я тебя отмажу, – пообещал Володя. – И больше никогда не становись мне поперек дороги. Убью.

– Спасибо тебе, Константин, что рисковал своей шкурой. Извини, что ты из-за меня чуть не угробился и похоронил машину, – приторным голосом продекламировал Тинек.

Но Володя уже не слушал, он сосредоточился.

– Живы там? – позвал грубый голос.

– Живы, – отозвался Володя и пустил в ход магию.

Последовала трехэтажная конструкция, после чего из-за «Опеля» показались один за другим оба милиционера.

– Вы чего творите, сопляки? – начал один, но споткнулся на полуслове.

Володя прекрасно его понимал. Заклинание начало действовать, и перед стражами закона оказался не парень лет двадцати, которого они могли видеть издалека, а коренастый крепкий мужик с волчьим взглядом и глубокими залысинами.

– Не кипиши, – проговорил Володя, удерживая иллюзию на себе и одновременно внушая ошавевшему милиционеру, что в руке у него удостоверение капитана отделения собственной безопасности. Вот тут игодились выкачанные у матери силы. – Тут дело такое...

Какое тут дело, он придумать не смог, потому загадочно замолчал.

– А этот, – добавил после паузы, кивнув на Тинека, – вообще ни при чем. Гражданский, помогал офицеру при исполнении. За что и пострадал. Так вы его оформите как своего.

– А... – начал было один, но Володя перебил:

– А я на днях к вам загляну, и перетрем. Бежать мне надо.

Володя улыбнулся и пошел к дороге. Оглянулся на ходу и крикнул:

– Вы мужика только не обижайте. Помогал как-никак.

Менты переглянулись и дружно посмотрели на Тинека.

– Чего? – плаксиво промямлил оборотень. – Тачке кабздец.

Один из ментов оглядел покореженное железо:

– А ей сколько?

– Меньше года.

– Ну, тогда ничего, – добродушно протянул тот. – Страховая тебе новую купит. Пошли оформляться.

И милиционер бодро потопал к машине. Тинек рыпнулся следом, но его приостановил второй.

– Чего? – не понял оборотень.

Мент помялся и ткнул пальцем в грудь Константину. Сказал тихо, словно боялся потревожить спящего:

– Слушай, мужик, а в вашей машине мальчишка с собакой не ехал?

Оборотень состроил гримасу и посмотрел на сотрудника милиции, как на идиота:

– Какая собака? Какой мальчик? Вы чего курили? Этот бугай тормознул, коркой светанул и сказал: «Поехали». Доездились, твою мать, – он обиженно взвыл и посмотрел на убитую машину.

– Ладно, – кивнул мент смущенно. – Проехали. Только ты моему напарнику не говори... ну про то, что я у тебя спрашивал.

Глава 13

По утреннему шоссе ехали редкие машины. Основная масса москвичей еще только разлепляла глаза, а то и вовсе досматривала последние сны под тиканье безжалостных, неумолимых будильников.

Впрочем, даже если бы уже рассвело окончательно и дорогу забили автомобили, вряд ли кто-то из водителей обратил бы внимание на облезлую хроющую собаку, что трусила по обочине, печально глядя перед собой и держа в зубах набитый полиэтиленовый пакет.

Но вот что странно: лопоухой дворнягой заинтересовались из шикарной спортивной иномарки.

Иномарка притормозила и поехала медленно, катя вровень с собакой. Собака недовольно и недоверчиво косила на машину глазом. Так они двигались с минуту, затем остановились синхронно, как по команде.

Дверца распахнулась. Женщина, сидевшая за рулем, перегнулась через пассажирское сиденье и, высунувшись наружу, позвала:

– Ну, иди сюда.

Собака сделала несколько неторопливых шагов вперед, словно размышляла, стоит ли связываться.

– Ну не дуйся, – заговорила женщина, как со старым знакомым. – Залезай. И чего ты бродишь в этом облике?

– Грррр, – утробно выдал пес.

– Перестань, – продолжала уговаривать женщина. – Подумаешь, толкнули его. Не сильно я тебя и пихнула.

Собака снова тихо взрыкнула.

– Я куплю тебе новую машину, – пообещала женщина. – Мне нужна всего лишь небольшая услуга.

– Грррр, – повторил пес и показал зубы.

– Я заплачу.

Собака отвернулась и, кажется, собралась уходить.

– Я заплачу вдвое сверх обычного. И новую тачку тебе подгонят к бару сегодня вечером.

Дворняга остановилась, постояла в раздумьях, словно взвешивала все «за» и «против».

– Залезай в машину, не лето. Салон промерзнет, – поторопила женщина, отстраняясь.

Пес подошел к автомобилю и словно питомец Куклачева сиганул внутрь.

Если бы кто-то наблюдал эту сцену со стороны, то заметил бы, что на переднем сиденье, справа от водителя, куда только-только запрыгнула собака, оказался голый вихрастый мужчина с поцарапанной физиономией.

– Чего надо? – недовольно поинтересовался Тинек, вытаскивая из пакета шмотки. – Опять за твоим безумным отпрыском следить?

А потом дверца захлопнулась, и машина покатила дальше.

Володя устроился на детской площадке напротив Олиного подъезда.. Он залез в деревянный домик и промерз там полночи, но зато заметить его здесь не мог никто, а он видел все, что происходит возле дома.

Маме он позвонил еще среди ночи. Она не спала, и от ее голоса у Володи защемило сердце. В нем было все: боль от потери мужа и злость на сына, который в такой момент убежал куда-то, и страх за него, и жалость к нему и его страданиям.

Володя попытался придать голосу твердость, но вышло кое-как.

– Мама, это я.

– Ты где?

– Со мной все в порядке, – тихо сказал он. – Я буду утром.

– Тебе не кажется, что сейчас стоило быть дома? – Володя сглотнул подступивший к горлу ком. Хотелось пожалеть, утешить, приехать к ней прямо сейчас. Хотелось говорить с ней. И плакать хотелось от боли и жалости.

«Не сейчас», – одернул он себя.

Теперь, когда нет папы, стержнем должен быть он. Решать должен он. И терпеть должен тоже он. Даже если очень хочется мягкости. Бывают случаи, когда она невозможна, излишня, губительна. Потому что он стержень. И либо все крепится вокруг него, либо все развалится. Семья – живое существо, а любое живое существо не может жить бесхребетным. Существовать может, прозябать, пресмыкаться, но не жить.

– Я буду утром, – твердо повторил он. – И все расскажу. Но ты должна обещать мне...

Володя замолчал.

– Что? – устало произнесла трубка.

– До утра ты никуда не выйдешь из дома. Ты одна?

– Одна, – непонимающе ответила мама.

– Хорошо. Никому не открывай. Никому, понимаешь? Даже если там будет милиция. Даже если ты в глазок увидишь меня. Даже если я буду умолять меня впустить, истекать кровью и говорить, что за мной гонятся бандиты. Никому.

– Володя, что... – начала мама, но он оборвал:

– Ни-ко-му. У меня есть ключ, я войду сам. Пока я не приду, лучше вообще не подходи к двери.

– Что происходит? – спросила мама с еще большей тревогой.

– Я все расскажу утром, – пообещал Володя. – Только заклинаю, никому не открывай!

И он отключил телефон.

Под утро совсем приморозило. Володе было холодно. Плечо распухло и болело, постоянно хотелось чесать посеченное стеклами лицо. Ныли пострадавшие ребра.

Неплохо было бы подвигаться, разогнать застывающую кровь. Но выйти из своего убежища раньше времени он опасался, а внутри детского домика было не развернуться.

Володя поприседал, но теплее не стало. Только замерзшие мышцы охотно отозвались болью. Надо было бутылку водки, что ли, с собой прихватить. Да нет, тогда бы не досидел до утра.

Рассвело. По двору заскребли лопатами дворники в оранжевом, по большей части гости из теплых краев. Москвичи никогда не стремились самостоятельно чистить улицы, словно были выше этого. Притом всегда пренебрежительно относились к тем, кто убирал за ними мусор, и гнули про «понаехали».

Всякий раз, думая об этом, Володя злился на земляков. Но сейчас мысли были далеко от всех бытовых перипетий. Под мерный шорох лопат он начал клевать носом. Веки стали свинцовыми, мысли улетели куда-то.

Ну нет... Не спать! Еще замерзнуть не хватало.

Он встал, присел раз-другой и вернулся на место – на крохотную скамеечку, а вернее, доску, пришитую на двух кронштейнах к стенке домушки. Показалось, что стало легче. Он

даже почувствовал себя проснувшимся. Тело продолжало ныть.

Володя привалился здоровым плечом к стенке. Прислушался к ощущениям.

«Шварк, шварк, шварк», – мерно пели лопаты.

* * *

Ноги замерзли. Пальцы уже почти ничего не чувствовали.

«Шварк, шварк, шварк-шварк. Шварк, шварк, шварк-шварк...»

Через двор побежали первые граждане, спешащие на работу. У скамейки постоял мужик с сигаретой. Невыспавшийся, ежащийся, он смотрел, как его собака, молодой дурной бигль, помечает чахлые деревца и детские лесенки, горки, качели. Периодически глядел на скамейку, но так и не решился сесть.

«Шварк, шварк, шварк-шварк...»

А потом вместо мыслей понесся какой-то неконтролируемый поток сознания, и Володя отключился.

* * *

...В квартире было пусто. Нет, мебель осталась на прежних местах. Висели в коридоре папины миниатюрки с изображением исторических событий и портретики давно почивших, но сохранившихся в памяти потомков деятелей. Даже компьютер работал в Володиной комнате, хоть родители и злились, что не выключает, а только монитор гасит. Все было на месте. Но в каждом из этих мест чего-то не хватало.

Дом словно ослеп. Стояли утренние сумерки, скрадывая четкость окружающей обстановки. Делая все серым, ровным и одинаковым.

Дом словно оглох. Не было жизни. Не тикали часы, не шумела вода, не шкварчал на плите завтрак. Только мерно гудел системный блок под столом.

Дом превратился в глухое, тусклое место без цвета и запахов. Словно болото, где все мертво, а если что-то и треснет, разрывая безжизненную тишину, то не живое, а прогнившее и надломившееся под собственным мертвым весом.

Мама была здесь. Она не спала. Сидела у стола и неподвижно смотрела в одну точку. Потом вдруг прятала лицо в ладонях и принималась раскачиваться, как сутулый, покореженный маятник.

Она сидела молча. Одна. В пустой мертвой квартире. Молча сходила с ума от боли, тоски, страха и неизвестности.

Мама вновь замерла, уронив руки на колени. Взгляд, опустошенный и страшный, опять уткнулся в одну точку. Ни звука, ни слезинки...

* * *

Володя вздрогнул и проснулся. Сердце заходило от тоски. Ноги совсем онемели от холода. Плечо продолжало болеть. В груди царапало при каждом вздохе. Он закашлялся. Только этого еще не хватало.

Он достал телефон и посмотрел время. Без четверти восемь. Сейчас должен уйти на работу Олин папа, через полчаса мать. Тогда он сможет подняться к Ольге и перехватить ее до того, как она сама побежит на учебу. Главное – момент не упустить.

Володя выглянул из окошка детского домика и принялся следить за подъездом. Последний раз занимался подобной ерундой в детстве, когда играли с пацанами в войнушку. Хотя почему ерундой? Тогда, в детстве, все было по-настоящему. А сейчас, хоть и выглядело фантастикой... Володя тряхнул головой. К черту такие мысли. Лучше думать о чем-нибудь другом. О чем угодно.

Перед глазами возникло последнее видение. Первый раз за все время он видел картинку

не из прошлого, а из настоящего. Прошлым увиденное быть не могло. В прошлом дом жил. И был папа. Будущим тоже не могло. Володя знал, что станет делать, и был уверен, что в будущем в этой квартире маме не придется сходить с ума от горя и одиночества. Мамы там не будет. Никогда.

А планы его теперь никто не нарушит, разве что его самого убьют. По-другому не остановить.

Хлопнула дверь подъезда. Володя увидел Михаила Евгеньевича, Олиного папу. В мохнатой ушастой шапке и очках, с суровым видом. По нему можно было сверять часы. И обычно, когда Володя видел его, сразу же возникало желание вытянуться и проверить, все ли с твоей одеждой в порядке.

Отец Ольги был человеком неплохим, но на любое существо мужского пола, появляющееся рядом с дочерью, смотрел как на потенциального врага и мгновенно начинал искать, к чему придраться. Однажды Володя, придя в дом, не поздоровался с ним. И хотя отец Оли висел в это время на телефоне, это не помешало ему надолго затаить обиду.

Володя улыбнулся воспоминанию. Сейчас обиды Михаила Евгеньевича его не волновали.

Олин отец уселся в машину и укатил.

Мама Оли вышла немного позже обычного.

Проводив взглядом спину потенциальной тещи, Володя на полусогнутых вылез из убежища. С трудом распрямил спину, расправил плечи. Болело все. Ноги и руки потеряли чувствительность. Лицо перекосило от холода. Володя чертыхнулся и понял, что заиндевелившие губы тоже слушаются плохо.

Огляделся. Никаких признаков слежки видно не было. Вообще никого постороннего, ни знакомого, ни незнакомого, он не обнаружил. Интересно, что происходит? Лейла взяла тайм-аут? Или тоже где-нибудь разбилась посреди ночи? А может, выясняет отношения со своими лысыми парнями?

Так или иначе, сомнительно, что они опустят руки после того, что уже произошло. Значит, их появление – дело времени. И надо использовать это время.

Володя поспешил к подъезду, натянул непослушным пальцем код и вошел внутрь. Прогнорировав лифт, поднялся по лестнице. Позвонил в дверь. Раз, другой. На третий открыли. Оля уже собиралась выходить. На ней был шарф, шапка и один сапог. Второй сапог обуть она не успела и выскочила на лестницу, скособочившись – одна нога на шпильке, вторая в тапке.

– Вовка, – выдохнула Оля. – А с лицом что?

– Ерунда, – улыбнулся он. – На машине неудачно прокатился. У тебя горячая вода и чай есть?

* * *

Объяснять он ничего не стал, только дал понять, что учиться она сегодня не идет. Залез в ванну, чего никогда раньше тут не делал, и долго стоял под душем.

После душа почувствовал себя лучше. Усталость ушла, боль немного отступила, к пальцам вернулась чувствительность. Володя порадовался, что не успел, кажется, ничего себе отморозить.

Выбравшись из ванны, растерся мохнатым полотенцем, с долей брезгливости натянул на себя промерзшую одежду. Вернулось ощущение жестокой реальности.

Володя повесил полотенце, включил воду и достал мобильник.

– Алле, – сонно пробормотала трубка голосом Потапкина.

– Привет, – поздоровался Володя. – Это Володя.

– Какой Володя? Вовка, ты, что ли?

– Да. Ты еще спишь?

– Считаю, что уже не сплю, – безвременно разбуженный Андрюха явно приходил в

себя. – Я, наверное, к третьей паре подъеду, потрешим. Или у тебя чего-то срочное?

– Мне нужна помощь, Андрей, – сказал Володя. – И кроме тебя обратиться не к кому.

– Что случилось?

Володя задумался на секунду. Не объяснять же сейчас все по телефону. Да и вообще все объяснять Андрею не надо. Ради его же блага. А уместить все это в одну фразу, чтобы не возникло лишних вопросов...

– У меня вчера папу убили, – тихо сказал он.

– Ох, ни х...

– И мне надо уехать на время, – продолжил Володя. – Остальное расскажу, но не по телефону.

Вводная сработала. Потапкин слушал внимательно, не перебивая. Пару раз крякнул, один раз присвистнул, но больше ничем своей реакции не выдал.

– Это все? – спросил, когда Володя закончил.

– Все.

– Шпионский боевик напоминает, – сказал Андрей. – Ладно. К обеду буду.

– Спасибо, – поблагодарил Володя.

– Было бы за что. Я вот искал повод в универ не ходить сегодня и никак не находил, а ты мне его сам подsunул и еще спасибо говоришь, – нарочито бодро сообщил Андрей и добавил дежурные, но искренние слова: – Ты держись там.

– Держусь, – бросил Володя и отключил телефон.

Держись. «Хорошее» утешение для того, кто растворился в своем горе и ждет от мира сочувствия. Володя понял вдруг удивительно ясно, что сочувствие ему не требуется. И поддержка не нужна. Внутри все как пересохло. Боль и тоска оставались, но прятались где-то очень глубоко. Он не мог сейчас скорбеть. На это не было ни сил, ни времени. Надо было спасать то, что осталось.

Прав был папа. Нельзя жить прошлым. Помнить нужно, но жить надо живым, а не умершим. Потому что, растворившись в ушедшем, легко потерять то, что осталось.

Он выключил воду и вышел в коридор. Оля ждала на кухне с чашкой горячего кофе. Володя сел к столу, втянул ноздрями бодрящий аромат, думая, с чего начать.

Ольга молчала. Володя набрался решимости.

– Представь, что тебе нужно уехать срочно и надолго, – начал он и сделал глоток. Слова давались с трудом.

– Как надолго? – спросила Оля, словно понимая все и словно подбадривая.

– На год. Может, на три. Может, на десять. Может, навсегда. Ты знаешь, что бы ты взяла в дорогу?

– Н-наверное, – уверенности в голосе не было.

– Тогда собирайся, – твердо сказал Володя.

Оля вздрогнула. Посмотрела с недоверием. В глазах боролась решимость бросить все ради любимого человека и непонимание, зачем все это нужно.

– Оленька, ты сейчас начнешь собираться, а я буду тебе рассказывать, – мягко, но настойчиво сказал он. – Когда я тебе все расскажу... если ты посчитаешь, что все это того не стоит, я извинюсь и уйду. Только ты начинай складываться, потому что у нас очень мало времени.

Он взял чашку с кофе и пошел в ее комнату. Она появилась через минуту с большим дорожным чемоданом. Чемодан в раскрытом виде шлепнулся на диван рядом с Володей. Ольга распахнула шкаф и принялась вынимать вещи.

Оба молчали. Володя долго собирался с мыслями и силами, не зная, с чего начать. Первые фразы выходили кривыми, бескостными, как текучие формы на подпорках с картин Дали. Потом пошло легче.

Володя говорил тихо, но эмоционально. Словно переживая заново последний месяц жизни. Говоря о магии, подкрепил слова парой эффектных фокусов, чтобы разом похоронить все сомнения. Зажег на ладони живой огонек – настоящий, не иллюзию, и отвел девушке

глаза, сделал себя невидимым.

Он рассказал ей все. Не потому, что она могла помочь. И не потому, что не пытался уберечь ее от неприятностей. Здесь было другое. Ей нужно было понимание ситуации, чтобы легче было ему доверять. Ему нужно было ее доверие.

То, что Володя говорил ей сейчас, переводило их отношения на новый уровень. Или ставило на них жирный крест.

Когда он закончил, она уже не собиралась. На диване лежал битком набитый чемодан, а Оля стояла возле шкафа, сложив руки внизу живота, и с болью и ужасом смотрела на него.

Володя опустил взгляд. Ему казалось, что он зря затеял все это. Что ни одна современная девушка не воспримет такое. И даже Оля, которая его любит, укажет ему сейчас на дверь или закатит истерику, а потом начнет раскладывать вещи по местам, костеря его последними словами.

На краю зрения что-то мелькнуло. Володя не хотел поворачиваться, не хотел смотреть, как вещи возвращаются на полки шкафа. Хоть и знал уже совершенно точно, что она вынимает из чемодана то, что недавно туда положила.

Он не видел, как она плачет. Ольга вышла из комнаты. Володя поднял глаза на чемодан, из которого в самом деле вытряхнули половину вещей.

«Вот и все», – пронеслось в голове.

Володя тяжело поднялся с дивана, чувствуя, как внутри снова рушится что-то важное. Падает какая-то опора, одна из тех, на которых стоит его душа. И с каждой рухнувшей опорой душа эта держится все слабее, норовя сорваться и улететь вниз, в черную холодную бездну.

Ольга вошла тихо, всхлипнула, утерла рукавом слезы. Бросила на пол спортивную сумку.

– Господи, Вовка, сказал бы сразу. А я тут собираюсь, как в кругосветное путешествие, – сказала, удерживаясь, чтобы не разреветься, и улыбнулась вымученно.

Володя притянул ее к себе, обнял изо всех сил и поцеловал в макушку. Она уткнулась ему в грудь, все еще всхлипывая. А он зажмурился, чувствуя, что и сам сейчас расплчется, только от счастья, что есть рядом Человек. Друг, любовница, жена.

В последнем он больше не сомневался.

* * *

Передвигаться на своих двоих по городу Володя не рискнул. Вызвал такси. Повторные сборы были недолгими. Оля быстро и толково набила сумку. Делала это как человек, готовящийся уходить на войну.

Сумка стояла на тумбочке в прихожей. Оля с Володей сидели здесь же и ждали звонка.

– А как же мама с папой?

– Они не поедут, – ответил Володя. – Или ты сможешь им все это объяснить? Объяснить так, чтобы поверили, бросили все и помчались на край света?

– Надолго это?

– Я уже сказал, может, на год, может, на всю жизнь.

– От чего это зависит?

– От того, удастся ли мне как-то уладить эту ситуацию, – сказал Володя.

– А как ее можно уладить? – Оля отчаянно размышляла, но не находила решений. – Может быть, обратиться в милицию?

– Милиции даже я могу мозги запудрить, – развеял иллюзии Володя. – Чего уж о них говорить?

– Но они же не боги. Должен же быть кто-то, кто стоит над ними. Какие-то законы, в конце концов. Хоть что-то или кто-то, кому можно на них пожаловаться. Ведь не бывает такого, чтобы нельзя было никому пожаловаться.

Последняя фраза прозвучала настолько наивно и беспомощно, что Володя улыбнулся.

Мягко, по-отечески, с потаенной горечью.

– Сплошь и рядом, – тихо сказал он.

От необходимости продолжать разговор его избавили аккорды «Тореадора».

Володя прошел на кухню, выглянул в окно. У подъезда светилась желтая крыша с шашечками. Вокруг вроде бы все было спокойно. Он вернулся в коридор, взял сумку, закинул на плечо и открыл дверь.

На площадке тоже обошлось без сюрпризов. Оля заперла квартиру, вызвала лифт. Володя молча покачал головой и кивнул на лестницу. Шли не торопясь, стараясь не шуметь. Но опасения оказались напрасными.

Их никто не ждал. Ни в подъезде, ни на улице. И это затишье его пугало. В такси он назвал адрес и попросил у водителя телефон. Набрал номер. В трубке раздались гудки. Долгое время никто не отвечал, и Володя начал было уже паниковать, когда раздался щелчок и безмерно уставший голос сказал:

– Алло?

– Мама, – с облегчением выдохнул он. – Mamочka, я уже еду.

* * *

Мама встретила тихая и покорная. Увидела расцарапанное лицо сына, но смолчала. Только тронула чуть дрогнувшими пальцами его щеку.

Оля поздоровалась, тоже тихая, как мышь. Женщины прошли на кухню. Володя нырнул в комнату, быстро переоделся. Дернул с верхней полки шкафа спортивную сумку, с которой в свое время мотался на тренировки, быстро побросал туда кое-какие вещи, документы, фотоаппарат. Раскурочил семейную кубышку, вытряхнув все деньги, что там были.

Вышел в коридор, но на полдороге к кухне остановился. Что говорить? Как говорить? Ольге он рассказал все без утайки, так было надо. На маму он все это вывалить не мог. Так было нельзя. Володя прислушался.

Оля с мамой тихонько переговаривались. Мама поила Ольгу чаем. Словно найдя в этом чаепитии что-то привычное, оставшееся от той жизни, которую она понимала. Нашла и хваталась за это, как утопающий за соломинку.

Володя собрал волю в кулак и вошел в кухню. Мама поставила чашку и перед ним. Села напротив и посмотрела ему в лицо в поисках ответов. Володя не торопился.

– Тебе надо пойти в милицию, – тихо сказала мама. – Они черт знает что подумали, когда ты убежал. Еще не хватало, чтобы они приняли тебя за убийцу.

– Наплевать, что они подумали, – сухо ответил Володя.

– Что происходит? – задала, наконец, мама вопрос, который уже сутки висел в воздухе.

– Я знаю, кто убил папу, – быстро проговорил Володя. – И еще я знаю, что нам нужно уезжать.

– Куда? – спросила мама.

– Как можно дальше.

– Ты с ума сошел, – голос мамы зазвенел на грани истерики. – Я должна похоронить папу, и... и я не поеду никуда.

– Поедешь, – отрезал Володя жестко. – Потому что я не хочу хоронить вас двоих.

– О чем ты говоришь? Кто убил папу? Что ты знаешь, скажи уже что-нибудь, наконец!

Мама выпалила все это чуть ли не на одном дыхании и уставилась на сына в ожидании ответа. Володя почувствовал себя зажатым в угол. Спас звонок в дверь.

– Я открою! – он вскочил и вышел.

Прежде чем открыть, посмотрел в глазок, чего никогда в жизни не делал. На площадке стоял Потапкин. И хотя Володя был уверен, что за дверью друг, рефлекторно приготовился к тому, чтобы бросить заклинание.

Кроме Андрюхи, на лестнице никого не оказалось. Володя впустил друга и закрыл

дверь.

– Что происходит? – с порога спросил Андрюха.

– Вы сговорились, что ли? – устало выдохнул Володя, пожимая руку Потапкину. – На кухню пройди, расскажу. Сразу всем, чтоб лишний раз не трещать об одном и том же.

С кухни доносился тихий вкрадчивый голос Оли:

– Это секта. Володин отец был ее членом.

– Игорь? – ужаснулась мама.

– Нет, его настоящий отец.

Володя с Андреем вошли в кухню. Ольга замолчала. Андрей кивком поприветствовал женщин.

– Вовка, я расскажу? Или ты сам?

– Расскажи, – кивнул Володя и с благодарностью поглядел на Олю.

Она рассказывала практически все так, как происходило на самом деле. Только с ловкостью фокусника выбрасывала из повествования магические подробности. Не было джинна, не было магов, не было шакала-оборотня. Не было лишних опасных деталей прошлой ночи. Но была пугающая секта.

Володя слушал с благодарностью, чувствуя удовлетворение оттого, что ему не приходится ничего придумывать и привирать. И чувствуя неуместное немного счастье, ведь у него есть Оля. Пусть во многом еще девчонка, но уже женщина, которой можно доверить свой тыл. А прикрытый тыл – главное для мужчины.

Ольга закончила. Мягко, но настойчиво увела маму в комнату. Несмотря на протесты, уредила собирать вещи.

Володя остался наедине с Потапкиным. Тот сидел на табуретке и изучал синюшную традесканцию в горшке. Володя встал, прикрыл дверь и вернулся к столу.

– Сделал?

Андрей поднял с пола сумку, поставил на колени. Вжикнула молния. На стол шлепнулись несколько конвертов из плотного картона.

– Симки, – пояснил Потапкин. – Три номера. Зарегистрированы на моего соседа и двух его собутыльников.

– А если их тряханут, не сдадут?

– Брось. Они и так синячат по-черному. Все мозги давно пропили. И потом, я им за это дело в благодарность проставил. Причем столько, что завтра они и не вспомнят, откуда денег на бухло взяли.

Володя кивнул. Андрей снова запустил руку в сумку. На этот раз выудил два бумажных прямоугольника.

– Билеты на самолет.

Володя протянул руку. Пробежал глазами. Вскинулся:

– До Абакана? Андрюха, я же просил...

– Я знаю, что ты просил. Просто я подумал... Ты же знаешь, у меня дед год назад умер. Дом остался. Мать хотела продать, но я против. И дед там умер, и отец. В общем, неправильно это. Это Красноярский край. Село Ермаковское. От Красноярска пятьсот километров, от Абакана сто.

Потапкин вытащил из сумки связку ключей и сложенный вдвое лист бумаги.

– Дом все равно пустой стоит. Какая разница? Так хоть приглядите. И потом, все ж лучше, чем снимать. И бесплатно. А деньги, они всегда пригодятся.

Андрей потупился и бубнил как-то совсем смущенно. Подтолкнул пальцами ключи. Звякнуло.

– Короче, вот ключи и адрес. Сто километров от Абакана, – повторил он. – Уж там точно никто искать не станет. А если станет, не найдет.

Володя смотрел на смущенного Андрюху, и внутри теплое удивительное чувство. Словно на месте обвалившейся опоры, под висящей в темноте душой сейчас создавалась и крепла новая.

Подчиняясь порыву, Володя встал, подошел к Андрею и обнял его. Крепко, по-мужски. Хлопнул по плечу.

– Спасибо тебе. Большое спасибо.

– За это? – Потапкин кивнул на ключи.

– За то, что ты есть. А за это я твой должник.

– Тогда, – прищурился Андрей, – можешь отдать долг прямо сейчас.

– Каким образом?

– Скажи правду. Про секту это все складно, но для твоей мамы. Она дома сидит и жизнь только через телевизор видит.

– А ты?

– А я думаю, что секта – это туфта. Не клеится что-то.

Потапкин смотрел пристально и требовательно. И Володя сдался. Выглянул в коридор, затем прикрыл дверь поплотнее и вернулся к столу. Хрустнул пальцами, разминая суставы, и нарочито широким жестом наложил заклинание, да еще и выбрал то, что посложнее.

Для Потапкина на момент кухня погрузилась во мрак. Когда мрак рассеялся, на месте Володи сидела рыжая девка с глубоким декольте. Андрюха зажмурился и затряс головой. Володя снял заклинание, понимая, что сейчас, после бессонной ночи, такую сложную иллюзию не удержит больше нескольких секунд.

– Как ты это делаешь? – ошалело спросил Потапкин.

– Что – это? – уточнил Володя.

– Ну... свет выключаешь.

– Я ничего не выключал. Это иллюзия. Все осталось, как и было. Просто тебе казалось. Я маг. Те, кто гонится за мной, – тоже.

– И все? – с глуповатым видом спросил Андрей.

– И все. Остальное правда. Только теперь тебе лучше обо всем этом забыть. И еще, на всякий случай, для всех – мы с тобой не друзья и даже не близкие приятели. Иначе ты – мое слабое место. А я не хочу, чтобы они тебя тоже...

– Убили? Охренеть, дайте две, – не сдержал эмоций Андрюха. – Заметано. Слушай, а то, что ты баба, мне тоже казалось?

Володя кивнул.

– И ты так кем угодно можешь?

– Да.

– А почему именно баба?

– Для наглядности.

– Педик, – подвел итог Потапкин.

Глава 14

Сборы заняли неожиданно много времени.

Пока складывали вещи, Потапкин долго и со вкусом рассказывал про соседей и про то, что да как обстоит в поселке. Володя не перебивал. Времени до самолета было много, и маме с Олей лучше сейчас слушать Андрюхины байки, чем предаваться безрадостным мыслям.

Володя выпотрошил мобильники и поменял сим-карты. В память вогнал только свой новый номер.

Ольга порывалась позвонить родителям, но он ей категорически запретил. Володя методично прошелся по табу: не писать, не звонить, не пользоваться Интернетом. Вся связь через мобильник и только с ним.

– А ты? – спросила мама.

– Утрясу дела и приеду, – пообещал Володя. – Ждите меня. И не подведите.

– Ты так решил все, – с грустью произнесла мама. – За всех.

Володя промолчал. Спорить с очевидным не было смысла, подтверждать очевидное – тоже.

– Ты очень повзрослел.

И сказано это было так, что Володя посмотрел на маму. Посмотрел и понял вдруг совершенно отчетливо, что он действительно повзрослел. А мама постарела. Все это происходило постепенно, а случилось почему-то в один момент.

Раз – и юность кончилась. Все поменялось, и не будет возврата. Никогда.

Из дома вышли только в сумерках, и первым наружу выбрался Потапкин, чтобы проверить обстановку. Только когда он отзвонился и заверил, что все чисто, Володя повел за собой женщин.

У подъезда никто не ждал. Только мелькнула в стороне собака. Володя напрягся, пригляделся. Собака скрылась за помойкой, на ее месте появились еще две. Вот оно, сумасшествие.

В такси сидели молча. Все было сказано раньше.

В машине играло какое-то ретрорадио, словно в тон настроению.

Володя все думал об ушедшей юности: помнить о прошлом, но не жить им.

Сегодня он твердо решил продать квартиру и уехать из Москвы. Бежать и не возвращаться. Маме говорить об этом решении не стал. Как объяснить женщине, что память не в вещах, а в человеческом сердце?

За размышлениями не заметил, как доехали до аэропорта.

Такси притормозило возле шлагбаума. Водитель ткнул кнопку, выудил парковочную карту и миновал взлетевшую вверх оглоблю шлагбаума. Машина проехала к входу в аэропорт и остановилась под знаком «остановка запрещена». Для особенно настырных и плохо различающих знаки водителей под знаком расположилась табличка с черным силуэтом эвакуатора. Такую пугалочку понял бы даже конченный имбецил. Впрочем, это никого не останавливало, и у входа не только притормаживали, но и парковались.

Рядом толкался какой-то абрек, предлагал услуги носильщика. Володя отказался. Вещей было немного, и он вполне мог дотащить их сам. Обратил внимание на топтавшуюся неподалеку собаку, и сердце тревожно дернулось. Захотелось приглядеться, убедиться, что это именно пес, а не шакал.

Навесив на себя сумки, Володя пропустил вперед женщин и, стараясь не вертеть головой, направился к входу в здание терминала.

* * *

Тинек велел остановить машину до шлагбаума. Боялся случайно столкнуться с мальчишкой. Автомобиль притормозил у обочины, оборотень расплатился с водителем и выскочил в ночь. Такси, что везло мальчишку, затерялось среди людей и машин, снующих возле терминала в любое время суток, и разглядеть теперь среди этого столпотворения Володю было невозможно.

Маах'керу устремился к зданию аэропорта, не боясь уже быть замеченным. У мальчишки с его бабами было достаточно времени, чтобы выгрузиться и войти внутрь.

Возле входа ежилась дворняга. Поджимала хвост и грустно смотрела на людей.

«Перекинуться бы», – глядя на нее и подходя ближе, подумал Тинек. Нос подсказал бы то, что недоступно глазу.

О собаку споткнулся какой-то мужик с необъятным чемоданом, заорал и попытался поддать ногой. Дворняга едва успела подобрать задницу и отбежать в сторону. Злобно показала обидчику зубы и потрусила прочь. Тинек поежился, борясь с желанием вступить за дворнягу. Мужик, натужно пыхтя, протиснулся со своим чемоданищем в двери. А там, за стеклянными створками, чернела упакованная в униформу фигура охранника.

Нет, в хвостатом виде ему туда не пройти. Оборотень с сожалением нырнул в здание терминала. Когда он, наконец, попал внутрь аэропорта, мальчишки уже и след простыл. Вернее, след был, но он терялся в таком количестве других следов, что для его обнаружения требовался не человеческий нос.

Соблазн перекинуться и продолжить поиск на четырех ногах был велик, но оборотень вновь сдержался. В хвостатом виде он не просуществует здесь и пяти минут. Вышвырнут. Значит, придется искать не по запаху, а воспользоваться обычными средствами.

Тинек спокойно, не привлекая к себе внимания, продефилировал к табло. Посмотрел на часы. Двадцать один двадцать.

Ближайшие рейсы он отменил сразу. Самолет до Ростова-на-Дону уже практически выруливал на взлет. Второй, до Красноярска, и вовсе оторвался от земли. Так что сделать в этом случае было уже ничего нельзя. Да и вряд ли мальчишка стал бы приезжать настолько впритирку. Далее с интервалом в десять-пятнадцать минут следовали рейсы на Душанбе, Дамаск, Абакан и Омск.

Впрочем, если мальчишка собирался улететь в Таджикистан, то опять-таки отслеживать его было уже поздно. Тинек заметался. Дамаск? Омск? Абакан? Где искать? И искать ли? Вряд ли парень будет торчать здесь со своими бабами. Скорее отправится на посадку, и адью.

Можно, правда, потом будет вычислить, куда он улетел, по спискам пассажиров... Шакал оборвал себя на середине мысли. Можно было бы, если бы дело касалось простых людей. Но здесь-то маг. Билеты мог купить на чужое имя. А таможенникам глаза отвести для этой братии не особенно большая проблема. И эту науку мальчишка освоил прекрасно. В этом маах'керу был уверен, благо успел убедиться.

Что делать?

Да ничего не делать. На него вдруг напала апатия. До аэропорта он парня довел, однокурсника его, который в помощники записался, вычислил. Уже результат. А дальше пусть сами. Тинек вытащил из кармана мобильник, и вдруг что-то царапнуло взгляд. Он резко повернул голову и увидел того, кого искал.

Володя, не замечая его, направлялся к туалету. Тинек прошел через зал и встал таким образом, чтобы видеть вход в туалет. На ловца и зверь бежит.

Мальчишка пробыл внутри не больше трех минут. Когда он вышел, оборотень хищно поджал верхнюю губу. Следить за мальчишкой было несложно. Тинек по-прежнему ощущал его. Чувал его напряжение. И всплески адреналина. По этим всплескам можно было понять, когда парень что-то подозревает, чего-то боится.

Первый раз он едва не заметил Тинека возле подъезда. Второй раз напрягся у входа в аэропорт. Сейчас же, судя по всему, мальчишка был уверен, что за ним не следят. Почувствовал себя в относительной безопасности. Расслабился. То есть не расслабился, напряжен, но это скорее по инерции. А ходит свободно, как у себя дома.

Тинек остановился. Мальчишка добрался до своих баб и говорил что-то.

Оборотень поводил взглядом. Отловил рейс. Оскалился. Значит, Абакан.

Володя тем временем поцеловал мать и девчонку. Взял одну из трех сумок и вскинул на плечо. Шакал насторожился. Едва сдержался, чтобы не присвистнуть. Бабы пошли на посадку, а мальчишка развернулся и быстро зашагал к выходу. Вот оно как. Дамочек своих отправил на край географии, а сам здесь остался.

Внутри завозился охотничий азарт. Захотелось запрокинуть голову и радостно взвыть. За однокурсника и Абакан Лейла раскошелится по полной. А если он еще и мальчишку не упустит, то можно смело удваивать сумму. Еще пара таких работенок, и получится уехать отсюда. Куда-нибудь, где тепло. Деньги позволят. А чтоб без дела не скучать, барменом устроиться. Нет такой страны в мире, где никто не пьет. А там, где пьют, умеющий крутить шейкер без работы не останется.

Тинек шел в отдалении от мальчишки, но так, чтобы не терять его из виду.

Тот покинул здание, прошагал мимо такси. Интересно, насторожился оборотень. Разумеется, здесь садиться дороговато. Но на дороге ловить с надеждой на скидку – бессмысленное занятие.

Мальчишка перебежал через дорогу перед входом в терминал, метнулся к шлагбаумам.

Тинек не отставал. Вот только проблема заключалась в том, что людей здесь уже не

было и негде было затеряться.

Парень поднырнул под шламбаум и выскочил на трассу. Зашагал по обочине.

– Черт бы тебя побрал, – буркнул Тинек и потрусил следом.

Мальчишка шел, не оборачиваясь, но следить за ним незаметно тут уже не вышло бы. Разве что на четырех и по кустам. По кустам – не по кустам, а на четырех, это в любом случае. Шакалом оно все равно неприметнее, чем человеком.

Володя, словно услышал мысли преследователя, метнулся в сторону от дороги.

– Зараза, – рыкнул Тинек и бросился следом.

Неужели он его все-таки заметил? Или на всякий случай коленца выкидывает?

Оглядевшись, Тинек разделся и перекинулся. Мир изменил цвета, окрасился запахами, обзавелся тонкими вибрациями. Сейчас оборотень совершенно четко видел, куда направился мальчишка.

И знал, что тот торопится.

Вот только человек на своих двоих все равно бежит медленнее.

Маах'керу оскалился и бросился вдогонку, ориентируясь по запаху.

* * *

Володя мчался через кусты, не разбирая дороги, и молился лишь об одном – только бы оборотень перекинулся.

Сомнения по поводу слежки если и были, то развеялись, когда Володя заметил входящего в терминал Тинека.

Выходит, все напрасно. И, несмотря на все усилия, никого он не уберет, и Лейле известно, куда летят мама и Оля. А сопоставив пункт назначения с биографией Потапкина, найдут их в два счета. Да еще и Андрюху подставил.

Володя наблюдал за шакалом и судорожно соображал, что делать. Все решилось само собой, когда оборотень, подумав, видимо, что не найдет здесь Володю, полез в карман за телефоном.

Сейчас позвонит Лейле, и все. Сердце екнуло. И Володя сделал первое, что пришло в голову, – попался шакалу на глаза. И это сработало. Во всяком случае, теперь он почти точно знал, что отчитаться оборотень не успел, и время этого отчета сместилось на неопределенный срок.

А дальше?

А дальше, повернулось в черепе пугающе и жестоко, чтобы не умерли те, кто тебе дорог, нужно, чтобы умер враг.

С этой мыслью Володя обнял маму, поцеловал Олю и пошел к выходу, уводя за собой шакала.

Главное, не оборачиваться и не нервничать, уговаривал он сам себя. Увести маах'керу в сторонку и одним точным заклинанием решить все дело. Иллюзий насчет того, что им удастся договориться, Володя, зная шакала, не питал. Но мысль об убийстве пугала.

И он отчаянно бежал сквозь кусты. Боясь того, что должен сделать. Словно пытался убежать от собственного страха. Хоть и знал, что это невозможно.

«Обязательно нужно, чтобы он перекинулся в шакала», – долбило в виски.

Володя пытался объяснить себе это прагматичностью. Дохлая собака, если что, не привлечет ничьего внимания. Мертвый человек – это уголовное дело.

Но все было значительно проще. Убить собаку казалось легче, чем убить человека. А в том, что он сможет прикончить оборотня, Володя уверен не был. Это Лейлу он мог угробить вчера, находясь в бешенстве. Кроме того, мать сама нападала. Тинек же просто следил, шел сзади и ничего не делал. Да и вчерашней ярости в Володе не было. А убить вот так, хладнокровно, с расчетом...

Впереди показалась канава. Слева в откос под шоссе вбуравливалась здоровенная бетонная труба. Из нее текла черная в ночи вода, уходя тонким поблескивающим ручьем

куда-то вправо. Володя вошел в воду, пробежал немного, нырнул в трубу и затаился.

Он несколько раз глубоко вздохнул, готовя заклинание.

«Призрачный клинок» – просто, но смертоносно.

Аура вокруг ладони пошла волнами, из кисти выросло светившееся голубоватым лезвие. Выглядело оно воздушным, зато резало не хуже настоящего – и ветви, как на тренировках, и плоть.

«А если не сработает?» – метнулась паническая мысль.

Ладони намокли. Сердце гулко билось, и казалось, его удары эхом разносятся по трубе.

Оборотень вскоре появился. Сперва треснули ветки. Потом что-то едва слышно прошуршало. Перекинулся, понял Володя. Люди так не ходят. Особенно если спешат. Может быть, какие-то супербушмены или недобитые индейцы в американских лесах и американском кино, но не в Москве.

Шорох повторился, заметался. Видимо, шакал наткнулся на воду и растерялся. Потом тихонько шлепнуло, мягкая лапа тронула воду. Володя затаил дыхание, медленно поднял руку.

Он действовал на опережение, боясь, что раскроется раньше времени, но сработал с невероятной точностью. Собачий силуэт появился в просвете трубы, когда торчавший из кулака клинок, призрачный, как лунный свет, удлинился сразу в несколько раз.

Володя сделал выпад, будто в руке была шпага или рапира.

Шакала накололо, словно поросся на вертел. Острие магического клинка взрезало мохнатый бок и прошило тело насквозь под углом, разрубая сердце. Оборотень не успел даже взвизгнуть.

Он только посмотрел на Володю, и тот замер.

Шакал смотрел на него так, словно в душу заглядывал. В быстро тухнущем взгляде читалось удивление и уважение, словно Тинек оскалился напоследок: «Браво, парень, ты меня переиграл».

Володя отдернул руку. «Призрачный клинок» растаял, словно его никогда и не было. Зато поперек ручья валялся мертвый шакал. И застывшие глаза оборотня все так же смотрели на Володю.

– Я тебя предупреждал, – тихо проговорил он. – Я же предупреждал тебя.

Никто не ответил.

Володя переступил через тело и вылез из трубы. Его трясло.

По большому счету оборотень был сволочью. Предавал его. Угрожал ему. А сейчас угрожал жизни трех самых близких ему людей. И Володя точно знал, что шакал добрался бы до Лейлы и сдал бы ей со всеми потрохами и его, и Олю с мамой, и Потапкина. И что будет после, Володя тоже знал. И ничего человеческого в оборотне не оставалось, да и не могло оставаться.

Но как ни парадоксально, в памяти сейчас всплывали какие-то ситуации и встречи с Тинekom, в которых оборотень выглядел другом. Другом, которым на самом деле никогда не был, но это сейчас почему-то не шло в расчет.

– Я же предупреждал тебя, сволочь! – взвыл Володя.

Тишина и темнота. Только журчала под ногами пованивающая гнильцой вода и с гудением проносились время от времени наверху машины.

Володя закусил губу и полез по откосу. Выбравшись на обочину, остановился и поднял руку. Третья машина тормознула рядом, ослепив дальним светом.

– В город надо, – бросил Володя, опускаясь на переднее сиденье.

* * *

Как только перемахнули МКАД, Володя попросил остановить возле ближайшей красной литеры «М». Расплатившись с водителем, юркнул в подземку и покатил в центр, думая, что еще успевает на переход.

Вышел на «Курской» возле вокзала. Когда-то, пару лет назад, один парнишка с курса заимел проблемы с мениском и загремел в первый спортивный диспансер. Потапкин тогда взбудоражил полкурса, и они веселой нетрезвой толпой поперлись на Земляной Вал навещать больного. Там за каким-то чертом пьянка продолжилась. И хотя благоразумное большинство быстро сбежало по домам, Володя к этому большинству не относился.

Гостеприимное медицинское заведение они покинули уже по темноте. Домой Володя тогда вернулся поздно и пьяный. Наутро смог вспомнить немного. Особенно отчетливо в память врезался нагоняй от папы с мамой, Потапкин, решивший в одиннадцатом часу вечера, что больному обязательно нужны апельсины, а также тетки с табличками «сдам комнату», которые пристали к молодым людям, когда те пошли-таки искать злосчастные апельсины.

Скорее всего, такие тетки были и в других районах нерезиновой, но об их существовании Володя мог лишь догадываться. А вот о том, что арендодатели дешевого жилья есть на Садовом возле Курского вокзала, он знал совершенно точно.

Тетки, те же или другие, нашлись практически на том же месте. Стойко маячили у дороги, несмотря на мороз и поздний час. Володя мгновенно оказался в центре внимания, позволил закружить себя и докружить до стоящей чуть в стороне машины, в которой подремывал хмурый мужик.

Одна из теток сцепилась с ним языками, и несколько долгих минут они препирались на местах понятном наречии. Наконец оставила Володю наедине с мужиком.

– Садись, поехали, – кивнул мужик.

– Куда? – спросил Володя.

– Домой, – безразлично отозвался мужик.

Володя сел, машина крутанулась хитрым образом. И менее чем через десять минут остановилась в темном дворе у замызанного подъезда старого дома.

– Вылезай, приехали, – бесцветно сообщил мужик.

Следом за ним Володя вышел из машины и поднялся по стершимся ступеням на второй этаж. Квартирка была какой-то древней планировки. Крохотная площадь комнаток компенсировалась высокими потолками. Обстановка внутри выглядела так, как будто здесь жила семья алкашей. Пахло соответствующе.

Мужик толкнул грубо крашенную дверь и щелкнул допотопным выключателем.

Меблировка в комнате была скудной. В углу стоял массивный полуразвалившийся шкаф. Рядом притулился стул, помнивший, наверное, еще товарища Сталина. Еще тут имелись металлическая кровать с пружинной сеткой и ватным матрасом да тумбочка с настольной лампой из тех, что выпускались в Советском Союзе задолго до того, как тот собрался развалиться.

– Годится? – спросил мужик так, будто предлагал апартаменты в президент-отеле.

– Сойдет, – кивнул Володя.

– Тогда бабки гони.

Мужик получил расчет и поспешно ушел.

Володя запер дверь на ржавый крючок, погасил свет и сел на кровать. Бряцнула металлическая сетка. Вспомнился летний лагерь, который папа по старинке называл пионерским. Там тоже были похожие кровати. Правда, на тех кроватках только сонную мелюзгу зубной пастой мазали да подушками дрались. А на этой... Страшно даже представить, кто и с кем тут спал за последние несколько лет.

Володя повернулся спиной к стене и закрыл глаза.

Сон не шел. Стоило только смежить веки, как перед внутренним взором возникал Тинек. Сперва мертвый, в виде собаки, потом живой, с человеческим лицом, затем снова мертвый. На мгновение показалось, что он здесь, в комнате. Сидит в темноте и смотрит на него.

Володя открыл глаза и взгляделся во мрак. В комнате не было никого, кроме него и совести. В голове вертелась гадкая мысль. Вот он так активно сопротивляется, старается быть не похожим на тех, кто хочет уподобить его себе. Но разве он уже не стал таким же? Он

не хотел связываться с убийцами, а в результате сам убил, чтобы не стать убийцей.

Но ведь это другое. Или то же самое? Раньше все было просто и понятно. Существовало только черное и белое, и весь мир, любое его явление в конечном итоге устремлялись либо в один, либо в другой колер. Оттенков не было. А тех, кто говорил «а я – другое дело» и делал с этими словами гадости, за которые осуждал других, Володя искренне презирал.

Сейчас юношеский максимализм и принципиальность дали трещину. Нет, презрение к вышеупомянутым людям не прошло. А вот как расценивать себя в новом свете, Володя не знал.

Он встал с кровати и подошел к окну. По ту сторону стекла светил мутно-желтый фонарь и серебрились в его тусклом свете одинокие снежинки, медленно падавшие из бесконечной черноты неба на грешную землю. Такие чистенькие, они ложились ровным белым слоем, который утром истопчут, превратят в грязь.

Володя вернулся на кровать. Снова скрипнуло. В ответ кто-то с силой саданул в стену кулаком. словно скрип мешал спать. А может, так оно и было.

Надо спать.

Володя вновь лег, не раздеваясь, вытянулся на пахнущем нафталином покрывале и закрыл глаза.

* * *

...Мама спала. Усталость переборола тоску и бессонницу. Оля молча смотрела в иллюминатор и покусывала губу. О чем она думала?

Появилась стюардесса и завела заученную скороговорку. Оля отвлеклась, мама проснулась. Самолет пошел на посадку.

В Абакане было утро. Раннее, но кто рано встает, тому что-то обламывается от Бога. В аэропорту было легкое оживление, да и на улице на выходе из терминала не спали.

Оля порывалась схватить обе сумки, но мама не грубо, но твердо отказала. Оказавшись на свежем воздухе, они остановились.

– И что теперь? – спросила мама.

Оля пожала плечами и завертела головой, словно искала ответ на этот вопрос. Ответ нашелся сам в виде шустрого мужичка в кепке и истертой курточке из кожзаменителя.

Мужичок безошибочно узнал приезжих и шел навстречу, широко улыбаясь.

– Машина нужна? – спросил издали. – Куда едем-то, мамаша?

– Село Ермаковское, – ответила мама.

Мужичок присвистнул и, сдвинув кепку на глаза, почесал затылок.

– У меня шурина там, – поведал он. – Далеко ехать-то.

– Знаю, – кивнула мама.

– Верст сто, – осторожно прикинул мужичок.

– Деньгами не обидим, – улыбнулась Оля.

Мужичок разулыбался в ответ, поглядел на маму.

– А это? Дочка твоя, мамаша? – поинтересовался он.

– Дочка, – кивнула та.

– Хорошая девка, – поделился наблюдением мужичок. – У меня на хороших людей чутье.

Мама посмотрела на Олю. Та стояла, смущенно потупив глаза.

– Хорошая, – удивительно ласково вдруг произнесла мама. – Очень хорошая.

Мужик лихо вздернул козырек кепки и подхватил сумки.

– Ну, пошли. Вона моя ласточка.

«Ласточка» оказалась старенькой «Волгой». Она кряхтела при разгоне, скрежетала на кочках и поворотах и воняла бензином. Но то, как разговаривал с ней мужик в кепке, не могло не вызвать умиления.

В машине Оля задремала. Мужик всю дорогу не замолкал, причем ответов не требовал, просто рассказывал какие-то байки. Таким образом сто километров дороги превратились в театр одного актера.

– Вам куда в Ермаковском-то?

Мама спохватилась и полезла за бумажкой. Мужичок искоса глянул на адрес.

– Аэродромная? Понятненько.

«Ласточка», вспорхнувшая когда-то с конвейера Горьковского автозавода, завертелась по поселку путями, ведомыми разве что богу и водителю. В конце концов выкатилась на какую-то улицу и остановилась возле забора. За забором стоял старенький, но крепкий и ладный домик.

– Приехали, мамаша, – сообщил мужичок.

Оля проснулась. Мама расплатилась и вышла из машины. Водитель уже вынимал из багажника сумки.

Долго возились с замком на калитке. Потом поковырялись с входной дверью. Наконец вошли. Внутри дом был таким же старым, но добротным и основательным, как и снаружи. Видно было, что строили по своему укладу и на века. Но прошло меньше века, а тех строителей не стало. И потомки их, ради которых все вроде и затевалось, жили уже по другому укладу и совсем в другом городе.

В доме было чуть ли не холоднее, чем на улице. Но если снаружи царил легкий свежий морозец, то здесь властвовал мертвый застоявшийся холод. Мама опустила на лавку, прикрыла лицо руками и впервые за все время заплакала.

Ольга замерла в растерянности, не зная, что делать. Потом подошла к старым часам с кукушкой, что мертво висели на стене, и завела. Тишина склепа наполнилась мерным потикиванием. Мертвый дом из вечности возвращался к жизни, заново обретал время и хозяев.

– Протопить надо, – решительно заявила Оля. – А потом прибраться немного. А то пыль.

И поставив сумки у стены, пошла на двор...

* * *

Володя проснулся от холода и запаха гари. За стеной грохотала посуда, ругались. Воняло подгоревшей манной кашей, ну а дуло, словно окно раскрыли настежь, несмотря на зиму.

Мысли текли вяло, словно с глубокого похмелья. Где находится, он вспомнил не сразу. А когда вспомнил, все мгновенно встало на свои места. В памяти всплыли события последних дней, аэропорт, мертвый шакал и ночное видение.

Сон! Володя вспомнил его в мельчайших деталях и впервые проникся благодарностью к своему дару. Ни редкая магия, подсмотренная в снах, или, как говорил оборотень, считанная с ноосферы, ни исторические реалии, неизвестные ученым, не стоили внимания по сравнению с пониманием того, что с твоими близкими все в порядке.

Единственный и самый большой плюс этого дара – знать, что с родными все хорошо. Приободрившись от этой мысли, Володя поднялся и побрел в ванную комнату.

В коридоре сифонило и еще сильнее пахло горелым. Судя по мужским воплям, доносившимся с кухни, у кого-то руки торчали из задницы и поэтому подгорела каша. Судя по женским взвизгиваниям в ответ, каша подгорела потому, что кто-то урод и испортил кому-то жизнь. Далее следовал сакраментальный вопрос: «Зачем я за тебя только вышла? Говорила мне мама».

Володя поспешил спрятаться от разборок в ванной. Санузел не просто оставлял желать лучшего. Запахами и степенью загаженности он напоминал сортиры дешевых поездов времен наплевательских девяностых. Наскоро умывшись, Володя вернулся к себе. Собрал вещи, повесил сумку на плечо и покинул ночлежку.

Возле метро съел сомнительного вида шаурму и выпил кофе. Желудок почувствовал, что про него наконец-то вспомнили, и радостно забурчал. Володя достал телефон. Маме и Ольге звонить не стал. Достаточно было знания того, что они успешно добрались до места и им ничто больше не угрожает.

Володя поспешно вынул из аппарата новую симку и бережно спрятал во внутренний карман куртки. Карман застегнул на молнию. Вставил старую сим-карту и включил мобильник.

На загоревшемся дисплее обнаружился ворох неприятых вызовов. Звонили с незнакомых номеров. Лейла, больше некому. Да и манера пользоваться чужими трубками явно ее. Звонков было около десятка.

«Всполошилась джинна», – подумал Володя.

– Сделал я тебя, – ухмыльнулся он телефону. – Кусайся теперь, если сможешь. А лучше локти кусай.

Он снова почувствовал, что близок к победе. Если это можно назвать победой. Только похоронить отца и продать квартиру. А потом он уедет, и никто никогда больше не сделает ему больно. Не обидит его близких. Никаких магов и никакой магии. И еще надо зайти к Ольгиным предкам. Но это позже, это вечером.

От последнего хотелось отказаться. Что и как объяснять ее родителям, он не знал. Сказать правду не мог. А зная самодурство Олиного папеньки, побаивался, что дело может запросто закончиться скандалом с вызовом милиции. От милиции-то он отбрешется, а если не отбрешется, то есть и другие способы уйти, но скандала не хотелось.

Ладно, до вечера об этом лучше не думать. И Володя пустился в столичную круговерть.

Продажу квартиры Володя спихнул на посредника. Агентств было море и, присмотрев контору, которая выглядела более-менее солидной и не походила на однодневную шарашку, он с радостью водрузил все заботы по продаже на плечи специалистов.

С похоронами возиться пришлось самому. Здесь посредников не было. И хотя он понимал, что похороны и квартира – это единственные две возможности за него теперь зацепиться, приходилось рисковать.

В университете и дома он решил больше не появляться. Вообще избегал знакомых маршрутов. А кроме того, заметил за собой привычку коситься через плечо или останавливаться и озиаться, словно в поисках номера дома, на самом деле выискивая слежку.

Эта новая привычка немного пугала. Вернее, пугала мысль о том, что привычка эта может прилипнуть на всю жизнь. А жить с оглядкой через плечо не хотелось. Но Володя старательно гнал от себя всякие мысли, оставляя лишь цели и пути их достижения. А цели по-прежнему было две: похороны и квартира.

К Олиному дому он добрался ближе к ночи. Приглядываться начал еще издали. Не ждут ли его здесь? Ведь тут могли караулить лысые бобики, присланные Лейлой. С другой стороны, то, что Ольга, как и мама, теперь недоступна, они наверняка уже узнали.

Так что и рассчитывать на его появление не должны. Но береженого бог бережет.

Володя потоптался в стороне, осторожно приблизился к подъезду, но опасения были напрасными. Никто его здесь не ждал.

Палец автоматически настучал код на домофоне. Дверь противно запищала, возвещая о том, что кто-то нарушил неприступность подъезда, и медленно начала закрываться. Володя был уже на площадке у лифта.

Почти нажав кнопку, он передумал и пошел пешком. Ноги болели после дня беготни, но Володя тянул время, хоть и понимал, что перед смертью не надышишься. А общение с предками Ольги было сейчас смерти подобно.

Нет, он не боялся. Бояться родителей любимой девушки, когда за тобой гонятся маги, походя убивая родных и близких, было более чем абсурдно. Просто не знал и не понимал, о чем и как говорить с ними. Что и как объяснять. И если свою маму он мог убедить в чем-то потому, что она была своя, то здесь...

Володя вышел на Олин этаж и остановился перед дверью ее квартиры. В груди екнуло. Дверь была приоткрыта. Из щели между ней и косяком пробивалась тонкая полоска света. Внутри стояла тишина, словно хозяева ушли, оставив свет и открытую дверь.

Неужели его все-таки ждали? Следили, но не караулили у подъезда, а аккуратно глядели сверху из-за занавесочки. Володя отогнал глупую мысль. Если бы дело обстояло так, дверь уж точно была бы закрыта. И встретили бы его, когда он ничего не ждал. Просто Олин отец вышел вынести мусор или...

«Какой мусор? – оборвал себя Володя. – Какой мусор глухим вечером?»

Он осторожно толкнул дверь, вошел в квартиру и остановился у порога. Свет горел в прихожей, и на кухне, и в комнате. Пахло как-то странно, приторным и паленым. Володя хотел позвать, но почему-то не решился. И молча шагнул в комнату.

Комната выглядела так, словно в ней репетировали апокалипсис и играли с дождем из серы. Вещи были разбросаны, кресло повалено. Стоял в углу обгоревший телевизор. И везде были черные выжженные следы, будто кто-то швырял во все стороны огненные шарик.

Посреди комнаты на ковре лежал Михаил Евгеньевич в тренировочных штанах, майке и одной тапке. Вторая тапка покоилась в метре от хозяина. Ольгин отец лежал на животе, лицом в ковер, разметав руки в стороны.

Володя осторожно присел на корточки и тронул мужчину за плечо. Оно было теплым, и он потянул на себя.

– Мих... – голос сорвался на сип.

Тело Олиного отца перевернулось, и Володя испуганно отпрянул. Если кто-то и в самом деле метал здесь файерболлы, то сломанным телевизором и испорченным интерьером он не ограничился.

Михаил Евгеньевич был мертв. Черные, выжженные раны зияли у него на месте рта, в глазных впадинах. Еще несколько украшали грудь, сплавив остатки майки с плотью.

Володя почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота. Он поднялся на ноги и бросился прочь из комнаты. Какой бес любопытства и исследования погнал его на кухню, Володя не смог себе объяснить. Но поддался этому бесу он зря. То, что Олина мать мертва, было ясно без подтверждений, и смотреть на то, каким образом она отправилась в лучший мир, не стоило.

Тело валялось на кухонном полу, кафель был щедро залит кровью. От одного взгляда на труп в памяти всколыхнулись детские воспоминания о том, как дядька рубил в деревне кур. Как отлетала от живой птицы голова и уже мертвая щелкала клювом, тараша бессмысленные глаза на бегающее в агонии по двору безголовое тело.

Головы у Ольгиной матери больше не было. Вообще. Зато половина кухни оказалась забрызгана ошметками человеческой плоти. Впечатление создавалось такое, словно голова женщины взорвалась изнутри.

Володя попятился, зажимая рот рукой, и, давя рвотный позыв, выбежал из квартиры. На лестнице уперся в перила, и его все-таки вывернуло. Володя закашлялся, на смену первому пришел новый позыв.

Его рвало долго и мучительно. Сперва фаст-фудом, которым сегодня только и питался, потом желчью. Когда в желудке совсем ни черта не осталось, он еще какое-то время заходился в немых холостых спазмах. Только тогда перед глазами чуть прояснилось.

Вместе с тем в голове зашевелилось какое-то подобие мыслей. Володя вернулся к двери, натянул рукав свитера, вытащив его из-под куртки, и тщательно протер дверные ручки. Постоял несколько секунд, вспоминая, трогал ли что-то еще, но так и не припомнил. Все так же, через свитер, притянул дверь, убирая зазор, и быстро пошел вниз по лестнице.

Задерживаться больше нигде не стал. Сейчас надо было бежать.

И Володя бежал. До метро, а потом еще дальше, до следующей станции подземки. Только там он остановился, зачерпнул из сугроба грязного московского снега и стер им лицо.

Вопрос, как объясняться с Ольгиными родителями, больше не стоял. Но легче от этого

не стало. Плюс возникла проблема – как рассказать самой Оле, что она осталась без отца и матери...

А ведь еще утром он чувствовал себя победителем и был уверен, что всех защитил.

Володя подошел к палатке, попросил бутылку минералки и прямо здесь же долго полоскал рот. Потом сунул бутылку с остатками воды в урну и быстро спустился в подземку.

Через минуту он уже покачивался в вагоне, уносясь прочь от пережитого ужаса.

* * *

Это был очень дорогой ресторан. Спрятанный в не шибко людном переулке в центре Москвы, он ничем не выделялся снаружи. Но внутри царили шик и великолепие. Дорогим здесь было все, от дерева, из которого были сделаны столики, и тесемок на занавесках до унитаза в туалете.

Это не говоря о меню. Последнее могло довести среднестатистического обывателя до психического срыва.

Среднестатистические сюда и не ходили. А если и появлялись рядом, их отшивала охрана на входе. Зато те москвичи, что могли позволить себе ужин за тысячу долларов, заведение знали и любили. Не за цены, а за безупречность, которая не входила в меню, но была изюминкой ресторана и покупалась, как и все, что вносили в счет.

Сальваторе притормозил, пропуская вперед Лейлу и придерживая дверь. От входа их проводили в гардероб. После того как гости разделись, их встретил администратор в смокинге. Администратор был достаточно плотен. Костюм облегал тело, ткань натягивалась до такого состояния, что казалась не одеждой, а родной шкуркой. И администратор напоминал пингвина в бабочке. Важного, толстого и двухцветного.

– Добрый вечер. Вы заказывали? Или вам предложить столик?

– Нас ждут, – ответил Сальваторе и тихо добавил что-то, склонившись к администраторскому уху.

Тот кивнул.

– Идемте.

И направился через зал, переваливаясь, отчего сходство с пингвином увеличилось. Сальваторе и Лейла двинулись следом. Залов было несколько. Помимо двух основных, два или три небольших закрытых VIP. Администратор остановился возле одного из них и кивнул на дверь:

– Приятного вечера.

Лейла натянуто улыбнулась, и администратор удалился. Сальваторе взялся за ручку двери, оглянулся на Лейлу:

– Подождите здесь.

Джинна кивнула, и лысый скрылся в VIP-зале.

«Он тот, кто вечно открывает дверь», – подумалось ей.

Он может работать на нее, на «Тетраграмматон», на президента Российской Федерации или на китайца, держащего фургончик на Черкизоне. Он может занимать самые разные должности. Но он всегда, при любом хозяине, будет тем, кто открывает дверь. Не больше. Потому что у него всегда будет хозяин. Есть такие существа и меж людей, и среди уроженцев других сфер, у которых рабство в крови. Им всегда нужен хозяин, нужен старший. Нужен кто-то, чьи поручения выполнять, о ком заботиться. И все это лишь для того, чтобы чувствовать себя в безопасности. Чтобы знать: когда и если вдруг случится что-то неприятное в глобальных масштабах, за ним всегда будет мощная сила, которая спасет, защитит и вытрет соплю. И за это он готов всю жизнь открывать двери.

Словно в подтверждение дверь открылась. Сальваторе отступил в сторону.

– Проходите.

Лейла вошла внутрь, окунаясь в полумрак VIP-зала. Остановилась, озираясь. Бо льшую часть пространства занимал огромный стол и окружавшие его кожаные диваны невероятных

размеров, странным образом сливавшиеся в единое целое.

Во главе стола сидел дейвона в дорогом костюме классического покроя, в одной руке он держал сигару, в другой грел рюмку с коньяком.

– Здравствуй, неистовая джинна, – кивнул он. – Прекрасно выглядишь для своих лет.

– Хотела бы ответить комплиментом, но не знаю ни вашего возраста, ни даже имени, – сдержанно отозвалась Лейла и прошла к столу.

Дейвона наблюдал за ней с интересом. Так человек наблюдает за домашним хомячком. Позволяет ему бегать по себе, кусать пальцы, забавляясь и зная при этом, что хомяк абсолютно безобиден. И что хозяину он ничего не сделает. А хозяин запросто может сжать его в кулаке и превратить в мертвый мешочек с поломанными костями.

– Зови меня магистром. Это звание соответствует действительности и не выходит за пределы того, что тебе можно знать.

– Магистром?

– Что тебя удивляет? – приподнял бровь дейвона.

– Мне казалось, что это звание давно не в ходу. Разве что у «бесцветных»...

– Я не Наблюдатель, – отрезал магистр. – Я с тобой говорю, как магистр ордена. И хочу, чтоб ты сразу поняла это. Орден дает очень большие возможности, но и требует немало. Ты понимаешь, о чем я говорю?

– Вы меня вербуете.

– Не так, – он пыхнул дымом сигары. – Вербовка – это к шпионам. Я же предлагаю тебе стать одной из нас.

– Ваш орден... «Тетраграмматон» – союз межрасовый, – сказала Лейла. – И когда-то в нем были джинна.

– Верно, – подтвердил дейвона. – И они могут появиться там опять. А ты – добиться определенных высот.

– Я глава землячества, – фыркнула джинна.

– В землячестве ты выше и не поднимаешься. Некуда. Орден в этом плане дает больше возможностей. Хочешь всю жизнь оставаться главой одного из московских землячеств? И только?

– Многие всю жизнь остаются тем же, чем и были, – джинна посмотрела на дверь, за которой остался вечно придерживающий двери Сальваторе. – И довольны, и ни о чем не мечтают.

– Да, – согласился магистр. – Но это не наш случай.

– Да, это не наш случай, – повторила Лейла, делая акцент на «наш».

Магистр усмехнулся и пригубил коньяк.

– Строптивая и горячая. Вся ваша раса такая, сколько я вас перевидал. Сначала делаете или говорите, потом думаете.

– Не вся, – покачала головой Лейла и снова покосилась на дверь.

– Он в меньшей степени, но тоже горяч. Впрочем, оставим пустую болтовню. Я не для того пригласил тебя, чтобы пикироваться. Выпьешь чего-нибудь?

Лейла покачала головой, хотя коньяк источал тонкий соблазнительный аромат, а сигара делала воздух в зале настолько пряным и вкусным, что его хотелось пить. И хотя сама джинна не курила ничего и никогда, разницу между сигаретами и листьями дорогого хорошего табака чувствовала прекрасно.

– Ладно, тогда к делу. Орден посвятил тебя в секрет своего существования не потому, что мы решили снова выйти из тени. Слишком рано для этого. Нам нужна ты и нужна от тебя услуга. Она...

– Вам нужен мой сын.

– Я всегда думал, что ты не глупа, – дейвона выпыхнул несколько колечек и запустил сквозь них струйку дыма. – И мы его получим. Вопрос только в том, с твоей помощью или без. Действовать через Сальваторе было неверно. Надо было сразу поговорить с тобой, но что сделано – то сделано. А из того, что получилось, делаем выводы: ты не поняла, с кем

имеешь дело и что нам надо. Мы...

– Прекрасно поняла, – перебила Лейла.

Дейвона покачал головой, ноздри его раздулись.

– Твое своеобразие перестает быть забавным, – с тихой угрозой произнес он. – Еще раз перебежишь меня и пойдешь вон. Ясно? И прежде чем ответить очередной дерзостью, подумай головой. Хотя вы и горячие, но рассудок иногда хорошо держать в прохладном состоянии.

Джинна ощутила опаляющий гнев – да кто он такой, что так с ней разговаривает? Но тут же подумала – ее наверняка испытывают. Зачем ордену не способная контролировать себя истеричка?

Несколько глубоких вздохов, и она успокоилась.

– Хорошо, – кивнул магистр. – Все же ты очень неглупа, когда хочешь. Так вот, у нас к тебе предложение. Мы принимаем тебя в орден, ты служишь ордену и помогаешь привлечь к его делам своего сына.

Дейвона допил коньяк и подался вперед.

– Только больше ты никогда не думаешь, что можешь нас перехитрить. И никогда больше не ставишь свои мелкие интересы выше интересов ордена. Потому что если бы кто-то не хитрил, мальчишка сегодня был бы здесь. А где он теперь?

Лейла пожала плечами.

– Что говорит твой шакал? – просто спросил магистр, проявляя осведомленность в вещах, о которых он вроде бы знать не мог.

– Шакал пропал, – ответила джинна. – На звонки не отвечает. Может, сбежал. Мальчишки дома нет и не появлялся. Мать его тоже пропала, девчонка пропала. Друзей у него вроде бы не было. Домашний мальчик. Родители девчонки...

– Были не в курсе, – закончил магистр. – Зачем же ты их-то по стенам размазала? Это способ шантажа? Они были дороги мальчишке?

– Это вряд ли.

– Тогда зачем?

– Не сдержалась, – призналась джинна.

– Я знаю, – магистр снова пыхнул сигарой, откидываясь на спинку дивана, – что у вашей братии в жилах живой огонь. Но если ты не научишься сдерживаться, подарю огнетушитель.

– А если научусь?

Магистр прищурился.

– Ты хотела получить мальчишку, чтоб с его помощью добраться до того источника, который вы не можете поделить с его теперешними хозяевами и Кудимовым? У ордена несколько более серьезные планы. И если ты станешь членом ордена и поможешь с осуществлением этих планов, источник перейдет в пользование твое и твоих магов. Только для этого придется потрудиться.

– Почему? – искренне не поняла Лейла и прикусила язык.

– Что «почему»? – не понял дейвона.

– Почему бы вам не привлечь отца мальчишки? Он согласится помочь куда быстрее и попросит значительно меньше.

– Он слаб, – коротко ответил магистр. – Ордену не нужны слабые. Чтобы быть сильным, орден должен держаться на сильных. Еще вопросы? Или перейдем к ритуалу приема?

В голосе дейвона появилась нервозность.

– К ритуалу, – сказала Лейла.

Вопросы имелись, и в достаточном количестве. Но задавать их сейчас было явно не время.

Магистр отложил сигару и поднялся из-за стола.

– Хорошо.

Обряд оказался коротким, донельзя напыщенным и довольно глупым – клятва на верность «Тетраграмматону», непонятные пассы дейвона, откровенно символические, а не магические, и напоследок – троекратный поцелуй, совсем как у православных.

– Ныне ты одна из внешнего круга ордена, вправе обращаться к нему за помощью, но должна исполнять его приказы, – сообщил магистр, усаживаясь на место. – Теперь вопросы будут у меня. Где собираетесь искать мальчишку?

– На кладбище.

– Что? – поперхнулся дымом дейвона.

– Ну не бросит же он тело приемного отца? Похоронит.

Дейвона кивнул:

– Если появятся новые мысли, свяжись со мной прежде, чем что-то делать.

– Но бывают случаи, когда время не ждет...

– Время? – магистр снова налился краской. – Если бы кто-то немного иначе относился ко времени и не спешил порвать все ниточки, за которые мальчика можно было дергать, кладбище не стало бы последним местом, где его можно искать.

Лейла снова подавила вспышку гнева.

– Оставались его девчонка и приемная мать...

– И где они теперь? Торопиться надо медленно. И я хочу, чтобы на кладбище за мальчиком отправился наш друг Сальваторе, – дейвона кивнул на дверь. – Он спокойнее тебя.

– Он слабее меня.

– С мальчишкой справится.

– Но...

– Не обсуждается, – отрезал магистр. – Ступайте. И держи меня в курсе.

Лейла поднялась и молча вышла, едва сдержавшись, чтобы не хлопнуть дверью.

Даргри вернулся к столу, где среди прочего торчала на подставке маленькая коробочка селектора. Нажал кнопку и попросил счет.

Продолжать вечер ему предстояло в другом месте. И человек, с которым он должен был встретиться, не терпел пафосные заведения, предпочитая им дешевые кофейни.

Глава 15

За ним пришли, когда было уже темно. Георгий Максимилианович поднялся с кровати, утрамбовал рыхлое брюшко в брюки, нащупал домашние туфли и, щурясь спросонья, вышел в коридор.

Там его ждали двое в штатском. И если бы эти двое нагрянули в такой час к кому-то другому, этот другой напугался бы до икотки. Маленков не боялся. Сказал только «ждите» и пошел одеваться.

Через пять минут его, невыспавшегося и продолжающего давить зевки, проводили в машину и повезли на ближнюю дачу. А куда еще? Если бы он в чем-то провинился, Сам прислал бы за ним магов, а не этих оболтусов. Так что все спокойно. Может, товарищ Сталин в Кремле, а вернее, на ближней даче, думает и о нем, но сейчас, во всяком случае, ничего плохого он о нем не думает.

Вот только зачем он понадобился Кобе посреди ночи? Что пришло в голову «черному»?

О том, что товарищ Сталин работает по ночам, знали многие. Немногие знали причину такой страсти к ночной работе. А она была в том, что Иосиф Виссарионович принадлежал к черной сфере. А слаш, как известно знающим, отличались от людей не только тем, что были гермафродитами и не имели пальцев на ногах. Они также не любили открытого огня и дневного света.

Еще поговаривали, что слаш живут по тысяче лет и чувствуют своих предков на генетическом уровне. Впрочем, в этом Георгий Максимилианович уверен не был. А вот то,

что присутствие slash губительно для человеческой психики и способно довести если не до суицида, то до депрессии любого жизнелюба, знал наверняка. Даже сам, хоть и был магом, и работал рядом с Самим много лет, испытывал в непосредственной от него близости сильную тревогу.

Машина остановилась, и перед Георгием Максимилиановичем распахнули дверцу. Здесь все происходило без лишних слов. Те, кто находился около Самого постоянно и составлял его личную охрану, были угрюмы и молчаливы сверх меры.

Маленков выбрался из салона автомобиля и пошел, куда вели. Именно вели, потому что один из привезших его людей шел впереди, а другой шагал сзади.

Такое конвоирование, должно быть, устрашало, но Георгий Максимилианович знал, что ничего страшного для него в этом нет. Он был уверен, что ему не выстрелят в спину, ровно на те же сто процентов, на которые был уверен и в том, что у человека сзади есть из чего в эту спину выстрелить.

В кабинет он вошел один. Коба сидел за столом и мрачно пыхтел трубкой. Через Пелену он выглядел практически так же, как и на самом деле. Те же черные глаза, та же смуглая кожа. Только в реальности товарищ Сталин был невероятно худ, словно актер Милляр в фильме про Косяя Бессмертного.

– Георгий, проходи, садись, – распорядился вождь. – Чаю будешь?

Маленков покачал головой. Чаю ему не хотелось, хотелось спать. Но сказать об этом он не рискнул.

– Ладно, – отец народов сунул руку под стол, и Георгий Максимилианович услышал характерный звук выдвигаемого ящика.

Вот сейчас как достанет оттуда револьвер и пристрелит, мелькнуло все же в голове. Кто его знает, может, он и на него обиделся за что-то. Никогда не поймешь, что происходит в этой лысой нечеловеческой башке. А если он и вправду тысячу лет живет, так и вообще никогда не догадаешься. Тут за десяток лет в мозгу такие изменения происходят, что страшно. А если ты хоть две сотни протянешь – как знать, чего там повернется и в какую сторону.

Но Коба достал не пистолет. Когда рука снова появилась над столом, в пальцах был зажат внушительных размеров фолиант в черном кожаном переплете. Никаких тиснений и надписей, никаких украшений. Только черная кожа и все.

– Знаешь, что это, Георгий? – спросил Иосиф Виссарионович и бросил талмуд на стол.

Книга хлопнулась на столешницу с глухим стуком. Маленков судорожно сглотнул. Что перед ним, он знал прекрасно. Именно благодаря этому фолианту поползли слухи про загадочную черную тетрадочку Ленина, в которую тот якобы чуть ли не вписал свое политическое завещание и которую не нашли после его смерти.

«Тетрадочку» и вправду не нашли. И не могли найти. Потому как была она на тот момент не у козлоногого вождя мирового пролетариата, а у бесноватого радателя за мировую революцию, в жилах которого полыхал огонь.

Маленков никогда не любил джинна. Дурные, бешеные нравом, они вызывали у него раздражение. Потому против Лейбы Давидовича он выступал еще в юности, будучи, по сути, не магом и не человеком, а мальчишкой.

Георгий Максимилианович родился в дурное время. Детство закончилось быстро. В стране бушевали большевики, и русский беспощадный бунт рисовался как воля угнетенного народа.

Воля в основе этого была, только угнетенный народ был здесь ни при чем. Угнетенный народ, как и все прочие, просто попал в жернова безумия, которое затеяли расчетливо и с четкой целью.

Страна билась в эпилептических припадках революций, горела в огне гражданской войны. Красные отчаянно били белых, белые отчаянно спасали Россию и пытались наподдать красным. Между ними стихийно возникали и тонули силы других цветов. У всякого имелась своя правда, и каждый готов был за нее умереть. А настоящая правда

находилась далеко от политики, народа, веры, царя, отечества.

Об этом не знали ни белые, ни красные, ни анархисты, ни прочие порождения эпохи. А правда заключалась в том, что в России бушевала не красная зараза, а зараза межсферная, древняя, алчущая власти, четырехглавая, с непонятным названием «Тетраграмматон».

Эта гидра возникла вдруг. Просто появилась и заявила о себе и своих претензиях. По эту сторону Пелены она обещала свободы и предлагала разрушить все до основания. А в реальности этот союз четырех, проникший во многие магические кланы и объединения, требовал права на источники Москвы и Петрограда, мотивируя это тем, что орден ведет род от боярина Кучко, у которого эти источники были отобраны незаконно.

Юный Георгий не понимал, каким образом от одного человека, пусть даже очень сильного мага, могут происходить представители четырех сфер. Не понимал он и каким боком права на источники Москвы, отобранные у этого человека, перепрыгивают вдруг на источники другого города, которого в то время не существовало вовсе. А на месте тех источников булькало гнилое болото и летали кусачие комары. Но сила заявила о себе, всколыхнула шаткое равновесие по обе стороны Пелены и уверенно наложила лапу на источники. На этом можно было бы и остановиться, но вышло по-другому.

«Когда в товарищах согласия нет, на лад их дело не пойдет, и выйдет из него не дело, только мука»¹⁰, – всплыло в памяти. Могучий орден, копивший силу столетиями и взорвавший страну, сам лопнул изнутри.

Возможно, находясь в тени, «серые», «коричневые», «оранжевые» и «зеленые» колдуны уживались как-то, работая на общую цель, но по достижении цели каждый «цвет» решил потянуть одеяло на себя.

Юный маг, наблюдая за крушением мира, тихо ненавидел четырехглавый союз. Но больше других его раздражали джинна во главе с магистром ордена. Называвший себя Львом был столь же дик, как одноименный хищник, кроме того, не отличался сдержанностью. Как ни странно, но именно этот буйнопомешанный магистр «Тетраграмматона» остался живым, несмотря на то, что к праотцам отправился даже Ленин.

Сперва члены ордена планомерно изводили друг друга, а потом нашлась сила, которая смогла уничтожить остатки их могущества. И эта сила сидела сейчас перед Маленковым.

Георгий Максимилианович боялся и не понимал слаш. Тем более не понимал представителя черной сферы, полезшего во власть. Это в принципе трудно было представить. Но Коба не выглядел сумасшедшим. И Маленков много лет назад увидел в нем ту силу, которая может прекратить безумие.

Он тряхнул головой, отгоняя воспоминания, и кивнул ожидающему ответа Сталину.

– Знаю. Они называли это Регистром.

– Верно мыслишь, Георгий.

Отец народов отложил трубку и посмотрел на Георгия Максимилиановича черными маслянистыми глазами. От этого взгляда по спине побежал неприятный холодок.

– Соблазна нет? – спросил вождь.

– Какого? – не понял Георгий Максимилианович.

– Заглянуть внутрь, – кивнул Сталин на черную книгу. – Они же эти заклинания веками собирали. Там есть такое, чего сейчас и не помнит никто.

– Откуда вы его взяли? – выдавил Маленков.

– Из Мексики привезли, – охотно ответил слаш. – Слышал, последний магистр скончался? И книжка эта ему не помогла. Против ледоруба заклинания не работают. Хочешь заглянуть?

Пальцы Сталина тронули корешок, подвигая книгу ближе к Георгию Максимилиановичу. Словно искушая. Тот почувствовал, как в голове начинает потихоньку гудеть. Ему становилось по-настоящему страшно, и Маленков не мог понять, отчего. Не то

¹⁰ Ф.И. Крылов «Лебедь, Щука и Рак».

от происходящего, не то от близкого и долгого соседства с «черным».

– Нет, – покачал он головой.

– И я не хочу, – добродушно улыбнулся вдруг Сталин. – Я для чего тебя пригласил? Ты вот что, Георгий, возьми это и убери так, чтобы никто никогда не нашел. Я ведь могу тебе верить, Георгий?

Отец народов уставился на него угольными немигающими глазами. Маленков дернулся, как прищипленная бабочка. Под взглядом вождя его уже мутило от страха.

Он судорожно кивнул. В ушах звенело.

– Иди, Георгий, – прозвучал где-то бесконечно далеко голос сидящего рядом слэш. – Спокойной ночи.

Маленков поднялся. Как он оказался в машине, Георгий Максимилианович не помнил. Только сердце заходило бешено, словно это за ним гнались с ледорубом, от которого не спасет никакое заклинание.

В себя он пришел уже дома. Ощутил, что жив, что ничего страшного не случилось. Только книга с заклинаниями была у него в руках. Толстая книга в простом черном кожаном переплете, без заглавия, тиснения и прочих украшений.

Маленков задумался. Возник соблазн заглянуть под обложку. Но он подавил его. Так, как сегодня, близкое присутствие «черного» не влияло на него никогда. Значит, не просто так все это. Значит, надо выполнить просьбу, и все.

Просьбу Георгий Максимилианович выполнил на другой день. Он надежно спрятал Регистр и постарался забыть о нем навсегда. Навсегда не получилось, хоть он и не вспоминал о нем очень долго...

* * *

До Митинского кладбища Володя доехал на такси. Всю ночь ему снился товарищ Сталин, потому он, хоть и проспал до полудня, не выспался и был мрачным.

Машина вылетела на Пятницкое шоссе, просвистела Митино. Свернув направо, прокатила по площадке перед кладбищем и остановилась возле входа. Володя расплатился с водителем и вышел.

Он глубоко вдохнул морозный воздух и огляделся. Прямо перед ним были ворота. Правее, там, откуда он приехал, тянулась вдоль площадки вереница теток, торгующих искусственными цветами. Левее устроился мальчишка лет двенадцати с ведром гвоздик пролетарской раскраски. Володя направился к нему.

– Почему? – спросил он.

Мальчишка смущенно назвал цену, словно обкрадывал Володю и боялся в этом признаться.

– Дай дюжину, – сказал Володя. – Чего не в школе?

– Так школа утром, – резонно ответил мальчонка.

Он стащил с руки варежку и ловко дергал гвоздики из ведра. Сосредоточенно считал, шевеля губами.

– А родители знают, что ты здесь торгуешь? – полюбопытствовал Володя.

– А то ж, я мамку подменяю. Она здесь стоит, а сейчас заболела.

Володя протянул деньги. Кивнул на будку с охраной и на ряды лоточных теток с пластиковыми цветами.

– А не боишься, что эти погонят?

– Так они ж мамку знают, – улыбнулся мальчонка. – И знают, что я мамкин.

– Ладно, бывай. Сдачи не надо.

– Спасибо, – засмущался мальчик.

Володя подмигнул ему и пошел к воротам. Настроение было паршивое, хоть он и бодрился. От ворот свернул направо, прошагал по дорожке туда, где виднелся домик. Внутри домика он уже успел побывать вчера. Там сидела пара угрюмых хохмачей. Видимо, работа

на кладбище располагала к черному юмору.

В первый Володин визит они весело обсуждали мертвую бабушку. Когда он вошел в домишко, примолкли, но вскоре продолжили неторопливо смаковать подробности.

Тогда Володя получил чистый лист и бумагу с надписью «пример заполнения заявления на захоронение». Под заголовком шла шапка по правому краю листа, далее надпись: «Заявление» по центру, а следом невообразимая фраза:

«Я, Иванов Иван Иванович, прошу захоронить урну с прахом моего отца
Петрова Петра Петровича».

Володя поднял на кладбищенских работников удивленный взгляд.

– Чего? – спросил один. – Не знаешь, как писать?

– Пытаюсь понять, как у Петрова Петра Петровича уродился Иванов Иван Иванович.

Могильщик реготнул и заявил довольно:

– Люди тупые. Попробуешь иначе написать, они будут пятнадцать раз ошибаться. А так все понятно. Сие парадокс.

Володя подивился витиеватости слога и принялся строчить заявление. А кладбищенские продолжали развлекаться.

– А когда ближайший автобус до Москвы? – спросил Володя, закончив с заявлением и заказом мраморной плиты.

– В половине пятого.

Володя глянул на часы, висевшие на стене. Стрелки показывали пять. Могильщик перехватил взгляд.

– Они стоят. Батарейка год как села.

– А чего не поменяете?

– А традиция, – развеселился второй. – Мертвые лежат, часы стоят.

– Не смешно, – сказал Володя.

– А ты оставайся у нас на недельку-другую, – предложил второй. – Обзаведешься чувством юмора. Или нервным срывом.

Сегодня Володя уже был готов к прибауткам кладбищенских мужиков, но те, видимо, проявляя чувство такта, не хохмили.

Втроем дошли до стены колумбария. Стена была длинная. Бо льшую часть ее украшали разноцветные мраморные квадратики и приложенные или прицепленные цветочки из пластика. Кое-где торчали раздувшиеся от влаги картонные иконки. Другая часть стены напоминала пустые бетонные соты.

Один из могильщиков вставил в пустую ячейку урну и вместе с Володей принялся ждать еле тащившегося собрата. Тот нес тяжелый мраморный квадрат с золотистой гравировкой и фотографией. На фото папа был радостный, но при переносе на керамический овал фотография обрела какую-то солидную и гляцевую серьезность, даже несмотря на улыбку. Володя в очередной раз подумал, что не любит кладбища, памятники и фотографии на могильных камнях.

Кладбищенские работяги забили в ячейку плиту, закрепили. Молча покурили и ушли. Володя постоял рядом, положил к плите подмерзшие гвоздики.

– Прости, – сказал зачем-то, хоть и знал, что никто его не слышит.

Обратно возвращался окольными путями. Проходить мимо домика и наткаться на кладбищенских хохмачей не хотелось, и Володя побрел в обход. Молодое кладбище, существовавшее всего-то с конца семидесятых, было голым и продуваемым насквозь. Володя ежился и прятал лицо от ветра в ворот куртки.

Вот и все. Почти все. Осталось только закончить дела с квартирой. На нее уже нашлись покупатели. Еще вчера ему позвонили из агентства. Володя подъехал к ним, отдал ключи и сказал, что сам появится только один раз на подписание договора. В агентстве поскрипели, но согласились. А сегодня был второй звонок – клиент посмотрел и известил, что готов

купить. Если Володю все устраивает, то они начнут оформлять документы.

Продавать родную квартиру было невероятно жалко. Словно он собирался продать часть себя. Володя собрал всю свою волю и, отсекая себе пути к отступлению, сказал «да». Теперь осталось только дожидаться одного звонка, подписать бумаги, получить сумму на счет и уехать.

Тропинка, струившаяся между заснеженными могилами, кончилась, и он вышел на широкую аллею. Здесь могли не только разойтись два человека, но и разъехаться две машины. И в отличие от вытоптанных тропок тут дорогу худо-бедно чистили.

Володя повернул налево и зашагал по аллее к воротам. Мысли крутились хмурые и вялые. Дойдя до ворот, он поглядел на автобусную остановку. Автобуса не было, но Володя замер. Словно по глазам что-то резануло, отдаваясь в сердце.

Взгляд побежал по пейзажу. Въезд на площадку перед кладбищем от Пятницкого шоссе, лоточки с аляповатыми пластиковыми цветами, будка с охраной и какими-то кладбищенскими бюрократами. Слева мальчик с гвоздиками и черный «Рав 4» с аэрографией на корпусе.

Володя дернулся, но от машины к нему уже шел знакомый крепкий джинна с изменчивыми, как погода, глазами. Сейчас они были ярко-оранжевыми и смотрели на Володю.

«Бежать некуда», – мелькнуло в голове.

Да и незачем. Какой смысл бежать на кладбище, где никого нет, когда можно остаться здесь, где хоть и мало, но есть свидетели. При свидетелях никаких особенно зрелищных заклинаний джинна себе не позволит. Никто не станет хлестать его огненным бичом, как это делала Лейла, не будет рубить «призрачным клинком».

Он нужен им живым.

А против того, что всего лишь обездвигивает, можно попробовать устоять.

Володя, чувствуя, что готов к схватке, отошел от ворот и расслабился. Джинна приблизился, остановился в нескольких шагах. На лице его отразилась легкая растерянность, глаза стали темно-желтыми.

– Чего надо? – спросил Володя с тихой угрозой.

– Поедешь с нами, «коричневый», – безапелляционно заявил джинна.

– А вот твоя хозяйка считает, что я «оранжевый», – Володя решил позлить противника, и это вроде бы удалось.

Глаза лысого налились багрянцем.

– Вне зависимости от цвета, байстрюк, ты сейчас сядешь в машину и будешь паинькой, – процедил джинна.

– Не тебе судить о моей незаконнорожденности, халдей.

– В машину.

Володя отклонился назад и осторожно скрестил пальцы.

– А если нет, тогда что?

Он надеялся еще позлить «оранжевого», но тот оказался более вспыльчивым, чем мог предположить Володя. Вместо ответа он атаковал. Резко и мощно, и все той же «длинной рукой».

Удар был направлен четко в лоб. И если бы «оранжевый» преуспел, ему бы осталось только погрузить бесчувственное тело в машину и отвезти на Рублевку. Володя едва успел выставить щит и зло помянул матушку.

Ну а джинна, не достигнув успеха, внезапно остановился.

– Тебя ищет не она, – быстро сказал он, поняв Володину идиому в буквальном смысле. – Некто более могущественный. Давай решим все полюбовно. Какой смысл в глупой драке? Садись и поехали.

– Мне плевать, кто, – отозвался Володя. – Я не собираюсь даже разговаривать ни с кем из них. Ты хочешь им служить, хвосты заносить – вперед и с песней. Твое право, только от меня отвали.

Володя ударил на последней фразе. Неожиданно, как ему казалось, без перехода. Но лысый успел закрыться от атаки. Два полупрозрачных лезвия столкнулись и рассыпались серыми брызгами.

– У тебя все равно нет выбора, – хрипло ответил джинна и бросил заклинание.

Нечто серое сорвалось с его руки, метнулось к Володе. Он отбил и этот удар, так и не поняв, что это было. Парируя, Володя отметил, что дыхание у противника уже сбито, хотя схватка и не началась всерьез.

Кроме того, лысый оставался один. Не было рядом ни матери, ни кого-то еще. Из чего выходило, что Володю проверяют, держа основные силы в резерве. Либо его преследователи совершали очередной опрометчивый шаг.

Сейчас, в отличие от их первой встречи, Володя понимал, что этот «оранжевый» – маг наверняка более умелый, но не очень сильный из-за малого объема тела Силы. Его хватает на несколько заклинаний, а дальше надо подзаряжаться. Поэтому он не противник и никогда не был противником.

В прошлый раз Сальваторе сумел достать его только потому, что работал в паре. И потому, что Володя не понял еще толком, чего надо бояться, а кого надо смело и открыто встречать кулаком в рыло.

Поэтому он атаковал сам – «длинной рукой», просто чтобы не дать противнику сплести нечто сложное и заодно, чтобы истощить его силы. Метнул заклинание с заходом справа, целя в висок. Джинна защитился. Володя врезал слева. И наносил удары один за другим, заставляя «оранжевого» обороняться.

Лысый пытался выйти из-под атак и перейти в нападение, но не успевал.

Володя продолжал нападать.

В стороне мелькнуло бледное лицо с испуганными глазенками. Мальчишка, что продал ему гвоздики, заметил их стычку. Больше никто не обратил на нее внимания. Только мальчишкам в силу возраста есть до чего-то дело, подумал Володя, и отвлекся, давая лысому возможность вырваться из глубокой защиты.

Джинна схватился за нее и метнул клубок огня, решив, видимо, что противник выдохся.

Со стороны все это выглядело довольно гротескно. Молодой человек интеллигентной внешности и коренастый лысый мужик стоят друг перед другом на расстоянии нескольких шагов, молотят по воздуху руками и скрещивают пальцы, словно актеры театра мимики и жеста.

Увидеть то, что творится на самом деле, что создаются и разрушаются энергетические структуры, простым «коричневым» не позволяла Пелена, вездесущая и невероятно изощренная.

Володя поставил щит в самый последний момент, создавая для врага иллюзию собственной усталости. Джинна почувствовал, что близок к победе, и глаза его засияли победоносно-золотым.

Глупые, вспыльчивые оранжевые маги. И в глазах у вас все читается, как в открытой детской книге с большими буквами и красочными картинками, иллюстрирующими чуть ли не каждое слово.

– Будешь докладывать хозяевам о своем поражении, – сообщил Володя, закрываясь от очередного выпада, – передай, чтобы в другой раз готовились основательнее. Вместе вы, может быть, и сила, но поодиночке – никто.

Джинна еще раз швырнул заклинание, но то разбилось о защиту.

– Думаешь заговорить мне зубы? Не выйдет, мальчик. Через пару минут ты будешь лежать у меня в машине!

Володя выставил щит, одновременно создал иллюзию – поток устремившихся в лицо противнику летучих мышей. И тут же шарахнул резко и яростно, используя все силы, которых у него оставалось больше, чем у джинна.

– Пошел ты на хер! – рявкнул Володя.

От почти поверженного противника Сальваторе не ждал такой прыти, среагировать и выстроить защитное заклинание он не успел. Глаза его побелели. Видимо, в последний момент «оранжевый» осознал собственный промах.

«Длинная рука», которую называют еще и «молотом», ударила джинна по лбу и в самом деле подобно молоту, бьющему по наковальне. Взгляд того стал оловянным, будто «оранжевый» с разбегу вломился в несущийся полным ходом товарняк. Лысый пошатнулся и мешком повалился на землю.

Володя огляделся в поисках основных сил врага, спрятавшихся в резерве. Но никого не обнаружил. Только подползал к остановке свернувший с Пятницкого шоссе «Икарус» да тарасил на Володю испуганные глазенки мальчишка с гвоздиками.

Идиоты... даже не подстраховали своего посыльного!

Володя шагнул к пареньку. Тот со страхом смотрел то на Володю, то на валявшегося в трех шагах лысого.

– Чего такое? – поинтересовался Володя.

– Что с ним? – пролепетал бледный мальчонка.

– Ты же слышал, – пожал плечами Володя. – Я его на хрен послал, а он очень чувствительным оказался.

– Он умер? – отпрянул мальчишка.

– Нет, но сильно разнервничался. Сила слова. Ты вот матом ругаешься?

Мальчишка вытаращил глаза, беззвучно открывал и закрывал рот, пытаясь осмыслить сказанное. Смотреть на него было жалко и смешно.

– Н-нет, – пробормотал он и тут же поправился: – Да... немного...

– Больше не ругайся, а то мало ли что, – сказал Володя и кивнул на распростертое тело. – Видишь, как бывает.

Мальчишка судорожно мотнул головой. Володя развернулся и пошел к автобусу. Тот уже выгрузил пассажиров, приехавших из города, и собирался ехать обратно.

* * *

– Итак? – Степан сидел под портретом Булгакова в пустынной кофейне на Никитском бульваре и смотрел на второго магистра взглядом, от которого хотелось съежиться и забиться в щель.

– Они облажались, – сказал Даргри, сел и жестом остановил дернущуюся было к нему официантку. – Мы теряем мальчика.

– А что говорят твои люди? – поинтересовался Степан, полируя пальцами стакан с виски.

– Они не люди, – помотал головой дейвона. – Джинна. Я завербовал мать мальчишки через свой канал и...

– И послал этот самый канал за парнем, даже не озаботившись подстраховкой. Матушку постреленка мог бы отправить следом. Ну и мальчишка в результате ушел. Ты не находишь, что все выглядит глупо?

Даргри нервно захлопал себя руками по груди, бокам. Вытащил сигариллы, выудил одну из коробки и прикурил. Пальцы дейвона мелко дрожали.

– Они не доверяют друг другу и тягаются между собой, – сказал он, выпуская струйку дыма. – Это нормально.

– Даргри, – Степан подался вперед. – Это нормально, но не в этом случае. Нам нужен результат. Ты взял все в свои руки, в результате мы потеряли мальчишку. Кто в этом виноват? Твои джинна? Они лишь выполняли твои приказы. Кажется мне, что дело не в них, а в тебе.

Даргри поморщился. Стиль разговора ему не нравился, но он ничего не мог противопоставить соратнику. Тот был во многом прав. И дейвона только нервно затянулся.

– Ты вытащил этот материал, Даргри, – продолжал Степан. – Мы сделали на него

ставку. Мы потратили на него силы и время. А теперь мы теряем этот материал по какой-то совершеннейшей несоразмерности. А может, не теряем?

Он пристально посмотрел в глаза второму магистру.

– Может, вопрос доверия стоит не между твоими джинна, а между нами?

– В этом провале есть моя вина, – неохотно сознался Даргри. – Я хотел поставить на место излишне своенравную мать мальчишки и сделал чересчур серьезную ставку на своего...

– Твой канал – это тот аморфный «оранжевый», которого мы приняли в орден? – спросил напрямик Степан.

Даргри кивнул.

– И ты решил, что он сможет справиться с тем, с кем не справилась до того глава северо-западного московского землячества? Ты сошел с ума, магистр.

Дейвона молчал, нервно пыхая сигариллой.

– Что ты обещал ей?

– Возможно, место среди наибольших ордена, в случае победы – источник, из-за которого у них грызня с «белыми» и «коричневыми».

– Зачем ты тащишь в орден джинна, Даргри? – глядя в глаза дейвона, спросил Степан.

– Орден – это представители четырех сфер, Стефано, – выразительно проговорил «серый».

Степан скрежетнул зубами.

– Раньше, магистр, раньше, – ответил он в тон собеседнику. – До чисток двадцатых годов. А сейчас орден – это ты и я. Других магистров нет, Даргри. И я не уверен, что нам стоит восстанавливать историческую правду и давать в ордене место вспыльчивым и козлоногим. На низших ролях – возможно. Но я не готов дать «оранжевым» право голоса наравне с твоим или моим.

Даргри молча затушил окурок, размазав его по донышку пепельницы. Вынул вторую сигариллу. Раскурил. Степан поморщился.

– Что будем делать с мальчиком? Где его теперь искать, Даргри?

Дейвона ждал этого вопроса, у него в рукаве был туз специально для такого случая. Он бросил на стол свернутую в трубочку газету и победно посмотрел на собеседника.

– Там подчеркнуто, – пояснил «серый».

Степан взял газету, поводит взглядом по страничке, нашел выделенное место и замер.

Даргри мысленно радовался, отыгрываясь за пережитое унижение. Хотя отчитывали его и по делу, слушать это было неприятно. Примерно так же чувствовал себя побитый Сальваторе, когда оправдывался перед Даргри, а под конец разговора вынул газету, как последний аргумент. Объявление нашел именно «оранжевый», но говорить об этом коллеге Даргри не собирался.

– Что это?

– Это квартира мальчишки, – победно улыбнулся дейвона. – Он ее продает. А значит, рано или поздно он там появится. За квартиркой следят.

– Кто? – быстро поинтересовался спортивный пиджак.

– Те же, – неохотно отозвался Даргри. – Я отправил их сразу же, как только узнал о ней.

– Хорошо, – неожиданно легко согласился Степан. – Как только появится мальчишка, пусть «оранжевые» сразу свяжутся с тобой. И со мной. Будем брать его общими силами. Потерять парня нельзя.

Даргри не спорил. Сейчас он не имел на это морального права.

Они перекинулись еще парой слов и распрощались. Дейвона поднялся и ушел. Человек остался с недопитым виски, изрисованной газетой и двумя вонючими бычками в пепельнице.

В голове у Степана роились невеселые мысли. Вопрос о доверии не отпускал магистра. Он не доверял дейвона. Его поступки могли быть не самостоятельными. За Даргри могла стоять как мать его собственного клана, так и совет матерей кланов. Степан не исключал и

такой возможности.

В конце концов, при восстановлении ордена после его полного краха в тридцатых магистр-дейвона был выдвинут одним из могущественных московских кланов «серых». Весь клан, конечно, за таким выдвижением стоять не мог, но вот его колдуны и мать...

Тогда они заявили, что Даргри Ахмед Шафти является наследником одного из покойных магистров. Седьмая вода на киселе, но при правильной подаче, как выяснилось, уже магистр.

И если Степан, почитавший себя Кучковичем, хотел воссоздания ордена, а затем и исторической справедливости, то с дейвона внутри ордена ему придется мириться. А значит, придется мириться и с Даргри, и с тем, кто стоит за ним – матерью клана или какими-то хитрыми чародеями.

Но если этот рогатый самостоятелен и ведет свою политику, то совершенно ясно, для чего ему джинна. Даргри будет упирать на восстановление исторической справедливости и попытается сделать представителя, а скорее представительницу оранжевой сферы третьим магистром, и тогда расклад в ордене станет два к одному. И в одиночестве останется при этом человек.

Почему вышло так, что когда собрались жалкие остатки «Тетраграмматона», неожиданно объявился дальний родственник бывшего магистром дейвона? Почему его не прибили в младенчестве?

Степан был уверен, что орден не должен повторять ошибки прошлого. А ошибка была не в том, что магистры от четырех сфер устроили между собой разборки, ослабив «Тетраграмматон» на пике могущества. Ошибка была в том, что в верхушку ордена вообще впустили когда-то представителей гостевых рас.

Степан пребывал в уверенности, что власть должна быть централизованной. И сосредоточена она должна быть в его руках. По праву наследия, о котором говорил лежащий в кармане древний оберег. Пустая безделушка без всякой магической начинки. Просто символ. Но этот символ кое-что значил.

Только централизованной власти не получалось. Магистров уже было двое. И свернуть шею Даргри он не мог. Те, кто шел за ними и служил ордену, не простили бы. Приходилось уживаться.

И у чертова дейвона в его рогатой голове тоже были, по всей видимости, подобные мысли. Иначе не стал бы он так старательно тянуть в орден представителей еще одной сферы, оранжевой.

Сейчас, взвесив все «за» и «против», Степан готов был уступить «серому» и позволить ему удовлетворить эту маленькую слабость. Плевать на джинна, плевать на то, что они сговорятся. Плевать на все, включая дисбаланс сил – два против одного. Потому что дисбаланс выйдет иной, если на его сторону встанет полукровка. А то, что мальчишку получит он, а не Даргри, Степан был уверен. Хотя бы потому, что для дейвона мальчик был средством, а для него – целью.

Можно даже возвести мальчика в сан магистра. Но это потом. А сейчас главное добраться до него первым и быть с ним предельно мягким и искренним. Его уже приложили, так что, если выступить на контрасте с другими, постреленок сдастся легче и быстрее.

Именно поэтому Степан потребовал звонить ему сразу, как только мальчишка нарисует в зоне видимости.

Теперь оставалось только ждать звонка.

* * *

Документы подготовили с удивительной быстротой. Пару раз перезвонили, уточняя подробности, а на третий назначили время.

Домой Володя приехал за два часа до встречи. По дороге от метро заглянул в магазин, который когда-то при советской власти был универсамом, потом сменил пачку названий,

пока не стал «Перекрестком».

В магазин он зашел с заднего входа, где стояла фура и курили грузчики. Последние были кстати. Володя пристал к работягам со слезной просьбой, и через десять минут стал обладателем пачки развернутых и связанных стопкой картонных коробок.

Топать с картоном до дома не хотелось. Володя вышел к дороге, поднял руку и поймал попутку. До подъезда домчался с ветерком, а там пришлось повозиться. Сперва вылезая из салона с кипой картонок, потом втискиваясь с ней же в двери подъезда.

Он надеялся, что тут просто не успеют устроить засаду – пока еще избитый «оранжевый» доберется до своих шефов, но все же был готов к тому, что придется сражаться. Но драться не пришлось, он вообще никого не встретил в подъезде, и это обрадовало и одновременно почему-то обеспокоило.

Родные пенаты встретили чувством ностальгии, горьким, как чифирь, и светлым, как будущее советского народа. Володя, с тоской давя в душе воспоминания, поднялся на свой этаж и отпер дверь.

Квартира казалась местом из прошлого воплощения. Будто когда-то в его жизни играли «Женитьбу Фигаро», потом, в новом сезоне, поставили «На дне», а когда про спектакль прошлого сезона все уже забыли, кто-то зачем-то вытащил на сцену декорации от него.

Володя закрыл дверь, быстро свернул коробки, превращая листы картона в картонные емкости, и принялся загружать внутрь то, что казалось ценным.

Ценного было немного. Коллекция папиных миниатюр, развешанная на стене в коридоре. Картинки заняли одну большую коробку. И папина библиотека. Под нее ушли все остальные картонки.

Все ценное уже увезли, все дорогое уже упаковано. А остальное – балласт, каким забита жизнь каждого. Сейчас настало время избавиться от этого балласта. И Володя сделал это почти без сожаления.

На коробках он просидел недолго. Через четверть часа позвонили в дверь. Володя отпер.

Гостей оказалось трое: представитель агентства и клиенты. Агент вызывал неприятное ощущение. Агрессивно-активный, натянуто-бодрый. Он был весел и улыбчив, но не потому, что любил людей или свою работу, а потому что улыбка продавалась по сходной цене вместе с остальным пакетом услуг. Клиенты – молодая пара. Мальчик очень делового вида и его жена – беззаботная откровенная хохотушка. Неглупая, но искренняя.

Девушка сразу расположила к себе. Муж не вызвал никаких эмоций.

Володя слушал агента, говорил с клиентами, потом смотрел бумаги и ставил автографы. А в голове все это время крутилась только одна мысль: интересно, кто этот клиент – юный гений от коммерции или чей-то сынок?

– Что с мебелью? – поинтересовался клиент, статус которого Володя так и не смог для себя определить.

– Ничего, – ответил Володя. – Если хотите, могу отгрузить на помойку. Если хотите, могу оставить. Мне здесь ничего не нужно, кроме этого.

Он кивнул на коробки.

– У меня к вам будет просьба, – продолжил Володя. – Не сейчас, потом, когда переедете. Я оставлю деньги, мне нужно будет, чтобы вы отправили эти коробки по одному адресу. Я запишу.

Искушение использовать магию и внушить собеседникам нужные эмоции отогнал.

– Конечно-конечно, – с радостью откликнулась жена и посмотрела на мужа. – Нам ведь нетрудно, правда, милый?

«Милый» неопределенно мотнул головой.

– А что там? – осведомился он с подозрением.

Хотя спросить хотел скорее: «А сам чего не отправишь свои коробки по своему адресу?» Этот вопрос был написан у него на лбу большими буквами, но то ли вежливость, то ли поспешное решение женушки не позволило ляпнуть то, что хотелось.

– Книги, – ответил Володя. – Это библиотека моего папы. Он умер, для меня эти книги дороги как память. Так что я буду признателен, если вы найдете возможность...

Жена клиента заверила, что они обязательно все сделают, что им вовсе не трудно. И Володя под мрачным взглядом клиента, которого эта затея явно не радовала, написал на бумажке адрес Потапкина.

А потом... Документы разошлись по карманам. Володя получил заверения, что деньги на счет переведут уже сегодня. Агент шумно всех поздравил и умчался первым. Володя вышел на лестницу вместе с новыми хозяевами его дома. Запер дверь и отдал ключи.

– Все, – сказал скорее себе, чем клиентам. – Прощайте.

– Было приятно познакомиться, – улыбнулась новая хозяйка. – Заходите как-нибудь на чай.

От ее улыбки стало немного теплей. И хотя муж смотрел на Володю бирюком, он вдруг почувствовал, глядя на хозяйку, что оставляет дом не в плохих руках.

Вызвали лифт. Остановился пассажирский, там уже были жильцы верхних этажей. Для троих в нем места не оставалось. Володя пропустил клиентов вперед, еще раз попрощался и пошел вниз пешком.

Вот и все. Все кончено. Когда-то здесь был его дом. Здесь жили его папа и мама. Они тогда были его единственными родителями. Он не был магом. У него были работа и учеба. И у его папы была работа. И он был жив.

А еще по ночам завывала, будто сирена, самопальная сигнализация маленького ушастого носатого человечка Пет-Роча. Он тоже был жив. Вечно ковырялся с машиной, которой теперь и у подъезда-то нет на прежнем месте. Интересно, куда делась колымага Часовщика? Наследники нашлись? Или кто-то эвакуатор вызвал?

А еще родители в той жизни ворчали на него за то, что он поздно приходит домой и слишком много внимания уделяет фотоделу, хотя у него есть прекрасная специальность. Ну, пусть пока нет, но скоро будет.

Володя кисло усмехнулся собственным мыслям. Ведь тогда все это его трогало. Из этих споров с родителями вырастал конфликт, который терзал, изматывал нервы. Все это выглядело важным. Теперь оказалось, что важно совсем другое, а прошлая жизнь – балласт. Даже фотодело, в котором видел себя и свое воплощение, отступило на задний план. Володя не мог вспомнить, когда последний раз брал фотоаппарат в руки. А почему? Может, потому, что появился настоящий смысл? А раньше его просто не было. И если бы одним осенним днем не возник в его жизни маг с несоветским именем Ник, возможно, этот настоящий смысл и не возник бы?

Выходит, в жизни у любого есть пустота и отсутствие смысла. Вакуум, который каждый человек стремится заполнить по мере своих способностей. Пустота забивается всяческим хламом, и должен появиться настоящий смысл, чтобы этот хлам вытолкнуло наружу. А ведь многие тянут всю жизнь и умирают с этой захламленностью и в душе, и в быту. Умирают, так и не узнав даже, что в их существовании не было настоящего. Они вылетели в жизнь с балластом, долетели с ним до ее конца, но так ничего и не произошло во время полета, что могло бы заставить даже не сбросить балласт, а понять хотя бы то, что он есть.

Он проскакал по ступеням, вылетел на первый этаж и замер. Его ждали, но не клиенты. Справа на площадке у лифта стоял Сальваторе, слева на лестнице, ведущей к выходу из подъезда, караулила Лейла. Выглядело все так, будто «оранжевая» перекрывала пути к отступлению, а ее сородич собирался подняться вверх и гнать жертву вниз. Возможно, так на самом деле и было. А личность жертвы сомнений не вызывала.

– Мой мальчик, – хищно улыбнулась мать и поспешила к нему.

От лифтов метнулся лысый. Володя не стал ни разговаривать, ни ждать продолжения. Он развернулся и помчался вверх по лестнице.

– В лифт! – донесся снизу голос матери.

Топот, звук разъезжающихся дверей лифта и этот вопль смешались в единую

какофонию. Володя мчался вверх. Мелькали ступени, колотилось сердце. Сзади продолжали топтать с не меньшей, чем у него, скоростью.

Интересно, лысый послушался и поднялся вверх на лифте? Или бежит следом? Если вверх, то до какого этажа? И что будет делать? Ждать? Или спускаться?

Вопросы мелькали в голове, как стеклышки в калейдоскопе. Ответов не было. Да они и не имели смысла. Лестница конечна. Каких-то семнадцать этажей. По два марша на каждый. Тридцать два пролета, а там крыша, запертая на замок. И все. Бежать некуда.

И куда деваться?

Володя обернулся, споткнулся и чуть не упал. Скакать через несколько ступенек, как раньше, теперь не получалось. Подвернутая нога заболела. Он посмотрел в пролет. Двумя этажами ниже по перилам скользила рука. Женская. Значит, лысый все-таки поехал вверх.

Он замер, приводя тело Силы в боевое состояние. Из кулака вынырнул «призрачный клинок». Володя размахнулся и ударил им в пролет по скользящей по перилам уже в двух лестничных маршах от него руке.

Снизу вскрикнули.

– Сучонок, – прошипел злой женский голос.

Больше звуков не было. Мать притаилась. Возможно, была ранена. Володя осторожно посмотрел вниз. Поперек пластикового покрытия перил, там, куда он саданул заклинанием, виднелась глубокая зарубка. Словно кто-то в самом деле попытался перерубить перила саблей или шашкой. Крови и отрубленной кисти видно не было.

А чего он ожидал? Кровавой сцены из фильма Тарантино? Мать ведь тоже не первый день на свете живет, и не первый год имеет дело с боевой магией. Вот только где она затаилась?

Ответ пришел сам собой. Этажом ниже в пролете мелькнуло бледное от злости лицо с кроваво-красными глазами. Володя рефлекторно отпрянул, и вовремя. Вверх вздернулась волна пламени, облизала потолок и тяжело грянула вниз, напомнив о балроге из фильма по Толкиену.

Лицо обдало жаром. Запахло паленым. Судя по ощущениям, огонь прихватил брови, ресницы и чуб. Не сильно, но все-таки. Пластиковое покрытие перил почернело и в некоторых местах отекло неряшливыми соплями.

Володя хотел снова ударить вниз, но Лейлы в пролете видно не было, а подставляться под атаку казалось не самым умным решением. И заклинаний, способных поразить противника, которого не видно, Володя не знал.

Он прислушался. Внизу тихо,верху тихо. Только кричал кто-то за окном на улице и, тяжело ухая, перегоняло кровь сердце.

Оба лифта, судя по отсутствию звуков, стояли на месте. Интересно, на каком этаже? В любом случае лысый джинна где-то сверху и ждет его там. Значит, и лифт там же. Володя прикинул, что можно подняться на один марш, тихо свернуть на этаж и вызвать лифт. На нем спуститься и бежать. Но если бесшумно пройти два десятка ступеней – можно, то вызвать лифт беззвучно вряд ли получится.

Отправиться вверх? Снизу погонит мать, сверху ждет лысый. Рано или поздно он окажется зажатым между двух магов. А с двумя ему не справиться. Или справиться?

А может, дернуть вниз? Там мать, она ждет, затаилась, но если одолеет ее и проскочит, то можно считать – ушел. А если не одолеет? А если не проскочит? А если проскочит, но подставит спину?

Некуда бежать.

– Сальваторе! – закричала снизу мать. – Где ты там? Спускайся, я держу его.

Володя вздрогнул. Ну, вот и решение. Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе.

– Сальваторе! – снова проорала Лейла снизу.

Где-то далеко наверху забухали по ступеням тяжелые ботинки. Володя посмотрел на ближайшее окно, то, что было маршем выше. В углу стекла красовалась бордовая цифра,

намалеванная краской через трафарет. Краска пооблупилась, но цифра читалась. Маршем выше был восьмой этаж. Маршем ниже соответственно седьмой. Топот приближался, нарастал с каждой секундой.

Володя кинулся вниз, вызывая «призрачный клинок».

Мать ждала сына и с хищной ухмылкой бросилась навстречу.

Он ударил первым, но «призрачный клинок» врезался в щит и разлетелся на куски. Володя рванулся дальше, отпихивая джинна плечом уже без всяких заклинаний. Та дернулась от толчка и начала заваливаться на спину. Схватила Володю за куртку, и они закувыркались по ступенькам вместе.

На какое-то мгновение он потерял ориентацию. Все вокруг завертелось. Он бился о ступени, пытался высвободиться из материнской хватки, один раз почувствовал, что сейчас свернет себе шею, но ощущение пропало так же мгновенно, как и возникло. А потом ударился головой о металл батареи, и в глазах потемнело.

Помутнение сознания было кратким. Уже в следующий момент он снова ясно видел и чувствовал окружающий мир. Он оказался сверху, и, хотя разбил себе башку о батарею, матери повезло меньше.

Лейла лежала на бетонной площадке с не то закатившимися, не то побелевшими глазами. Володя подскочил и, не обращая внимания на отключившуюся мать, побежал вниз, прыгая через три ступеньки.

Сзади тяжело бухали ботинки лысого.

Потом мерный топот оборвался. Видимо, «оранжевый» добежал до своей хозяйки. Володя услышал его взволнованный голос, но слов не разобрал. Следом донеслась еще одна реплика, хриплая, но явно произнесенная голосом Лейлы.

Мать была жива и уже в сознании. Лысый ответил что-то, и топот возобновился с увеличившейся скоростью. Володя спрыгнул на площадку первого этажа, в три прыжка преодолел лестницу к входной двери и, пролетев тамбур, выскочил из подъезда.

Снаружи было солнце, мороз и искрящийся снег. Белый свет заставил прищуриться. Направо? Налево? Володя свернул налево от подъезда, с той стороны выход со двора был ближе.

Не оглядываясь, добежал до конца дома и выскочил на улицу. Бежать с каждым шагом становилось все тяжелее. Болела нога, после кувыркания по лестнице ныло все тело. Не хватало дышалки и заканчивался адреналин.

Хромая, Володя перебежал через дорогу и нырнул в соседний двор. Болела голова. По переносице текло что-то теплое. Володя потрогал мокрое и поглядел на пальцы. Подушечки оказались вымазаны в крови. Он коснулся лба и чуть не взвыл от боли. Там вздулась приличная шишка, рассеченная по центру кровоточащей раной.

Он чертыхнулся. Куда дальше? Петлять. Затеряться, чтобы только не догнали. Сбежать от преследования. А потом в метро. Нет, не в метро. У метро могут ждать. Автобус? Троллейбус? Поймать машину?

Он оглянулся, боясь увидеть преследователей, но позади никого не было. Неужели оторвался? Или Сальваторе видел, куда он побежал, и будет перехватывать в другом месте?

От этой мысли в груди похолодело, а спина намокла, словно он мчался не по Москве среди зимы, а по Синопу¹¹ в разгар курортного сезона. Володя чуть не врезался в идущего навстречу мужчину. Сердце едва не разорвалось от страха, но уже в следующую секунду он понял, что перед ним не джинна.

– Простите, – бросил на автомате Володя и непонятно зачем активировал магическое зрение.

Он попытался обойти мужчину, но тот снова оказался на пути. Он был немолодым, но выглядел молодо настолько, что определить его возраст Володя не взялся бы. Одет он был в

¹¹ Город в Турции. (Прим. ред.)

короткое черное полупальто.

– Не страшно, – улыбнулся мужчина. – Закурить не будет?

Володя помотал головой:

– Не курю.

И побежал дальше. Перед глазами вдруг возникла улыбка мужчины. Было в ней что-то такое, что не выходило из головы. Или не в улыбке... Не в улыбке! Сердце замерло от нахлынувшего понимания. Володя не увидел его тела Силы. Совсем. У обычного человека аура невелика, четко соответствует физическому телу, и маг ее всегда обнаружит.

А здесь Володя не заметил ее совсем.

Тот, кто только что просил закурить, был магом.

Володя остановился и медленно, как в жутком ночном кошмаре, от которого невозможно освободиться, начал поворачивать голову назад. Время словно застыло. Движения выходили неспешными, словно у завязшего в янтаре насекомого. Казалось, можно двигаться резче, но в ночном кошмаре это невозможно. И в конечном итоге из-за этой невозможности сделать что-то ночные кошмары всегда заканчивались тем, что он не успевал. Не успевал, и из-за этого случалось нечто непоправимое.

Но здесь-то был не сон!

И все же Володя не успел. Тень мага мелькнула на краю зрения. Последовал тупой удар в висок, сознание помутилось, и Володя почувствовал, что падает на снег. Только упасть он должен был на белое, а вместо этого провалился в черноту.

Глава 16

Даргри не обманул, позвонил, как договаривались, и позвонил вовремя.

Как выяснилось позже, еще чуть-чуть, и они бы снова опоздали.

Поговорив со вторым магистром, Степан, едва положив трубку, кинулся вон из офиса. Дейвона он подобрал в городе, усадил к себе, мотивируя тем, что знает Крылатское, а тот сам до места ехать будет долго и наверняка заблудится. «Серый» не сопротивлялся, хотя в чужой машине чувствовал себя неудобно.

«Мерседес» уже подъезжал к нужному подъезду, когда из двери вылетел мальчишка. И эта неожиданность сыграла на руку Степану, она давала возможность остаться с мальчишкой тет-а-тет, ничего не придумывая и не напрашиваясь на конфликт с Даргри, у которого наверняка были на мальчика свои виды.

Парень бросился бежать.

– Это же он! – всполошился Даргри.

– А джинна твои где? – мгновенно среагировал Степан.

Дейвона замешкался с ответом. Но тут дверь подъезда вновь распахнулась, и на улицу вылетел дважды опростоволосившийся «оранжевый».

– Займись джинна, – велел Степан. – А я за мальчишкой.

Даргри замер, в глазах его мелькнула неуверенность.

– Ну! – прикрикнул Степан.

И дейвона послушно выпрыгнул из машины. Лысый увидел его и приостановился. Степан прибавил газа и поехал прочь со двора. Магистр ликовал. Случай был на его стороне. Возможность первым и без свидетелей заполучить парня в свои руки он уже получил. Куда бежит мальчик, видел, а передвигался быстрее него. И в отличие от преследователя, преследуемый не знал противника в лицо.

Теперь на стороне магистра были все преимущества, и Степан не торопился. Спешить уже было некуда. Мальчишка теперь его, и только его. Все сложилось одно к одному и как нельзя лучше.

И он сделал все как надо.

Мальчишка оказался совсем нетяжелым, да и машину Степан, к счастью, оставил совсем рядом. Взяв бесчувственное тело на плечо, он дошел до темного «Мерседеса» и

уложил обмякшего парня на заднее сиденье.

Закрыв дверцу, обошел автомобиль. Сбросил полупальто, оставшись в пиджаке спортивного кроя. Пальто легло на переднее сиденье, а магистр уселся за руль. Машинами он пользовался редко. А сам водил только в случае крайней необходимости. Сейчас такая необходимость была.

Степан неспешно выехал со двора.

Наконец-то все складывалось удачно.

Даргри остался со своими пламенными друзьями. В такой ситуации бросить их дейвона не мог. Ему бы не простили. И все попытки привлечь джинна и затянуть их на свою сторону провалились бы. Вряд ли Даргри пожертвует их поддержкой ради призрачного шанса занять на своей стороне мальчика-провидца.

Теперь они все в стороне, они – вне игры.

А мальчишка его. И мальчишка примет его сторону. Потому что первым правду мальчику скажет он. Он будет искренним, убедительным и понимающим. Сыграет на чувствах мальчика, а не на своих интересах, как это сделала глупая джинна. Тут главное – подобрать нужные слова, и уж он их подберет. А имея на своей стороне полукровку с такими способностями, он сможет позволить даже ввести в орден джинна. Это ничего не изменит. Потому что расклад будет совсем другой.

«Мерседес» крутнулся под мостом, выехал на Рублевку и покатил в центр.

* * *

...Первым к нему пришел Берия. Георгий Максимилианович знал, что мингрел самый обыкновенный человек. Но если Лаврентий Павлович не относился к миру за Пеленой, это вовсе не означало, что он был прост. Магических способностей Берия не имел вовсе, но отсутствие умений в этой области с лихвой компенсировалось иными навыками.

Маленков, хоть виду и не показывал, относился к нему с опаской и уважением. Причем за что уважал, того и опасался. Берия умел видеть глубже, чем привыкли смотреть обычные люди или даже средние маги.

Как он узнал о реальном положении вещей, оставалось только догадываться, но когда Лаврентий Павлович появился у Георгия Максимилиановича, то знал он о мире чуть ли не больше самого Маленкова.

Берия ничего не предлагал. Он просто пугал осведомленностью и заставлял задуматься. О многом. В частности о стране и о власти. И при этом намекал, что готов пойти на многое.

Когда мингрел ушел, Маленков долго прокручивал в голове картины прошлого и настоящего. Берия рисовался человеком не просто умным. Георгий Максимилианович боялся даже представить себе, какой хитрой конструкции и силы машина крутится в круглой голове с маленькими глазками, спрятавшимися за круглыми очками.

За Лаврентием Павловичем виделась ГБ. За маленькими глазками – острый ум, сумевший без всякой магии докопаться до таких реалий, какие доступны не каждому колдуну.

Вторым пришел Хрущев. Дейвона был нагловат, грубоват и не сильно умен. Магическими способностями Никита Сергеевич тоже не обладал, но в мире сквозь Пелену за ним стояла партия, а в реальном мире – совет матерей кланов Москвы. А эта сила была никак не меньше, чем ЦК в мире людей.

Хрущев не стал тянуть кота за хвост и выложил все разом. Правда, иносказательно, поведав, что одному Кошею пора на покой. Дескать он, Хрущев, знает, где хранится смерть Кошеева.

– Кошей-то бессмертный, – намекнул Георгий Максимилианович.

– Бессмертных не бывает, Маланья, – мерзко ухмыльнулся Никита Сергеевич.

– Не боишься, что я расскажу Самому?

Дейвона покачал головой. Он в самом деле не боялся. Во-первых, разговор шел тет-а-

тет и доказательств тому, что Никита Сергеевич фактически предлагал убийство, не было. Во-вторых, за Хрущевым стоял совет матерей кланов. А с этой силой в открытую не стал бы спорить даже «черный». Потому что вступление с советом матерей в открытый конфликт было равноценно объявлению войны всем дейвона Москвы. А в-третьих, хохол говорил дельные вещи.

И Маленков задумался.

Слаш, находящийся на троне, пугал Георгия Максимилиановича все больше. Маленков не понимал Сталина, не понимал, что происходит в голове «черного», хоть и был чуть ли не ближе других к нему. Более того, если со Сталиным что-нибудь случится, власть в стране реально перейдет в его руки.

Маленков почувствовал, как от этой мысли бросает в пот и ладони становятся влажными.

Допустим... нет, только представим на минуту, что «черного» не стало. Что останется? Он – маг и правая рука. Берия, за которым Г.Б. Жуков – маршал Победы. За этим армия, и если Георгию Константиновичу захочется полезть во власть...

«Нет, не захочется, – оборвал себя на середине мысли Маленков. – Не из той породы».

Да и к магам этот человек никакого отношения не имеет. Еще есть остатки «старой гвардии». Но эти опять же никто в реальном мире. Тех, кто имел отношение к «Тетраграмматону», давно и успешно прикончили, оставшиеся – просто люди. Самые обычные люди. Но в мире людей на них можно сделать ставку. Или нельзя?

Маленков еще раз перебрал в уме все сколь-нибудь значимые силы. Каждая из них в отдельности не могла претендовать ни на что серьезное. Никакая из этих сил не смогла бы свернуть шею слаш и удержать в руках власть. Нужен был союз. Но с кем объединяться? С недалёковидным дейвоном? Или с простыми людьми, какая бы мощь за ними не стояла?

Нет, решил для себя. Пока, как бы пугающе ни выглядел «черный» у власти, менять его ни на кого другого не следует.

Мнение свое он изменил через неделю. И виной тому стал сам слаш.

Товарищ Сталин позвонил за полночь.

– Георгий, – произнес в трубке знакомый голос.

– Да, – ответил Георгий Максимилианович, хоть в голосе «черного» не было ни намека на вопросительные интонации.

– Мне нужен Регистр, Георгий.

Маленков почувствовал, как холодеет внутри. То, что и без того могущественный маг отказался от обладания книгой заклинаний «Тетраграмматона», немного успокаивало Георгия Максимилиановича. Ему казалось, что решение принято раз и навсегда. Теперь выяснилось, что оно может меняться.

Зачем Сталину понадобился Регистр? Что он задумал?

– Ты сохранил его? – поинтересовалась трубка.

– Да, – деревянно отчеканил Маленков.

– Ты не заглядывал внутрь?

– Нет.

– Я отправил за тобой машину. Ты привезешь мне Регистр прямо сейчас.

– Да, – ответил Маленков.

– Хорошо, – едва заметно потеплел голос, и трубку положили.

Машина пришла спустя четверть часа. Когда к нему вошли молчаливые люди в штатском, Георгий Максимилианович был уже готов. Регистр был извлечен из специально придуманного тайника. А еще полтора часа спустя Маленков сидел на ближней даче в кабинете Сталина. И между ними лежал фолиант в черном кожаном переплете.

– Хорошо, Георгий, – просто произнес слаш и улыбнулся.

И прозвучало это так, что Маленков второй раз в жизни почувствовал жуткий, до икоты, до тошноты, страх. С этим страхом Георгий Максимилианович покинул кабинет и дачу. С ним вернулся домой. Под гнетом паники не мог заснуть.

– Что он задумал? – бормотал, словно в бреду, Георгий Максимилианович.

Бормотал тихо, себе под нос, чтобы не разбудить жену и детей. А ответа не было. Зато был страх. Причем не тот, беспричинный, от появления рядом представителя черной сферы, а вполне осознанный.

И Маленков дал дейвона свое согласие или скорее даже благословение. Третьим участником заговора стал один умный человек в круглых очках. Хрущев заручился и его поддержкой. Хотя, чтобы подсыпать вождю отраву, помощь ему ни от Берии, ни от Маленкова не была нужна.

Георгий Максимилианович так никогда и не узнал, чем отравили Сталина. Яд был экзотическим и действовал только на слаш. Откуда яд взялся у Хрущева, было ясно как божий день. Откуда совет матерей кланов узнал, чем можно отравить кажущегося бессмертным «черного», навсегда осталось для него такой же загадкой, что и название яда.

К Сталину он приехал, когда тот уже был без сознания и умирал медленно, но верно. Зачем Маленков поехал к вождю, он и сам не знал. Быть может, хотел найти Регистр? Или жаждал удостовериться, что слаш умирает и что сам он к этому не имеет никакого отношения?..

Слаш выглядел паршиво. Темная кожа его посерела, черные глаза ввалились. Под ними появились свинцовые круги. И худоба стала просто невероятной, словно мешок с костями обтянули кожей.

Маленков постоял над телом грозного мага, сумевшего победить могущественный орден и сосредоточить в своих тощих руках всю власть по обе стороны Пелены. Казавшийся вечным, Сталин доживал сейчас последние часы. Вызывавший одним своим присутствием ужас, слаш был сейчас вовсе не страшным. Напоминал мумию. А вот мысль о том, что будет дальше, внезапно напугала Георгия Максимилиановича.

Дальше все было просто. Товарищ Сталин умер вечером пятого марта. Те, кто могли раскрыть истинные причины его смерти, никогда бы этого не сделали. Один из них сам был повинен в смерти, двое других его покрывали.

Тело «черного» засунули в Мавзолей, где уже лежал другой великий маг. Георгий Максимилианович погрузился в новые заботы и расслабился, не заметив, что тройственный союз распался. Каждый стал сам за себя.

Спохватился Маленков, когда было уже поздно. Когда дейвона при участии маршала Победы отправил на тот свет хитроумного Берию. Тогда Георгий Максимилианович попытался перетащить на свою сторону оставшихся бойцов Революции. Но те давно уже одряхлели. И маг, опиравшийся на этих людей, проигрывал дейвона, за которым грозной силой стоял совет матерей «серых» кланов.

Власть уплыла с той же легкостью, с какой и пришла к нему после смерти слаш, в которой Георгий Максимилианович участвовал косвенно. Единственная возможность спасти положение, которую видел Маленков, была в Регистре. С этим кладезем заклинаний казалось возможным даже пойти против московских дейвона.

Но книги не было. Возможно, ее спрятал или уничтожил сам «черный». Быть может, о ней пронюхал покойный Берия, но древний том в простом переплете из черной кожи пропал.

Маленков не подозревал, что поисками книги озадачен и Хрущев, а вернее те, кто стоял за ним. Не подозревал он и о том, что Никита Сергеевич пришел к тем же выводам и тоже ничего не нашел.

С Хрущевым Георгий Максимилианович больше не разговаривал. Зато после своего фиаско он имел беседу с советом матерей кланов Москвы. Временно объединившиеся дейвона смотрели на Маленкова снисходительно, как на отработанный материал.

– Нам не нужна твоя смерть, – сказали ему. – Хочешь, уходи.

И Маленков ушел. Память о нем, как и о мингреле, исказили. Лысый дейвона яростно бил противников, не физически, как «черный», а морально. Так Берия получил славу кровавого упыря. Маленков стал рыхлым никчемным функционером Маланьей. Досталось и маршалу Победы. Дейвона так увлекся простой человеческой политикой, что и закончил

свою «карьеру» как простой человеческий политик.

Дейвона Москвы получили за счет своего протеза меньше, чем хотели, но кое-что лучше, чем ничего.

А вот Регистр не нашел никто, хотя искали его многие. И дейвона, и опальный маг Маланья, высланный из Москвы без права вернуться, и те, кого считали уже несуществующими.

Искали многие. Не нашел никто...

* * *

Сознание возвращалось со скрипом. Голова болела так, словно он приложился не о батарею, а о бетонную стену и пробил ее насквозь. Перед глазами в кровавых пятнах таял силуэт товарища Сталина.

Володя разомкнул веки. Он обнаружил себя в комнате с высокими потолками, какими отличались квартиры сталинской постройки. Именно обнаружил, потому что ощущений в привычном смысле не было.

Он сидел в кресле, но кресла не чувствовал. Тело будто превратилось в мешок стекловаты. Так бывает с рукой или ногой, когда отлежишь. В затекшую конечность устремляется кровь, но ты не ощущаешь ее еще какое-то время, не можешь ею толком пошевелить. Воспринимаешь лишь ватность и покалывание.

Сейчас он весь был, как затекший. Только если рука, которую отлежал, быстро приходит в норму, то сейчас возвращением к обычным тактильным ощущениям и не пахло.

Володя обвел взглядом комнату. Обои были качественными, но старыми, поклеены не под потолок, как катали в современных квартирах, а обрывались ровной, как по линейке, линией за полметра до него. Дальше шла побелка. Мебель – гардероб в углу, диван, журнальный столик и пара кресел, на одном из которых сидел он, – тоже помнила советские времена. Вот только в отличие от ночлежки, в которой Володя торчал последние дни, местная меблировка не выглядела задрюпанной. Старая по дизайнерским решениям, она выглядела как новая, словно ее делали сегодня в каком-то ретростиле. Или много лет хранили в музее.

Рядом с журнальным столиком стояла его сумка. Нетронутая. Во всяком случае, выглядела она так, как будто в нее никто не заглядывал. Володя попытался пошевелиться, но попытка оказалась бесполезной. Он напрягся, тело закололи мелкие иголки. Немота не прошла.

– И не старайся, – остановил его приятный голос.

В поле зрения появился маг. Тот самый, который спрашивал сигарету. Теперь он был в расстегнутом спортивном пиджаке и джинсах. Из-под пиджака выглядывала черная маечка. В руках маг держал белоснежное блюдечко с чашечкой. В крохотной, чуть больше наперстка, чашечке плескался черный, как уроженец Кот-д'Ивуар, кофе.

Маг в пиджаке пригубил напиток и опустил чашку на стол. Керамика клацнула по полировке. Он присел на край стола и принялся разглядывать Володю, напоминая исследователя-энтомолога, которому в руки попался какой-то необычный жучок. Теперь жук был припущен, а ученый удовлетворял свое любопытство и тешил познавательный инстинкт.

Наконец он удовлетворенно хмыкнул и снова подхватил чашку, пригубил.

– Тебе не предлагаю.

Володя хотел подначить незнакомца, но понял, что говорить тоже не может. Вспомнил об этом, кажется, и его собеседник.

– Извини, – сказал он и изобразил в воздухе сложное движение рукой, сопроводив его гортанным звуком. – Ну вот, скоро сможешь говорить. А шевелиться тебе, извини, пока рано. Сначала придем к соглашению. Ты знаешь, кто я?

– Нхее... – вырвалось у Володи вместо «нет».

Чародей мягко улыбнулся:

– Когда-то, без малого девятьсот лет назад, здесь жил один маг. Это были его владения. Маг жил спокойно, никого не трогал. Потом пришел один князь и походя лишил его владений и жизни, – хозяин спортивного пиджака вновь пригубил кофе. – Теперь князя считают основателем Москвы, а маг забыт.

Он посмотрел на Володю. По лицу парня было понятно, что говорить тот все еще не в состоянии.

– У того мага, – продолжил спортивный пиджак, – было много детей. Одних забрал князь. Их имена дошли до наших дней. Прозвания других история не сохранила, зато они до сих пор живы.

Володя молча смотрел на далекого потомка боярина Кучко. Кучкович, в котором было намешано уже столько всего, что от опального боярина остались разве что воспоминания, говорил заученно. И сам, кажется, сомневался в правдивости этой истории. Володя, в отличие от него, знал, что это правда, а не легенда, передаваемая из поколения в поколение, но делиться своим знанием не торопился.

Видимо, что-то во взгляде Володи зацепило Кучковича.

– Нет, не сами они, конечно, – поспешил исправиться он. – Но потомки и их великое дело.

– Какое дело? – выдавил Володя.

Слова давались невыносимо трудно, онемевшая глотка выплевывала их с хрипом.

– Самое святое, которое только может быть, – глаза мага вспыхнули бесноватым огоньком. – Месть. Боярин Кучко был убит и ограблен. Святая обязанность его потомков отомстить за смерть пращура и вернуть законное имущество.

Реплика прозвучала яро, но наигранно. Володя чувствовал во всем этом какую-то фальшь. Словно театр одного актера играл постановку для одного зрителя.

– Ты должен меня понимать, ты же сам потерял отца...

Володя вздрогнул бы от такого сравнения, но заклинание Кучковича не давало пошевелиться.

– Вам-то кому мстить? – просипел он. – Все виноватые давно умерли.

– Торжество справедливости сроков давности не имеет, – убежденно отозвался маг.

– Это вы так думаете.

– Так думали веками, – пожал плечами обладатель спортивного пиджака и приложился к чашечке.

Создавалось такое впечатление, что кофе он не пьет, а только нюхает и мочит в нем губу. Хотя кадык мага каждый раз дергался, но в чашке, кажется, не убавлялось.

«Слюну он, что ли, сглатывает?» – вяло подумал Володя.

– Потомки Кучко создали орден. В разные века в него вливались представители новых рас. На пике своего могущества это был союз магов четырех сфер. Орден существовал тайно, копил силу и знания, проявлял себя через другие ордена. Раскрыл себя он лишь в начале прошлого века и был известен как «Тетраграмматон».

Перед глазами поплыло. Разрозненные видения, имевшие смутную связь, складывались сейчас в четкую картинку, единое полотно. Как куски мозаики.

– Я слышал про «Тетраграмматон». Орден полностью прекратил свое существование в сороковом году со смертью последнего магистра, – голос возвратился почти окончательно, только в горле немного першило. Володя откашлялся. – Джинна. В миру известен как Лейба Давидович Бронштейн. Лев Троцкий.

– Это известная сторона истории, – спокойно кивнул обладатель спортивного пиджака. – Есть и другая. Оставшиеся члены ордена, потеряв все, чего добились, снова ушли в тень. Среди прочих спаслись два магистра, вернее, прямые наследники двух магистров. Один из них был моим отцом. Второго навязали дейвона из клана Шафти, каким-то образом узнавшие, что орден возродился. Якобы он имел родственные связи с кем-то из убитых магистров «Тетраграмматона».

– Зачем вы мне все это рассказываете? – спросил Володя.

Кучкович одним глотком осушил чашечку и пристально глянул на него:

– Потому что хочу честности. Я с тобой предельно откровенен, ты не заметил?

– Нет, – Володя хотел покачать головой, но тело по-прежнему было словно сделано из ваты. – Все, с кем я встречался до того, я имею в виду вашу братию, хотели от меня чего-то, и честности я ни у кого из них не замечал.

– Именно поэтому я с тобой откровенен, – легко согласился маг в спортивном пиджаке. – Поэтому рассказываю тебе обо всем честно. Хочешь правду о твоём отце? Он – дешёвка. Шестерка с апломбом. Как маг, он никто, как человек тем более. Твоя мать – циничная прагматичная дрянь. Другая бы не возглавила землячество. Маг она не слабый, наверное, даже довольно сильный, но сама никогда ничего не добьётся сверх того, что уже имеет. Проблема в том, что они в самом деле пытаются использовать тебя. Ты для них средство достижения цели. Про нас я тебе уже рассказал.

– Да, – согласился Володя. – Осталось только добавить, что вы не такие и ничего от меня не хотите.

Магистр кашлянул, на Володю посмотрел уже совсем иначе. Но сориентировался быстро. Судя по всему, удар держать он умел.

– Нет, не добавлю. Вернее, и да, и нет. Да, мы не такие. Нет, я не скажу, что нам от тебя ничего не нужно. Нам нужно твоё содействие. А тебе – наша опека.

– Мне ничего не нужно, – отрезал Володя.

– Удивительная манера, – театрально поразился маг в пиджаке. – Выделяться, находясь в твоём положении. Мне ведь достаточно пошевелить пальцами, и ты умрёшь. Причем от того, как и какими пальцами я пошевелю, будет зависеть, как долго ты будешь умирать. Я могу убить тебя сразу, могу заставить мучиться неделями. Есть и такие формулы. Понятно, что тебя никто им не обучал, но, поверь мне, они есть. И если я захочу...

– То ничего не сделаете, – перебил Володя. – Хватит трепаться. Если бы вы хотели меня убить, давно бы уже убили. Я вам нужен.

Кучкович дернулся, глаза его сузились, превращаясь в две щелочки.

– А если нет?

– Тогда убивайте, – устало ответил Володя.

Магистр крикнул, оттолкнулся от стола и пошел к двери. Но на полдороге развернулся, будто что-то забыл, и метнулся обратно. Володя не сразу понял, что маг просто шатается туда-сюда по комнате. Слишком импульсивно он это делал.

– В любом случае ты ошибаешься, – заговорил наконец Кучкович. – Тебе нужно от нас многое. Мы могли бы помочь тебе раскрыть свои возможности в полную силу. И мы защитили бы тебя от тех, кто хочет тобой воспользоваться.

– Чтобы воспользоваться мной?

Володя почувствовал вдруг смертельную усталость. Уж лучше бы этот паразит в пиджаке убил его сейчас. Быстрая смерть или долгая не доставила бы больших мучений, чем очередная ложь, красивые слова, угрозы.

– Мы имеем на это право, – сухо ответил магистр.

– На каком же основании?

– По праву создателя, – Кучкович заговорил быстро, чеканя слова, словно стрелял короткими очередями. – Мы тебя создали, мальчик. Не дурак Коля, осмелившийся трахнуть твою мать. Не эта рыжая сучка. Мы. Мы свели их вместе, мы подтолкнули. Нет, мы не давили на свободу воли. Зачем? Выбор у них был. Но ведь выбор можно давать таким образом, что он будет очевиден. И человек станет делать то, что от него требуется. Причем по доброй воле, считая навязанные действия своим решением.

– Так чем же вы лучше их? – голос снова осип, хотя никаких заклинаний на Володю больше не накладывали.

– Они играют в кукловодов. Пытаются манипулировать тобой, другими. Мы не пытаемся, мы манипулируем твоими кукловодами.

– А вами кто манипулирует? – любопытствовал Володя.

Магистр вздрогнул. Не то Володя задел за живое, не то ему была неприятна даже сама мысль о том, что орденом и им самим может кто-то вертеть, как игрушкой.

– Никто, – глухо произнес он.

И сказано это было так, что Володя не смог решить, верить магу или нет.

– Представь себе, – продолжил между тем обладатель спортивного пиджака, – что ты долго выслушивал нравоучения от Мальвины, пытался спорить с ней, а потом к тебе пришел и предложил дружбу Карабас. Для них ты – средство, хоть они и слабее тебя. Чтобы нивелировать это, твой отец и не рассказывал тебе ничего. Я сильнее их, и я предлагаю тебе общаться на равных.

– Тогда для начала, чтобы общаться на равных, принесите мне кофе и снимите с меня эту дрянь, которая мешает шевелиться. А то я чувствую себя несколько скованно.

Магистр поколебался, на лице его промелькнуло сомнение.

– Хорошо, – поддался он. – Но учти, если ты попытаешься поднять на меня руку или сбежать, я ударю. Не смертельно, но больно. И очень больно, это я могу.

– Угроза? – любопытствовал Володя.

– Нет. Просто хочу, чтобы ты понял: или мы отсюда выйдем друзьями, или ты не выйдешь вовсе.

Он подошел ближе и положил Володе руки на виски. Большие пальцы легли на лоб и принялись хаотично выписывать какие-то знаки. Голова стала нагреваться, словно ее сунули в микроволновку. Казалось, сейчас внутри что-то вскипит и рванет наружу, ломая череп на мелкие осколки.

Перед глазами поплыли мутные пятна, в которых Володя готов был уже снова увидеть сон про мертвого Сталина, или папу магистра, выжившего после зачисток против «Тетраграмматона», или, на худой конец, Троцкого с ледорубом в затылке. Но ничего такого он не увидел.

Муть загустела, к горлу подступила тошнота. Когда казалось, что вот сейчас уже вывернет наизнанку, неожиданно стало легче. Где-то на краю слуха бубнил что-то гортанно-монотонное магистр. Словно нараспев читал стихи, сотканые из слов, не имеющих смысла. Судя по всему, говорил он уже давно. Звук интонационно пошел вверх и резко скатился вниз, сошел на нет.

Тошнота и черная пелена перед глазами уходили с такой скоростью, что через минуту от них не осталось и воспоминания. Хотя двигаться Володя все еще не мог, но ощущения были такими, словно в затекшие члены устремились бурными потоками кровь.

– Посиди, – велел магистр. – Минут пятнадцать, и все пройдет.

Володя не ответил. Обладатель спортивного пиджака покинул комнату. Соблазн встать и уйти был велик, но руки и ноги на попытки пошевелить ими лишь конвульсивно подергивались.

Магистр вернулся через минуту с чашкой кофе, поставил фаянсовый «наперсток» на подлокотник кресла перед Володи и снова уселся на край стола.

– Я же говорил, что буду предельно откровенен. И что мы на равных. Надеюсь, жест доброй воли окончательно убедил тебя в серьезности моих намерений и хорошем расположении. Еще раз предлагаю знания, поддержку и защиту в обмен на содействие ордену.

– Что нужно ордену? – в лоб спросил Володя

Он хотел взять чашку, но рука тряслась, словно в лихорадке.

– Если ты в курсе, что такое орден, то должен знать и о том, что ему нужно, – магистр с интересом наблюдал за телодвижениями Володи. – Как я уже говорил, мы хотим восстановить справедливость.

– Иными словами, вам нужны ключевые источники Москвы и Питера?

– Только Москвы. На город на Неве положили глаз те, кто вел орден в начале прошлого столетия. Это была ошибка. «Тетраграмматон» тогда совершил много глупостей, и они чуть

не привели к краху. Мы не хотим их повторять. Нам нужно только то, что по праву было нашим. Источники старой Москвы и то, что мы называли Регистром. Книга уникальных заклинаний и магических формул, которые веками собирали магистры ордена, маги четырех сфер. Это знание было утеряно.

– А я при чем?

Володя невероятным усилием унял дрожь в руке и взял наконец чашку.

– Твой потенциал мага вместе с твоим даром могли бы помочь восстановить Регистр. Или найти его.

– Дар предвидения, насколько я знаю, не поддается контролю, – Володя пригубил кофе и понял, почему магистр мочил в нем губы. Напиток был удивительно ароматен и невероятно крепок. Его нельзя было пить, только смаковать.

– Это не аксиома, а такая же гипотеза, как и все, что касается провидцев. Во-первых, если что-то ни у кого пока не получилось, это не значит, что оно невозможно. Во-вторых, я не встречал еще ни одного провидца, который являлся бы еще и сильным магом, хотя, говорят, в прошлом такие были. В-третьих, случайности тоже подойдут. Как минимум одну мы уже зафиксировали.

– О чем вы? – сыграл в непонимание Володя.

Магистр слез с края стола и нарисовал пальцем в воздухе символ. Знак был искажен, да и читать писанное по воздуху было неудобно, но картинка вышла узнаваемой.

– Это ведь так ты сбежал от рыжей сучки?

Володя кивнул. Дальний потомок Кучко все понял верно и знал о заклинании Аристотеля. Но он сказал, что они зафиксировали одну случайность. Значит, о заклинании французского сатра, которым он уделал мать, они не знают.

Магистр снова уселся на край журнального столика.

– Наконец, у меня есть идея, – поделился он.

– Какая?

– Фрейд, – бросил магистр. – Его теория сновидений. Если она работает с человеческим сном, который тоже никто не объяснил, то, возможно, работает и с твоим даром. Если стимулировать видение искусственно, засорить мозг провидца ассоциациями, вероятно, таким образом, удастся вызвать видение. Если заставить тебя думать о чем-то, возможно, ты сможешь увидеть то, о чем думаешь?

– Бред, – отмахнулся Володя и, сделав глоток, отставил чашку.

Внимание магистра несколько рассеялось, и Володя поспешил воспользоваться моментом. В руке возник «призрачный клинок». Он ударил, ни на что особенно не рассчитывая, а скорее прощупывая противника.

Руку отбросило, словно лезвие столкнулось в воздухе с другим, себе подобным. Кисть дернуло вниз и прижало к подлокотнику. Звонко грохнулась о пол чашечка с остатками кофе, разлетелась на куски.

Володя покосился на руку – ее придавливало нечто черновато-золотистое, похожее на скобу.

– Чашку разбил, – с досадой отметил магистр. – Теперь сервиз неполный. А ведь это любимый был.

Действие заклинаний иссякло, «скоба» растворилась в воздухе. Володя убрал руку.

Магистр с грустью смотрел на осколки.

– Я же предупреждал, чтоб ты этого не делал, – разочарованно сказал он. – Ты потенциально сильнее меня, но потенциал без навыка и учебы ничто. Это все равно, что студент сцепится с доктором наук. Он может быть тысячу раз гением, у него может быть более подвижный ум, но матчасти ему не хватает. Еще один раз – и сделаю больно. Очень больно, как и обещал.

– Вы говорили о святой мести за убийство, – прикидывая что-то в уме, произнес Володя. – И хотите при этом, чтоб я сотрудничал с вами – убийцами моего папы?

– Я его не убивал, – отмахнулся магистр. – Его убила твоя мать.

– А кто дергал ее за ниточки? Кто кукловод? Вы же сами сказали.
– Это было ее самостоятельное решение. А ты подумай лучше о другом. Если ты не станешь сотрудничать со мной по-дружески, на равных, то я не стану тебя защищать. И учить, как защитить себя, тоже не стану. И тогда они доберутся и до тебя, и до дорогих тебе людей. Мы нужны друг другу.

– Не уверен, что будет так, как вы говорите.

– Будет, – пообещал магистр. – Ты им нужен. Просто не представляешь, насколько ты им нужен. Наверное, это потому, что ты плохо себе представляешь, кто ты.

Володя пристально посмотрел в глаза магистру.

– А кто я?

– Сейф, и ключ к нему, и охранная сигнализация. Ты – ящик Пандоры. Ты – бомба замедленного действия, которая может рвануть в любую минуту, если...

– Если что? – напрягся Володя.

– Если этот ящик Пандоры не открыть правильным образом, – с предельной мягкостью и вкрадчивостью отозвался магистр.

– Или если не открывать его вовсе.

Такой поворот, кажется, выбил мага из колеи.

Он ошалело посмотрел на Володю и сказал самое глупое, что можно было сказать:

– Что?

– Ничего. Вы хотите открыть этот, как вы выражаетесь, «ящик Пандоры», зная, насколько это опасно. А я не знаю, могу только догадываться, но я просто не хочу его открывать. Вообще.

– Гробить такой потенциал глупо, – магистр старательно пытался не злиться, но было видно, что терпение его на пределе.

– Вы сами сказали, что этот потенциал опасен, – напомнил Володя. – Для чего же он вам? Почему вы все время лезете туда, куда не нужно? Что за глупая манера открывать ящики Пандоры и приумножать потенциальную опасность?

Магистр соскользнул с края стола и принялся ходить по комнате. Он словно приводил этим выхаживанием мысли в порядок.

– Мы стремимся к знаниям, – попытался он зайти с другого конца. – Каждый по-своему. Как будто человечество к ним не стремилось тысячелетиями... Люди, джинна, сатра или остальные восемь сфер – какая, в сущности, разница? Все разумные существа стремятся к познанию мира и своего в нем места.

– И поэтому вам нужен я? Чтобы познать что-то? Или чтоб завладеть чем-то? Заиметь власть над другими разумными существами, которые вроде бы стремятся к тому же самому?

– Любая социальная структура – лишь лесенка к возможности получения новых знаний, – магистр, вновь усевшись на стол, усиленно лоббировал новую тему, поняв, видимо, что не выйдет перетянуть Володю на свою сторону, играя на страхе или жажде мести. – Знание – сила.

– Не любое. И вообще горе от ума.

Володя уже откровенно забавлялся. К чему все эти разговоры, было давно уже ясно. Что делать, тоже было понятно. План созрел еще до атаки «призрачным клинком», и сейчас все шло так, как было задумано.

– Ты проповедуешь серость? – не сдавался магистр.

– Нет, советую вам заняться разработкой другой области знания.

– Это отказ? – глаза мага стали холодными и злыми.

Маска слетела. И сейчас на Володю глядело настоящее лицо магистра ордена. Тому было наплевать на мальчишку-провидца. Он не предлагал ему партнерство, он просто пытался использовать его, как и все прочие.

Магистр привычно дергал за нитки, но нитки перепутались, и кукла отказывалась работать. И это злило Кучковича.

– Тебе все равно придется согласиться, – процедил глава возрожденного

«Тетраграмматона».

– Это я уже слышал, – скрежетнул зубами Володя. – Попробуйте только заставить и испытаете содержимое вашего ящика Пандоры на себе. Вы очень хорошо сказали – бомба замедленного действия. Так вот, либо вы оставите эту бомбу в покое, либо она взорвется и похоронит и себя, и вас.

Он резко встал. За ним поднялся со стола Кучкович.

Расстояние между ними было небольшим. Рукой, правда, не дотянуться, но заклинанием в самый раз. Магистр тоже понимал это. На Володю он смотрел с превосходством, как на мышь, которая то ли спяну, то ли от скудоумия решила настучать по морде коту.

– Мы не договорились, – с нажимом произнес Кучкович.

– С бомбой договориться нельзя, – отозвался Володя.

Володя спиной на шаг отступил к двери. Скрестил пальцы. Это не укрылось от взгляда магистра, и тот расплылся в ухмылке. Ему казалось, что он видит насквозь мальчишку со всеми его мыслями.

– Будет больно, – предупредил Кучкович.

Володя молча отступил еще на шаг. Он нарывался на неприятности, испытывал мага на прочность.

И нарывался – магистр вскинул руку, выписывая в воздухе замысловатую фигуру и дублируя жест гортанным звуком. Такого заклинания Володя не знал и никогда не видел даже со стороны. Каким действием оно обладает, не догадывался. Но это было и неважно. Чем бы ни решил ударить его противник, главное заключалось в самом ударе. В обращении к магии.

Когда в товарищах согласия нет, на лад их дело не пойдет. Если бы магистр доверял его матери, а его мать рассказала все своему магистру, трюк бы не сработал, потому что Кучкович был бы к нему готов. А так...

Володя скрестил пальцы и произнес слово. На мгновение показалось, будто заклинание не сработало. Быть может, он сделал что-то не так? Что-то забыл? Время словно застыло. В голове дернулся осколок мысли, что сейчас в самом деле будет больно, а много позже станет больно обо всем этом вспоминать.

А через бесконечное мгновение Володя ощутил знакомое чувство, энергия хлынула в его тело Силы. Магистр поддался на провокацию, бросил заклинание и тем самым обрек себя на поражение.

Он был могуч.

Володя почувствовал, что уже до отказа заполнил энергией тело Силы, а противник все еще не истощен. Но потом сдался. Гортанный вскрик оборвался, словно отрезало. Магистр пошатнулся и повалился на пол. Глаза его выпучились, как у вышвырнутой на берег рыбы.

Володя присел на корточки рядом с Кучковичем и пощупал пульс. Выдохнул с облегчением. Как же приятно понимать, что ты никого не убил, только довел до потери сознания.

– Обманули вы меня, – поднялся на ноги Володя. – Я с вами, как с равным, а вы со мной, как с мальчишкой.

Он молча повернулся к бесчувственному телу спиной и пошел к выходу.

Володя пробежал несколько этажей по лестнице и выскочил на улицу. Квартира оказалась действительно в «сталинке», стоявшей на пересечении Садового кольца с Новым Арбатом.

Володя огляделся и никого знакомого не увидел. Да и откуда бы взяться преследованию, если один из противников выкрал его у других? Ограбленные не знали, куда его увезли, а грабитель лежал сейчас в отключке.

Неужели свобода?

Наконец-то свобода!

Он вдохнул полной грудью загазованный московский воздух и, прихрамывая,

поспешил слиться с толпой, затеряться в дебрях мегаполиса.

* * *

Магистр лежал на полу беспомощный и жалкий, как запойный алкоголик, брошенный без опохмела. Душу жгли отчаяние, стыд, бессилие и желание убивать. Но сорвать их было не на ком, да и сил на это не осталось.

В сознание он пришел быстро, вот только тело Силы восстанавливалось не так скоро. Оставалось только валяться в полной беспомощности, чувствовать щекой холодный паркет и смотреть, как мальчишка уходит.

Щелкнул замок в прихожей, хлопнула дверь, а он все не мог подняться.

Когда силы наконец восстановились, магистр тяжело встал на ноги и проковылял к окну. Догонять кого-либо было уже поздно. Да и в окно он беглеца не углядел, хоть и не рассчитывал ни на что.

Впервые за много лет, чуть ли не со школьной скамьи, от стыда горели уши. Но кто мог предположить, что мальчишка способен на такое? И что за заклинание он пустил в ход, да так ловко?

Магистр достал из кармана мобильный и набрал номер.

– Даргри, – произнес в трубку. – Это я. Я упустил мальчишку.

Глава 17

Не позвонить Потапкину Володя не мог. Это стало бы верхом свинства. А позвонить боялся. Хоть вроде бы вычислить его с нового номера не должны были, но все-таки. Промаявшись ночь, он утром в конце концов наплевал на свой страх и набрал знакомый номер.

– Алло, – голос в трубке прозвучал сонно.

– Привет, – поздоровался Володя. – Опять к третьей паре?

– Чего? – не понял Андрюха. – Кто это?

– Я это, – улыбнулся Володя. – Опять спишь, зараза.

– Вовка? – голос сделался недоверчиво-радостным. – Уже проснулся. Ты как там?

Володя прислушался к ощущениям, пытаясь понять, «как он там». Но ничего не почувствовал. Ощущений не было. Только пустота, которую надо будет чем-то и как-то заполнять, и усталость, мешающая даже думать о заполнении этой пустоты. Как после новогодних праздников, когда неделя проносится в лихом загуле, а потом все заканчивается. Продолжать праздничный галоп уже нельзя, да и не очень хочется, а возвращаться к размеренной жизни тоже получается не сразу. И ты пребываешь в усталой апатии, пытаясь осмыслить то, что было до этого недельного безумия, что происходило во время него и что будет дальше.

Сейчас он находился примерно в таком состоянии. Только безумие длилось не одну неделю, и настроение этого безумия было очень далеко от праздничного. Поэтому Володя не знал, что ответить на простой вроде бы вопрос.

– Вован? – позвал Потапкин.

– Да, – очнулся он. – Я закончил дела. Уезжаю. Хотел попрощаться.

– Я провожу, – встрепенулся Андрей. – Когда у тебя самолет?

– Пока не знаю. Чем быстрее уеду, тем лучше. А вообще я думал поездом до Красноярска. Но...

– Так ты еще не взял билет?

– Нет, – неохотно признался Володя. – И провожать меня не на...

– Не отключайся, – бодро перебил Потапкин, – я перезвоню.

Володя попытался остановить теперь уже бывшего однокурсника, но тот ушел со связи. И Володе осталось только беззвучно материться.

Андрюха перезвонил через пятнадцать минут довольный, как слон.

– Билет тебе заказал, на одного из своих соседей-бухариков. И паспорт стрельнул, чтобы не придрались. Сегодня на Ярославском. Отбытие в шестнадцать двадцать, встречаемся за час у метро.

– Зачем ты это? – вяло возмутился Володя.

– А иначе бы ты уехал, не попрощавшись, – весело сообщил Андрей. – А так фиг уедешь, билет твой у меня.

– Я могу другой купить, – обозлился Володя.

– На себя? Чтобы тебя нашли через РЖД в два счета? И еще, Вован, поимей совесть. Я знаю, что она у тебя есть. И не бойся, я им не скажу где ты, даже если они мне яйца оторвут.

Володя поморщился.

– Ничего они тебе не оторвут, дурень, – сказал грустно. – Грохнут они тебя, если что, а перед этим из мозгов все воспоминания выкачают.

– Ничего не грохнут, – в тон ему ответил Потапкин, – потому что никакого «если что» не будет.

– Как знаешь, – сдался Володя.

– Знаю. Значит, в двадцать минут четвертого у выхода из метро.

* * *

К трем вокзалам Володя приехал раньше. Торчать в ночлежке не хотелось, он и без того ненавидел ее всеми фибрами. Потому он доехал до «Комсомольской», поднялся к Ленинградскому и Ярославскому, вышел в город и, чтобы убить время, принялся бродить между рядами палаток, торгующих всяческой ерундой.

На то, чтобы изучить ассортимент всех окрестных ларьков, ушло больше часа. За это время Володя прикупил себе пару бездумных книжек, сборник сканвордов и шаурму. Поезд до Красноярска шел двое с половиной суток, и нужно было чем-то убивать время. Детективы и дурацкие сканворды со стандартным, слизанным под копирку набором вопросов, подходили для этой цели идеально.

Жуя шаурму, Володя вернулся к выходу из метро и, прислонившись к стене, стал ждать. Он еще оглядывался, пытаясь понять, не следит ли кто, но в привокзальной сумятице заметить слежку было, кажется, невозможно. Да и сама мысль о соглядатаях казалась бредовой.

Потапкин появился минута в минуту с удивительной для него пунктуальностью.

– Привет, Вовка, – смачно хлопнул по плечу.

– Здравствуй.

Андрей сунул руку за пазуху и вынул сложенный пополам билет.

– Держи. Отбытие ровно через час. Успеем по пиву.

Володя поежился, припомнив, как пару лет назад компанией поперлись встречать Новый год на Красной площади. Кто-то притащил шампанское, кто-то пил коктейли из жестяных банок. Володя не любил коктейльную бурду и взял себе бутылку пива. Где-то на половине бутылки пиво перестало литься, превратившись в снег.

– Замерзнет пиво.

– Я ж тебе не на улице его пить предлагаю, – расплылся в улыбке Потапкин. – Вон, смотри, кафешка есть.

Володя пожал плечами, и они пошли в кафешку. Взяли по пиву и по шаурме, правда, уже в развернутом виде, на тарелке. Вторая шаурма полезла в Володю со скрипом. Эту дрянь есть можно, как булки из «Макдоналдса»: либо с очень большой голодухи, либо с похмелья, когда тянет напихать в себя какой-нибудь гадости, зная, что хуже все равно не станет.

Андрюха болтал без умолку. Рассказывал что-то, шутил. Володя слушал вполуха, чувствуя благодарность за то, что Потапкин не требует никаких историй от него. Говорить не хотелось. Вообще хотелось лечь, закрыть глаза и заснуть, зная, что все позади.

Вскоре пиво кончилось, и они пошли на перрон. Поезд уже стоял длинной кишкой, будто набирался сил перед отбытием. Как муравьи к муравейнику, сползались к нему пассажиры и группки провожающих. Курил возле вагона проводник в безрассудно расстегнутой, несмотря на мороз, форменной куртке.

Билет посмотрел, а вот от протянутого паспорта потапкинского соседа отмахнулся, и Володя незаметно сунул документ другу.

Огляделся на всякий случай, но ничего подозрительного не заметил. Он молчал, думая о том, как там мама с Олей, и что он им так и не позвонил, и что не придумал, как сказать Оле про смерть родителей. Андрюха тоже примолк.

– Ладно, пойду я, – выдавил Володя.

– Я дальше провожать не буду, – сказал Андрей. – Не люблю по тамбурам тереться. Ты хоть звони иногда.

– Позвоню, – искренне пообещал Володя. – А ты...

– Приеду летом, – отозвался Потапкин. – С сессией разгребусь и приеду. Эх, жаль, я не маг, я б ее досрочно закрыл. Сказал бы какую-нибудь абракадабру и все преподы мне заранее зачетку оценками изрисовали бы до самых госэкзаменов.

– Балда ты, Андрюха, – улыбнулся Володя. – Твое счастье, что ты не маг.

Они обнялись на прощание, и Володя полез в вагон. В купе уже сидели попутчики. Папа, мама и шептунья пацан лет семи. Шуму от мальчишки будет много, это Володя понял сразу. Как понял и то, что толку от родительских нравоучений будет мало. А еще он успел подумать, знакомясь с соседями, что нижнюю полку придется уступить.

– Ой, а вы не могли бы с нами поменяться? – смущенно любопытствовала мама мальчишки.

Володя кивнул не то ей, не то собственной проницательности и полез наверх. Оттуда выглянул в окошко. Потапкин все еще стоял на платформе и курил. Увидав в окне Володину физиономию, подошел вплотную к вагону и намалевал на стекле бычком цветочек. Дыхнул. Окно мгновенно запотело, только корявый рисунок остался четко прорисованной линией.

Володя улыбнулся и устало помахал Андрею рукой. Думал, что тот уйдет, но Потапкин ждал до последнего. Махнул на прощание только тогда, когда поезд уже тронулся. И поплелся к зданию вокзала.

Володю неожиданно охватила паника. А вдруг за ним все-таки следили и Потапкина сейчас... Боясь додумать мысль до конца, он прилип к окну. Поезд отъезжал неспешно, торопиться ему было некуда. Андрей шел к вокзалу, не оглядываясь. И его никто не преследовал. Провожающие в большинстве своем еще махали руками.

В этой суматохе к поезду метнулся человек и запрыгнул в дверь последнего вагона. Володя снова содрогнулся. Не за ним ли?

Поезд набрал скорость. Вокзал уплыл в прошлое. За окном мелькали какие-то мрачные урбанистические пейзажи. Володя отклеился от окна, лег на спину и принялся ждать.

Если это за ним, то ждать недолго.

От хвоста поезда до его купе несколько вагонов. Если преследователь станет дергать каждую дверь и заглядывать внутрь, то до его купе доберется за считанные минуты. Может, спрятаться в туалете?

Не выйдет, отмел спасительную мысль Володя. Город – туалеты закрыты, откроются не сразу. А может, никто и не станет вламываться. Просто проследят за ним до Красноярска, выяснят, куда едет, выяснят, к кому. С другой стороны, зачем его пасти, когда можно схватить сразу? Да и рычаги давления есть, Потапкин уже засветился.

При мысли о том, что пострадает Андрей, Володя закусил губу, давя вопль отчаяния. Снизу заканючил ребенок. Родители принялись увещевать его конспиративным шепотом. Мама мальчишки все время в смущении косилась на Володю, словно хотела сказать: «Простите. Мало того, что переселили, так еще и неудобства создаем».

Володя задохнулся от мысли, что будет с капризным мальчонкой и его родителями, если сейчас вдруг сюда вломится...

В дверь постучали резко и бесцеремонно. Сердце забилося с бешеной скоростью. Володя дернулся, готовясь к самому худшему. Дверь купе отъехала в сторону, и на пороге появился проводник.

– Достаем билетики, – буднично сказал он.

И Володя с облегчением полез в карман.

Снова он забеспокоился, когда поезд выехал за город и, набрав скорость, принялся удаляться от Москвы. Володя лежал на полке и листал книгу. Чувство тревоги было неясным, бессознательным. Он долго пытался определить ее причину, а когда понял, в чем дело, на лице возникла горькая улыбка.

Володя уезжал из города, удалялся от источника, на который был настроен, терял контакт с ним, а стало быть, терял возможность пользоваться магией. Нить, связывающая его с колодцем, истончилась и оборвалась. Он почувствовал себя в каком-то энергетическом вакууме. Ощущение было новое и вместе с тем давно забытое.

Он хотел не пользоваться больше магией. Что ж, теперь он попросту не мог ею воспользоваться.

«Ну и черт с ним», – подумал со смешанным чувством, закрыл книгу и отвернулся к стене.

Апатия продолжалась всю дорогу. Володя читал, не видя смысла, да его, в общем-то, в купленном на вокзале чтиве и не было, возился со сканвордами. С полки он спускался всего несколько раз в день. Один – умыться, два – дойти до вагона-ресторана поесть. Иногда прогуливался по другой надобности. Все остальное время проводил в горизонтальном положении.

Страхи и переживания ушли. Он перестал дергаться, будучи уверен в том, что на самом деле оторвался от преследователей. Но радости от долгожданной свободы почему-то не было. Только усталая апатия и едва проступающее сквозь нее мрачное удовлетворение.

Ему всегда казалось, что победа – это радость. Ведь цель достигнута. Сейчас, когда цель была достигнута и он в самом деле одержал победу, Володя вспоминал прошлое. В голове всплывали лица, люди, ситуации.

Он победил, но какой ценой! И хотя все могло сложиться много хуже, это не прибавляло поводов для радости и оптимизма. Володя пытался не думать об этом, но мысли все равно возвращались в то же русло. От них подступала хандра, тогда он откладывал книжку и тупо смотрел в потолок.

Напрягало еще и предстоящее объяснение с Олей: что она скажет, узнав про родителей? Не обвинит ли его в том, что лишилась самых дорогих в жизни людей? Что сделать, чтобы она пережила такую новость?

А внизу капризничал мальчишка, и его мама все чаще смотрела на Володю извиняющимся взглядом, словно подозревая, что причина его хмурости – ее сын.

В Красноярск поезд прибыл в девятом часу утра. Сперва по вагону пробежал проводник, сообщая о скором прибытии и необходимости сдать постели. Потом примелькавшийся российский сельский пейзаж начал разбавляться урбанистическими всплесками, и вскоре поезд сбавил ход.

Дернулось, зашипело, лязгнуло. Поезд содрогнулся в последней конвульсии и замер. Мальчонка потянул родителей на выход, канюча и чего-то требуя. Его отец отодвинул в сторону дверь купе и выглянул наружу. Коридор был забит, и родитель принялся объяснять капризничавшему отпрыску, что придется подождать. Мать семейства в который раз виновато посмотрела на Володю.

Володя подумал, что чем чувствовать себя виноватой перед окружающими, лучше один раз хорошенько всыпать младому истерику. Но вслух, само собой, ничего не сказал.

Вскоре коридор обезлюдел. Вышли из купе попутчики со своим ноющим отпрыском. Когда повизгивание мальчишки удалилось и сошло на нет, Володя слез с полки, подхватил сумку и вышел.

Платформа уже пустела. Те вагоны, что в Москве были ближе к зданию вокзала, здесь

оказались от него дальше других. Володя огляделся. Толпы встречающих и приезжающих уже снесло к вокзалу. Мимо проносились последние пассажиры, дотянувшие вроде него до последнего.

Володя поддернул воротник и зашагал по перрону. Никто за ним не следил. Никто его не встречал. Он был один в чужом заснеженном городе.

До Ермаковского он добирался долго, с множеством пересадок, но без приключений. К селу его подвезли в кромешной темноте. Причем высадили не там, где надо, и нужную улицу он искал уже сам.

Улицы были почти безлюдны. Или так казалось только по контрасту с Москвой. Скрипел под ногами снег. Володя шел и думал, как будет выглядеть встреча с мамой и Олей. Представлял себе ее так и эдак. Понимал, что все будет совсем по-другому, но продолжал рисовать в воображении картины.

Улицу Аэродромную он нашел на удивление быстро. Еще быстрее нужный дом. Темный силуэт дома светился желтыми квадратами окон, и было в этом что-то такое уютное, что у Володи на сердце потеплело.

У калитки замялся. Хотел постучать, позвонить, но передумал и достал из кармана мобильник.

– Вовка! – обрадовалась Ольга. – Ты где?

– На краю географии, – устало улыбнулся Володя. – Выгляни в окошко.

Трубка ойкнула растерянno, потом что-то грохнуло, и телефон отключился.

Через мгновение темный силуэт дома вспыхнул еще одним светлым пятном. На крылечке появилась Оля, из-за плеча ее выглядывала мама. Володя почувствовал щемящую радость в груди и, рванув калитку, бросился к родным.

Они говорили весь вечер. Женщины рассказывали про свое жите-бытие, Володя тоже поделился новостями. Правда, рассказал далеко не все. О каких-то вещах рассказать не хватило мужества. Другие не стоили того, чтобы их озвучивать.

Мама затосковала и разнервничалась, узнав о проданной квартире.

– Как же? – вопрошала она. – Ведь ее еще папа получал. И потом, куда нам теперь возвращаться?

– В ближайшее время мы туда не вернемся, мам, – спокойно ответил Володя.

– А работа?

– У меня нет работы. Кроме того, работу можно найти везде.

– А учеба? У тебя же последний курс. А Олин институт?

– Ничего, – вступилась Оля. – Учиться тоже можно везде. Было бы желание.

– Но...

– Ма, – оборвал Володя. – Когда вопрос стоит о жизни и смерти, не очень умно хвататься за работу, учебу, квартиру и привычную жизнь. Чтобы жить, и жить без страха, можно пожертвовать привычками. Мертвому ни работа, ни учеба, ни квартира не нужны. В могилу с собой ничего не утащишь. Все останется здесь.

– Ты говоришь, как папа, – сдалась мама и улыбнулась грустно. – Ты стал очень на него похож.

Спать легли поздно. Володя нырнул под холодное одеяло и долго ворочался, пытаясь согреться. Заснул с наконец-то пришедшим ощущением радости. Жизнь выходила из пике. Он был свободен. Впереди брезжила новая жизнь. И Володя надеялся, что она будет более светлой и радостной, чем последние месяцы старой.

* * *

...Несколько стоящих по кругу свечей освещали фрагмент пола. Все остальное терялось в непроглядной черноте. От этого создавалась иллюзия, что место это находится вне пространства и времени.

Впрочем, время здесь текло. Его можно было ощутить и по горению свечей на полу, и

по действиям людей. Их в помещении было двое. Один стоял поодаль, и в поле зрения попадали только ноги.

Второй сидел на полу в центре освещенного пространства. Его тоже не получалось увидеть. Пальцы сжимали мелок.

Рука с мелком аккуратно отметила несколько удаленных друг от друга точек. Сидевший на полу оглядел их по очереди, словно ключевые узлы будущей картины. На мгновение он замер. Затем, ползая по полу, начертил большой круг, вписав его в пространство между свечами.

Узловые точки оказались внутри круга. Свечи – снаружи, по периметру. Второй снова огляделся и опасливо, словно вспоминая что-то и боясь, что подведет память, принялся наносить линии внутри круга.

С каждым движением рука его двигалась все более уверенно. Линии разлетались в стороны и сходились в точку. Пересекались и шли параллельно друг другу. Внутри большого круга возникли несколько малых кругов, линий и треугольников, переплетающихся между собой в каком-то геометрическом узоре.

Следом за основными линиями стала возникать мелкая прорисовка. Сложное сплетение геометрических форм и линий зацвело вязью незнакомых символов.

Время шло. Сколько его утекло, было трудно даже предположить. Планомерное создание сложного и непонятного узора завораживало, заставляя забыть обо всем на свете.

Тот, кто был в круге, рисовал, чертил, писал.

Тот, кто стоял вне круга, наблюдал.

Они ничего не говорили. Казалось, речь здесь не нужна вовсе. Как в немом кино. Зачем болтать там, где все ясно без звука. И в этой слегка подсвеченной дрожащими свечами темноте была сконцентрирована та самая ясность.

Будто двое давно все поняли. Давно обо всем договорились. И теперь каждый выполнял свою работу или играл свою роль.

Здесь, в темноте, всем и все было предельно понятно.

Второй нарисовал последний значок, поднялся на ноги и оглядел свою работу. Узор поражал размерами и детальностью. Придумать такое мог либо гений, либо сумасшедший. Рисунок, несмотря на сложность, был логичен и закономерен. В нем была какая-то, пусть даже непонятная, но ощутимая суть и красота.

Тот, кто рисовал, сделал шаг за круг и отбросил остаток мела. Тот промелькнул, исчезая в темноте. В стороне раздался легкий стук о пол. Второй устало опустил на колени. Еще раз окинул взглядом плоды своих трудов.

Хотелось разглядеть если не лица, то хотя бы фигуры в темноте. Но не получалось, словно взгляд соскальзывал с фигур людей, уползал в сторону, не желал подчиняться.

– Чего ждешь? – спросил сверху простуженный голос со знакомыми нотками. – Начинай.

Рисовавший поднял взгляд на наблюдателя.

Володя подумал, что сейчас увидит лицо того, чей голос показался смутно знакомым, и проснулся...

* * *

Он проснулся от стука. Стучали резко и с дребезгом. Причем уже не первый раз.

Володя потер глаза и вскочил с кровати. Схватил со стула джинсы, заскакал на одной ноге, пытаясь попасть в штанину. Снова забарабанили в окошко.

Он застегнул и джинсы, натянул свитер и выглянул на улицу. Под окном стоял невысокий седой мужик и, подняв руку, самозабвенно долбил ладонью по стеклу.

Но содрогнуться Володю заставила даже не бесцеремонность седого дядьки, припершегося на чужой участок.

– Кто это? – осипшим не то со сна, не то от расшалившихся нервов голосом спросил

Володя.

– Георгий Иванович, – сонно ответила с кровати Оля. – Живет тут недалеко. Он всегда стучит. Если не спим, он на чай заходит. Мы с ним еще в первый день познакомились, он нам с дровами помог.

Ольга села на кровати и потянулась.

– А что, под такую барабанную дробь можно спать? – осведомился Володя.

– Если хочется, подо что угодно спать можно, – отозвалась Ольга.

– А мама где? Чего не откроет?

– За молоком ушла. Я за ней закрывала, а ты все проспал. Ты чего такой колючий с утра пораньше?

– Не нравится мне этот Георгий Иванович, – признался Володя.

– Ты его даже не знаешь.

– А ты знаешь? – съехидничал Володя.

– Ну, он странный, но интересный. Траволечением занимается. Говорят, помогает. К нему даже из Красноярска приезжают. Не знаю, как он там лечит, но в травах разбирается. Знаешь, какие сборы вкуснющие нам приносил, заваривал!

Володя неопределенно мотнул головой и вышел. У печки взял топор и направился к двери.

Топор грел руку. Как было сказано, против ледоруба заклинаний еще не придумали. И он подозревал, что против топора тоже.

Замок поддался со второго раза. Вот что значит незнакомая дверь. Володя распахнул ее, впуская в дом морозный воздух, выскочил на крыльцо и закрыл за собой, чтобы не выпустить тепло.

Старик уже направлялся к нему вдоль стены. Волосы у него были пепельными, словно на голову высыпали банку с окурками. Глазки темные и проницательные, взгляд пронзительный. Но больше всего привлекало внимание тело Силы старика. Достаточно основательное, чтобы Володя напрягся.

– Георгий Иваныч? Что ж вы спать не даете?

– Даю, – ответил старик. – Если б не давал, пришел бы вас будить, молодой человек, как встал. А встаю я часиков в пять.

Володя прикинул, что сделал бы с Георгием Ивановичем, если б тот постучал в окно в пять утра. Прибил бы незнакомого мага без разговоров.

– А я ведь к вам, молодой человек, – сообщил старик.

Его выканье резало по ушам. В этой манере человека, который был втрое старше, безжалостно и нахально барабанил в чужое окно и выглядел как бродяга, крылось что-то противоестественное.

– Чего надо? – грубо спросил Володя.

– Поговорить, – благожелательно ответил старик. – Отойдем, чтоб нам не мешали?

– Сейчас, – кивнул Володя и вернулся в дом.

Надел куртку, застегнулся. Напоследок поглядел на топор, что оставил у стены. Подумал: братъ – не братъ? И решил прихватить.

– Ща вернусь, – крикнул он Оле и вышел за дверь.

Старик ждал на крылечке. С видом человека, постигшего мировую гармонию, смолил вонючую самокрутку. Такая выбивалась бы из времени даже в еще большей глуши. Уж если не сигареты, так папиросы дешевые купить можно где угодно. Зачем крутить козьи ноги при наличии «Беломора» за десять рублей в ближайшем ларьке?

На Володю Георгий Иванович посмотрел с некоторым интересом.

– А топор зачем?

– В основном чтоб дрова колоть, – огрызнулся Володя.

– Ну, пошли дрова колоть, – сказал старик и поплелся за дом, в дальний конец участка, где под куском заснеженного рубероида возвышалась поленница.

В отличие от Володи он знал владения Потапкиных. И Володю это немало злило.

Добравшись до дров, Георгий Иванович лихо выдернул полено и сунул Володе. Сам привалился к поленнице и снова запыхтел самокруткой.

Злость усилилась, и Володя со всей дури вмазал топором по полену. Основательный чурбак разлетелся на две части.

– Лихо, – сказал Георгий Иванович. – Что еще у вас так лихо выходит, молодой маг?

Володя вздрогнул и чуть не выронил подобранные чурки. Пристально посмотрел на Георгия Ивановича. Какое-то время они с серьезными лицами изучали друг друга, словно пытались заглянуть в чужую душу.

– Ждали они тебя, – как ни в чем не бывало сообщил Георгий Иванович, переходя на «ты». – Очень ждали, волновались.

– Откуда знаете?

– Я вот тоже волнуюсь, – пропустил вопрос мимо ушей старик. – Как бы не было чего.

– Откуда знаете, что я маг? – настойчиво повторил Володя. – Ольга рассказала?

– Тю на тебя, – отмахнулся Георгий Иванович. – Станет она мне такие вещи говорить. Она ж не дура. Да и любит тебя.

– Тогда откуда?

– Знаю, – отрезал старик. – Знаю, и все. И еще я знаю, что тяжесть у тебя на душе. Привез ты ее с собой, но вывалить пока не решился. Или ты думаешь, что своим амулетом от всего мира закрылся?

«Нашли, – панически пронеслось в голове. – Хотя нет. К чему тогда «тяжесть»? Он что, понял, что я про Ольгиных родителей умолчал? Еще один провидец? Ничего себе, повезло».

– Чувствую я твой амулет, – развеял страх Володи Георгий Иванович. – Чутье у меня на такие штуки, и на прочие тоже. Необыкновенное.

– Давно?

– Лет семьдесят уж скоро, – улыбнулся старик. – Да ты не трясись. Если подумать, это еще неизвестно, кому из нас опасаться стоит. Вот ты тело Силы амулетом скрыл, я это вижу. А для чего? Ведь не просто так? Значит, что-то у тебя на уме имеется.

Володя отвернулся, взялся за топор и расколотил половинки полена еще на несколько частей каждую. Собрал разлетевшиеся куски. Когда вернулся к поленнице, Георгий Иванович уже стоял с новым поленом наготове.

– Что вам от меня надо?

– От тебя ничего, – старик качнул поленом.

Володя нехотя принял дровину и снова замахал топором.

– Мне покой нужен, – тихо произнес Георгий Иванович. – У нас здесь все тихо-мирно. Таких, как мы, немного, но живем дружно. Источник имеется.

– Один на все село? – удивился Володя.

– Тю, – махнул рукой Георгий Иванович. – На все село! На весь Ермаковский район. А село у нас пуп мира – административный центр. В районе представители пяти сфер живут. Маги есть. Не такие, как ты. Средненькие. Мы как бы орден, а я как бы голова. Но все покойно. А чего у вас там, в Москве, происходит, я знаю. Да даже не в Москве, в том же Красноярске. Жить страшно. Потому и поговорить пришел. Покой мне нужен.

Володя вогнал топор в колоду и повернулся к Георгию Ивановичу:

– И что предлагаете?

– А что мне предложить? Живи себе. На источник настраивайся, пользуйся на здоровье. Мы тебя примем. Я не против. Но только прошу тебя, чтоб без ваших столичных штучек.

– Я не маг, – покачал головой Володя. – Завязал я с этим делом.

Георгий Иванович поглядел со светлой тоской во взгляде. Сказал трезво:

– Завязавших магов не бывает. Это с водкой завязать можно. С бабой. А с магией не завязывают. Кто магом родился, тот им и помрет. Так что ты мне просто обещай, что проблем с тобой не будет и что никакой гнусности ты не сделаешь. А о том, как тяжесть твою до женщин донести, мы вместе подумаем. Я такие отвары знаю, что любую тоску помогут одолеть, любое горе пережить.

– Хорошо, обе... – начал было Володя, но в глазах поплыло и он увидел вдруг темное помещение.

...Оно, казалось, находилось вне пространства и времени. Несколько свечей выхватывали из темноты кусок пола. Стены и потолок, если и были здесь, тонули во мраке. Казалось, что кроме этого светлого пятна, свечей и двух человек в круге света в этом мире больше ничего не существует.

Свечи стояли по периметру круга, внутри которого был выведен безумный, как полотна Дали, и четкий, как математическая формула, рисунок.

Один из двоих стоял за кругом. Второй человек сидел посреди магического узора с мелком в пальцах. Разглядеть их лица было невозможно. Взгляд словно соскальзывал с них. Так бывает во сне.

Тот, кто был в круге, сделал шаг за пределы рисунка и отбросил остаток мелка. Мелок мелькнул, исчезая в темноте. В стороне легонько стукнуло об пол и покатилося.

Рисовавший устало опустился на колени. Еще раз окинул взглядом плоды своих трудов.

– Чего ждешь? – спросил сверху простуженный голос со знакомыми нотками.

Рисовавший поднял взгляд. Перед ним стоял знакомый человек в пиджаке спортивного кроя. Он смотрел требовательно и ждал чего-то.

И Володя вдруг с ужасом понял, что тот, кто стоит сейчас на коленях в темноте, тот, кто создавал сложный магический рисунок – это он сам!

– Начинай! – потребовал магистр...

И видение распалось. Оно длилось не более мгновения. Но этого мгновения оказалось достаточно, чтоб оглушить Володю страшным откровением. То, что он увидел, никогда не происходило в реальности. А значит, оно произошло когда-нибудь потом.

Он затравленно огляделся. Перед ним был все тот же заснеженный двор, поленница, разлетевшиеся чурки и Георгий Иванович. Старик смотрел с грустью в глазах. Ждал ответа.

– Я... – произнес Володя осипшим вдруг голосом. – Я постараюсь...